

Д.Н. Ушаков

Русский язык

Насколько популярна эта книга ("Краткое введение в науку о языке"), можно легко убедиться, побывав в студенческой или учительской среде. От студентов вы услышите, что они стремятся "сдавать" языковедение именно "по Ушакову", а учителя вам скажут, что осуществлять новую программу по русскому языку им очень помогает книга Д.Н. Ушакова. Это талант автора — кратко и просто рассказать о подчас совсем не простых вещах.

М.Н. Петерсон

"Толковый словарь русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова ознаменовал собой новую эпоху в истории русской лексикографии. Это был первый толковый словарь современного литературного языка, сознательно ставящий задачу нормализации языка, носящий нормативный характер.

Р.И. Аванесов

Д.Н. Ушаков

Русский язык

Д о п у щ е н о
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов
педагогических университетов и институтов
по специальности
«Русский язык и литература»

NAMANGAN DAVLAT
UNIVERSITETI
Axborot-resurs markazi

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
АО «УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1995

1096
ИЛМИИ КУТУБХОНАЕИ.

УДК 808.2
ББК 81.2Р
У93

Рецензенты:

кафедра русского языка МПГУ им. В. И. Ленина,
доктор филологических наук профессор Е. А. Земская

Вступительная статья, подготовка текста, составление
М. В. Панова

Ушаков Д. Н.

У93 Русский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ун-тов
и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение:
АО «Учебная литература», 1995.—320 с.— ISBN 5-09-003448-6.

Впервые собранные вместе работы замечательного отечественного языковеда Д. Н. Ушакова, посвященные языкознанию, современному русскому языку, его нормам, методике преподавания, дополняют и расширяют сведения по основным программным курсам русского языка. Помимо студентов-словесников представленные в пособии работы, актуально звучащие и в наши дни, будут полезны всем тем, кто интересуется русским языком, его законами жизни.

У $\frac{4309000000-550}{103(03)-95}$ без объявления

ББК 81.2Р

ISBN 5-09-003448-6

© Издательство «Просвещение», 1995

От составителя

Мальчик или девочка приходят в школу. И на протяжении всех школьных лет им нужен «Орфографический словарь», адресованный именно учащимся. Такой словарь впервые был издан в 1934 г. и имел на титуле указание «Для начальной и средней школы». Его создал Д. Н. Ушаков. Создал? Не слишком ли торжественное слово, уместно ли оно здесь? Уместно: Д. Н. Ушаков вложил в словарь большой, вдумчивый труд. Он советовался с учителями, каким должен быть этот словарь, какие слова отобрать для него; он опирался на собственный опыт учителя.

В школе ученик вступает в мир культурной речи. В 20-е и 30-е годы она была в опасности: насаждалось мнение, что новому обществу не нужны ее «буржуазно-дворянские» нормы. А Д. Н. Ушаков вместе со своими единомышленниками деятельно отстаивал эти нормы, пропагандировал их. Отстоял! Школа пошла за Д. Н. Ушаковым, а не за противниками культурной традиции в языке.

Д. Н. Ушаков первый стал говорить о необходимости в школьном преподавании последовательно опираться на основы лингвистики — и сам показал в своих учебниках, как это надо делать. Потом его завет, к сожалению, был во многом забыт, но все же осталось до наших дней стремление не слишком противоречить в школьном преподавании лингвистической науке... И сейчас учебники русского языка знакомят школьника — плохо или хорошо — с некоторыми положениями лингвистики. И за это спасибо зачинателю — Д. Н. Ушакову.

Становится ученик старше — у него появляется возможность познакомиться с прекрасным четырехтомным «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Правда, только в том случае, если ему повезет: словарь был издан в 1934—1940 гг., а переиздавался всего один раз в 1947—1948 гг. Найти словарь можно не во всякой библиотеке.

Если ученик, продолжая образование, решает стать филологом (учителем, журналистом, библиотекарем, работником издательства, писателем, деятелем просвещения в широком смысле слова), ему будут нужны научные работы Д. Н. Ушакова по русскому языку.

Так весь путь приобщения к словесной культуре у нашего современника связан с именем и трудами Д. Н. Ушакова.

Крайне необходимы ему научные работы Ушакова! Но где же

он их возьмет? Они не переиздавались много десятков лет. Даже в крупных наших книгохранилищах их зачастую нет.

Впервые после долгого перерыва труды Д. Н. Ушакова собраны в этой книге. Она состоит из таких частей:

1. **Общее языковедение.** Здесь — одна работа: «Краткое введение в науку о языке». Она построена на материале многих языков, но главный ее герой — русский язык. В тех случаях, когда рассматриваются иноязычные факты, они сопоставлены с фактами русского языка. Поэтому данная работа вполне здесь уместна.

2. **Современный русский язык. Орфоэпия.** Эту область научного исследования русского языка Д. Н. Ушаков особенно ценил и любил. Раздел включает все ставшие классическими работы ученого по орфоэпии.

3. **Современный русский язык. Грамматика.** Грамматическая теория была предметом самых острых дискуссий в девятисотых — двадцатых годах. И одно из центральных мест в обсуждениях и спорах занимали работы Ушакова. Им и посвящена эта часть книги.

4. **История русского языка.** Здесь читатель найдет работу ученого, в которой дается сжатая, но глубоко содержательная картина развития русской культурной речи, ее исторических основ.

5. **Отклики.** В этой части собраны заметки, рецензии, выступления ученого.

6. **Из истории науки.** Этот раздел раскрывает, как многообразно был включен Д. Н. Ушаков в жизнь филологической науки, как широка была его деятельность в качестве вдохновителя, организатора, руководителя, активного участника многих исследовательских поисков. Достоинно венчает раздел героическое «Письмо И. В. Сталину».

В настоящее издание не входит известное исследование Д. Н. Ушакова «Русское правописание» (1-е изд.—1911 г., 2-е —1917). Эта работа посвящена сопоставлению традиционной орфографии, существовавшей до реформы 1917 г., и той, которую предложила в 1911 г. академическая комиссия, работавшая под руководством Ф. Ф. Фортунатова (эта орфография, с некоторыми изменениями, была введена в 1917 г. циркуляром министра народного просвещения Временного правительства А. А. Мануйлова, а затем (в 1918 г.) закреплена приказом наркома народного просвещения А. В. Луначарского). Современный читатель в массе своей не знает старой русской орфографии, ему неизвестен и проект 1911 г.— в ряде написаний он не совпадает с современной письменной нормой. Читателю придется сравнивать одно неизвестное с другим неизвестным. Большинству читателей такое сравнение крайне сложно, а также в настоящее время не является актуальным, первостепенно важным.

В эту книгу не вошли учебники для школы, написанные

Д. Н. Ушаковым (индивидуально или в соавторстве), составленные им школьные программы, а также статьи, имеющие методико-педагогическое значение, переиздаваемые ныне в книгах «Хрестоматии по методике русского языка», которые выходят большими тиражами и доступны всем учителям, методистам, студентам.

В данном издании унифицированы способы выделения заголовков и подзаголовков, цитируемых текстов, примеров, ключевых слов. При этом сохраняются все авторские принципы разграничения таких выделений.

Библиография трудов Д. Н. Ушакова (близкая к полной, но все же не полная) содержится в изданиях:

Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию. 1917—1957. (Библиографический указатель) / Под ред. С. Б. Бернштейна и Э. А. Нерсесовой.— М., 1960.

Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию. 1958—1967. (Библиографический указатель) / Под ред. С. Б. Бернштейна и Э. А. Нерсесовой.— М., 1968.— Т. II.

Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию. 1968—1975. (Библиографический указатель) / Под ред. С. Б. Бернштейна и Э. А. Нерсесовой.— М., 1979.— Т. III.

За большую помощь в подготовке этой книги приношу благодарность Наталии Дмитриевне Архангельской-Ушаковой.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Дмитрий Николаевич Ушаков родился 12 (по новому стилю — 24) января 1873 г. в Москве; отец его был глазной врач, доктор медицины, мать — дочь священника, посвятила себя семье. Отец умер, когда мальчику было два года, и он рос в доме деда с материнской стороны — священника.

Он окончил 5-ю московскую гимназию, затем поступил в Московский университет, на историко-филологический факультет. Огромное влияние на научные взгляды Д. Н. Ушакова оказал Ф. Ф. Фортунатов, профессор университета, основатель Московской лингвистической школы. Новаторские, необычные для своего времени языковедческие идеи Ф. Ф. Фортунатова оказались близки Д. Н. Ушакову и во многом определяли его деятельность в науке.

Ф. Ф. Фортунатов дал Д. Н. Ушакову тему для кандидатского сочинения «Склонение у Гомера». Работа была высоко оценена Фортунатовым, и он рекомендовал оставить Ушакова после окончания университета для подготовки к профессоруре по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка.

Но жизненные обстоятельства заставили молодого кандидата наук отложить научные занятия. Окончив университет (в 1895 г.), он много занимается преподаванием в средней школе. Но и наука не была совсем заброшена: он увлекается этнографией и в 1894—1904 гг. публикует в научных журналах ряд этнографических статей о поверьях и обычаях русских крестьян.

Только в 1900—1901 гг. Ушаков в Московском университете сдал магистерские экзамены и прочел две пробные лекции: первая — на тему «Главные направления в изучении русского народного эпоса», вторая — на тему «Московский говор как основа русского литературного языка».

В 1907 г. он начал чтение лекций в должности приват-доцента.

Д. Н. Ушаков был связан с Московским университетом в течение 35 лет — до конца жизни. Он преподавал на многих московских курсах, в нескольких высших учебных заведениях, как до, так и после революции, всегда вызывая восторженную благодарность слушателей. Но постоянной его любовью был все-таки Московский университет.

Несколько молодых ученых, последователей Ф. Ф. Фортунатова, пропагандировали идеи учителя, развивали их, обогащали, из-

меняли их, оставаясь верными их главному смыслу. Они составили Московскую лингвистическую школу — особое направление в науке о языке. Это направление известно также как «формальная» школа, фортунатовская, или функциональная (Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, А. И. Томсон, В. Н. Шепкин, В. К. Поржезинский). «Формальной» ее называли потому, что в основе грамматического учения Фортунатова лежало понятие грамматической формы (которое, однако, вовсе не было противопоставлено понятию содержания; см. об этом дальше).

Одним из самых деятельных участников этой школы был Д. Н. Ушаков. В своих книгах «Краткое введение в науку о языке», «Русский язык» и других он выступал как последовательный фортунатовец. Он защищал эти идеи в сложной и напряженной обстановке 20—30-х годов, когда самое название «формальная школа в лингвистике» было превращено в осудительную кличку, в порочащее клеймо.

Официальную, т. е. вульгарно-социологическую, филологию (или, вернее, «филологию») возмущало, что Московская школа не допускала политиканства, демагогии с понятием «классовости языка», не принимала провокационную идею о классовой борьбе в лингвистике. Сама суть теории, защищаемая этой школой, была непонятна сторонникам вульгарной социологии. И даже название «формальная школа», которое взяли себе сами фортунатовцы, стало предметом ненависти. Взгляды сторонников и последователей Ф. Ф. Фортунатова, в числе которых были Д. Н. Ушаков и другие языковеды, получили ярлык «буржуазной контрабанды в языкознании».

Д. Н. Ушаков продолжал напряженно работать, не отказываясь от своих взглядов; он с достоинством их защищал.

В действительности эта научная школа развивала взгляды, исключительно плодотворные для филологической науки и методики русского языка.

В. М. Фриче, в 20-е гг. влиятельный «управляющий филологией», обеспокоенный широким влиянием Московской лингвистической школы на учительство, на общественность, вызвал из Ленинграда Е. Д. Поливанова как контрсилу, как таран, направленный против фортунатовцев. Поливанов, коммунист, работник интернационального политфронта, казался особенно пригодным для этой роли. Но Е. Д. Поливанов свою мысль, и в самом деле мощную, направил против марристов, против вульгарной социологии в языкознании. Е. Д. Поливанов дал убийственную критику «научных» вымыслов Н. Я. Марра и его приспешников. Это определило трагическую участь Поливанова и вместе с тем на время отвело беду от Московской школы: оказалось, что погромщиков, готовых «разоблачить» фортунатовцев и громить их, среди авторитетных филологов найти не так легко (но все же, как показали последующие события, возможно).

Особенно близкими были у Д. Н. Ушакова отношения с диалектологией. С 1903 по 1931 г. он был связан с Московской диалектологической комиссией и как участник общего дела, и как ее руководитель (с 1915 г.). В 1931 г. эта комиссия была ликвидирована по инициативе Марра, а ее труды постарались опорочить — на этот раз исполнители нашлись. О диалектологических работах Д. Н. Ушакова будет рассказано дальше.

Еще в предреволюционные годы работы этого ученого были направлены не только на выяснение лингвистических истин, но и на практические дела. Д. Н. Ушаков, долгое время преподававший в школе, близко к сердцу принимал ее нужды и потребности.

Особенно тесной стала связь Ушакова со средней школой в первые послереволюционные годы. Он участвовал в десятках дел, которые кипели в области образования в революционной России. Он со своими соратниками собрался — ни много ни мало — преодолеть схоластику в преподавании русского языка в школе, внести в обучение науку о языке — ту науку, фортуноватовскую, которую он считал (и не без основания) благотворной для умственного развития учеников, для культурного роста молодого поколения России.

К сожалению, эта деятельность захлебнулась в 30-е гг., когда школа оказывалась и растеряла то, что было накоплено в предыдущие, героические годы (героическим периодом в развитии школы назвал это время сам Д. Н. Ушаков).

Последние годы своей деятельности Ушаков отдал «Толковому словарю русского языка». В кратчайший срок усилиями энтузиастов-ученых, которыми руководил Д. Н. Ушаков, был создан прекрасный памятник русскому языку XX в. и вместе с тем памятник подвижнической деятельности советских филологов новой эпохи.

Д. Н. Ушаков был учителем ученых. Он взрастил плеяду лингвистов — замечательных исследователей и педагогов. Вот их имена: Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Г. О. Винокур, С. С. Высотский, И. Г. Голанов, А. М. Земский, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапиро, Р. О. Якобсон...

В 1941 г. Д. Н. Ушаков был в кругу своей широкой, многогранной, оживленной деятельности. Началась война, Д. Н. Ушаков был эвакуирован в Ташкент. Здесь он заболел; 20 апреля 1942 года было последним днем его жизни.

Когда говоришь о Д. Н. Ушакове, то часто бывают необходимы слова «Москва», «московский»...

Родился в Москве, в московской интеллигентной семье... Московская гимназия... Московский университет... Учительство в шко-

лах Москвы... Московская диалектологическая комиссия... Московская лингвистическая школа... Все книги Д. Н. Ушакова первыми изданиями выходили в Москве... Преподавание во многих вузах Москвы... Связи с московским учительством...

«Отчетливо слышу его голос: «Я очень редко покидаю Москву, и то лишь на короткий срок; в других городах мне как-то не по себе». — так вспоминает об Ушакове С. Б. Бернштейн.

Легко прийти к выводу, что Д. Н. Ушаков был деятелем «областного» масштаба, что его деятельность замкнулась в границах столичного города. И это было бы уже значительно — деятельность в пределах огромной Москвы, на пользу роста ее культурного достоинства.

Но по широте своей деятельности, по значительности ее, по принципиальному научному влиянию своих трудов на культурную жизнь Д. Н. Ушаков был деятелем русской, и общесоюзной, и мировой культуры. Да, и мировой! Это станет ясно, если мы хотя бы бегло вспомним результаты его работ, их историческую роль.

Он поддерживает и развивает идеи фортунаатовской грамматики — подлинно новаторские, которые и сейчас для нас, для нашей лингвистической науки, во многом не «позади», а «впереди», — об этом у нас еще будет речь.

Д. Н. Ушаков создает позиционно-ориентированную классификацию говоров, и его путь продолжают создатели диалектных атласов и для русского языка, и для других восточнославянских.

Он дарит народу словарь нового типа, который влияет на создание многих других национальных словарей, его фототипически переиздают в других странах Европы, им пользуются русисты всего мира...

Так можно перебрать все области науки, в которых работал Д. Н. Ушаков, и убедиться: необычайно широк был его научный поиск. И был он исторически исключительно плодотворен.

* *
*

Все в деятельности Д. Н. Ушакова кажется проникнутым духом спокойной уверенности, доброжелательного и ровного внимания и к единомышленникам, и к оппонентам, гармоническим сознанием достоинства науки и значительности собственного вклада в нее. Все — покой и постоянная сила духа. Но, вглядываясь внимательнее в его научную биографию, с удивлением замечаешь, что он был все время в центре напряженной и часто жестокой борьбы. Покой духа был, но он существовал вопреки трудным внешним обстоятельствам, он отстаивал себя в непрестанной борьбе.

Жестоким был многократный натиск антикультуры, которой Д. Н. Ушаков мешал. Раздражали именно чувство достоинства у

Д. Н. Ушакова и его нежелание (невозможность для него) подыгрывать силам бескультурия. Иногда эти силы «в сложных общественных условиях» (используем заезженный публицистический штамп) временно побеждали, нанося ущерб науке, просвещению, Ушакову. Но победы были мнимые: интеллектуальная победа была за Д. Н. Ушаковым.

Можно разгромить Московскую диалектологическую комиссию, но развитие диалектологии показывает, что именно ее методы и приемы работы наиболее плодотворны.

Можно отвергнуть всю новаторскую работу, которая велась в школах страны в 20-е гг., но преподавание русского языка в результате этого стало хиреть, дошло до сегодняшнего незавидного уровня, и выход все-таки видится ушаковский: вместо схоластики ученику нужна настоящая наука о языке.

Можно опорочить грамматическую теорию «формальной» школы, но решения, которые она предлагала, во многом остаются перспективными и сейчас...

Перейдем к более детальному рассмотрению разных сторон работы Д. Н. Ушакова.

* *
*

Деятельность Д. Н. Ушакова была на редкость разносторонней: его работы посвящены диалектологии, лексикографии, теоретической грамматике, педагогике, описательной фонетике, стилистике, истории русского языка... Но особенной его любимицей была орфоэпия. Здесь соединились и теоретические интересы Д. Н. Ушакова, и его эстетические пристрастия, и блестящая его педагогическая практика.

Красота московской речи признана не только теми, кто ею владеет. Еще М. В. Ломоносов (который сам, несомненно, посевернорусски окал) в своей «Российской грамматике» писал (1755): «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается»¹.

Речь самого Д. Н. Ушакова воспринималась его современниками как эстетическая ценность. А. А. Реформатский говорил: «Он был ученым, но он одновременно был и художником. Каждый его научный труд — это до некоторой степени художественное произведение... Он был и актером, декламатором, во всяком случае большим мастером устного живого слова»².

О речи Ушакова Р. И. Аванесов писал: «Сам Дмитрий Николаевич был носителем исключительного по красоте и совершен-

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.— Т. 7: Труды по филологии.— М.; Л., 1952.— С. 430.

² Стенограмма заседания на филологическом факультете МГУ 23.7.1942 в память о Д. Н. Ушакове. В дальнейшем в тексте указывается: Стенограмма.— Страница.

ству русского литературного произношения и обладал безошибочным языковым чутьем. Слушать его было эстетическим наслаждением. Естественно, что именно Д. Н. Ушаков был постоянным консультантом по вопросам орфоэпии во Всероссийском театральном обществе, Радиокomitee... Сохранилась пластинка с записью лекции Дмитрия Николаевича о русском произношении и чтения им же рассказа А. П. Чехова «Дачники». Слушание этой пластинки доставило бы огромное удовольствие всем любителям и ценителям русской речи. Интересно наблюдать не только его несравненное произношение, всеми признанное. Интересна также предложенная им фразировка, которая свидетельствует о незаурядном даровании чтеца-исполнителя»¹.

Орфоэпическое («московское») произношение было дорого Д. Н. Ушакову как явление культуры, как материально-очевидное выражение духовной близости людей.

* *
*

В эпоху, когда колебались многие основы культуры, Д. Н. Ушаков хотел спасти одну из ее опор — русскую орфоэпическую традицию.

Свои выступления в защиту орфоэпии Д. Н. Ушаков называл «походами»: «Мне вспоминаются два моих орфоэпических похода. А то, что сейчас предпринимается,— это уже третий поход»²,— писал Ушаков в 1940 г. Почему так воинственно? Потому что действительно в этом деле надо было проявить мужество, чувство независимости и сознание своей личной ответственности за культуру.

В 20-е и 30-е годы получил большое распространение вульгарный социологизм во всех гуманитарных науках. Все было пропитано запахом примитивно-извращенного «классового» подхода. Пушкин был идеологом среднепоместного дворянства, Гоголь — мелкопоместного. Языковеды тоже были оклеены ярлыками.

Естественно, традиционная орфоэпия («дореволюционная») тоже получила свой ярлык: это было произношение буржуазно-дворянской интеллигенции. Порицать его считалось очень революционным. (А защитник этого произношения Д. Н. Ушаков сразу становился подозрительным лицом.)

Уже то, что орфоэпическое произношение принадлежало интеллигенции, звучало как осуждение. «Слово *интеллигент* звучит у нас как *провокагор*»,— писал тогда известный партийный публицист Л. С. Сосновский. Итак, в защите произносительной традиции видели вредную идеологическую подоплеку.

Другим препятствием на пути орфоэпии было равнодушие, безразличие неведения. Люди, в чьих руках была культура, просто

¹ См.: Вопросы культуры речи.— М., 1964.— Вып. 5.— С. 17.

² Русская речь.— М., 1973.— № 3.

не представляли, что можно говорить орфоэпически правильно и неправильно. Они научились пользоваться носовым платком, могли прочесть газету, но до орфоэпии у них дело не дошло. Для них орфоэпия была простая блажь. Наполеон I, который, чтобы выступать публично, брал уроки у Тальма, был для них неподходящая фигура. Их негативное отношение к культуре произношения оказалось долговечным. Совсем недавно руководители радио отдали команду: нечего всякие выдумки выдумывать, по радио надо говорить, как все! Можно себе представить, какая стена в 20-е годы встала перед Д. Н. Ушаковым...

Как же Д. Н. Ушаков совершал свои походы за орфоэпию? Он поступал так, как ему подсказывало его чувство достоинства и ответственности за судьбу речевой культуры. В прямые споры с социологической вульгарностью он не вступал. Он читал доклады, лекции, выступал перед учителями, писал статьи, беседовал, объяснял, убеждал своим собственным произношением. Он сам любил правильную орфоэпическую речь, он наслаждался ее красотой и поэтому мог увлечь учителей, артистов, студентов...

А. А. Реформатский зорко увидел одну важную черту Д. Н. Ушакова: у него и в статьях, и во всей его деятельности «ясно выражены и подлинный, интимный интерес к теме, и его убежденность, и его «веротерпимость» в отношении «инакомыслящих»¹. Это относится и к орфоэпическим его походам.

Для Д. Н. Ушакова орфоэпия была важным проявлением культуры, а культура не насаждается путем нажима. Нажим, как правило, выгоден антикультуре. Поэтому «оппортунизм» Д. Н. Ушакова в орфоэпических рекомендациях нам кажется плодотворным.

Д. Н. Ушаков в самом начале своей работы в науке открыл (вместе с Н. Н. Дурново), что в московском произношении появился новый тип редукции гласных — *йканье*. Открытие было до того неожиданным, что Ф. Е. Корш, сам блестящий фонетист, сперва не поверил молодым ученым и лишь потом нехотя согласился с ними. Д. Н. Ушаков обладал искусством схватывать то, что в языке возникало как новшество. В отношении *йканья* дело было легкое: Ушаков нашел и узаконил то, что было свойственно его собственному произношению. Но он был готов и на орфоэпическую самоотверженность (сознаемся, что немногие на нее способны). Он признавал законность и перспективность новшеств, которые противоречили его собственному речевому опыту. С. Б. Бернштейн вспоминает: «Уже в конце 20-х годов Д. Н. Ушаков не требовал от нас произношения *жыльеть, шыги, высокѣй, тихѣй*, был снисходительным к произношению твердого *р* в словах *кормить, корни, первенец* и мн. др.» (81). В этом признании нового Д. Н. Ушаков считал необходимым руководствоваться не зыбкими «нравится» — «не нравится», а только реальными тенденциями

¹ Вопросы культуры речи.— М., 1964.— Вып. 5.— С. 7.

развития языка. Он хотел узаконить в произношении те новшества, «которые могли бы считаться продуктом прогрессивного процесса в языке и имели бы право претендовать на место в языке общерусском»¹.

Еще один штрих. Л. В. Щерба считал, что иканье не сможет одолеть экающую произносительную норму, что эканье занимает в произношении наиболее прочное положение. И в качестве довода прибавлял: если бы победило иканье, то это было бы изменение в языке, лишенное всякой идеологии, поэтому оно невозможно! Как видно, Л. В. Щерба поверил (или сделал вид, что поверил), будто в языке, даже в фонетике, все пропитано идеологией. Нельзя себе представить, чтобы Д. Н. Ушаков аргументировал таким образом. Ни разу он не пытался «подкрепить» свои доводы идеологической аргументацией — это противоречило самому духу его деятельности, его жизни!

* *
*

«Принято считать,— говорил М. Н. Петерсон,— что общее языковедение не было специальностью Дмитрия Николаевича. Это не совсем правильно, ибо вся деятельность Дмитрия Николаевича была посвящена общему языковедению, только проблемы общего языковедения решались им на русском материале»². Особенно верно это по отношению к грамматическим работам. Д. Н. Ушаков выступил как горячий, энергичный, неустанный распространитель, поборник, защитник, истолкователь и — это важно — усовершенствователь учения о грамматической форме Ф. Ф. Фортунатова. В чем же суть этого учения?

...М. В. Ломоносов писал: «Взирая на видимый сей свет, двоякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем вещи, второго рода суть оных вещей разные деяния. <...> Изображения словесные вещей называются имена, например: небо, ветер, очи; изображения деяний — глаголы, например: синее, веет, глядят»³. И далее: «Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния. Того ради между речениями, речь составляющими, первое место иметь должно имя, вещь знаменующее, потом глагол, изъявляющий оное вещи деяние. Например: *земля тучнеет*»⁴. Язык рассматривается как прямая копия действительности. Это мнение пережило и XVIII, и XIX в. и продолжает, сильно затвердев, свое существование в наши дни.

Иной взгляд можно сформулировать так: язык имеет право выбора, и «самое нужное» в грамматической системе одного языка

¹ Ушаков Д. Н. К вопросу о правильном произношении // Вопросы культуры речи.— М., 1964.— Вып. 5.— С. 5.

² Стенограмма.— С. 66.

³ Ломоносов М. В. Поли. собр. соч.— Т. 7.— М.; Л., 1952.— С. 418.

⁴ Там же.

в грамматической системе другого языка может отсутствовать. Какие значения воплощены грамматикой данного языка, можно судить только по самому языку,— эта мысль была на пороге сознания некоторых лингвистов, но ясного и категорического ее признания не было.

Ф. Ф. Фортунатов пошел на разрыв с традиционным мнением. Каждый язык сам себя строит. Это и легло в основу деятельности Московской (фортунатовской) лингвистической школы: изучать язык в его внутренней сути, не пытаясь эту суть растворить в сопредельных науках или извлечь эту суть из внеязыковых областей. Контакты с другими науками желательны, но не с целью подгонки языка к другим социальным или природным явлениям.

Что же характеризует язык как его основная черта и отделяет от сущностей иного рода? К общей мысли (или к близким мыслям) об этой сути одновременно подошли три великих ученых конца XIX — начала XX в.: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Ф. Ф. Фортунатов.

Это мысль о системе.

Выражение: «язык — это система» — стало общеупотребительным, затрепанным и семантически большей частью опустошенным. Под системой понимают просто упорядоченность. «Нет безобразья в языке! Полный порядочек!» — вот вам и весь смысл понятия «система» в общем употреблении. Один из лингвистов приводил такой пример «системы» (чтобы потом применить его к языку): парты свалены в углу комнаты — системы нет; расставлены рядами — есть система.

У Соссюра (так же как у Бодуэна де Куртенэ и Фортунатова) это понятие было глубоко содержательно. Система — это осуществление принципа: единица *A* существует только потому, что существует единица *B*, и одновременно: единица *B* существует только потому, что существует единица *A*. Полностью система грамматика. У существительных формы множественного числа возможны лишь в том случае, если есть формы единственного числа. И, в свою очередь, формы единственного числа предполагают существование форм множественного; в противном случае существительное просто не изменяется по числам. Грамматическое значение времени осуществляется только в том случае, если формам прошедшего времени противопоставлены формы настоящего. Грамматическое значение — это всегда отношение грамматических фактов. В лексике значение одного слова «окружено», поддержано и семантически определено значениями других слов. В фонетике сущность каждой единицы охарактеризована тем, с какими другими единицами она связана в той же позиции и с какими сопоставлена (путем позиционного чередования) в других позициях...

Система — весь язык целиком. Это его специфическая черта. Она настолько специфична именно для языка, что в других областях реальности ей нельзя найти прямого аналога. (Параллель

с родственными отношениями — «без племянника человек не дядя» — годится в качестве учебного наглядного пособия, но по существу ложна: родственные связи имеют безусловный биологический характер, а языковые связи условны.)

Двигаясь далее в глубь специфики языка, мы обнаруживаем, что он — позиционная система. Но в трудах Фортунатова позиционный характер всех отношений в языке представлен в скрытой форме. Полностью эта характерность языка была развернута у преемников Ф. Ф. Фортунатова.

Итак, язык — это совокупность отношений; именно этой идеей проникнуто все учение Ф. Ф. Фортунатова о языке. Эта же идея формирует его теорию грамматической формы. Прежде всего надо сказать о термине «форма» в употреблении Фортунатова. Расхожее понимание этого слова: форма — нечто внешнее, то, что служит «оболочкой», «оберткой» для содержания. При этом можно многократно повторять, что форма существенна (имеется в виду, во вторую очередь, после содержания), что всякое содержание оформлено (имеет свою оболочку), но все равно она остается чем-то добавочно-второстепенным. Ф. Ф. Фортунатов в своем употреблении слова «форма» исходит из традиции классической философии XIX в. (известно, что он серьезно изучал классиков немецкой философской мысли). Форма — это принцип организации. Это то, что определяет строение объекта исследования, это конструктивное выявление его сущности. Именно таким конструктивным выявлением грамматических сущностей и является у Фортунатова грамматическая форма.

В простейшей формулировке: грамматическая форма — это связь определенного грамматического значения с его особым («отдельным») выражением.

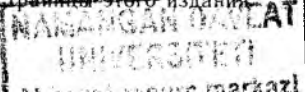
Сама действительность не подскажет, что должно быть выражено в грамматической системе данного языка. «...Каждый язык должен быть изучаем в нем самом...»¹.

Теперь более детальное рассмотрение этого понятия в формулировках самого Ф. Ф. Фортунатова. Обратимся к его разъяснениям.

1. «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» (136). Основная принадлежность в слове — это его основа; формальная принадлежность — аффикс. Речь, следовательно, идет о членении слова: в слове соотнесены лексическая и грамматическая части.

2. «Всякая форма слов, образуемая аффиксом, предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного аффикса, т. е. или с другим аффиксом, или без вся-

¹ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. — М., 1956. — Т. I. — С. 49.
Далее в тексте ссылки на страницы этого издания.

кого аффикса...» (141). Грамматическая форма требует соотносительности грамматических единиц, различающихся аффиксами.

3. «...Для того чтобы выделилась в слове для сознания говорящих известная принадлежность звуковой стороны слова в значении формальной принадлежности этого слова, требуется, чтобы та же принадлежность звуковой стороны и с тем же значением была признаваема говорящими и в других словах, т. е. в соединении с другой основой...» (137).

Следовательно, грамматическая форма требует двух рядов отношений:

нес-ёшь, нес-ёт (см. п. 2);

бер-у, бер-ёшь (см. п. 3).

В основе идеи грамматической формы, как видим, лежит идея отношения: «...Всякая форма в слове соотносительна с другой, т. е. предполагает существование другой...» (137).

Из слов Фортунатова следует, что грамматическая форма требует трех отношений: а) слово должно делиться на две части, лексическую (основа) и грамматическую (аффикс, «грамматическая принадлежность»). Это отношение — лексической и грамматической частей — возможно только потому, что существуют два других отношения; б) данное слово соотносится с другим, у которого та же основа, но другой аффикс; в) данное слово соотносится с другим, у которого тот же аффикс, но другая основа. «Та же», «тот же» — и в смысловом отношении, и в звуковом.

Не случайно в своих определениях понятия «грамматическая форма» Ф. Ф. Фортунатов не раз использует слово *отдельно*. *Отдельно* — значит в виде особого знака.

Есть или отсутствует в языке определенный знак с данным грамматическим значением — это решается языковыми отношениями. *Отдельно* — от вещественной, лексической части слова. *Отдельно* — от значений, выражаемых другими аффиксами при той же основе. *Отдельно* — в соотношении с лексической частью и с другими аффиксами при той же лексической части.

Итак, грамматическая форма — это отношение. Знаки (основы, аффиксы) понимаются не как набор кубиков, которые можно ставить рядом друг с другом, менять их комбинации, — нет, представление о грамматической форме у Фортунатова полно динамики. Грамматическая форма — скрещение лучей, или наложение друг на друга световых пятен, или пересечение плоскостей (двух рядов отношений: *вода, водный, водица, наводнение* — *вода, трава, борода, коза*).

Начал Ф. Ф. Фортунатов разъяснение понятия грамматической формы на материале аффиксов, но сейчас же распространил на все другие грамматические способы: внутреннюю флексию, повторение основ, порядок слов и т. д. Толки о том, что он ограничил грамматику одной аффиксацией, совершенно ложны.

Оценивая факты языка с этой новой и непривычной точки зрения, Ф. Ф. Фортунатов был непримиримо последователен. И это помогло ему сделать ряд открытий. Оказалось, что отсутствие знака можно рассматривать как знак, если соотношения с другими единицами этого требуют. Так были открыты нулевые морфемы, шире — нулевые грамматические единицы. Ф. Ф. Фортунатов писал: «Формальные принадлежности слов в их формах могут быть не только положительными... но и отрицательными...» (137). «...Не только присутствие известного аффикса в сочетании с основами служит для образования известной формы, но и вследствие этого и отсутствие всякого аффикса при тех же основах в других словах образует также форму слов по отношению этих к словам, заключающим те же основы в сочетании с аффиксами» (140). Из слов Фортунатова видно, что только системные отношения позволяют установить класс нулевых единиц.

Общеизвестно, что в 20—30-е годы были открыты немаркированные члены противопоставлений, они охарактеризованы в трудах Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона (Пражская лингвистическая школа), В. Н. Сидорова (Московская лингвистическая школа). Об этих единицах можно так вкратце дать представление.

Сопоставим: *парижанин, эстонец, англичанин* (названия лиц по месту жительства и по национальности, обозначает мужчин) — *парижанка, эстонка, англичанка* (тоже название лиц, но обозначает женщин). Еще сопоставление: *учитель — учительница, директор — директриса, билетер — билетерша, чертежник — чертежница, корреспондент — корреспондентка* (названия лиц по сфере занятий). Но в этом противопоставлении слово жен. рода называет женщину, а слово муж. рода не содержит указания на пол: *Пастернак — поэт, и Ахматова — поэт* (и вместе с тем *поэтесса*). Итак, существуют ряды единиц, где один член противопоставления обладает указанием на определенный признак, а другой обладает отсутствием этого указания. Это — немаркированный (неотмеченный) признак противопоставления. Такие единицы играют большую роль в языке. Досконально их стали изучать в 20—30-е годы нашего века, но впервые их заметил Ф. Ф. Фортунатов. Термина он не ввел, но последовательно отмечал немаркированные грамматические единицы при толкованиях их значения: в индоевропейском языке «основным значением формы среднего залога было значение возвратное... Форма несреднего залога, так называемого действительного, не имела этого значения и этим только отличалась от формы среднего залога». Различались формы перфекта и имперфекта, «первая обозначала данный признак в полноте его проявления во времени, а вторая не имела этого значения, т. е. обозначала тот же признак без отношения к полноте его проявления во времени». В формах имперфекта различались форма длительного вида и форма недлительного: «первая обозначала данный признак в его

длительности, а вторая — без отношения к длительности». Формы изъявительного наклонения не обозначали действие (в отличие от желательного наклонения) «как ожидаемое лишь в мысли» и потому могли обозначать его (по отношению к данному субъекту) «и как являющееся в действительности» (159—161). Последовательно устанавливаются немаркированные категории и для имен, и для глаголов.

Так богато было содержание грамматической теории Ф. Ф. Фортунатова. Более того: на основе своей теории грамматической формы он, во-первых, построил грамматическую классификацию словоформ и, во-вторых, определил, какие словоформы должны входить в пределы одного слова.

Все грамматические способы создания слов делятся на словообразовательные и словоизменятельные. Словоформы со словоизменятельными грамматическими формами можно классифицировать по тому, в какие противопоставления они входят. Получились такие группы:

1) слова, которые изменяются по падежам: *дом, вода...* (существительные);

2) слова, которые изменяются по падежам и родам: *голубой, мой, сверкающий...* (прилагательные);

3) слова, которые изменяются по родам (но не по падежам): *высок, написан, читал;*

4) слова, которые изменяются по лицам: *читаю, напишу, иди...* (глаголы);

5) неизменяемые слова: *кенгуру, всегда, смеясь, беж, когда, хотя, но...* и пр.

Положительные и спорные стороны этой классификации обнаружались в 20-е годы, когда эта классификация вошла в практику школы. Об этом расскажем дальше, когда речь у нас пойдет об Ушакове — работнике просвещения.

Если же оценивать в целом грамматическую теорию Ф. Ф. Фортунатова, то надо отметить, что с нее начинается новая эпоха в изучении грамматики, и по своему значению она конгениальна (пронизана «одним духом») с учениями Бодуэна де Куртенэ и Соссюра.

Недостатки ее обусловлены двумя причинами: Фортунатов, добиваясь особой точности в передаче мысли, часто излагал ее сложным, тяжелым языком и тем затруднял «вхождение» в нее; он часто был неудачлив в своих терминологических новациях. Термины, даже хорошо объясненные, вводили читателя в заблуждение. Так было в первую очередь с термином «форма». Привычное значение этого термина: то, что относится к внешности, в данном случае — к звуковому выражению значений. И хотя из текста работ Ф. Ф. Фортунатова стократно явствует, что он имеет в виду именно связь значения и выражения, что именно это он называет формой, все же читатель всегда готов соскользнуть на свое привычное понимание.

Другой недостаток этого термина — многозначность. Первое значение: слова «грамматическая форма» употребляют для обозначения падежных форм имен, личных форм глагола, т. е. единиц, входящих в парадигму определенного слова: *рукой* — грамматическая форма существительного *рука*. Это значение общепотребительно, оно используется и Фортунатовым.

Второе значение: грамматическая форма у Ф. Ф. Фортунатова — это членимость грамматических единиц на вещественную и грамматическую части.

Третье значение: это связь грамматического значения с грамматическим выражением, специфическое для данной единицы соотношение смысла с фонетическим сигнализатором. Ф. Ф. Фортунатов, например, пишет: «...Всякая форма в слове является общей для слов с различными основами...» — и пример такой: «...слово *несу* в русском языке включает в себе известную форму, общую ему, например, с словами *веду, беру...*» (137). Здесь формой названа флексия *-у* со значением 1-го лица.

Третье значение неразрывно связано со вторым: членимость грамматических единиц на вещественную и грамматическую части («форма» во втором значении) возможна только потому, что есть единицы, обладающие единством грамматического значения и выражения («форма» в третьем значении). Но все же это два разных аспекта единой мысли.

Такая многозначность слова «форма» (в грамматическом смысле) мешает ясности его употребления.

Общее значение теории Ф. Ф. Фортунатова удачно характеризовал Л. В. Щерба: «Историческое значение формального метода сводится к тому, что это учение подвергло критике старую грамматику и утвердило положение: не устанавливать таких смысловых категорий в языке, которые не имели бы того или иного внешнего выражения...»¹.

В чем же заслуга Д. Н. Ушакова? Во-первых, он выбрал эту вершину научной мысли, глубоко усвоил дух фортунатовской теории, понял самую сердцевинную ее суть. Во-вторых, он выступил как ее талантливый популяризатор. Фортунатов свою мысль выражает с предельной точностью, но часто сложно, громоздко, с тяжелой и неповоротливой доскональностью, считая, что читателю неплохо и потрудиться. Замечательно, что он был неутомимо точен в изложении своих теоретических взглядов — предупредил разнотолки и колебания в понимании их. Но важно принять во

¹ Щерба Л. В. Формальное направление грамматики // Родной язык в школе.— М., Л., 1923.— Кн. 1 (2).— С. 95. Так проницательно подчеркнув, что «формальная грамматика» касается именно смысловых категорий, Л. В. Щерба, однако; тут же пишет: «С научной точки зрения формальное направление не выдерживает критики, так как формы (!) могут быть вскрыты лишь при параллельном анализе их значений». То есть: хороша формальная школа — она отдала должное внимания значениям. Но плоха тем, что не отдала внимания значениям... Так термин «форма» приводил к заблуждениям.

внимание и другую сторону: необходимо было эти мысли, без потери их глубокой сути, сделать доступными широкому кругу читателей. Такое важное дело и выполнил Д. Н. Ушаков. Изящество, простота, прозрачность изложения — в данном случае это были не просто достоинства стиля. В этом была судьба теории: будет найден доступный язык для ее изложения — и она завоеует внимание учителей, студентов, широкого круга работников слова... Ушаков нашел такой язык.

Основополагающие труды Фортунатова выходили ничтожными тиражами, печатались на гектографе как лекции для студентов — слушателей Фортунатова. Общественность (филологическая) знала эти труды по изложению их в книге Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (и по немногим другим изложениям).

Наконец, в-третьих: Д. Н. Ушаков, преданно следуя путями Ф. Ф. Фортунатова, искал и свои дороги, в продолжение и развитие мыслей учителя. Остановимся на его вкладе в «формальную» грамматику.

Эволюция идей Московской лингвистической школы в самых общих чертах может быть представлена так. Труды Фортунатова и первых его учеников — этап овладения идеей системы (в ее лингвистическом значении). И это связано с требованием сосредоточиться на специфике языка, на его «особливости». Ранее язык постоянно растворяли то в логике, то в поэтике, то в психологии — но ведь особенно важно узнать его собственные черты, те, которыми он определен в его специфике. Важнейшая из этих черт — с и с т е м н о с т ь. Системность характерна и для других семиотических систем; но не от семиотики получила лингвистика идею системы, а, наоборот, одарила ею семиотику, и это понятно: язык — универсальная семиотическая система, и все остальные можно рассматривать как вырожденную ступень естественного языка; и само понятие языковой системы в них в том или ином отношении вырождено, не выступает в своей полноте¹. Эту идею Фортунатова разделяли Ушаков, Дурново, Петерсон и другие фортунатовцы.

Но подспудно готовился уже следующий шаг: понять язык как позиционную систему. Разграничить единицы, независимые от контекста, и единицы, обусловленные контекстом. Первые шаги в этом направлении замечаем уже у Фортунатова.

У Фортунатова читаем: «К формам словоизменения в сказуемом предложения принадлежат: а) формы самой сказуемости, обозначающие различия в открываемом мыслью отношении данного предмета мысли, образующего сказуемые предложений, к другим предметам мысли, образующим подлежащие к этим сказуемым (таковы в индоевропейских языках формы наклонения и времени в словах, называемых глаголами), и б) формы, образу-

¹ Это не относится к искусству. Является ли искусство семиотической системой в полном смысле слова или выходит за ее пределы — вопрос сложный, и мы его здесь, конечно, обсуждать не будем.

шие и з в е с т н о е у ж е о т н о ш е н и е д а н н о г о п р е д м е т а м ы с л и , о б р а з у ю щ е г о с к а з у е м ы е п р е д л о ж е н и й , к р а з л и ч н о г о р о д а д р у г и м п р е д м е т а м м ы с л и , о б р а з у ю щ и м п о д л е ж а щ и е к э т и м с к а з у е м ы м (т а к о в ы в и н д о е в р о п е й с к и х я з ы к а х ф о р м ы л и ц а в г л а г о л а х) . В ф о р м а х с л о в о и з м е н е н и я в о в т о р о с т е п е н н ы х ч а с т я х п р е д л о ж е н и й м о г у т р а з л и ч а т ь с я : а) ф о р м ы , о б о з н а ч а ю щ и е р а z л и ч и я в с а м ы х о т н о ш е н и я х д а н н о г о п р e d м e t a м ы с л и к д р у г и м , o t d e l ь n ы м o t n e g o , п р e d m e t a м м ы с л и , o б р а з у ю щ и м ч а с т и в д а н н ы х п р e d л o ж e н и я х , п р и ч e м э т и o t n o ш e н и я я в л я ю т с я и з в e с т н ы м и у ж e , п о з н а н н ы м и п р e ж д e (т а к о в ы ф o р м ы с к л o н e н и я с у щ e с т в и т e l ь н ы х с л o в) , и б) ф o р м ы , o б o z n a ч a ю щ и e и з в e c t н o e у ж e o t n o ш e н и e д a n n o г o п р e d m e t a м ы c л и к a c e м a c o c t o я т e l ь n o г o (т . e . к a c п р и з н a к a) к р a z л и ч н o г o p o d a c a м o c t o я т e l ь n ы м п р e d m e t a м м ы c л и , o б р а з у ю щ и м ч а с т и в д a n n ы х п р e d л o ж e н и я х (т a k o в ы в и n d o e v p o п e й c k и х я з ы к а х ф o р м ы c л o в o и з м e n e н и я в p o d e и м e n п р и л a г a т e l ь н ы х) » (1 5 5 — 1 5 6 ; в ы д e л e н o в e з д e м н o ю . — М . П .) .

Это значит: выбор лица глагола уже предопределен подлежащим: если *я* — то *иду*, если *ты* — то *идешь*, если *поезд* — то *идет*. Иное дело наклонение и время: подлежащее *ты* дает возможность выбрать *идешь* или *иди*, *идешь* или *шел*. Точно так же и род прилагательного, и падеж существительного (при сильном управлении) предопределены грамматическим контекстом. Используя более позднюю терминологию: выбор грамматической формы определен грамматической позицией. Так появилось в работе Ф. Ф. Фортунатова признание позиционных связей.

Дальнейший шаг делает Д. Н. Ушаков: «...Различия между, например, *стол*, *стола*, *столу*, *столовая* одинаковы, в связи ли или вне связи с другими словами мы их скажем; а различия между, например, *рука*, *руку*, *рукой* не имеют значения вне сочетания этих слов с другими...» Первые различия «называются формальными принадлежностями словообразования, а формы, ими образованные, — формы словообразования; вторые — формальными принадлежностями словоизменения, а формы, ими образованные, — формами словоизменения»¹.

У Фортунатова речь шла о выборе грамматических значений, о закреплённости или свободе (многовариантности) этого выбора; у Д. Н. Ушакова — о выборе форм. И высказана смелая мысль: выбор данной словообразовательной формы не зависит от грамматического контекста, а выбор словоизменительной формы существует именно для данного грамматического контекста, им обусловлен, от него зависит. Можно ли положить этот принцип в основу различения словообразования и словоизменения? Текст Д. Н. Ушакова не решает этот вопрос, но допускает возможность разработки или обоснования такого решения.

До создания позиционной грамматики путь (даже и сейчас)

¹ Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. — М., 1929. — С. 68. Далее в тексте даются ссылки на страницы этой работы.

предстоит очень неблизкий, но это — путь. Вступил на него Д. Н. Ушаков.

Во всяком случае, мысль о том, что между словообразовательными и словоизменительными формами существуют различия, связанные с их позиционным поведением, глубоко плодотворна.

Сложен вопрос о психологизме в теоретических построениях Ф. Ф. Фортунатова. В начале XX в. у многих лингвистов была тяга к психологическим истолкованиям языковых фактов. Они рассуждали о том, как воспринимается, «чувствуется» говорящими та или иная грамматическая форма, определенная грамматическая категория. Это характерно для работ и И. А. Бодуэна де Куртенэ, и Ф. Ф. Фортунатова. Хотя, казалось бы, все лингвистические устремления Фортунатова уводили его прочь от психологических соблазнов!

Дело, очевидно, в том, что Фортунатов (так же как Бодуэн де Куртенэ) потребовал строгого разграничения фактов, свойственных одной эпохе в жизни языка, и фактов предшествующих эпох. Это — живой нерв всех научных построений Фортунатова. Если нет такого разграничения, если спутаны данные прошлого и настоящего, невозможно изучать язык как системное целое.

Казалось, что надежный критерий такого различения — обращение к психологии говорящих. Если есть определенные противопоставления в сознании говорящих, значит, они живые, относятся к современному состоянию языка, не привнесены искусственно из исторического прошлого. Как орудие в борьбе за разграничение диахронии и синхронии (здесь уместно использовать термины Ф. де Соссюра, единомышленника Фортунатова и Бодуэна) сознание говорящих было «с руки» этим исследователям языка.

Но, с другой стороны, это противоречило глубокой идее Фортунатова: изучать язык в себе самом, не подменяя его специфику категориями других наук. Так, одним из постоянных стремлений Фортунатова было освободить грамматику от логицистских пут, от подгонки синтаксических понятий под понятия логики. И это Фортунатову блестяще удалось.

Грамматика рассматривалась Фортунатовым как определенное устройство, где все функционально обусловлено, где работа одной части грамматического механизма определяется работой других частей. И соображения о том, что чувствуется говорящими, как ими оценивается то или иное грамматическое явление, в такой теории — инородное тело.

И естественно, что второе поколение Московской лингвистической школы — В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, Г. О. Винокур, А. М. Сухотин, Р. И. Аванесов — отворачивается от психологизма и свои грамматические работы строит на строго системных, строго позиционных началах.

Д. Н. Ушаков первый сказал «нет» психологизму. Его словоупотребление еще во многом психологично, он пишет о «слож-

ных представлениях и чувствованиях, которые переживает говорящий» (61), но это — проявление инерции. Он заявляет прямо и ясно, что лингвистика сильна своей самодостаточностью, что она должна отличать свои категории от психологических. При анализе предложения «надо прежде всего дать себе отчет, что мы будем разбирать: возможное психологическое суждение, лежащее в основе этого предложения, или логический смысл предложения, или грамматическое его выражение» (98). «Формальная точка зрения ищет для предложения формальных, языковых признаков и требует, чтобы члены предложения определялись теми формами, в которых являются в предложении слова и их сочетания» (99).

Антипсихологизм не проведен Д. Н. Ушаковым категорически через всю систему лингвистических взглядов (это сделали А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров и другие ученики Ушакова; значительный вклад в этот теоретический акт сделал и Н. Ф. Яковлев). Но такой подход недвусмысленно заявлен У. Фортунатова этого не было.

Многие основные идеи у Д. Н. Ушакова представлены более концентрированно, с категоричностью, не допускающей кривотолков, — более прямо и настойчиво, чем в работах Фортунатова. О системности грамматики говорится так: «... Форма может существовать в слове лишь соотносительно с другими словами; ... формы слов в языке могут существовать лишь постольку, поскольку те или иные слова соотносительны между собой... И если, вследствие исторического изменения в языке, случилось бы так, что от прошлого уцелело бы одно только слово, имевшее известную форму, то для настоящего эта форма в нем не сознавалась бы, или, что то же, не существовала бы уже» (69).

Так богата содержанием книга Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке».

Книга не переиздавалась с 1929 г., но оставила по себе хорошую память. «В его курсах «Введения в языковедение» строгая научность сочеталась с простотой и живостью изложения, была насыщена яркими и интересными, доступными начинающим студентам материалами. Они приохотили многих студентов-словесников к лингвистике как науке. Недаром его университетское пособие «Краткое введение в науку о языке»... до сих пор рекомендует-ся в вузовских программах»¹.

«Мы все начинали подготовку к экзаменам по курсу введения в языковедение с изучения «Краткого введения». Я не раз слышал высокомерные отзывы об этой книге. Не могу с ними согласиться. Я убежден, что начинать знакомство с языковедением и теперь следует с «Краткого введения». У него есть достоинства, которых

¹ Аванесов Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — М., 1973. — Вып. 2. — С. 203.

нет во многих толстых и ученых руководствах, опубликованных в последние десятилетия», — писал С. Б. Бернштейн в 1973 г.¹

У книги Д. Н. Ушакова есть недостаток, который бросается в глаза: она написана слишком просто (вот, кстати, откуда «высокомерные отзывы»). Ее легко читать, легко вместе с нею думать — у читателя возникает чувство, что все, что он читает, элементарно и «само собой разумеется». Единство и целостность концепции, ее глубокие основы, принципиальное новаторство книги (она и сейчас нова и во многом идет наперекор массовой лингвистической продукции) — все это разглядеть не так легко. Прозрачность самого языка книги мешает заметить ее глубину. Но можно предположить, что новый читатель будет внимателен и вдумчив, и тогда он легко простит автору «Краткого введения» этот недостаток.

В ряду выдающихся «Введений в языковедение» И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, Е. Д. Поливанова, А. А. Реформатского книга Д. Н. Ушакова по-прежнему занимает достойное и почетное место.

* *
*

К началу XX в. русская диалектология обогатилась уже целым рядом выдающихся научных трудов. Но накопленные знания имели выборочный характер. Об одних местностях (даже в европейской части России) было собрано много материалов, другие были представлены единичными и случайными наблюдениями. Вместе с тем неравномерно были освещены в диалектологических трудах и разные стороны языка. Поэтому описания отдельных диалектов часто были несопоставимы друг с другом и не создавали возможностей для широких обобщений.

В 1911 г. по инициативе А. А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия. Председателем ее стал (опять-таки по предложению Шахматова) Ф. Е. Корш — крупнейший лингвист, полиглот, специалист по античной культуре, по тюркскому языковому миру, по древнерусскому искусству слова, по славянской поэзии, по сравнительному языкознанию, по сравнительному (славянскому, иранскому, тюркскому, античному) стиховедению. И, кроме того, в данном случае самое важное — тончайший наблюдатель живого русского языка. С самого начала работы комиссии товарищем председателя (т. е. его помощником) был избран Д. Н. Ушаков. После смерти Ф. Е. Корша в 1915 г. Д. Н. Ушаков — бессменный председатель комиссии до 1931 г., когда она по чиновничьему произволу была ликвидирована.

Что было необычно в работе комиссии? Нужна была решительность мысли, чтобы с призывом записывать диалектные данные

¹ Бернштейн С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) // Вестник Московского университета. Филология. — М., 1973. — № 1.

обратиться не к одним только ученым-специалистам, а ко всей массе сельской интеллигенции — к каждому учителю, агроному, конторскому служащему, священнику и к грамотным крестьянам! И смелость Московской диалектологической комиссии была необыкновенно щедро награждена — народом: на ее призыв откликнулось много читателей народного языка, и в том числе крестьяне.

Потом Д. Н. Ушакову это демократическое доверие к специалистам было поставлено в вину: зачем использовал невалифицированную информацию, зачем опирался на мнение людей с непроверенными анкетными данными! Но Д. Н. Ушаков был прав в своем доверии к рядовому наблюдателю диалекта. Пусть среди этих сведений окажутся и ошибочные, но при массовом притоке фактов они будут взаимно корректировать друг друга — неверные данные отсекутся.

С самого начала комиссия поставила цель: создать диалектную карту европейской части России, включающую говоры русского, белорусского и украинского языков. Размах работы был громаден. Без преданности родной речи, без самоотверженной любви к ней она была бы невозможна. (Не забудем, что для Ушакова и его сотрудников и украинский, и белорусский языки входили в круг понятия «родной язык».)

За короткое время было собрано достаточное количество материала, чтобы создать такую карту и в 1915 г. выпустить ее в свет, сопроводив очерком диалектологии — характеристиками говоров всех трех языков¹.

Но, как всегда у Д. Н. Ушакова, в этой работе была и большая теоретическая мысль, важная для изучения диалектной речи, для понимания соотношения говоров друг с другом.

Диалектология, естественно, требует карты. Если изображается единичное диалектное явление, то проводится какой-то контур, обнимающий всю площадь этого явления; вне контура — нечто иное, безразлично что, важно — не это явление. Факты изучаются как изолированные предметности — вне системного соотношения.

Но задача может быть и другая: изобразить «ковер» говоров, показать их соотношения в пространстве и в языковой их сути. То есть определить различительные признаки, на основании которых можно классифицировать говоры. Надо сами эти признаки соотнести, построить из них систему (в фортунаатовско-соссуровском смысле слова). И эта система не может не быть позиционной. Например, установлены разные диалектные системы безударного вокализма: яканье умеренное, яканье ассимилятивное, сильное, диссимилятивное (разных типов). Набор звуков во всех этих системах один и тот же. (Если есть артикуляционные раз-

¹ Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. председателя комиссии Д. Н. Ушакова. Вып. 5. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. (С приложением Очерка русской диалектологии). Составили члены Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков.— М., 1915.

личия, то на определенном уровне системной абстракции они снимаются.) Не набором единиц отличаются эти диалектные системы, а их позиционным размещением. Так проблема позиции была выдвинута самой задачей составления диалектного атласа.

В то же время эта задача связана с системным пониманием языковых сущностей: проведены границы между говорами; диалектное явление *А* (существующее по одну сторону границы) и диалектное явление *Б* (наличное по другую сторону) взаимно ограничивают и взаимно определяют друг друга. Это и есть системные отношения.

Итак, три новшества, принципиально обогащающих лингвистические знания: системное понимание диалектных отношений, а для этого — определение дифференциальных признаков, отличающих говоры, а для этого — последовательно проведенный позиционный взгляд на фонетические явления.

Уже у А. А. Потебни, в его работе «О звуковых особенностях русских наречий» (1866), было широко использовано понятие «позиции». Но мир Потебни — это мир, где все подчинено безостановочным временным изменениям. Гласные в говорах протекают сквозь сеть позиций. Слово — решето: сквозь его ячейки (позиции) струятся, изменяясь, сливаясь и разъединяясь, звуки говора. Позиция важна как средство показать непостоянство звука. А так как говоры можно представить как разные временные срезы, то оказывается, что звуки протекают сквозь время, сквозь пространство диалектов, сквозь «пространство позиций».

И. А. Бодуэн де Куртенэ — отрицание этого взгляда (в развитии лингвистики — новый виток диалектической спирали). Звуки позиционно изменяются, но в их изменениях есть строгие законы. И поэтому звуки, если различие между ними позиционно обусловлено (т. е. строго закономерно), образуют тождество, константу, которую И. А. Бодуэн де Куртенэ назвал «фонемой». У Бодуэна де Куртенэ был каркас терминов, теоретическая схема, гениально намечающая дальнейшее развитие лингвистической мысли; факты использовались только как иллюстрации этого каркаса.

В диалектологических работах Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и других деятелей Московской диалектологической комиссии огромный фактический материал, фонетические системы множества говоров были проверены позиционной меркой. Например, замечательна была работа «московских» диалектологов по открытию систем диалектного безударного вокализма. Каждый говор подвергался экзамену; у него спрашивали, как в нем ведут себя гласные:

под ударением и без ударения;

в первом безударном слого и в остальных безударных;

перед твердым и перед мягким согласным;

после твердых и после мягких согласных;

перед гласными типа [а] и перед гласными типа не-[а]...

Так были установлены разные типы, например, диссимилятивного яканья. В качестве исследовательского орудия послужило установление сложных (состоящих из 5 условий) позиционных зависимостей.

Многим, возможно, покажется парадоксальным мнение, что Д. Н. Ушаков и его соратники ближе к фонологии, чем Л. В. Щерба. Но это мнение справедливо.

Л. В. Щерба в своих фонологических работах решал два вопроса: 1) как определить количество фонем в данном языке; 2) как установить, какие звуки входят в пределы одной фонемы («принадлежат» одной фонеме). Первую задачу Щерба решает на позиционном основании: фонем столько, сколько звуков в позиции наибольшего различия. Второй вопрос решается при полном отказе от позиционного критерия: в одну фонему объединяются звук в сильной позиции и все похожие на него звуки в слабых позициях (любых, без различия!). Основа объединения — не позиционное размещение, не функция, а чисто физическое (акустическое) и артикуляционное сходство. Так идея фонемы подменяется тривиальным понятием звукового типа. Ответом на второй вопрос Щерба зачеркнул фонологичность первого¹.

Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и их единомышленники уже в работах начала века оба вопроса решали строго позиционно. Термина «фонема» у них не было, но по существу они вплотную подошли не к «ущербной» (как каламбурил А. А. Реформатский), а к подлинной теории фонем.

Например, типы вокализма устанавливались так. Определяли звуки в позиции наибольшего различия: под ударением, перед твердым согласным. Затем анализировали звуки в слабых позициях (см. выше) и тем самым анализировали сами позиции, их различительную силу. В каждом говоре были установлены позиционные чередования. Например, при диссимилятивном яканье жиздринского типа гласные [ô — о — ê — э — а] после мягкого согласного в первом предударном слоге перед слогом с гласными [и — у — ô — о — ê — э] реализуются звуком [а], а перед ударным [а] — звуком [и]. Чередование позиционно, то есть определяется позицией, оно осуществляется во всей массе слов (с исключениями для слов, заимствованных из литературного языка). Таким образом, выстраиваются ряды позиционно чередующихся звуков.

Описывая аканье, Д. Н. Ушаков относит к нему не только те случаи, когда гласные *о* и *а* одинаково произносятся как *а*, — он говорит о том, что всякое совпадение этих гласных, каким бы звуком оно ни выражалось, тоже является аканьем. Совпадение

¹ Оставляем в стороне вопрос о зависимости взглядов Л. В. Щербы на фонему от взглядов Бодуэна. Коротко говоря, взгляды Щербы являются редукцией взглядов Бодуэна. Все сказанное не умаляет заслуг Щербы в лингвистике: у него достаточно замечательных достижений. Уже одна только *глокая куздра* совершенно бессмертна!

этих гласных в звуке *и* (или *э*) в безударных слогах после мягких согласных — «одна из сторон того же многогранного явления в истории звуков русского языка, в широком смысле называемого аканьем» (Орфоэпия и ее задачи.— С. 23—24). Таким образом, для понятия «аканье» существенной оказывается не чисто акустическая данность («говорят на *а*»), а ее функциональная сторона: неразличение гласных, которые в других позициях различаются. А это и есть сердцевина фонологии — понятие нейтрализации.

Характеризуя чоканье, Д. Н. Ушаков и цоканье рассматривает как частный случай чоканья, так как в этих двух случаях суть одна: неразличение *ч* — *ц*. Так близка Д. Н. Ушакову идея нейтрализации (в пределах одного диалекта и в междиалектных отношениях), хотя термин «нейтрализация» он не употреблял.

Для того чтобы это была теория фонем — настоящая, целиком функциональная, не половинчатая, как у Щербы,— Ушакову не хватало только термина «фонема». Слово *фонема* подчеркивает функциональное единство всего ряда чередующихся звуков (они, в отношении друг друга, не могут быть различителями слов, не выступают как единственные дифференциаторы). Вот этого важного слова — *фонема* — не было. Следовательно, не было и теории фонем. Но пройдена была к этой теории важная часть пути.

У деятелей МДК было то важное, чего нет в половинной фонологии Щербы,— идея первостепенной важности позиционного чередования звуков. Следующее поколение фортунатовцев создало теорию фонем как целостную теорию, основанную на многих фактах ряда языковых систем. Источники? Их два: фонологические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и теоретические достижения Московской диалектологической комиссии.

Глубоко прав был А. А. Реформатский, сказав, что Ушакову был свойствен «стихийный фонологизм»¹.

Была значительной книжная продукция МДК. Вышло (по 1931 г.) 12 выпусков ее трудов — драгоценное собрание фактических материалов и исследований. «МДК была своеобразным и единственным в Москве лингвистическим обществом, и обсуждаемые на ее заседаниях вопросы нередко далеко выходили за пределы диалектологии в область общего языкознания, проблем истории языка, грамматики, лексикологии и мн. др. И здесь Дмитрий Николаевич выступал как талантливый организатор, вдохновитель всей работы и педагог в широком смысле слова»².

¹ Реформатский А. А. Из истории нормализации русского литературного произношения. К девяностолетию со дня рождения Д. Н. Ушакова // Вопросы культуры речи.— М., 1964.— Вып. 5.— С. 7.

² Аванесов Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков (К столетию со дня рождения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.— М., 1973.— № 2.— С. 202.

Д. Н. Ушаков не только глубоко владел говорами как предметом изучения, он и в речевой практике был безупречным их знатоком. «Любимый прием Дмитрия Николаевича заключался в том, что он на первом курсе на просеминарии по русскому языку каждому студенту говорил, откуда тот приехал в Москву. Это производило неизгладимое впечатление на присутствующих. Они сразу проникались интересом к науке. Люди, которые никогда не думали о лингвистике, не подозревали о ее существовании, проникались уважением к ней, им хотелось работать и учиться в этой области»¹.

Политикам тоже понадобилось доскональное знание восточнославянских диалектов, которым владел Д. Н. Ушаков. Он был включен в состав комиссии, которая готовила документы для переговоров с Польшей (1921), перед заключением польско-советского договора об условиях разграничения советских белорусских областей и областей Польши. С точки зрения советской делегации, должны были быть приняты во внимание данные об этнографической принадлежности населения, в первую очередь — о его языке. Как известно, переговоры велись в неблагоприятной для СССР обстановке, и граница в конце концов не была этнолингвистически обоснована. Все же рассказать здесь об этом эпизоде стоило: он показывает открытость науки Д. Н. Ушакова для служения общественным делам.

Конец 20-х — начало 30-х годов: яростный натиск на науку вульгарной социологии. В языкознании во главе погромщиков — сторонники «нового учения о языке» Н. Я. Марра, официально поддержанные и административно господствующие. Марристы ликвидировали МДК. Об этом событии писать мучительно и тяжело; передадим слово С. Б. Бернштейну: «В 1931 г., по представлению акад. Н. Я. Марра, президиум Академии наук СССР принял решение о преобразовании диалектологической комиссии в диалектографическую комиссию при Институте языка и мышления. Председателем комиссии был утвержден Н. М. Каринский... Новый председатель счел для себя возможным опубликовать статью «Труды диалектологической комиссии», в которой резко отрицательно оценил всю ее деятельность. Даже публикацию ценнейших диалектологических материалов он квалифицировал как преступление...

Ликвидация диалектологической комиссии нанесла серьезный удар не только русской диалектологии. Практически было закрыто Московское лингвистическое общество, где обсуждались разнообразные проблемы языкознания. В работе новой диалектографической комиссии принимали участие всего 2—3 человека (прежняя комиссия объединяла около 40 человек). Новая комиссия опубликовала книгу Н. М. Каринского «Очерки языка русских

¹ Винокур, Г. О. (Стенограмма.— С. 17.)

крестьян» (1936) — яркий пример вульгарной социологии в языкознании.

Д. Н. Ушаков тяжело переживал ликвидацию диалектологической комиссии, которой отдал почти три десятилетия своей жизни. В 1931 г. прерывается связь ученого с диалектологией»¹.

* *
*

Пробегаая «умственным взором» историю русской лингвистики, встречаем два типа исследователей. Для одних цель изучения — открыть законы языка, не данного, конкретного языка, а Языка как достояния человечества. Конкретные факты определенных языков для них — материал, позволяющий установить эти законы. К такому типу исследователей относятся два великих «испытателя Языка» — Бодуэн де Куртене и Фортунатов.

Другой путь (и ему соответствует другой тип ученого) — изучать д а н н ы й язык, свой родной или культурно бесконечно близкий, изучать именно как единственную драгоценность, в ее сокровенных и неповторимых особенностях. Так гениальный Шахматов изучал судьбу славянских народов, отраженную в языке, летописи, фольклоре. И на том и на другом пути были великие научные достижения.

А Д. Н. Ушаков принадлежал к особому, иному («третьему», если считать по пальцам) типу исследователей: у него были уравновешены обе задачи. Он посвятил себя изучению русского языка, который был его любовью и предметом постоянной деятельной заботы. Но ничуть не меньше ему были близки и задачи общей лингвистики — найти принципиально важные общие законы существования и развития, свойственные человеческому Языку как целому. Те законы, к которым вели и грамматические теории Фортунатова, и позиционное исследование диалектов Московской диалектологической комиссией.

В истории нашего языкознания этот же тип ученого был представлен величайшими фигурами Востокова и Буслаева.

Общая черта этих трех ученых (и, может быть, она связана

¹ Бернштейн С. Б. Указ. соч.— С. 84. О других «достижениях» марксистов в области диалектологии (в частности, о «Лингвистическом атласе района озера Селигер» М. Д. Мальцева и Ф. П. Филина) см.: Аванесов Р. И. «Новое учение» о языке и лингвистическая география // Против вульгаризма и извращения марксизма в языкознании: Сб.— М., 1951.— Ч. 1.— С. 304. Здесь читаем: «О полном непонимании того, что язык есть система, свидетельствуют карты № 12—14, посвященные *ц* и *ч*: на карте № 12 обозначается произношение *ц* вместо *ч*, а на карте № 13, наоборот, произношение *ч* вместо *ц*. Авторы не понимают, что это — разные стороны одного и того же соотносительного явления, что цоканье не есть просто произношение звука *ц* вместо *ч*, а цоканье, напротив, произношение звука *ч* вместо *ц*, а есть неразличение имеющих в других русских говорах аффрикат — свистящей и шипящей, наличие вместо них в фонетической системе данного говора одной аффрикаты». Как видим, удар был нанесен самому ценному в идеях МДК — пониманию языка как системы.

с типом их научного подхода к языку) — эстетическое отношение к языку и жизни. Д. Н. Ушаков был тонким художником-акварелистом, любил писать небо, листву, облака, мир природы вместе с миром людей. (Сохранились его акварели.)

* *
*

Каждый большой словарь русского языка был значительным событием в нашей общественной жизни, в истории языка, в лексикографии. Вот гордая череда этих словарей — флотилия лексиконов:

«Словарь Академии Российской» (СПб., 1789—1794), шесть томов. Этот словарь — результат развития русского языка в XVIII в. Он по-ломоносовски трехпалубный: три стиля, восходящие к церковнославянскому и русскому бытовому языкам, образуют ярусное единство; он многолюден: простая обиходная речь занимает в нем большое место. Отсюда — впечатление от этого словаря жизненности и безыскусной полноты.

«Словарь церковнославянского и русского языков» (СПб., 1848), четыре тома. В его создании участвовал А. Х. Востоков; ясно чувствуется его талантливая рука. Словарь изобретателен и хитер в толковании слов; более изошренно, чем в предыдущем словаре, размежеваны отдельные значения слов; но — архаичен в иллюстрациях-цитатах (увы, здесь он старомоднее словаря Академии). Он уже простился с надеждой слить две языковые стихии — церковнославянский и русский языки, он рассматривает их как два языка и впервые подчеркивает это заглавием. Но церковнославянский по-прежнему мыслится как опора и средство пополнения русского литературного языка.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (СПб., 1863—1866), четыре тома. Это — поворот к народному языку. В нем видит Даль источник пополнения, развития, совершенствования русского литературного языка. Словарь этот — не только справочник, но и художественное произведение. Его хочется читать страница за страницей. Он величествен своей верой в полноценность и величие народной культуры.

«Словарь русского языка» А. А. Шахматова (1891—1937), без начала¹ и конца. Издавался многими выпусками на исходе XIX века, в начале нашего. Чувствовалось, что кончается долгий великий период истории — в развитии общества, в развитии культуры, в успехах русского языка. И А. А. Шахматов задался колоссальным, поистине эпическим замыслом: создать словарь, вообразивший в себя всю русскую лексику. Слово, хотя бы раз когда-либо кем-либо употребленное (в печатном виде), должно войти в этот словарь. Великий замысел не был и, видимо, не мог быть завершен. Но эпоху подведения итогов он отразил достойно.

А далее во флотилии словарей проплывает этот красавец —

¹ Первый том вышел под редакцией Я. К. Грота.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М.; Л., 1934—1940), четыре тома. Словарь Д. Н. Ушакова — последний в этой величавой череде¹.

Создание его было особо ответственным делом: требовалось и сохранить традиции русского языка — поддержать их именно этим словарем, и отобрать из новшеств языка советской эпохи то, что имело право на долголетнее существование в нем.

«Говоря о Словаре Ушакова, нельзя обойтись без слов «первый», «впервые». Это первый советский толковый словарь. Это первый советский нормативный словарь, в котором достаточно полно отражена лексика литературного языка. Нормативность словаря обуславливалась отбором слов и их значений, указанием правильного произношения, ударения, правописания, уместного употребления (с помощью многочисленных стилистических помет)... Впервые в отечественной лексикографии разработана и применена сложная и многоаспектная система стилистических помет, представляющих собой такую сеть противопоставлений и сопоставлений, которая позволяет увидеть сразу несколько функционально-стилистических и эмоционально-оценочных ипостасей слова: литературное — просторечное, литературное — областное, книжное — разговорное, нейтральное — высокое, общелитературное — специальное, официальное — канцелярское и т. д. Впервые словарю предпослан (в 1-м томе) очерк орфоэпии и морфологии. Это первый толковый словарь, зарегистрировавший слова, вошедшие в язык в конце 10-х — начале 30-х годов (около тысячи). Впервые наиболее употребительным морфемам посвящены словарные статьи (есть статьи о приставках *анти-*, *без-*, *за-* и нек. др., о первых частях сложных слов *дву-*, *бое-* и т. д.). Впервые в отечественной лексикографии четко сказано об отличии словаря языка от энциклопедического (и это отличие соблюдено в словарных статьях)»².

Здесь удачно сказано о том, что словарь в качестве одной из важных сторон лексической системы рассматривает «сеть противопоставлений и сопоставлений», т. е. слово дается в его отношении к другим словам. Впервые такое отношение возведено в принцип. Плодотворная теоретическая основа словаря, тонкая интуиция Д. Н. Ушакова и его сотрудников, создавших словарь, дали народу замечательную ценность — плод трудов выдающихся советских языковедов (В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, Б. В. Томашевского, Д. Н. Ушакова). С. И. Ожегов справедливо писал: «Стройность в классификации значений слов, четкость в видении оттенков значений, точность,

¹ 17-томный «Словарь русского литературного языка» не может считаться великим деянием в русской филологии. Созданный в тяжелое время, он несет очень резкие черты этого времени. И профессионально он стоит не на высоком уровне.

² Ханлира Э. И. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) // Русский язык в школе. — 1984. — № 6. — С. 73.

краткость и простота определения значений есть достоинство каждого словаря. Мне вспоминается, с какой настойчивостью, с какой неутомимой энергией добивался Дмитрий Николаевич этих качеств в определениях, как часто он возвращался к отдельным словам, определения которых не удовлетворяли его, переделывал их и достигал иногда совершенно неповторимых образцов точности, выразительности и простоты определения» (Стенограмма.—С. 31).

Этот словарь часто вызывает эстетическое чувство. Читать его подряд вряд ли кто-нибудь станет, кроме специалистов. Но каждый читатель, вникающий в него со вниманием, бывает вдруг остановлен прекрасным по точности и изяществу определением значения, яркой цитатой-иллюстрацией, тонким разграничением значений. Особенно удавались Ушакову (и его соавторам) определения глагольных значений (так же как Далю — значений существительных): в этом сказался и динамизм эпохи, и интеллектуальная подвижность характера самого Д. Н. Ушакова.

Словарь у современников встретил положительный прием. Но далеко не у всех. Трудное время не смогло уберечь Д. Н. Ушакова от погромных выступлений неквалифицированной критики и от препятствий, которые воздвигали во время подготовки словаря разного рода чиновники. Сам Д. Н. Ушаков вспоминал: «В рецензии на наш первый том в «Литературной газете» прямо говорится: «словарь похабный» и проч. Этому очень скоро поверили, и все на нас косились. Года полтора мы прожили в таком положении, что не знали, как быть дальше... У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. «Много!» — говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в *боге*-то фразеология и важна была»¹.

Резонанс от этого словаря был значителен. Много национальных и русско-национальных словарей народов нашей страны было создано под влиянием и с учетом опыта словаря Ушакова. «Дмитрий Николаевич оказал и непосредственную помощь в создании двуязычных словарей. Так, под его редакцией... Институт языка и письменности АН СССР выпустил типовой словник для русско-национальных словарей. Больше того, Дмитрий Николаевич уже на закате своих дней сам принял участие в редактировании русско-узбекского словаря. Для этой цели он изучил в очень короткий срок узбекский язык, и товарищи, которые были в Ташкенте... говорили, что он очень неплохо в 2—3 месяца овладел узбекским языком», — вспоминал С. И. Ожегов (Стенограмма.—С. 25).

Э. И. Ханпира заканчивает свою статью о словаре Ушакова словами: «Ни одному из классиков русской литературы не в обиду было ставшее крылатым выражение: Все мы вышли из гоголевской «Шинели». И ни одному из составителей наших толковых словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского Словаря»². Справедливо!

¹ Современная русская лексикография: 1981.—Л., 1983.—С. 152.

² Ханпира Э. И. Указ. соч. — С. 75.

Д. Н. Ушаков сразу же после окончания университета стал работать учителем в школе — с 1896 по 1913 год. «Следовательно, почти 6 лет, будучи уже приват-доцентом и ведя занятия со студентами не только в Университете, но и на высших женских курсах и в других местах, Дмитрий Николаевич все-таки продолжал оставаться учителем средней школы. Он часто говорил об этом своим молодым ученикам, и когда студенты иногда выражали неудовольствие по поводу того, что им предстоит работать в средней школе, он им говорил: «От всей души желаю вам поработать хотя бы 5—6 лет в средней школе — это вас обогатит на всю жизнь» (Г. О. В и н о к у р. Стенограмма. — С. 9).

В 1911 г., когда академическая Орфографическая комиссия подготавливала проект усовершенствования русской орфографии, Д. Н. Ушаков издает свою книгу «Русское правописание». Комиссия именно еще подготавливала проект: постановление комиссии вышло позднее, в 1912 г.; Д. Н. Ушаков не стал ждать окончательного решения и бросился на помощь реформаторам, в защиту нового письма. Проект был разработан под руководством Ф. Ф. Фортунатова; здесь опять сошлись интересы учителя и ученика — общие заботы о просвещении народа, о распространении грамотности, общие взгляды на долг науки перед народом.

Д. Н. Ушаков выступил со своей книгой в напряженный момент: большинство пишущей братии не поддерживали самую идею усовершенствования письма — надо было разъяснять и доказывать, притом в первую очередь тем, кто не хотел слушать и понимать. Невероятно трудно! В 1917 г. проект усовершенствования письма был принят правительством (сначала — Временным, потом, в 1918 г., — Советским), и книга Ушакова выходит вторым изданием — снова встает в строй, как опытный воин, защищающий правое дело.

Характеризуя теоретическую сущность книги «Русское правописание», А. А. Реформатский писал: «Если все сказанное перевести на другую терминологию, то получается, что не фонетизм современного языка, не традиции письма и уважение к истории, не этимология, а структурные соотношения в новом современном языке, живая связь структурных явлений — вот что должно быть основой рационального правописания» (Стенограмма. — С. 42).

Революционное время дало возможность обновить преподавание в школе. Д. Н. Ушаков — в центре всех дел, связанных с улучшением обучения русскому языку. Вводятся новые программы, созданные Ушаковым и его единомышленниками, издаются учебники, написанные им для новой школы (в соавторстве с опытными учителями); он постоянно пропагандирует научную (фортунатовскую, «формальную») грамматику среди учителей.

Основы этой грамматики нам уже известны. Определенное грамматическое значение существует там, где есть для него отдельное выражение; его отдельность выявляется в том, что оно противопоставлено другому грамматическому значению, которое имеет другое выражение. Таким образом, грамматическое значение непременно соотнесено с грамматическим выражением, их связь называется грамматической формой. Из таких грамматических форм (то есть определенных связей) и состоит грамматика каждого языка. Грамматические единицы можно классифицировать, объединяя в один грамматический класс те из них, которые имеют одни и те же грамматические значения (то есть входят в противопоставления одного и того же вида).

Вместо старой школьной схоластики, где перепутаны логика (с ее учением о суждении) и грамматика, современность и исторические предания, реальности языка и застарелые грамматические предрассудки, учителям предлагалась ясная теория.

Учителя были рады. Фортунатовскую грамматику встретили с воодушевлением. Однако это воодушевление (может быть, как всякое воодушевление) постепенно стало угасать. Обнаружилось, что некоторые выводы этой теории обескураживают учителей, и вполне убедительного ответа на свои сомнения они не получают.

Неприятие вызывали такие стороны этой теории:

1) разорваны грамматические единства, которые интуитивно признаются именно единствами. Так, формы *сидел — сидела — сидело — сидели* (объединенные значением рода и числа) отрываются от форм *сижу — сидишь — сидит*, объединенные совсем другим грамматическим значением (лица и числа). Нет общих грамматических скреп, объединяющих два ряда этих форм, их надо отнести к разным грамматическим классам, к разным словам. Но как раз этого и не хочется. Грамматическая интуиция протестует;

2) в одну группу объединены (в соответствии с основами теории) такие слова, которые интуиция не хочет считать единством. Так, к одному грамматическому классу отнесены слова, которые изменяются по родам; то есть признаны грамматически тождественными формы: *сидел — сидела — сидело — сидели; умен — умна — умно — умны; отрезан — отрезана — отрезано — отрезаны; рад — рада — радо — рады*. Но считать эти формы относящимися к одному грамматическому классу, иначе говоря — к одной части речи, что-то мешает;

3) введено понятие единиц, лишенных грамматической формы. Здесь собраны слова, не изменяющиеся ни по падежам, ни по родам, ни по лицам, то есть не имеющие грамматически соотнесенных форм. В одно место ссыпаны такие разнородные единицы: *ах, эге, да, нет, вчера, наобум, кенгуру, пенсне, перебегая, прочитав...* Оказались неграмматическими и некоторые типы предложений, например: *Весь сад в цвету* (нет выражения предикативности). Все это смущало учителей.

Современник писал: «Положительным итогом истекших лет следует признать несомненные успехи, завоеванные новой формально-грамматической точкой зрения в самых широких преподавательских массах. <...> Трудный первый шаг был сделан, заработала дремавшая под гнетом векового шаблона критическая мысль, и начали неожиданно разворачиваться на уроках языка новые и новые перспективы. Но, захватив широкие круги, перенесясь из стен кружков, конференций в обстановку класса, молодое движение остановилось на полудороге, затерялось в лабиринте сбивчивых вех и начало определенно, под влиянием неизжитой еще нами тяги к шаблонам, обнаруживать тенденцию успокоиться на подновленных формулировках»¹.

Итак, сама грамматическая теория Фортунатова была в пути и некоторые вопросы оставляла в тени. Естественно, что новый взгляд в науке не дается сразу во всей полноте, а раскрывается, разворачивается постепенно. И многие большие вопросы 20-х годов сейчас решаются безболезненно. Так, оказывается ненужной группа бесформенных единиц. К бесформенным относились, например, предложения типа *Весь сад в цвету*. Стоит поставить это предложение в прошедшее время: *Весь сад был в цвету*, как обнаружится, что есть глагольная связка, именно она и передает значение предикативности; в настоящем времени она представлена нулевой формой. Ф. Ф. Фортунатов открыл нулевые показатели в грамматике, показал их на примере нулевых аффиксов, но понятия нулевой связки у него не было. В предложениях *Он болен*, *Ворота раскрыты*, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, сами формы *болен*, *раскрыты* несут в себе предикативное значение. Действительно, все единицы, которые изменяются по родам и по числам, но не по падежам, то есть: *написал*, *причесан*, *справедлив*, *рад*, сами по себе выражают предикативность. Они — непременно сказуемые. Добавим: но притом ее выражает и связка, в том числе и нулевая, которую сразу ученым можно было и не заметить! Так размывается и постепенно исчезает группа бесформенных предложений, не имеющих показателей предикативности².

«Прояснились» разные *кенгуру*. Если основа существительного кончается на гласный, то она неспособна сочетаться со звуковыми падежными флексиями. Но этой морфонологической закономерности не противоречит способность таких основ сочетаться с нулевыми флексиями. Они совпадают в разных падежах у слов типа *кенгуру* («нулевые омонимы»), но явно обнаруживают свое различие; ср.: *солдат* (им. ед.) и *солдат* (род. мн.): и там и там нулевая флексия, но грамматические формы различны: эти нули

¹ Павлович А. Между Сциллой и Харибдой // Родной язык в школе: Педагогический сборник / Под ред. А. М. Лебедева. Кн. 1(2). 1919—1922.— М.; Л., 1923.— С. 10.

² Нельзя сказать, что исчезла вся. Вопрос о том, какова предикативная форма предложений типа: *Миру — да! Войне — нет!* (и тем более *Мир — да! Война — нет!*), — остается невыясненным.

имеют разное значение. У этих кенгуру... к этим кенгуру... этого кенгуру. Почему меняется флексия у зависимого слова? Либо потому, что прилагательное обладает способностью изменять свои падежные флексии без согласования, автономно, — но тогда оно типологически совпадает с существительным. А так как очевидно, что такого совпадения нет, то приходится признать, что прилагательное здесь, как обычно, зависимо, и флексии его определены грамматической сущностью существительного; след.: мена прилагательного — отражение мены в существительном; е > о: в формах кенгуру (род. мн.), кенгуру (дат. мн.), кенгуру (род. ед.) — разные, хотя и омонимические (ноль-звуковые) флексии¹. Ф. Ф. Фортунатов открыл нулевые показатели, но пределы их использования сразу не были ясны, поэтому появились многие неграмматические единицы...

Так же со временем были сняты и другие интуитивно непримлемые моменты в «формальной» грамматике. И сняты они именно на той теоретической основе, которая была провозглашена Ф. Ф. Фортунатовым и получила широкий резонанс в работах Д. Н. Ушакова.

И когда снова возвращаешься мыслью к опыту советской школы в 20-х годах, когда спрашиваешь себя: почему же все кончилось ничем, почему не удалось соединить уроки русского языка с наукой? — то не таким уж верным кажется ответ: не были найдены теоретические ответы на некоторые вопросы грамматики. Разве можно когда-либо ожидать от науки ответов на все вопросы? Видимо, более существенными были другие причины: неготовность многих учителей к усвоению научно-непривычной мысли; это во-первых. Во-вторых (и более существенно): постепенно школа вползала в период чиновничьей схоластики, теряла свой запал революционных лет. И новшества стали не ко двору.

В этих сложных условиях борьбы за науку на уроках русского языка Д. Н. Ушаков был непримиримым и — уступчивым. В 1926 г. вышла его книга: У ш а к о в Д. Н. Русский язык: краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению. (В 1929 г. вышло последнее, 6-е издание.) В этой книге автор сохраняет полную верность «формальной» грамматике Фортунатова, но ищет путей сблизить ее с теми сторонами традиционного взгляда на язык (в первую очередь — с традиционным делением слов на части речи), которые были совместимы с новым взглядом.

Здесь связались черты характера и деятельности Д. Н. Ушакова: принципиальность позиции вместе с терпимостью к другим мнениям.

Учителя говорили Ушакову, что детям милее значение, чем его выражение. И Ушаков отвечал: «Если значение, а не его выра-

¹ Первым нулевые флексии у слов типа кенгуру в 40-х годах признал В. Д. Аракин.

жение ближе детям, то пусть с этого и начинается изучение, но необходимо говорить и о формальной стороне осознанных слов». «Такая терпимость к индивидуальным подходам может сделать переход от традиционных методических приемов при изучении грамматики к новым способам легким и безболезненным для учителя», — писал современник. «Учитель приглашается только пробовать программу, — справедливо заметил Д. Н. Ушаков, разбирая в одном из своих докладов спорные вопросы в новой программе грамматики. — Если кто не может, пусть занимается по-старому, но пусть он знакомится с программой. Узнавши новую программу, он уже не может от нее отказаться целиком, так как будет заражен обновлением»¹.

Уступчивость Д. Н. Ушакова никогда не была отступничеством — отречением от самого себя. Он готов был уважать чужое мнение, готов был менять свои взгляды в ходе естественного развития науки. Но нажиму вульгаризаторов он не уступал, идеологическому натиску не подчинялся. Он был уступчив и тверд.

А. А. Реформатский вспоминал: «Он обязательно должен был общаться с людьми, и он действительно общался и с учителями, и со студентами, и с аспирантами, с актерами, с докторами, с певцами, с режиссерами, с кем угодно, вплоть до чиновников разных ведомств, которые не знали, как надо писать название их собственного учреждения. И он охотно с ними общался. Иногда казалось: зачем Дмитрий Николаевич идет к телефону, когда он может заняться чем-нибудь важным? Но он шел, и он нас научил не отгораживаться от практической жизни...» (Стенограмма. — С. 34).

Когда Ушаков стал работать над орфографическим словарем для школы, телефон стал очень энергично работать в другом направлении: Д. Н. Ушаков постоянно звонил учителям (у него было много знакомых учителей), спрашивал: включать или нет такие-то слова в этот словарь? В таком живом сотворчестве и создавалась эта книга².

«Орфографический словарь для начальной и средней школы» вышел 1-м изданием в 1934 году, 41-м — в 1990-м. Это про него сказано: маленький, да удаленький. Д. Н. Ушаков был велик в своей любви к родному языку, в своей преданности научной мысли.

М. В. Панов

¹ Стремнины А. Неограмматическое направление и школьная действительность // Родной язык в школе: Педагогический сборник / Под ред. А. М. Лебедева. Кн. 1 (2). 1919—1922. — М.: Л., 1923. — С. 9.

² В 1944 г. в шестом издании словаря на переплете и титульном листе стали печататься два имени: Д. Н. Ушаков и С. Е. Крючков. Издательство, видимо, пригласило С. Е. Крючкова, чтобы сохранить современность словаря, чтобы дополнить его новыми словами. Но ушаковская основа все равно осталась главной и определяющей.

I

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О ЯЗЫКЕ

Из предисловия к 1-му изданию

В нашем обществе очень мало научных сведений о языке; полным невежеством в этой области часто страдают люди, владеющие широким общим образованием и даже глубокими познаниями в других областях. Это происходит, главным образом, оттого, что научное языковедение — наука молодая и только сравнительно недавно (около полувека) нашла себе приют в высшей школе; в среднюю же школу она только начинает проникать.

Между тем научное изучение языка (которое нужно отличать от практического, напр. обучения языку для целей общения между людьми) может представить глубокий интерес и имеет немаловажное общеобразовательное значение, так как предметом этой науки является такая важная сторона духовной деятельности человека, как язык. Язык по своему происхождению и употреблению тесно связан как с мышлением человека, так и с его физическим строением, а в своем историческом развитии язык связан с историей говорящего на нем народа. Поэтому и наука о языке имеет связь с другими науками, изучающими как духовную и физическую природу человека, так и историю народов, а именно — с психологией и физиологией, с одной стороны, и с историей — с другой. Отсюда важное место научным сведениям о языке в кругу общего образования.

Наконец, в школе для преподавателя языка, в особенности родного, научное понимание языка вообще и научные сведения о преподаваемом языке в частности весьма необходимы. И не для того, чтобы сообщать их ученикам: они необходимы потому, что одни только они в состоянии помочь преподавателю поставить свой предмет — обучение языку — так, чтобы это был предмет живой, развивающий духовные способности и расширяющий умственный кругозор учащихся. Грамматика в школе часто приобретает характер мертвой схоластики именно потому, что понимание явлений языка, лежащее в основе школьного преподавания, далеко от научного. В частности, в преподаваемом под названием грамматики материале на каждом шагу встречается, например, смешение грамматики с логикой и отчасти с психологией. Полезно, разумеется,

учить и логике и психологии, но вредно для дела, если преподающий думает, что обучает в это время грамматике. И если когда-либо ставятся вопросы, полезно ли учить грамматике, заключает ли она в себе какие-либо общеобразовательные элементы, когда и как учить ей, то, как бы ни решались эти вопросы, целесообразное решение их невозможно без ясного понимания, чему именно учит грамматика.

Опыт элементарного изложения главнейших основ науки о языке в целях общеобразовательных и представляет собою моя книга. Она слагалась в течение многих лет и литографировалась частями, начиная с 1902 г., сначала в связи с моим преподаванием в педагогических классах женских институтов (в Москве) введенного в них так называемого «специального» курса русского языка, а позже в связи с моими чтениями на женских педагогических и высших курсах. Содержание ее основано главным образом на лекциях моего покойного учителя, профессора Московского университета, академика Ф. Ф. Фортунатова, что читатель, знакомый с его «Общим курсом сравнительного языковедения», легко может заметить во многих местах моей книги.

Печатаю результат своей преподавательской работы, я прежде всего желал дать в руки пособие своим слушательницам; но я решился выпустить его и «в свет» в том предположении, что он, может быть, пригодится для начинающего филолога, для старших классов средних учебных заведений, для учителей и, наконец, вообще для самообразования.

1913 г.

В последующие издания, в том числе и в настоящее, вносились небольшие поправки и дополнения.

Проф. Н. Ф. Яковлева благодарю за полезные указания.

1928 г.

Д. Ушаков

Вводная часть

Глава I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ О ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВЕДЕНИИ

Содержание. § 1. Название науки о языке. Цель и предмет ее. § 2. Язык слов. § 3. Жизнь языка. § 4. Живые и мертвые языки. § 5. Родственные языки; язык и диалект. § 6. Литературный язык. § 7. Родство языков и родство рас; национальность. § 8. Связь языковедения с другими науками. § 9. Разделение языковедения. § 10. Грамматика школьная и научная. Психология, логика, грамматика. § 11. Язык и письмо. § 12. Из истории науки о языке. § 13. Содержание книги.

§ 1. Наука о языке называется языковедением, или лингвистикой. По своему методу, состоящему в сравнении

разных языков между собою, она получила название сравнительного языковедения.

В языковедении изучаются языки не с практической целью (т. е. не для общения с людьми, говорящими на этих языках, или для чтения книг на них), а с целью познать вообще природу той духовной деятельности человека, которую мы называем языком, и те законы, которые управляют жизнью человеческого языка. Таким образом, предметом языковедения является человеческий язык в его истории. Чтобы яснее себе представить это, объясним, что надо понимать под словом «язык» и что такое «история» языка.

§ 2. Языком называют всякое намеренное выражение душевных состояний и преимущественно мысли. Можно выражать их разными способами; поэтому возможны разные виды языка, напр. язык жестов, язык мимики и т. п. Но в языковедении, или лингвистике, изучается именно язык слов — намеренное выражение мысли при помощи слов, а слово есть звук или несколько звуков, имеющих значение.

Таким образом, в языке две стороны: 1) внешняя, физическая — звуки слов и 2) внутренняя, духовная — значения слов. Мы должны будем познакомиться с обеими этими сторонами языка. Ознакомление с первой должно исходить из данных анатомии и физиологии, со второй — из данных психологии.

Хотя языков очень много, но мы можем говорить о «человеческом языке» (а не «языках»), имея в виду общность физических и духовных свойств, присущих всем людям. Языковедение не ограничивается изучением какого-либо одного языка; все человеческие языки — живые и мертвые, древние и новые, образованных народов и дикарей — одинаково в нем изучаются. Поэтому научное изучение какого-либо языка является частью целой науки — языковедения.

§ 3. Главное свойство языка состоит в постоянном изменении его в устах говорящих, происходящем совершенно невольно; в этом изменении и состоит жизнь языка или его история¹. Изменяются в языке его факты (так называется все, что существует в языке: звуки, слова, формы, значения слов, синтаксические обороты и проч.); изменение состоит: 1) в утрате известных фактов, 2) в появлении новых и 3) в изменении старых. Эти изменения подчинены известным законам, которые и открываются наукой.

Каждый язык представляет собою видоизменение языка предшествующей эпохи. А язык предшествующих эпох бывает известен по письменным памятникам, дошедшим от старины. Если же не осталось письменных памятников, то прежние периоды жизни язы-

¹ Термин «история языка» употребляется в двух значениях: 1) так называется процесс, происходящий в языке, и 2) так же называется и изучение этого процесса.

ка восстанавливаются наукой, главным образом при помощи сравнения его с родственными языками.

§ 4. Ж и в ы м языком называется такой, который продолжает изменяться в устах говорящих (родной для них); язык, переставший передаваться непосредственно из поколения в поколение, от взрослых детям, и известный лишь по письменным памятникам, называется м е р т в ы м, как древнегреческий, старославянский, латинский; конечно, можно говорить и на них, но это будет употребление искусственное; таково, напр., употребление латинского языка в католической церкви, таким же, т. е. искусственным, является употребление всякого иностранного языка.

§ 5. Родственными языками называются такие, которые произошли от одного языка. Группа языков, происшедших из одного, называется с е м ь е й; язык-родоначальник называется п р я з ы к о м. Семья делится на в е т в и, т. е. группы ближайшего родства. Ветвь состоит из я з ы к о в; каждый язык делится на н а р е ч и я; наречия можно подразделить на п о д н а р е ч и я и т. д. до отдельных г о в о р о в. Вместо всех этих терминов, означающих подразделения языка, употребляется безразлично термин д и а л е к т. Наречия в дальнейшем развитии при отсутствии тормозящих факторов переходят в языки. Строго установить границы между языком, наречием, говором — трудно. В историческом смысле все родственные языки являются наречиями одного праязыка, а с другой стороны, можно говорить о языке каждого отдельного человека, принимая во внимание его индивидуальные отличия в запасе слов, в значениях, которые он вкладывает в те или иные слова, и т. д. Называем две языковые единицы наречиями, а не языками, пока они продолжают переживать общие изменения; с прекращением такой общей жизни они становятся языками.

§ 6. Л и т е р а т у р н ы й язык обыкновенно противопоставляется н а р о д н о м у. Народный язык есть прежде всего язык м е с т н ы й, удовлетворяющий потребностям в сношениях между собой жителей данной местности; литературный — язык о б щ и й, служащий потребностям гораздо большего круга людей, читателей письменных произведений. Так как литературный язык является всегда до известной степени искусственным языком, то народный язык в противоположность ему называют «живым», указывая этим на то, что литературный не живет тою же жизнью (см. § 120).

§ 7. Родство языков не предполагает еще родства р а с. Не следует смешивать расу и н а ц и о н а л ь н о с т ь; одна не покрывает другую. Расы это — классы, на которые антропология делит людей по физическим признакам (цвету кожи и др.). Народность же, или национальность, есть духовное явление, продукт истории; это, так сказать, культурный облик какого-нибудь народа. Язык является одним из существенных признаков национальности, но не расы. Народы одной и той же расы могут говорить на совершенно чуждых язы-

ках, и, наоборот, народы разных рас — на языках родственных или даже на одном и том же языке. На Кавказе чеченцы, грузины, армяне и др. принадлежат, по-видимому, к одной расе, но говорят на совершенно неродственных языках; наоборот, бывает, что даже в одной губернии крестьяне резко различаются по типу, но язык у них один и тот же. Или, например, все славянские народы говорят на близкородственных языках, а по физическому типу многие из них сильно различаются между собою (напр., болгары и русские).

§ 8. Связь языковедения с другими науками. Так как предмет языковедения — язык в его истории, то постольку, поскольку оно занимается физической стороной языка, т. е. звуками, оно примыкает к ф и з и о л о г и и, поскольку изучает духовную сторону — значения слов, постольку примыкает к п с и х о л о г и и. Наконец, история языка тесно связана с историей говорящего на нем народа. Историческими судьбами народа объясняется многое в его языке. С другой стороны, часто при решении исторических вопросов лингвистика оказывает существенную помощь, особенно при суждении о доисторических эпохах, от которых не дошло никаких памятников; тогда наука, открывая язык этой эпохи, открывает вместе с тем в известной мере и жизнь говорившего на нем народа; наконец, изучение диалектов какого-либо языка служит важным средством при решении вопроса о расселении отдельных ветвей народа. Так языковедение связано с и с т о р и е й. Кроме того, языковедение связано с этнографией, поскольку она изучает духовный быт той или иной народности, так как язык является также известным видом духовной деятельности и главным признаком народности.

§ 9. Разделение языковедения. В языковедении входят следующие отделы: ф о н е т и к а — учение о звуках; с е м а с и о л о г и я — учение о значениях слов; г р а м м а т и к а — учение о формах, разделяющееся на м о р ф о л о г и ю — учение о формах слов без отношения к их роли в словосочетании и с и н т а к с и с — учение о формах слов как частей словосочетания и о формах самих словосочетаний¹; л е к с и к о л о г и я — учение о словах без отношения к их формам, напр., изучение запаса слов в том или ином языке; э т и м о л о г и я — исследование состава слов по происхождению. Изучение языка называется о п и с а т е л ь н ы м, или с т а т и ч е с к и м, если ограничивается описанием фактов известного языка в их состоянии в данный момент; — и с т о р и ч е с к и м, если происхождение фактов языка объясняется путем сопоставления с предшествующими эпохами в жизни языка; — с р а в н и т е л ь н ы м, если изучение строится на сравнении данного языка с родственными; — с о ц и о л о г и ч е с к и м, если объяснение фактов ставится в тесную связь со строением общест-

¹ Термин «грамматика» употребляется также в более широком смысле, а именно в значении грамматики вместе с фонетикой.

ва. Историческое изучение обычно является связанным с сравнительным. Специальное изучение особенностей диалектов известного языка называется диалектологией, описательной или исторической.

§ 10. Грамматика школьная и научная. Психология, логика, грамматика. Преподавание языка в школе сложилось гораздо раньше, чем появилась наука о языке, и в школьном взгляде на язык накопилось много разногласий с этой наукой. Отсюда только и стало возможным противопоставление школьной грамматики грамматике научной — случай беспримерный в отношениях школьных предметов к одноименным наукам. На грамматику в школе смотрят как на средство обучить правильно говорить и писать, как на пособие при обучении правописанию и как на средство для упражнения умственных способностей учащихся. Понятно, что грамматика научная как отдел языковедения не может задаваться ни одной из этих трех практических целей: ее цель лишь — познание известной стороны человеческого языка как духовной деятельности человека.

Но, кроме практической стороны, в школьной грамматике очень много и теоретического элемента. В этой области, находящейся в тесной связи с третьей из указанных выше практических целей, в особенности в синтаксисе, школьная грамматика стремится стать изучением мысли, т. е. смешивает свои задачи с задачами логики. Смешение разных точек зрения: грамматической, логической и, прибавим, психологической — не может вести к пониманию ни грамматики, ни логики, ни психологии. Научная грамматика пользуется данными и психологии и логики, как всякая наука данными другой; но у каждой своя область. Психология изучает душевные явления, и в том числе явления мышления; логика изучает законы «правильного» мышления, т. е. такого, которым достигается истина; грамматика как часть языковедения изучает те средства, с помощью которых человеческий язык выражает предметы мысли и отношения между ними. Примеры смешения грамматической и логической точек зрения встретятся ниже в § 91 и 98.

§ 11. Язык и письмо. Языковедение, в частности грамматика, не имеет никакого отношения к письму, к правописанию. Язык и письмо — два явления совершенно различные. С точки зрения школьного преподавания, в котором, естественно, одной из главных целей является обучение правописанию, а знакомство с самим языком или совсем отсутствует, или занимает небольшое место, — может казаться иначе: может казаться, что язык, так сказать, «писаный» и язык «произносимый» — одно и то же, что достаточно знать буквы, чтобы знать звуки, и т. д. Но это ошибочно. Письмо, каково бы оно ни было, не может никогда вполне точно передавать живые звуки, и не в этом его задача: чтобы быть удобным на практике, оно необходимо бывает условным, причем степень этой условности в разных правописаниях различна. Правописа-

ние — это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это — внешность, от изменения которой не меняется язык. В своей жизни язык обыкновенно перерастает правописание, потому что правописание меняется медленнее. Вот почему едва ли найдется такое правописание, где бы, с одной стороны, не было букв, изображающих уже исчезнувшие из языка звуки, и где, с другой стороны, изображались бы все существующие в языке звуки, так как всегда найдутся такие, которые возникли после того, как правописание установилось. Для научных (не практических) целей стараются изображать, конечно, все звуки; при этом обыкновенно в данном практическом алфавите не хватает букв, и приходится прибавлять к ним другие условные знаки, снабжать буквы различными знаками и т. п. Точное изображение живых звуков называется фонетическим письмом или фонетической транскрипцией.

§ 12. Основателем науки о языке был немецкий ученый Франц Бопп (1791—1867), доказавший родство индоевропейских языков (см. § 100) и положивший начало их сравнительному изучению своею «Сравнительною грамматикою». Одновременно с Боппом Яков Гримм (1785—1863) начал историческое изучение языка в применении к одной из ветвей индоевропейской семьи и написал «Немецкую грамматику», т. е. историческую грамматику всех германских языков. Вильгельм Гумбольдт (1767—1835) способствовал разработке и правильной постановке общих вопросов относительно природы языка и его строя; его сочинение — «О различии строения человеческих языков и о влиянии этого различия на духовное развитие человека». Первыми представителями сравнительно-исторического изучения языка в России были Ф. И. Буслев (1818—1897), главнейший труд которого — «Историческая грамматика русского языка», и И. И. Срезневский (1812—1880), написавший «Мысли об истории русского языка». А. А. Потебня (1835—1891) был выдающийся лингвист-мыслитель и положил основы научному изучению русского синтаксиса своим трудом «Из записок по русской грамматике».

Очень крупную и самостоятельную величину в лингвистике был русский ученый Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), основатель целой школы лингвистов, положивший, между прочим, и начало преподаванию в России этой науки (в Москве) одновременно с другим лингвистом И. А. Бодуэном де Куртене, преподававшим в Казани.

§ 13. Содержание книги. В этой главе были даны предварительные понятия о языке и языковедении; основное же содержание книги распадается на два отдела, а именно в дальнейших главах мы рассмотрим: 1) в чем состоит язык как известное психофизическое явление (главы II—VI) и 2) какие существуют языки, как возникает и как живет язык (главы VII—IX).

Глава II

ЗВУКИ

Содержание. § 14. Физиология звуков речи. § 15. Звуки речи. § 16—25. Органы речи и их функции. § 26. Различия звуков речи по качеству. § 27—33. Гласные. § 34. Гласные чистые и носовые. § 35. Гласные с неполным голосом и без голоса. § 36—37. Согласные. § 38. Согласные шумные. § 39. Сонорные. § 40. Смягчение. § 41. Лабиализация. § 42. Слитные согласные. § 43. Различие гласных и согласных. § 44. Физиологическая классификация звуков речи. § 45. Различие звуков речи по количеству, высоте и силе. § 46. Слог. § 47. Звуки слоговые и неслоговые. § 48. Ударение. § 49. Слоговое свойство и выдыхательное ударение. § 50—57. Приложение: звуки русского языка.

§ 14. Изучение внешней, звуковой стороны языка основывается на данных анатомии и физиологии и называется физиологией звуков речи.

§ 15. Звуки речи. Всякий звук, как известно из физики, есть результат колебания звучащего тела; посредством воздуха колебания передаются уху, и у слушающего получается ощущение, называемое звуком. Звучащим телом может являться, между прочим, и воздух, находящийся в каком-нибудь ограниченном пространстве, напр., в сосуде. В звуке различают: 1) силу, зависящую от длины колебаний; 2) высоту, или тон,—от быстроты, т. е. числа колебаний в секунду; 3) тембр, или окраску, под которой понимаются побочные тоны, примешивающиеся к основному тону в звуке (почти все звуки в природе такого сложного состава), а также видоизменение звука при помощи резонатора (который усиливает одни и заглушает другие составные тоны звука), и, наконец, 4) продолжительность. Эти различия присущи и тем звукам, которые образуются органами речи, т. е. и звуки речи различаются: 1) силой, 2) высотой, 3) тембром, или качеством, и 4) продолжительностью, или количеством.

Кроме того, звуки речи, как и другие звуки, могут быть музыкальными и немusикальными, или шумами, а музыкальными в физике называются звуки, происходящие от периодических, или ритмических, колебаний (т. е. повторяющихся одинаково в определенные промежутки времени); шум же — результат колебаний непериодических.

Ознакомившись с органами речи и их функциями, мы увидим, как возникают указанные различия в звуках речи, причем главнейшее внимание обратим на качество звуков.

§ 16. Органы речи и их функции. Органами, участвующими в образовании звуков речи, являются легкие, дыхательное горло, гортань и полости: носа и главным образом рта с находящимися в нем языком, нёбом, зубами и губами. На рис. I схематически представлены в вертикальном разрезе названные органы, кроме легких, так как дыхательное горло за-

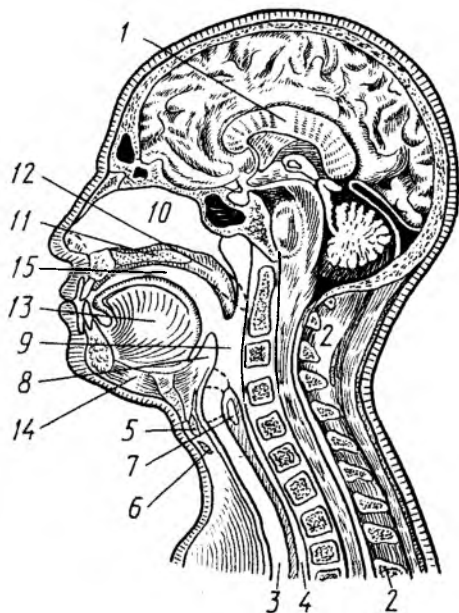

Рис. 1. Органы речи.

1— головной мозг; 2—2— позвонки;
3— дыхательное горло; 4— пищевод;
5— разрез щитовидного хряща; 6—
7— разрезы перстневидного хряща;
пунктир между 5 и 7— место голо-
совой щели; 8— надгортанник; 9—
зев; 10— полость носа; 11— твердое
нёбо; 12— мягкое нёбо; 13— язык;
14— часть подковообразной подъ-
язычной кости; 15— полость рта.

канчивается на рисунке приблизительно тем местом, где оно раз-
ветвляется на два бронха, дальнейшие многочисленные ответвле-
ния которых и входят в состав легких. Органы речи изображены
в спокойном состоянии, в положении при дыхании через нос.

Выдыхаемый легкими воздух идет вверх по дыха-
тельному горлу (рис. I, 3) и попадает в гортань, которая
расположена в верхней его части.

§ 17. **Гортань** состоит, главным образом, из двух покрытых
мускулами хрящей: щитовидного (рис. II, а) и перстневидного
(б), соединенных между собой наподобие трубки. Щитовидный,
находящийся на перстневидном, острой своей частью выдается
в передней части шеи и может быть нащупан рукой; этот выступ
называется в общежитии кадыком. Поперек гортани тянутся
горизонтально два эластичные мускула, называемые голо-
совыми связками; щель между ними называется голосо-
вой щелью.

Названные хрящи при помощи мускулов, покрывающих гор-
тань, приводятся в движение и раздвигаются, отчего голосовые
связки могут натягиваться, и голосовая щель в зависимости
от этого суживается. Сужению и расширению ее помогают еще
черпаловидные, иначе — пирамидальные, хрящики (в и в'), кото-
рые сидят между щитовидным и перстневидным хрящами и к ко-
торым прикреплены голосовые связки. На рис. II в правом
нижнем углу представлена схема расположения названных хря-
щей.

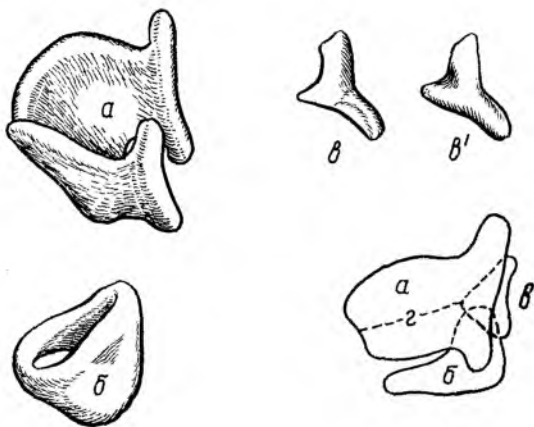

Рис. II. Основные части гортани и схема их расположения.

a — щитовидный хрящ; *б* — перстневидный хрящ;
в, в¹ — черпаловидные, или пирамидальные, хрящики.
 Все изображения левой стороной обращены к передней части шеи. Пунктир *г* — место голосовой щели.

На рис. III представлена гортань в продольном разрезе, а именно дан вид передней ее части изнутри; здесь видны голосовые связки в разрезе (6—6), между ними — голосовая щель (половина); над ними (5—5) видны так называемые «ложные» голосовые связки — два мускула, подобные голосовым связкам, но менее развитые и не участвующие в образовании голоса.

§ 18. Когда голосовые связки сильно натянуты, то они соприкасаются плотно, и струе воздуха, идущего из дыхательного горла, приходится раздвигать их несколько раз подряд, потому что после каждого прорыва воздуха связки сейчас же опять смыкаются; это попеременное раздвигание и смыкание приводит связки

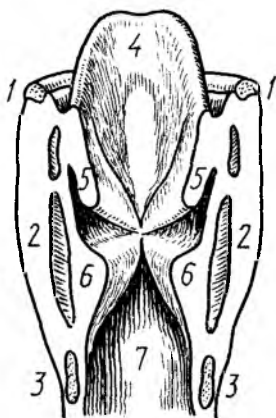

Рис. III. Гортань в продольном разрезе.

1—1— разрезы разветвлений подъязычной кости; 2—2— разрезы щитовидного хряща; 3—3— разрезы перстневидного хряща; 4— надгортанник; 5—5— ложные голосовые связки; 6—6— голосовые связки; 7— дыхательное горло.

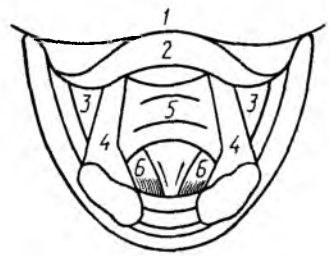

Рис. IV. Гортань сверху.

1— язык; 2— надгортанник; 3—3— ложные голосовые связки; ниже их: 4—4— голосовые связки; 5— дыхательное горло, разветвляющееся на два бронха: 6—6.

в ритмические колебания, и получается звук музыкальный, называемый г о л о с о м. Когда же связки не натянуты, то остается широкая щель, струя воздуха в колебание их не приводит, и голоса не получается; в этом случае, следовательно, звуки речи образуются без участия голоса. Звучание голосовых связок отдается в голове особым звоном, если мы заткнем пальцами уши и будем громко произносить звуки голосовые, напр., **з, ж, г, б, р, м**, а также любой гласный звук; при произнесении же соответствующих безголосовых звуков **с, ш, к, п** такого звона не слышно.

На рис. IV представлен схематически вид гортани сверху при том ее положении, когда голосовые связки (4—4) наиболее широко раздвинуты (сравн. рис. V, 3). Верхом своим рисунок обращен к передней части шеи.

Различные формы голосовой щели представлены на рис. V в шести изображениях, которые верхом обращены туда же. В каждом из них видны пирамидальные хрящики (в виде сапожков). В изображении 1-м они тесно сближены, и голосовые связки плотно сомкнуты (показано прямой линией): дыхание задержано; во 2-м показана голосовая щель при звучании связок, т. е. при голосе (связки то сходятся, то расходятся); щель, между прочим, есть не только между связками, но и между хрящиками; в 3-м — положение без голоса, при произнесении безголосого звука; приблизительно так же щель расширена и при свободном дыхании. Связки могут колебаться не во всю длину, а только в известной части; тогда голос будет не такой полный, как во 2-м случае; такое произношение называется фистулой, или фальцетом; форма голосовой щели при этом показана в изображении 4-м. Наконец,

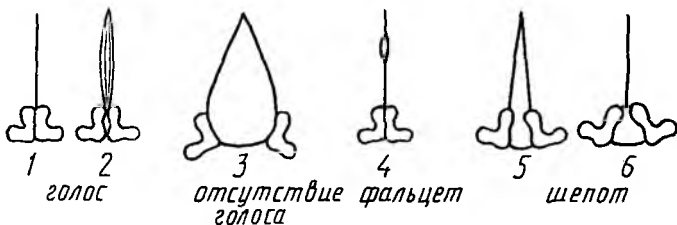

Рис. V.

при шепоте голос заменен шумом от трения воздуха: при слабом шепоте — о голосовые связки, немного, но настолько раздвинутые (см. 5-е) и ослабленные, что звучать они не могут, однако не настолько, чтобы воздух мог пройти между ними бесшумно; при сильном же шепоте — от трения воздуха только между хрящиками (см. 6-е; щели между связками нет).

На рис. I показано только место гортани; здесь пятно с цифрой 5 обозначает разрез верхнего, т. е. щитовидного, а пятна 6 и 7 — разрезы нижнего, т. е. перстневидного хряща, пунктиром же указано место голосовой щели. — Здесь же виден за языком, над гортанью, грушевидный хрящик (8), так называемый *надгортаннык*; он показан в том положении, которое имеет при говорении и при дыхании, и переходит в положение, показанное пунктиром, для закрывания дыхательного горла во время глотания, благодаря чему пища по нем скользит в пищевод (4).

§ 19. Из гортани струя воздуха, с голосом или без голоса, попадает в зев (9, рис. I) и идет далее в полость рта (15) и полость носа (10) или в одну только первую, если проход в полость носа закрыт. Закрывается этот проход так называемой *нёбной занавеской* (подвижное мягкое нёбо (12), заканчивающееся «маленьким язычком»), которая для этого поднимается и плотно прижимается к стенке зева, как показано на рисунке пунктиром. Если же нёбная занавеска опущена и проход для воздуха свободен, то и полость носа является резонатором для звука речи, т. е. придает ему свою окраску. В этом состоит функция полости носа. С носовым резонансом образуются носовые гласные и носовые согласные звуки. Открыт проход в полость носа бывает еще и при свободном дыхании через нос, при закрытом рте.

§ 20. **Полость рта** служит местом образования шумов, которые или примешиваются к голосу, или же составляют собою целиком звуки речи в случае отсутствия голоса. В обоих случаях эти шумы — результат звучания, т. е. колебания воздуха, находящегося в полости рта. Они бывают весьма различны, так как величина и форма полости рта, точнее — свободного ее пространства, может меняться чрезвычайно разнообразно в зависимости от различных комбинаций органов речи: нёба, языка, зубов и губ. Эти комбинации называются *артикуляциями*. От их различий, главным образом, зависит различие в качестве звуков речи, т. е. то, что один звук будет *а*, другой — *у*, третий — *к* или *с* и т. д. и т. д.

Более или менее подробно различные артикуляции будут упоминаться ниже при описании образований отдельных звуков; здесь же ограничимся общими указаниями на главнейшие различия в шумах в зависимости от различий в артикуляциях.

1. Шумы могут быть двоякого происхождения вследствие того, что артикуляции могут состоять или в полном смыкании, или только в сближении органов речи; в первом случае

воздух разрывает это смыкание (шум происходит, следовательно, от взрыва; ср. откупориваемую бутылку), а во втором — воздух трется о сближенные органы (шум от трения; ср. свисток). Так или смыкаться, или сближаться могут губы между собой, зубы с губой, язык с зубами и язык с нёбом в различных его местах. Ср., напр., **п** и **ф**, **т** и **с**, **д** и **з**, **к** и **х**.

2. В тех звуках речи, которые состоят из голоса и шума, может преобладать или голос над шумом (сюда войдут гласные и **р**, **л**, **н**, **м**), или шум над голосом (остальные согласные). Взаимоотношение шума и голоса зависит от ширины прохода для воздуха: чем шире проход, тем слышнее голос; чем уже, тем сильнее шум (подобно тому, как ветер свистит в узкую щель окна и почти бесшумно дует в открытое окно; а если ветер несет с собою какой-нибудь звук, напр., звон колокола, то этот звук в узкую щель, конечно, будет менее слышен). Заметим, что при **н**, **м** — широкий проход для воздуха остается через полость носа.

§ 21. Из всех органов речи наибольшей активностью отличается язык (рис. 1, 13). Он способен принимать чрезвычайно различные формы и становиться в самые различные положения в полости рта. Поэтому наибольшее число качественных различий в звуках речи приходится на долю его работы. В зависимости от того, в каком месте нёба и насколько поднимается к нему язык, резонатор, представляемый полостью рта, сужается или расширяется, укорачивается или удлиняется; некоторые положения языка делят полость рта на две части, причем, следовательно, шумы, входящие в состав звука речи, получаются в этом случае и в той и в другой части, и притом неодинаковые.

§ 22. Нёбо разделяется на твердое, неподвижное (11, *palatum*), и мягкое, подвижное (12, *velum*). Границу их можно нащупать пальцем. При описании артикуляций обычно говорят о переднем, заднем и среднем нёбе, называя передним твердое, задним — мягкое, а средним — условно место, пограничное между ними, точнее — задний участок твердого нёба. Функция мягкого нёба при образовании носовых звуков указана выше. При образовании всех других звуков нёбо является органом пассивным.

Всецело пассивным органом являются з у б ы.

Г у б ы при образовании звуков или находятся в спокойном состоянии, или же удлиняют полость рта тем, что вытягиваются вперед (напр., при **у**, **о**), или, наконец, углы губ растягиваются в стороны, чем полость рта расширяется (напр., при **ы**).

§ 23. К сказанному о функциях органов речи следует прибавить, что ширина полости рта зависит еще от степени р а с т в о р а рта, т. е. от работы нижней челюсти.

§ 24. Кроме того, следует иметь в виду, что существуют различия еще в с т е п е н и н а п р я ж е н и я, с которым органы речи приводятся в движение мускулами; этими различиями также обусловлены известные разновидности в звуках речи.

§ 25. Все сказанное об устройстве и функциях органов речи позволяет сравнить их с духовым музыкальным инструментом, напр., с органом. Легкие играют роль мехов, гортань — трубы, а полость рта и носа — роль наставной трубы, или резонаторов, окрашивающих так или иначе звук (голос), идущий из гортани. Но только роль полости рта этим не ограничивается: мы видели, что в ней самой образуются шумы, составляющие звук (в глухих звуках — даже без участия голоса).

Итак, в гортани колебанием голосовых связок образуется музыкальный звук — голос, а в полости рта колебаниями воздуха, вследствие взрыва или трения, образуются шумы. *Звуки речи могут состоять либо из одного шума, либо из голоса и шума; из одного голоса они состоять не могут.*

§ 26. Различия звуков речи по качеству. Познакомившись с функциями органов речи, мы знаем в общем те причины, от которых зависят в звуках речи качественные различия (ср. § 15 и 20). Теперь присмотримся ближе к образованию этих различий.

Определяя звуки речи, следует различать физиологическую сторону и акустическую: то, как образуются они, и то, какое слуховое впечатление производят. Понятно, акустические различия являются результатом различий физиологических, однако не всегда близкие или далекие физиологические звуки будут столь же близки или далеки акустически.

Мы будем рассматривать физиологическую сторону, делая, где нужно, замечания и об акустической. А приступая к рассмотрению звуков, главным образом, с физиологической стороны, мы поступили бы вполне последовательно, если бы разделили сначала звуки по наиболее существенным различиям в их образовании. Такими основаниями для деления могли бы явиться: присутствие или отсутствие голоса, образование путем взрыва или трения и т. п.

Однако ради некоторых практических удобств в изложении мы воспользуемся общеизвестным делением звуков на гласные и согласные, — делением, которое не основано на каком-либо существенном физиологическом различии, а более на акустическом впечатлении от этих звуков (физиологически они ближе друг к другу, чем акустически). Мы примем это общеизвестное деление и в дальнейшем изложении рассмотрим сначала образование различных гласных, а потом — согласных звуков. После этого удобнее будет остановиться еще раз на различии гласных и согласных, чтобы понять, к чему же сводится это, как сказано, несущественное различие в их образовании.

§ 27. Гласные звуки. Термин гласные (от «глас» — «голос») может подать повод к недоразумению: может казаться, что гласные это — те звуки, которые только одни образуются с голосом; но это не так: с одной стороны, с голосом образуются

также и многие согласные, что было видно из примеров уже выше (§ 18); с другой — возможно и произношение гласного без голоса (ниже, § 35).

Гласные различаются по месту образования, по способу образования, по состоянию языка и по участию губ.

1. По месту образования они бывают переднего, среднего и заднего рядов, смотря по тому, образуются ли они подъемом передней части языка к переднему нёбу, или средней — к среднему, или задней — к заднему. Так, напр., **и** — переднего, **ы** — среднего, **а** — заднего ряда.

2. Под способом образования разумеется условно степень поднятия языка к нёбу в той или иной части. Здесь различаются гласные верхнего, среднего и нижнего подъема. Так, напр., **и** — верхнего, **а э** — среднего подъема в одном и том же переднем ряду, **ы** — верхнего подъема в среднем ряду, **а** — нижнего подъема в заднем ряду.

3. Язык при образовании гласных может находиться или в более напряженном, или более свободном состоянии. Различают оттенки гласных **напряженные** и **ненапряженные**. Напр., русское **э** в *эта* ненапряженное, а в *эти* напряженное; франц. **ê** (*fermé*, «закрытое») — напряженное, **è** (*ouvert*, «открытое») — ненапряженное. Этим оттенкам дают также названия: «широкий» и «узкий», — названия, указывающие на степень раствора рта, а не на состояние языка. Действительно, в громадном большинстве случаев в языках напряженность гласного связана с узким, а ненапряженность с широким раствором; но 1) это бывает не всегда, а 2) главная причина различия лежит здесь не в степени раствора, а в степени напряженности. Термины «закрытый» и «открытый» (ср. выше французские названия разновидностей звука **е**) должны обозначать то же, что «узкий» и «широкий».

4. Участие губ имеется в виду одно: **вытягивание** их вперед и **округление**. Различаются гласные **лабиализованные** (от латинского *labia* «губы»), т. е. произносимые с вытянутыми и округленными губами, и **нелабиализованные** — без такого участия губ. Их можно было бы называть **округленные** и **неокругленные** (ср. немецкое название для лабиализованного гласного *gerundet* — «округленный» и английское *round* — «круглый»). Напр., русские **у, о** — лабиализованные звуки (оба заднего ряда, но **у** — верхнего, **о** — среднего подъема), нем. **ü, ö** — лабиализованные звуки переднего ряда, соответствующие по месту и подъему нелабиализованным того же ряда **и, э** и лабиализованным же, но заднего ряда **у, о**.

§ 28. Таким образом, получается 36 видов гласных. Однако не надо думать, чтобы этим исчерпывалось все разнообразие существующих в человеческих языках гласных звуков; надо иметь в виду, что понятия: верхний, средний, нижний подъем языка — понятия условные, что условны и понятия: передний, средний,

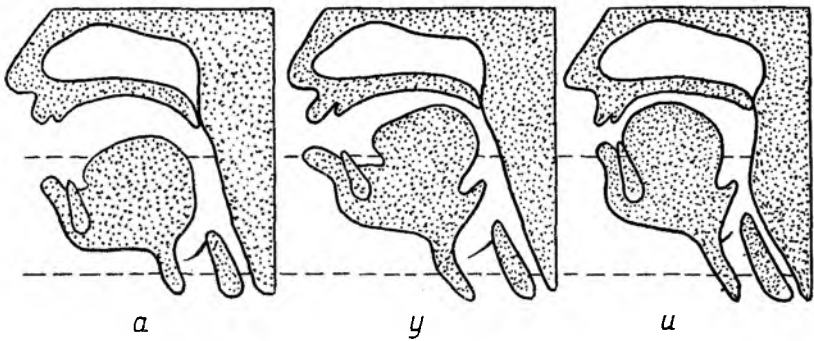

Рис. VI.

задний ряда — и что на самом деле мы постоянно встречаем в языках звуки промежуточных образований между указанными как горизонтальными, так и вертикальными рядами. Намеченные 36 видов гласных звуков надо рассматривать, следовательно, как типичные разновидности, установление которых помогает нам определять живые звуки, слышащиеся в том или ином языке, в том или ином индивидуальном произношении.

Эта система классификации гласных по трем горизонтальным и трем вертикальным рядам называется обыкновенно английской, так как впервые была предложена английскими учеными. Существуют и другие. Надо сказать, что уложить все живое разнообразие звуков всех человеческих языков в любую из них нелегко.

Для того, чтобы дать представление о положении органов речи при произнесении гласных, прилагается рисунок VI, где изображены для примера артикуляции гласных: **а**, **у**, **и**.

При произнесении всех этих гласных проход в носовую полость закрыт: мягкое нёбо («нёбная занавеска») прижато к стенке зева, которая в этом месте немного подалась вперед ему навстречу. При **а** нижняя челюсть опущена ниже (рот раскрыт шире), чем при других. Гортань при произнесении различных гласных то опускается, то поднимается: при **и** она выше, чем при **а** и **у**. При **а** язык из спокойного состояния (как на рисунке I) отошел назад и несколько приподнялся задней частью к заднему нёбу; губы не вытянуты вперед (**а** — гласный заднего ряда, нелабиализованный, нижнего подъема). При **у** язык поднялся там же, но поднялся выше; губы вытянуты вперед (**у** — гласный заднего ряда, лабиализованный, верхнего подъема). При **и** язык поднялся высоко к переднему нёбу; губы не вытянуты (**и** — гласный переднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема). Напряженное или ненапряженное состояние языка на этом чертеже не может быть изображено.

§ 29. Все указанные выше 36 главнейших типов можно наглядно представить в следующей таблице:

Таблица гласных звуков¹

Ряды	Передний	Средний	Задний	
Нелабиализованные	и	ы		Верхн. подъем
	э	ы ^э		Средн. »
	ä	ä	а	Нижн. »
Лабиализованные	й	й	у	Верхн. подъем
	ö	ö	о	Средн. »
	ä ⁰	ä ⁰	а ⁰	Нижн. »

В этой таблице 18 клеток; в каждой из них подразумеваем по две разновидности: звук напряженный и звук ненапряженный; изображать эти различия наиболее принято или посредством крышки над буквой для звука напряженного: *й, э* и др.— напряженные, *и, э...* ненапряженные,— или же посредством цифр: *и₁, э₁...* напряженные, *и₂, э₂...* ненапряженные.

§ 30. Для того, чтобы дать себе по возможности ясный ответ в изображенных в таблице условными знаками звуках, следует отпирать от звуков, изображенных жирными буквами *и, э, ы, а, у, о*. Здесь разумеются те звуки, которые каждый говорящий по-русски произнесет отдельно при первом взгляде на эти буквы; так же произносится они и в начале слов под ударением: *ива, эта* и т. д. (русских слов, начинающихся с *и, нет*).

Произнесите несколько раз подряд *и — э, э — и*, и вы заметите, что кончик языка все время остается у переднего нёба (сейчас же за зубами), но что при *и* он выше и рот раскрыт уже, а при *э* он ниже и рот раскрыт несколько шире. Произнесите теперь опять *и — э* и затем произнесите звук, раскрыв рот еще

¹ Здесь буквы русские. То же латинскими буквами:

i	y	
e	y ^e	
ä	ä	a
й	й	u
ö	ö	o
ä ⁰	ä ⁰	a ⁰

шире, но не отводя языка назад: получится звук, акустически средний между э и а, похожий и на э и на а. Его можно назвать а переднего ряда и изобразить \bar{a}^1 . Таким образом, можно убедиться, что все эти три звука передние, причем и — верхнего, э — среднего и \bar{a} — нижнего подъема. Звук типа \bar{a} слышится в русских словах между двумя мягкими согласными, как *пять, печаль* (буквы я или а). Ухватив артикуляцию \bar{a} , произнесите а: вы почувствуете, как язык отошел назад, потому что а — звук заднего ряда, но того же нижнего подъема, как и \bar{a} : вертикальный ряд другой, горизонтальный — тот же.

Разницу в подъеме языка в заднем ряду ощутить труднее, чем в переднем, однако, после некоторого упражнения, возможно. Произнесите у — о, и вы заметите, что вместе с расширением раствора рта для о понижается и задняя часть языка; теперь, произнеся у — о, раскройте рот еще шире, как это нужно для а, и вы получите звук, акустически средний между о и а, похожий и на о и на а. Его можно назвать лабиализованным а, потому что он произносится при вытянутых и округленных губах, как у и о, и изобразить a^o . Эти три звука — задние, лабиализованные, причем у — верхнего, о — среднего, a^o — нижнего подъема. Звук, принадлежащий к типу a^o , слышится, напр., в английск. *all, not*; из русских может слышаться у лиц, утрачивающих окающее произношение, но не усвоивших аканья, т. е. не произносящих уже о, напр., *вода*, но и не произносящих еще а: *вада*.

Теперь, заметив лабиализацию, т. е. вытягивание и округление губ, необходимое при у, о, a^o , произнесите с округленными губами и, э, \bar{a} , и вы получите лабиализованные звуки переднего ряда: \bar{y} , \bar{o} , \bar{a}^o , причем \bar{y} , следовательно, сходно с и тем, что произносится в том же переднем ряду и с тем же подъемом, а с у тем, что произносится с лабиализацией и тем же подъемом; те же соотношения будут у \bar{o} с э и с о, у \bar{a}^o с \bar{a} и с a^o . Можно сказать, что \bar{y} — это лабиализованное и или что это переднее у; что \bar{o} — лабиализованное э или переднее о; \bar{a}^o — лабиализованное а или переднее a^o . К типу \bar{y} принадлежит, напр., французск. звук, передаваемый буквой *u* (*lune*), немецкий \bar{u} (*über*), русский, напр., в словах *оканчиваются, надеюсь* (желая услышать этот звук, не следует произносить по слогам: *наде́юсь*, потому что тогда не получится переднего звука; передний звук получается именно при тех условиях, которые будут нарушены при таком раздельном произношении); к типу \bar{o} — франц. звук, передаваемый буквами *eu* (*peu*), немецкий \bar{o} (*schön*); к типу \bar{a}^o — франц. (носовой) звук в слове *un*.

Так мы рассмотрели гласные переднего и заднего ряда, как нелабиализованные, так и лабиализованные, за исключением двух

¹ Здесь эта буква взята в чисто условном значении. В немецкой азбуке она обозначает не этот звук, а е среднего подъема.

типов: нелабиализ. задних звуков верхнего и среднего подъема (иначе, нелабиализованных **у** и **о**). Эти последние, образуемые в заднем ряду, как **а**, один с таким подъемом, как **и**, а другой — с таким, как **э**, акустически должны быть ближе к соответствующим по подъему гласным среднего ряда и трудно от них отличимы.

В среднем ряду нам хорошо знаком нелабиализованный гласный верхнего подъема **ы**; это, так сказать, **и**, передвинутое в среднее небо. Если мы опустим несколько язык (и несколько шире растворим рот), получим звук, соответствующий по подъему **э** или **о**. Его можно назвать **э** среднего ряда или **ы** среднего подъема и изобразить **ы^э**. Этого типа звук слышится во многих неударяемых словах в русском языке, напр.: *водяной, садовод, выгода, выдача* (буквы **о** или **а**). Произнеся теперь опять **ы^э** — **ы^э**, раскройте рот еще шире, как это нужно для **а**, и вы получите звук, акустически средний между **ы^э** и **а**. Его можно назвать **а** среднего ряда и изобразить буквой **а** с точкой: **а̇**. Он слышится часто в русской речи в начале и конце слов под влиянием известных условий произношения там, где при других условиях слышится или **ы^э** или **а**, напр., *анатварилы^э* (но: *атварил, оны^этварил*), *мама!* (но: *мамы^эпришла*).

§ 31. Из того, что говорилось о звуках **ä**, **â** и **а**, видно, что, если артикуляция **а** немного передвинется вперед, получится **â**; если еще дальше вперед, получится **ä**. Таким образом, мы можем говорить об **а** заднем, **а** среднем, **а** переднем. Таким же образом и в лабиализованных звуках существуют средние между **у** и **ÿ**, между **о** и **ö**, между **а^о** и **ä^о**; их мы можем обозначить **ÿ**, **ö**, **ä^о**. Принимая во внимание степени подъема языка, мы можем рассматривать **ÿ** как лабиализованные **ы**, **ö** как лабиализ. **ы^э**, **ä^о** как лабиализ. **â**, — совершенно так же, как мы рассматривали в переднем ряду **ÿ**, **ö**, **ä^о** как лабиализованные **и**, **э**, **ä**.

Из всех описаний звуков мы можем сделать вывод, что чем шире раствор рта и ниже подъем языка, тем звук с акустической стороны заключает более элемента **а**, — иначе, чем открытое звук, тем более он похож на **а**. Столь же справедливо теоретически было бы сказать, что чем закрытое звук, тем он ближе к **и**.

§ 32. В каждом рассмотренном типе, как замечено уже выше, может быть напряженный и ненапряженный оттенок. В русском языке это различие достаточно ясно в звуке **э**; так, перед мягкими согласными и после **й** (**и** неслоговое, см. § 47) у нас **э**, напряженное (напр., в *эти, ели¹*), *шесть* (**с** мягкое), а перед твердыми и в конце **э**, ненапряженное (напр., в *эта, ел, шест, мне²*).

П р и м е ч а н и е. Оттенки эти довольно тонки, и человеком, никогда не обращавшим на них внимания, различие улавливается иногда нескоро. Всего удобнее

¹ Одинаково и там, где писали **ѣ** (в значении 'кушали'), и там, где писали **е** (*деревья*).

² О звуковом значении букв **ѣ**, **е**, незнакомство с которым может мешать пониманию этих примеров, см. § 54.

наблюдать его в разнице произношения *эта* и *эти*; можно, начав произносить *эта* и сказав *э*, закончить *ти*, и наоборот; тогда можно уловить, что *э*, предназначенное для *эта*, не годится для *эти*, и наоборот. Мы привыкли произносить *э*₁ перед мягким согласным и склонны переносить это условие и на слова другого языка, в котором появление *э*₁ и *э*₂ не зависит от соседства мягкого или твердого согласного; так, франц. *ciel* «небо» русский, не усвоивший точного французского произношения, произносит с звуком *э*₁, который слышится в его слове *съели*, между тем как в *ciel* звук *э* того типа, к которому принадлежит *э* в *свел*. Таким образом, знакомый с произношением французского *ciel*, может быть, скорее уловит разницу между *э*₁ и *э*₂ в русских *съели* и *свел*.

Напряженность других русских гласных зависит или также от различного соседства, или от положения под ударением, но ее гораздо труднее подметить, чем в звуке *э*.

§ 33. Примеры к таблице гласных.

и	<i>и</i> ₁	:	<i>пíлы</i> , фр. <i>fini</i> , нем. <i>sie</i> .
	<i>и</i> ₂	:	<i>пила</i> , нем. <i>Tisch</i> .
э	<i>э</i> ₁	:	<i>эти</i> , фр. <i>été</i> , нем. <i>See</i> .
	<i>э</i> ₂	:	<i>эта</i> , нем. <i>helfen</i> , <i>Männer</i> , фр. <i>bête</i> .
ä	<i>ä</i> ₁	:	<i>пять</i> , <i>чай</i> .
	<i>ä</i> ₂	:	фр. <i>vin</i> , англ. <i>man</i> .
ү	<i>ү</i> ₁	:	фр. <i>lune</i> , нем. <i>über</i> .
	<i>ү</i> ₂	:	<i>надеюсь</i> , нем. <i>schützen</i> .
ö	<i>ö</i> ₁	:	фр. <i>peu</i> , нем. <i>schön</i> .
	<i>ö</i> ₂	:	фр. <i>peuple</i> , нем. <i>Völker</i> .
ä^o		:	фр. <i>un</i> .
ы	<i>ы</i> ₁	:	<i>рыба</i> , <i>жир</i> .
	<i>ы</i> ₂	:	<i>пíлы</i> .
ы³	<i>ы</i> ₁ ³	:	<i>продал</i> , нем. <i>Gabe</i> .
	<i>ы</i> ₂ ³	:	<i>промах</i> .
ä	<i>ä</i> ₁	:	англ. <i>bard</i> .
	<i>ä</i> ₂	:	англ. <i>how</i> .
а	<i>а</i> ₂	:	<i>пан</i> , нем. <i>Vater</i> .
у	<i>у</i> ₁	:	<i>дух</i> , фр. <i>rouge</i> , нем. <i>du</i> .
	<i>у</i> ₂	:	<i>душа</i> , нем. <i>und</i> .
о	<i>о</i> ₁	:	фр. <i>rose</i> , нем. <i>so</i> .
	<i>о</i> ₂	:	<i>стон</i> , нем. <i>voll</i> , англ. <i>no</i> .
а^o	<i>а</i> ₁ ^o	:	англ. <i>all</i> .
	<i>а</i> ₂ ^o	:	англ. <i>not</i> .

Примечание. На некоторые звуки не дано примеров или потому, что они не встречаются в наиболее известных языках, или потому, что трудно определить с несомненностью условия их появления (а потому и примеры могли бы быть неубедительны). При чтении этих примеров не следует забывать, что принадлежащие к одному и тому же типу звуки разных языков могут не быть абсолютно тождественны (ср. сказанное в § 28 о 36 типах).

§ 34. Гласные чистые и носовые. Все рассмотренные гласные могут произноситься или с закрытым, или с открытым проходом

в полость носа (см. § 19). Если проход закрыт, то резонатором является только полость рта; такие гласные называются ч и с т ы м и; если же — открыт, то резонатором явится и полость носа, и те же гласные и, э, а, о и т. д. получают особый носовой призвук («назализация»); такие гласные называются н о с о в ы м и, или н а з а л и р о в а н н ы м и. Носовые гласные существуют, напр., во французском, польском языках; существовали они в старославянском, а также и в общеславянском языке.

Примечание. Во французском письме носовые гласные звуки обозначаются неточно посредством написания буквы, изображающей чистый гласный звук, и при ней другой буквы, изображающей звук носовой согласный, напр., *an, on* и т. п. В действительности же гут только один звук: носовой гласный. Это — условность правописания, изображающего не то, что есть, а что когда-то было: исторически носовые гласные, действительно, произошли именно из сочетания чистого гласного с носовым согласным; носовой согласный в произношении давно уже не существует, а все продолжает изображаться в письме (от согласного здесь остался только открытый проход в полость носа, а особая артикуляция его уже давно отсутствует). В польском письме носовое свойство гласных изображается особым значком под буквой: *ę, ą* (причем посредством *ą* в польском передается о носовое; причины этой условности лежат, конечно, в истории самого польского письма). — В старославянском (иначе, древнецерковнославянском) для них существовали особые буквы: «юс большой» Ж обозначал о носовое, «юс малый» Ѧ — е носовое.

§ 35. Гласные с неполным голосом и без голоса. Мы видели выше (§ 18), что такое голос, отсутствие голоса и неполный голос.

При одной и той же артикуляции в полости рта, но вследствие различий в действии при этом голосовых связок, может быть один и тот же гласный звук с полным голосом, с неполным голосом и без голоса.

Наиболее обычно произношение гласных с полным голосом, т. е. при полном звучании голосовых связок. Но есть в разных языках звуки, которые и в нормальной речи произносятся «вполголоса», «полушепотом», т. е. не при полном звучании голосовых связок. Такие гласные есть и в русском языке; так, напр., **ы³** — гласный среднего ряда среднего подъема — произносится обычно с неполным голосом, и исторически он возник на месте полных **о, а** в положении их без ударения, именно в связи с убылью голоса. С неполным голосом произносится, напр., конечное **е** в нем. *hatte*. Такие гласные можно назвать «полуглухими». Наконец, при произнесении гласных шепотом мы получаем гласные совсем без голоса, так как при этом голосовые связки совсем не звучат.

В этом последнем случае шум, как мы знаем, образуется в гортани. Но возможен такой случай: в гортани ни голоса, ни шума нет, т. е. воздух проходит бесшумно в широкую голосовую щель,

но полость рта приняла при этом такое положение, какое требуется для того или иного гласного; тогда воздух, проходя по полости рта, настроенной, так сказать, напр., на **а**, даст легкий шум (уже в самой полости рта); этот легкий шум физиологически представляет собою гласный звук **а**, но безголосый; акустически же он похож не на **а**, а на очень слабый звук **х**. Таково, напр., обычное нем. **h**. Такой безголосый гласный нужно отличать от так называемого «придыхания»: придыхание образуется в гортани (см. с. 50—51), физиологически является звуком согласным и акустически характеризуется гораздо более сильным шумом. Безголосые гласные можно назвать «глухими».

§ 36. Согласные. Согласные различаются по составу, по способу артикуляции и по месту ее.

1. Согласные могут состоять или из одного только шума, или из шума и голоса; во втором случае может преобладать или шум над голосом, или голос над шумом (см. § 20). В связи с этими различиями, согласные делятся по составу на шумные, состоящие или из одного только шума, или из шума и голоса, но с преобладанием шума, и на сонорные, состоящие из шума и голоса, но с преобладанием голоса.

2. В шумных различают шумные глухие, состоящие из одного только шума, и шумные звонкие, состоящие из шума и голоса.

3. По способу артикуляции согласные делятся на взрывные, в которых шум происходит от вырывающегося воздуха при разрыве смыкания между органами, и на фрикативные (от латин. *fricare* — «тереть»), в которых шум происходит от трения воздуха между сближенными органами. О таком двойном происхождении шумов см. в § 20. Вместо этих встречаются в лингвистических сочинениях и другие физиологические термины, указывающие также на ту или иную сторону образования шумов; вместо «взрывные»: «затворные», «смычные» (то же нем. *Ver-schlußlaute*), а вместо «фрикативные» (то же нем. *Reibelaute*): «щелинные» (от щель, то же нем. *Engelaute* от *Enge* — теснина), «проточные» (проток для воздуха), «спиранты» (от латин. *spirantes* — дыхательные) и, как перевод последнего, «придувные». Наконец, термины мгновенные (то же нем. *Momentanlaute*) и длительные (то же нем. *Dauerlaute*) — акустические и указывают на впечатление от звука на слух; при этом не надо «длительные» смешивать с «долгими» (см. в § 45): «длительные» могут длиться, т. е. могут быть и краткими и долгими; «мгновенные» не могут длиться.

4. По месту артикуляции, т. е. по месту образования шума, согласные делятся на задненёбные, средненёбные, зубные, губные и гортанные.

§ 37. В нижеследующей таблице (см. с. 63) указаны согласные звуки всех этих рядов, кроме гортанных; буквы русские с добавлением нескольких нерусских.

Указанные здесь и в § 42 звуки, подобно гласным, следует рассматривать как известные типы, к которым возможно свести так или иначе все живое разнообразие согласных звуков в человеческих языках.

§ 38. Остановимся теперь подробнее на образовании согласных звуков.

Задненёбные образуются в заднем нёбе путем смыкания или сближения задней спинки языка с мягким нёбом; при этом или есть голос или нет. Звуки, напр., к и г сходны тем, что оба образуются смыканием (оба звука взрывные), а различаются тем, что при к нет голоса (глухой), а при г есть (звонкий). С другой стороны, звуки к и х сходны тем, что оба образуются без голоса (оба глухие), а различаются тем, что к образуется смыканием (взрывный), а х сближением тех же органов (фрикативный).— Как в ряду взрывных задненёбных при глухом к есть звонкий г, так и в ряду фрикативных при глухом х есть звонкий звук, существующий в наречии южновеликорусском; встречается этот задненёбный фрикативный звонкий звук в немногих словах и в литературном русском произношении, напр., *господи, бога, благо* и некот. друг. Он качеством похож на г, но только его можно протянуть, чем он сходен и с х. Для этого звука в русской азбуке нет особой буквы, и в науке его принято обозначать условно греческой буквой γ («гамма»).

Таблица согласных звуков¹

		Задненёбные	Средненёбные	Зубные	Губные	
Шумные	взрывн.	глух.	к	к̄	т	п
		звонк.	г	г̄	д	б
	фрикативн.	глух.	х	х̄	с ш ^ф	ф
		звонк.	γ	γ̄ j	з ж ^δ	в w
Сонорные	Плавные		(р)		р л	(р)
	Носовые		н̄	н̄	н	м

¹ То же латинскими буквами с добавлением нескольких греческих.

k	к̄	t	p
g	г̄	d	b
x	х̄	s š ^ф	f
γ	γ̄ j	z ž ^δ	v w
п̄	п̄	r ln	m

Примечание. Южновеликорусам (уроженцам Тульск., Калужск., Рязанск., Тамбовск., Орловск., Курской губ., Донской области и некот. друг. мест) следует иметь в виду, что звук γ только для северновеликорусского и литературного произношений является звуком редким, а для них это звук обычный и единственный, т. е. они произнесут его не только в *господи* и т. п., но и везде, где только пишется *г*, — *город*, *выгода*, *Евгений* и проч. Если кому не случилось никогда обращать внимание на разницу этих двух звуков, то для упомянутых лиц единственное средство — прислушаться к звуку *г* в произношении москвича или северновеликоруса (не в слове *господи*), а москвичу или северновеликорусу — сравнить свое произношение *господи* (лучше восклицательное) и, напр., *город*. В украинском и в белорусском языках обычный звук не *г* взрывной, а вместо него гортанное придыхание.

Относительно задненёбных согласных необходимо заметить, что в школьных грамматиках их обыкновенно называют гортанными. Это название неверно, потому что они образуются не в гортани, и неудобно еще тем, что кроме них существует особый класс согласных, образующихся, действительно, в гортани. (О них ниже.)

Средненёбные образуются в «среднем» (см. в § 22) нёбе путем смыкания или сближения с ним средней спинки языка (ср. сказанное о задненёбных). Акустически здесь получаются почти те же звуки *к*, *г*, *х*, γ . Такие звуки услышим, если произнесем сочетания (необычные в русском языке): *кэ*, *гэ*, *хэ*, γ э. Таковы, напр., средненёбные звуки в немецких словах: *Kind*, *ich*, *Gipfel*. В русском языке средненёбные также существуют, но они бывают лишь смягченными: *руке*, *дуге*, *мухе*, южновеликорусское *ду́ге* (*рука*, *дуга*, *муха*, *ду́га* имеют *к*, *г*, *х*, γ задненёбные). В чем состоит явление «смягчения», чем различаются твердые и мягкие, иначе — несмягченные и смягченные звуки (напр. *т* и *ть*, *с* и *сь* и т. д.) — будет сказано в § 40. — Редкий пример несмягченного (твердого) средненёбного *к* в русском языке представляет диалектическое произношение *откэда* ('откуда', не следует смешивать с другим произношением: *откеда*, где *к* средненёбное смягченное: при *оттуда* — *откуда*, при *оттеда* — *откеда*, как при *оттэда* — *откэда*). — Средненёбные принято изображать κ , ξ , ξ , γ .

Из сравнения задненёбных с средненёбными видно, что вторые являются физиологически тем же, что и первые, но передвинутыми несколько вперед. Принимая эти типы, не следует забывать возможность разновидностей более задних и более передних в обоих этих типах. Очень распространена в языках одна из более передних разновидностей смягченного звонкого фрикативного средненёбного звука (γ), известная под названием «ёт» (буква *j*). Звук ёт существует, напр., в нем. языке (*ja*, *jener*), во франц. (*yeux*); он существует также и в русском языке, но в русском письме не изображается особой буквой: *я* = *ja*, *своё* = *свајо*, *шью* = *шју*.

Примечание. Для кого существование в русском языке звука *ј* является новостью (а это возможно потому, что он не изображается особой буквой), тот пусть постарается выделить его в собственном произношении, растягивая слог *я* или *ю*, подобно тому, как обучающиеся грамоте по звуковому способу выделяют звуки, напр., *с* из слога *са*, растягивая его (*с-с-с-а-а*); вторым звуком в слове *я* будет *а*, а в слове *ю* — *у*, а первым в обоих будет *ј*, звук, похожий на *и*, но отличающийся от него энергичным шумом, чем вообще отличаются согласные от гласных.

Зубные образуются путем смыкания или сближения языка с верхними зубами у самой десны или у нижнего их края (так что язык несколько выступает между зубами); существуют еще другие артикуляции зубных. Отсюда видно, что термин «зубные» употребляется в широком смысле и обнимает собою несколько классов звуков, образующихся передним краем языка вообще около зубов (верхнезубные, межзубные, зазубные и т. д.).

Взрывные **т** (глухой) и **д** (звонкий) в русском языке обыкновенно **в е р х н е з у б н ы е**. — Зубные фрикативные **с** (глухой) и **з** (звонкий), называемые **с в и с т я щ и м и**, характерное свойство своего шума — «свист» — получают оттого, что воздух узкой струей идет по желобку, образуемому в передней спинке языка, прижатого к нижним зубам, и разбивается о края нижних зубов. — Зубные фрикативные **ш** (глухой) и **ж** (звонкий), называемые **ш и п я щ и м и**, образуются в общем так же, как и свистящие, но язык к нижним зубам не прижат, почему за ними образуется свободное пространство — резонатор, в результате чего и получается не свист, а другой характерный шум — «шипение». — Греческими буквами **θ** («тэта») и **δ** («дельта») условно обозначена третья пара фрикативных зубных звуков (глухой и звонкий), существующих, напр., в греческом и английском языках (англ. *th*); эти звуки **м е ж з у б н ы е**: воздух не разбивается о края нижних зубов, так как они прикрыты кончиком языка, а третью о края верхних зубов.

Губные образуются путем смыкания или сближения губ между собою или верхних зубов с нижней губой. Следовательно, в губных можно различать «губно-губные» (иначе «билабиальные») и «зубно-губные». Русские взрывные **п** (глухой) и **б** (звонкий) — губно-губные, а фрикативные **ф** (глухой) и **в** (звонкий) — зубно-губные. В других языках и некоторых говорах русского языка часто встречается **в** «губно-губное», т. е. образующееся одними губами, как **б**, но не смыканием, а сближением губ. В фонетической транскрипции его принято изображать буквой *ш*.

Гортанные согласные сравнительно редки в языках (существуют, напр., в семитских языках). Образуются они в самой гортани смыканием или сближением голосовых связок, т. е. могут быть гортанные и взрывные и фрикативные, с звучанием и без звучания связок, т. е. могут быть глухие и звонкие. К ним

принадлежат различные придыхания, напр., звонкое гортанное придыхание, встречающееся в белорусском и украинском языках на месте северновеликорусского г.

Все рассмотренные до сих пор согласные относятся к шумным.

§ 39. **Сонорные** согласные по месту образования могут быть приурочены к тем же классам, как и шумные. К сонорным принадлежат плавные **р** и **л** и носовые **н** и **м**.

Звук **р** — обыкновенно зубной, в широком смысле слова, и образуется приближением кончика языка к верхней десне, причем самый кончик приходит в дрожание (подобно колеблющемуся язычку музыкальной трубы). Таков русский **р**. Но **р** может образоваться и в заднем нёбе; задненёбный **р** распространен во французском произношении и называется «картавым»; при нем дрожит «маленький язычок». — Наконец, **р** может получиться при дрожании губ; такой губной **р** слышится в звуке *тпру*, которым останавливают лошадей, в детском слове *тпруа* ('гулять'), в слове *тпрусь*, которым кличут жеребят.

Звук **л** — зубной. Кончик языка упирается или в десну, или в зубы (ср. образование зубных шумных), а по бокам остаются проходы, или только с одного бока один проход, по которым и течет воздух; следовательно, полного смыкания нет, и звук не взрывной. Различаются **л** веляризованный и невеляризованный; а именно при твердом **л**, как в русском *ла*, задняя часть спинки языка приподнята к заднему нёбу, как в артикуляции гласного **у**; такой подъем называется *веляризация*, а такое **л** — *веляризованным*; его принято изображать (если не русской буквой) латинской перечеркнутой буквой *l̄*. Во франц. *la* звук **л** невеляризованный; тоже и в русск. *ля*, где **л** сверх того еще смягченный. Невеляризованный и несмягченный **л** принято называть «европейским».

Главнейшая особенность в образовании носовых согласных та же, что и при носовых гласных, т. е. носовая занавеска открыта. В остальном они образуются так же, как шумные, и именно мгновенные, т. е. полным смыканием органов в заднем нёбе (**н** задненёбный), в среднем нёбе (**н** средненёбный), около зубов (**н** зубной; таков, напр., русский), или, наконец, губ (**м**). Задненёбный **н** слышится, напр., в нем. *Bank*, в русском же *банк* — **н** зубной (во франц. *banque* совсем нет согласного **н**, а только гласный **а** носовой). Понятно, что, несмотря на полное смыкание, **н** и **м** не являются взрывными; их можно тянуть потому, что для воздуха остается свободный проход через нос. Из сказанного следует, что **н** зубной образуется так же, как **д**, — **н** задненёбный, как **г**, — **м**, как **б**, но только при открытом проходе в полость носа; поэтому если мы захотели бы при открытом проходе в полость носа произнести **д**, **г**, **б**, то получилось бы **н**, **н̄**, **м**. — Знаки для разных **н** см. в таблице согласных на с. 63.

Подобно «глухим» и шепотным гласным, и сонорные могут

иногда после глухих согласных являться без голоса с одним шумом; такое шепотное **p**, напр., может слышаться в *Петр*, шепотное **m** — *драхм* и т. п.

§ 40. Смягчение. Согласные, которые нам на слух кажутся «мягкими», «смягченными», отличаются от соответствующих им твердых тем, что артикуляция их осложнена еще какою-то передненёбной артикуляцией, вроде той, которая нужна для образования гласных **e** или **i**, т. е. при произнесении «мягких» согласных мы делаем то же, что и при соответствующих твердых, но при этом кончик языка еще направляется к переднему нёбу: как будто бы, произнося твердый, мы в то же время «хотим» произнести **i**. То свойство, которое мы называем «мягкостью» звука, физически состоит в более высоком тоне звука сравнительно с тоном соответствующего твердого; а изменение в высоте и обусловливается именно указанным осложнением артикуляции, изменяющим соответственным образом объем и форму резонатора (т. е. полости рта). Смягчение иначе называют палатализацией, а смягченные звуки — палатализованными (от слова *palatum* = твердое нёбо). Таким образом, «палатализованный» это — термин физиологический (указывающий на образование звука), а «мягкий» — термин акустический (описывающий наше слуховое впечатление).

К смягчению не все согласные одинаково способны; более способны, понятно, те, артикуляция которых ближе к переднему нёбу (напр., зубные, средненёбные и губные), а, напр., задненёбные неспособны смягчаться. Смягчение очень распространено в русском языке.

Примечание. Как видим, мягкость — свойство согласных, а не гласных, как можно было бы думать, судя по тому, что в школьной грамматике буквы *e, u, y, ю* называются, а прежде еще *ѣ* и *і* назывались «мягкими»; этот школьный термин «мягкие гласные» можно допустить только как название букв, пишущихся после мягких согласных. Что же касается изображения мягкости согласного, то существуют в разных орфографиях различные способы. У нас, как мы видим, для мягких согласных употребляются те же буквы, что и для твердых, а мягкое свойство их изображается не в согласной букве, а в следующей за ней гласной (наприм., *да* = д твердое + а; *дя* = д мягкое + а и т. д.). Этот способ, по существу неверно передающий звуки, удобен тем, что освобождает от необходимости иметь особые буквы или знаки для мягких согласных (а в русском языке все согласные, кроме **ч, ц, ж, щ**, могут быть и твердыми и мягкими). Для сербов, напр., в языке которых только несколько согласных могут быть мягкими, существование отдельных букв для мягких не представляет неудобства; в сербском правописании *л*, наприм., означает л твердое, *љ* — л мягкое; *н* — н твердое, *њ* — н мягкое и пишется, напр., *коњ* ('конь'), *коња* ('коня'), *коњу* ('коню'). В польском письме мягкость согласного обозначается двояко: не перед гласной — значком над согласной, перед гласной — чрезвычайно условно, посредством буквы *i* после нее; так, напр., *trudność* (читается *трудность*), *koń*, *konia*, *koniowi* (*конь, коня, коню*).

Мягкость согласного, за которым не следует гласного, в русском письме изображается условно посредством *ь*: *конь, тоньше*, или остается необозначенной вовсе, напр., в словах: *дочка, измял, тончайший* ничем не обозначена мягкость звуков *ч, з, н*.

Не следует, кстати сказать, думать, что *ь* в русском письме ставится только после мягкой согласной; так, напр., в *рожь, мышь, ружье, шью* он стоит после твердых; иначе говоря, *ь* у нас является не только «мягким знаком», но и в иных ролях.

§ 41. Такая осложненная артикуляция, как смягчение, вовсе не стоит одиноко в человеческом языке. С явлением смягчения согласных однородно другое явление: л а б и а л и з а ц и я согласных; при произнесении лабиализованного согласного губы несколько вытягиваются вперед: говорящий как бы стремится в то же время произнести гласный *у*. Лабиализованные согласные (именно задненёбные) были в индоевропейском праязыке, существуют теперь в датском языке. В русском согласные перед лабиализованными гласными сами могут являться несколько лабиализованными.

§ 42. Слитные согласные. Кроме простых согласных, к которым относятся все до сих пор рассмотренные (в том числе и смягченные и лабиализованные), существуют еще согласные с л и т н ы е.

Один вид слитных согласных называется а ф ф р и к а т а м и. Они образуются из слияния в один звук двух рядом стоящих согласных одного класса по месту образования и однородных по участию голоса (двух глухих, двух звонких), но из которых первый — взрывной, а другой — фрикативный.

Наиболее употребительны в языках аффрикаты з у б н ы е. Таковы:

ц — из зубн. взрывн. глух. **т** + зубн. фрикат. глух. **с**.

ч — из зубн. взрывн. глух. **т** + зубн. фрикат. глух. **ш**.

дз — из зубн. взрывн. звонк. **д** + зубн. фрикат. звонк. **з**.

Напр., старослав. звук в словах: *бози, помози*¹; белорусск. в слове *дзед* (= дед); в русской речи эту аффрикату можно услышать при тесном слиянии в произношении **ц** с последующим звонким: *отец болен* (отедзболен), *Гинцбург* (гиндзбург), *уж и хитрец же* (хитредзже).

дж — из зубн. взрывн. звонк. **д** + зубн. фрикат. звонк. **ж**. Эта аффриката существует в сербск., итальянск. яз. (напр., итал. *adagio* произносится ададжо); в русской речи этот звук можно услышать при тесном слиянии **ч** со следующим звонким, напр., *алчба*², *учба*³, *дочь больна, Бонч-Бруевич, Манчжурия* произнесем: алджба, уджба, доджбальна, бонджбруевич, маньджурия.

¹ Ст.-слав буква *з* обозначала именно такой слитный звук **дз** и называлась «зъло», буква *з* называлась «земля» и обозначала простой звук **з**.

² В одном стихотворении В. Брюсова (в значении 'голод', ср. глагол *алка́ть*).

³ Народное слово в значении 'ученье'.

В латинской транскрипции указанные аффрикаты передаются буквами: *c, ċ, dz, ĝ*.

Аффрикаты необходимо отличать от неслитного произношения рядом стоящих звуков; выражение «слияние двух звуков в один новый» надо понимать в том смысле, что в аффрикате есть элементы того и другого звука; напр., в **ц** есть элементы **т** и **с**; получается же это от недостаточно быстрого замыкания затвора, делаемого при **т**, вследствие чего образуется на некоторое время теснина между языком и зубами, в которой естественно получается элемент звука **с**, пока по ней проходит воздух. Таким образом, **ц** отличается от **тс** тем, что и **т** и **с** в **ц** не совсем такие, каковы они в отдельном произношении.

Другой вид слитных согласных называется **придыхательными** и **согласными**, или **аспирами**. Они состоят из согласного взрывного и придыхания (т. е. гортанного фрикативного согласного). Обычно придыхательное произношение согласных перед ударяемой гласной в немецком языке, напр., *Top*.

§ 43. Различие гласных и согласных. Мы воспользовались обычным делением звуков на гласные и согласные, но говорили уже выше, что различие между ними по образованию несущественное. Было указано между прочим (§ 27), что не в участии или отсутствии голоса состоит это различие. Теперь удобнее отдать себе отчет, в чем же состоит это несущественное различие.

Из рассмотрения образования различных звуков мы можем теперь заключить, что гласные не требуют участия каких-либо иных, чем согласные, органов речи для своего образования, не требуют и какой-либо особой, им только свойственной, работы этих органов. Физиологическое различие гласных и согласных состоит только в том, что при гласных 1) раствор рта вообще шире, чем при согласных, 2) органы речи никогда не смыкаются и 3) сближение их никогда не достигает такой сильной степени, как при согласных. Гласные, следовательно, являются звуками более «широкими», согласные более «узкими», и самый узкий гласный шире самого широкого согласного. Вследствие этого голос при гласных очень слышен, а шум, так сказать, поглощается голосом (однако он присутствует и в гласных, давая голосу различную окраску). Таким образом, физиологическое различие между гласными и согласными сводится лишь к степени участия органов речи в образовании звуков.

Для выяснения границы гласного и согласного поучительно сравнить образование, напр., гласного **и** и согласного **ј**; место образования того и другого можно считать одним и тем же, разница в величине щели: большая узость ее дает преобладание шуму над голосом (**ј**), несколько расширенная щель дает преобладание голосу (**и**).— Возьмем еще согласный губно-губной **w** (см. в § 38) и гласный **у**: несколько вытянутые губы сближены; между ними выдуваемый воздух издает шум, которым заглушается голос,—

получается согласный **w**; губы вытянуты более, но раскрыты шире, и шума уже не слышно, он заглушен голосом,— получается (если при этом задняя спинка языка поднята известным образом к нёбу) гласный **y**.— Граница гласного и согласного совсем стирается при сравнении глухого гласного (§ 35) с обыкновенным, т. е. голосовым: акустически те легкие шумы, которые представляют собою глухие гласные, мы отнесем скорее к согласным звукам. Наконец, как мы видели, сонорные согласные гораздо ближе к гласным, чем к остальным согласным.

В школьной грамматике указывается, как на разницу, что гласные образуют слог, а согласные нет. Если бы это и было верно, то не касалось бы различий в образовании; но и вообще это не составляет различия между гласными и согласными, потому что, как увидим ниже (§ 47), и согласные могут образовывать слог, и гласные могут не образовывать слога.

§ 44. Физиологическая классификация звуков речи. Познакомившись с образованием звуков речи, посмотрим, как возможно классифицировать их, исходя из более существенных физиологических признаков, чем те, на основании которых установлены классы гласных и согласных звуков.

По степени участия шума и голоса в образовании звуков известные уже нам разряды звуков можно расположить в следующем порядке — по степени убывающего участия шума:

шумные глухие (один шум, голоса нет),
шумные звонкие (голос есть, но шум преобладает),
сонорные (голос преобладает, шум есть),
гласные (голос преобладает еще более, шума еще менее).

С этой точки зрения сонорные согласные звуки и звуки гласные можно объединить в один класс **сонорных звуков**, т. е. звуков с преобладанием голоса, противопоставив его классу **шумных**, т. е. звуков с преобладанием шума. Всякого рода шепотные звуки и «гласные глухие» отойдут к классу шумных.

Если мы взяли бы за основание деления **взрывную артикуляцию**, то получили бы:

Звуки со взрывом:

Согласные шумные взрывные: глухие и звонкие.

Звуки без взрыва:

Согласные шумные фрикативные: глухие и звонкие.

Согласные сонорные (в том числе и шепотные)

Гласные (в том числе и глухие и шепотные).

Если бы, наконец, мы исходили от присутствия или отсутствия **голоса**, то получили бы:

Звуки голосовые:

Гласные с полным голосом.

Гласные полуглухие (§ 35).

Согласные сонорные.

Согласные шумные звонкие: взрывные и фрикативные.

Звуки безголосые:

Гласные глухие и шепотные.

Согласные сонорные шепотные.

Согласные шумные глухие: взрывные и фрикативные.

§ 45. Различия звуков речи по количеству, высоте и силе.

В начале этой главы было указано, что в звуках речи наблюдаются, как и во всяких звуках, различия по силе, высоте (или тону) и тембру (окраске). Все до сих пор рассмотренные различия касались тембра, составляли качество звуков.

Под количеством понимается количество времени, в которое произносится звук. Различаются долгие, краткие и иррациональные (короче кратких) звуки. Эти понятия относительные, т. е. долгими, краткими или очень краткими могут быть одни звуки сравнительно с другими в том же языке; долгие или краткие звуки одного языка могут не равняться по продолжительности долгим или кратким другого. — Количество различается как в гласных, так и согласных звуках. На письме долгие согласные изображаются обыкновенно двойной буквой: *длинный, масса*. Понятно, долгими не могут быть взрывные (см. § 36, 3); но они могут *казаться* долгими, напр., *оттуда, наподдать*; эту акустическую иллюзию долготы производит маленькая пауза после смыкания органов; таким образом, то, что изображается двумя буквами *тт*, представляет собою паузу на затворе плюс один звук *т*.

Относительно высоты надо заметить, что каждый звук в каждом языке имеет свою нормальную высоту, с изменением которой звук акустически меняется.

На различии в силе основано, как сейчас увидим, различие слоговых и неслоговых звуков, а также один из видов явления, называемого «ударением».

§ 46. Слог. Речь наша состоит из непрерывного ряда звуков, которые следуют друг за другом, не сливаясь между собой. Речь делится на слова, которые с внешней стороны представляют собою звук или звуки, подчиненные одному ударению (об ударении см. § 48), а с внутренней стороны слово — такая единица, которая имеет особое значение. Это последнее обстоятельство и позволяет слушающему разлагать речь говорящего на отдельные слова, найти границу между словами; так, речь на неизвестном нам языке мы не разобьем правильно на отдельные слова; так, если даже среди известных слов нам встретится несколько незнакомых, они могут слиться в одно целое. Напр., слова *дар Валдая* в песне, где поется: *И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой*, — кому не казались одним словом в детстве, когда ни значение *дар*, ни *Валдая* не были понятны? Они представлялись каким-то деепричастием *дарвалдая* от несуществующего глагола *дарвалдать*. Писатель Мережковский в детстве читал Лермонтовский стих: *По небу полуночи ангел летел* так: *По небу, по луночи*, решив, что есть такое слово *луночь*. Или одно незнакомое слово может слиться со знакомым: *На нем флюгера не шумят* может обратиться в *На нем флюгеране шумят* (*флюгеране* ученик понимал в смысле какого-то отряда матросов). Или часть слова может оторваться и пойти на осмысление другого, непонятного: *Шуми, шуми волнами, Рона!* понятно было: *Шуми, шуми, волна Мирона!* Таким образом, на

слова речь делится только по смыслу. Но не на эту сторону дела, смысловую, теперь обратим внимание, а на внешнюю, звуковую.

С внешней стороны речь делится на отделы от паузы до паузы, которые можно назвать речевыми тактами. В пределах речевого такта непрерывный ряд звуков: мы не останавливаемся после каждого слова. Но эти звуки не одинаковы по силе выдыхания (экспирации). Слух различает более сильные звуки; рядом стоящие, более слабые, как бы примыкают или к предшествующему, или к следующему сильному, и весь речевой такт является разбитым на частички, отделенные одна от другой или прекращением или ослаблением экспирации. Эти частички — слоги. Так, напр., границу между первым и вторым слогами в слове *труба* составляет затвор губ, нужный для взрывного **б**; в момент затвора прекращается экспирация; взрыв относится ко второму слогу. Границу в слове *трава* составляет образование нужной для **в** теснины между верхними зубами и нижней губой; в этот момент ослаблена экспирация. В долгих звуках слогораздел приходится по середине звука; напр., в *масса* момент наименьшей силы экспирации является в середине произнесения долгого **с**, так что этот звук, не прекращаясь, как бы распадается на две части.

Таким образом, слог — это один или несколько звуков, произнесенные отдельным напором выдыхаемого воздуха.

§ 47. Звуки слоговые и неслоговые. Звук, произносимый в слог с наибольшей силой, называется слоговым, или слогообразующим; другие звуки в слог по силе подчинены ему, произносятся, так сказать, заодно с ним; такие звуки называются неслоговыми.

Все гласные могут быть слоговыми, но могут быть и неслоговыми. Наиболее употребительны в языках в качестве слоговых именно гласные. Пример неслогового гласного можем видеть в русских слогах *ай, ой*, где *и* — неслоговое. В белорусском *воук, быу* (волк, был) — *у* неслоговое. В школьных учебниках **й** неслоговое называют «кратким»; этот термин дает повод к неверному пониманию природы этого звука: главное свойство такого **и** — недостаточность не в количестве, а в силе, вследствие чего оно и не образует особого слога; ср., напр., *сарай* и *сарайи*; что же касается количества, то по количеству неслоговое **и** может и не быть кратким. Ему шло бы скорей название «слабого» **и**.

Соединение гласного слогового с гласным неслоговым называется двугласным, или дифтонгом. Неслоговое свойство гласного принято изображать полукружочком под буквой: *а, і* и т. п. Мы ниже будем изображать **и** неслоговое русской буквой *й*.

Все согласные могут быть неслоговыми, но могут быть и слоговыми. Наиболее употребительны в качестве неслоговых звуков именно согласные; в качестве же слоговых согласных чаще встречаются в языках сонорные. Слоговое свойство согласного принято изображать кружочком под буквой: *л, н* и т. п.

Примеры. В древнеиндийском, старославянском, чешском и других языках известны слоговые **р** и **л** (напр., чешск. *vlk* 'волк', *křk* 'шея'), в индоевропейском праязыке были слоговые **р**, **л**, **м**, **н**. При быстром произношении слоговые согласные могут явиться и в тех языках, где вообще их нет. Напр., *Ивановна* может быть произнесено так, что будет скрадено *-ов-*; тогда третий слог будет состоять из одного **н**, т. е. **н** слогового: *И-ва-н-на*. Так же: *всамделе* (в самом деле), *новва* (нового) и т. д. Или, напр., немецкие *einen*, *Apfel* могут звучать *ei-nn*, *Ap-fl*.

Примечание. Явление слога возникло, по-видимому, в человеческом языке механически, в зависимости от того, что человек для говорения воспользовался теми же органами, которые служат ему для дыхания. При необходимости одновременно говорить и дышать дыхание, естественно, вырывается тогда, когда раствор рта и уклад органов речи шире, что наблюдается при гласных и сонорных; этим можно объяснить преобладающую роль гласных и сонорных в качестве слоговых.

§ 48. Ударение. Среди слогов в слове один всегда выделяется, а другие являются ему подчиненными. Это выделение одного слога, как главного, называется ударением слов.

Выделяться слог может 1) силою звука; это ударение называется выдыхательным, иначе экспираторным; или 2) высотой звука — музыкальное; или 3) силою и высотой — смешанное. Музыкальное существовало в древнегреческом; смешанное существует в сербском и литовском; выдыхательное — в русском языке.

Как бывает ударение слова, так возможно ударение целого сочетания слов¹, т. е. одно из слов будет выделяться из ряда других силой. Так, если я, говоря: *подай мне книгу*, прошу подать мне книгу, а не что-либо иное, я сделаю ударение целого предложения на слове *книгу*.

§ 49. Слоговое свойство и выдыхательное ударение. Между слоговым свойством и выдыхательным ударением, как видим, есть связь: это — разные степени одного и того же явления — силы выдыхания. С этой точки зрения выделение в слоге слогового, как более сильного, звука можно назвать ударением слога подобно тому, как выделение более сильного слога в слове называем ударением слова, а выделение более сильного слова (т. е. с наиболее сильным слогом) называем ударением словосочетания или предложения.

Если мы силу неслогового звука обозначим 1, а слогового 2, то слово *дай* изобразим так:

дай

121

¹ Называется обыкновенно «логическим» ударением.

Слоговой звук в слогe, носящем ударение слова, будет сильнее слогового же звука в другом слогe того же слова; поэтому обозначим его через 3:

кнѣ-гу

1 1 3 1 2

Ударение словосочетания обозначим 4:

по-даѣй мне кнѣ-гу

1 2 1 3 1 1 1 2 1 1 4 1 2

Приложение к главе II

Звуки русского языка

§ 50. В главе II мы занимались общим вопросом о том, какие звуки существуют в человеческом языке и как они образуются, причем примеры по весьма понятным причинам приводили, главным образом, из русского языка. Теперь мы обратимся к частному вопросу о звуковом составе русского языка, иначе говоря, к фонетике (ср. § 10) русского языка. Термин «русский язык» нужно понимать везде в смысле современного общерусского литературного языка, в основание которого исторически лег московский говор (города Москвы и ее ближайших окрестностей).

При школьном обучении русскому языку, в силу тех задач, которые преследует это обучение, обыкновенно главнейшее, если не все, внимание обращается на то, что пишется, а не на то, что говорится, на правописание, а не на язык. Поэтому мы так привыкаем к буквам, что, когда приходится рассуждать о звуках, склонны постоянно думать о буквах. Но знание букв не дает знания звуков, так как в любом письме, и в том числе в русском, одною и тою же буквой могут передаваться разные звуки и, наоборот, один и тот же звук может передаваться разными буквами; напр., одной буквой *е* передаются звуки и *э* и *о* после мягких согласных, напр.: *лесть* и *лед* [л'от]; одною буквою *о* передаются три разных звука в словах, напр., *водный*, *вода*, *водяной* (звуки *о*, *а*, «ъ»); наоборот, разные буквы *а* и *я* передают один и тот же звук, напр., *чай* и *пять*; наконец, известные сочетания звуков могут передаваться настолько условно, что из букв нельзя извлечь никаких указаний на входящие в их состав звуки: таково, например, *-ться* (*учиться*), произносимое как *цць*. При научном отношении к языку это смешение букв со звуками недопустимо. При чтении того, что изложено ниже, надо, следовательно, стараться отрешиться от букв, так как дело идет не о них, а о тех звуках, которые можно подметить в русском произношении.

Какие же звуки существуют в русском языке? Наполовину этот вопрос уже получил ответ в главе II. Теперь мы соберем все уже приведенные данные по этому вопросу и прибавим еще некоторые, которые не могли найти себе места в предшествовав-

шем изложении; однако мы не будем задаваться целью исчерпать звуковой состав русского языка во всех его мельчайших подробностях и ограничимся главнейшим.

	Передние	Передне-средние	Средние	Задние	
Нелабиализованные	и	ы ^н	ы		Верхн.
	э	ь ^л	ъ ^л		Средн.
	я̃		а̃	а	Нижн.
Лабиализованные	й̄		ӯ	у	Верхн.
			о̄	о	Средн.
					Нижн.

Сначала укажем гласные, а потом согласные звуки русского языка.

§ 51. **Гласные звуки** русский язык имеет следующие: из передних нелабиализованные и, э, я̃ и лабиализованные типа й̄; из средних нелабиализованные ы, ъ, а̃ и лабиализованные ӯ и о̄; из задних нелабиализованный а и лабиализованные у и о; встречаются промежуточные типы между передними и средними: промежуточный между и и ы звук ы^н и промежуточный между э и ъ звук ь. Названные звуки представлены на с. 75 в таблице, подобной той, которой мы уже пользовались выше для классификации звуков; пустые клетки означают, что соответствующие звуки в русском литературном языке или не встречаются совсем, или чрезвычайно редки (т. е. могут встретиться как особенности какого-либо индивидуального произношения).

В следующем параграфе указываются условия, при которых появляются в русском языке некоторые из названных звуков или известные разновидности их.

§ 52. Замечания о гласных звуках.

и является напряженным 1) под ударением, 2) в конце слова после согласного и после и: *книги* — оба и напряженные, *лилии* — последнее и напряженное; *пила, сараи* — ненапряженные. Известен также в виде неслогового (см. § 47): *строю* (строй^у), *чай*.

ы^н, промежуточный между и и ы звук, является вместо ы (пишется и, е, а) между ж, ш и следующим мягким согласным: *жить* (жы^нть, т мягкое) при *жил* (жыл, л твердое), *шалить* (шы^нлить, л мягкое) при *шагать* (шыгать, г твердое), *жене* (жы^нне) при *жена* (жына) и т. п.

ы является напряженным под ударением.

¹ Во избежание недоразумений, может быть, нелишне напомнить, что буквы э и ь в обычном письме не обозначают каких-либо особых звуков. Берем их здесь в условном значении, чтобы не выдумывать каких-либо новых знаков.

э является напряженным перед следующим мягким согласным и перед й (см. § 32).

ь тот же звук, который выше (§§ 29, 30) обозначался ы³; всегда является полуглухим; новое обозначение ввожу здесь для того, чтобы обозначить именно полуглухую разновидность этого звука (буква ъ давно уже употребляется для этой цели во многих русских лингвистических сочинениях). При каких-то условиях ь является напряженным, акустически более близким к ы (так, напр., перед и после л: *продал, облако*). Этот звук исторически возник в русском языке на месте старых а и о в положении их без ударения, но не в первом перед ударяемым слогом; вот почему он до сих пор в русском письме изображается буквами а или о. Таким образом, теперь мы произносим этот звук там, где пишем а или о (а после ж, ш, ц и другие буквы) в неударяемых слогах, но не в первом перед ударением; напр., в *городской, захотёл* мы слышим этот звук в слоге втором перед ударением; в *выгода, выдача* мы слышим этот звук в слоге первом после ударения; в слоге же первом перед ударением слышится а: *садóвник, водá*. Этот звук иногда является и р а ц и о н а л ь н ы м (§ 45): именно во втором перед ударением и в первом после ударения слоге, если только в первом случае указанным слогом не начинается, а в последнем случае не кончается слово; он может исчезать при ускоренном темпе речи: *гордо́вой, сковоро́да* из *горо́довой, сковоро́да*; *прóвлока, всётки* из *прóволока, все-таки*.

ь является после мягких согласных и и неслогового; звук близкий к ь, но более передний, промежуточный между э и ь. Этот звук также всегда полуглухой. Условия его появления установить очень трудно. Он слышится, напр., на месте букв е, я, а в таких случаях, как: *по́ле и по́ля, во́ля, зláя* (злайь), *злóе* (злой), *ча́ща, дáча, тў́чам, ро́щам* и др.

ä о нем см. § 30, 31.

â о нем см. § 30, 31.

ÿ о нем см. § 30, 31.

ý, ô появляются вместо у, о после мягких согласных и й, чаще в положении без ударения: передненёбная артикуляция предшествующих звуков передвигает у и о (при наличности еще некоторых условий) из заднего ряда в средний: напр., *ý: молодую* (мъладуйу), *ô: держал её* (держáлыйô).

§ 53. Мы видим, что на месте старых полновзвучных а и о в известном положении появился полуглухой звук ь, т. е. а и о утратили когда-то часть своего голоса и, кроме того, изменили свое качество (из задних звуков лабиализованных стали средними нелабиализованными). Звук о, кроме того, в первом ударяемом слогом изменился в а (так называемое «аканье»): *водá* произносится *вадá*. И другие гласные в тех же неударяемых слогах (кроме первого перед ударением) также теряли часть своего голоса, не изменяя, впрочем, своего качества в такой степени, как старые а и о. Таким образом, гласные и, ы, у в указанных слогах

теперь полуглухие. Примеры: *сундука́, рыбака́, рыбу́, рыбы́, выпи́литель* и т. п. Что касается гласного э, то в указанных слогах он, теряя часть своего голоса, меняет несколько и свое качество; кроме того, он и в первом перед ударяемым слоге не сохранил своего качества; так, *леса́, плету́, несу́* в московском произношении не являются в виде л'эса́, пл'эту́, н'эсу́ (с э ненапряженным), а с промежуточным между э и и звуком л'э"са́, пл'э"ту́, н'э"су́; этот вариант произношения принадлежит старшему поколению москвичей; в младшем здесь, вместо э, является и (ненапряженное): л'иса́, пл'иту́, н'ису́ (первые два безразлично, следовательно, и для *леса́, плету́* и для *лиса́, плиту́*). Так в первом перед ударяемым слоге. В остальных неударяемых слогах являются те же по качеству гласные, но полуглухие, т. е. э" или и" полуглухие соответственно указанным вариантам произношения.

Примечание. Промежуточный между э и и звук является промежуточным и акустически и физиологически; а именно, на слух это э, склонное к и, а образуется он при поднятии языка повыше, чем это нужно для э, и пониже, чем для и (ср. § 28).

Наблюдая различия неударяемых гласных в различных слогах, мы видим зависимость этих различий от места гласного относительно ударяемого слога и открываем здесь известную закономерность, т. е. фонетический закон, который в общих чертах можно формулировать так: самым отчетливым из неударяемых оказывается гласный в 1-м предударном слоге (считая от ударяемого слога к началу слова); глуше и слабее — во 2-м предударном и 1-м заударном, а в 3-м предударном и во 2-м заударном гласные опять оказываются несколько отчетливее. Ср. неударяемые гласные в словах *городово́й, сковородо́й, переверну́лась, на́волока, ви́таращи́ла* (подробнее об этом см. в моем «Русском правописании», гл. IV, § 24).

§ 54. Таковы гласные звуки. Если мы обратимся теперь к буквам, изображающим гласные звуки, то увидим, что в таблице не нашли себе места буквы *е, я, ю*. Это потому, что особых каких-либо звуков, лишних, сверх тех, которые передаются помещенными в таблице буквами, они не изображают. А именно буквы *е², я, ю* 1) в начале слова, или после гласной, или после букв *ѣ* и *ь* обозначают те же гласные звуки, что и буквы *э, а, у*, но с предшествующим *ј*; т. е. посредством одной буквы *е*, или *я*, или *ю* мы изображаем целый слог, состоящий из согласного *ј* + гласные *э, а, у*; 2) после согласной обозначают условно мягкость этой предшествующей согласной и следующие за ней звуки *э, а, у*.

Под *э, а, у* здесь следует подразумевать разновидности: *э, э̃, а̃, а̃, а, у̃, у̃, у*.

¹ Под «отчетливостью» понимаем известную степень звучности (голос) и силы (выдыхание).

² А также и прежняя буква *ѣ*.

Приведенные здесь значения имеют эти буквы в ударяемых слогах. Но большинство русских гласных в положении без ударения изменили свое качество (ср., напр., появление **ъ** на месте неударяемых **а, о**, появление звука **а** на месте неударяемого **о**, как *водá* и др.). Поэтому в положении без ударения те же буквы **е, я, ю** могут иметь и другие значения (некоторые — очень многочисленные), но главное в их роли останется и там, т. е. или 1) передавать целый слог (состоящий здесь из **й** + гласный), или 2) условно обозначать мягкость предшествующего согласного + гласный звук.

Звуковое значение букв **е, ё, я, ю** в ударяемых слогах, следовательно, таково:

я = 1) **ја:** *яма, своя, пьян*; 2) мягкость согласной + **а:** *дядя*;
ю = 1) **ју:** *юг, свою, пью*; 2) « « + **у:** *дюжина*;
е = 1) **јэ:** *ель, своей, съел*; 2) « « + **э:** *девять*;
ё(е) = 1) **јо:** *елка, свое, льет*; 2) « « + **о:** *деготь*.

После **ж, ш** и **ц**, когда-то бывших мягкими, а теперь отвердевших, буква **е**, понятно, обозначает только звук **э:** *жест, шест, цеп* = *жэст, шэст, цэп*.

Примечание о звуках **ј** и **й**. По-видимому, **ј** является у нас перед гласным ударяемым, иначе — **й**: *сваја* (*своя*), *мају* (*мою*), *јэй* (*ей*), но *сва́й* (*свая*), *мо́йу* (*мою*), *йэ́му* (*ему*).

§ 55. Согласные звуки в русском языке следующие (ср. таблицу на с. 63):

з а д н е н ё б н ы е, всегда твердые: **к̣, г̣, х̣, ɣ** (в слогах: *бога, господь* и нек. др.);

с р е д н е н ё б н ы е, всегда мягкие: **к̣̣, г̣̣, х̣̣** (в слогах *ке, ге, хе, ки, ги, хи*), **ɣ̣** (*боге*), **ј**;

з у б н ы е как твердые, так и мягкие: **т, д, с, з**; только твердые: **ж** и **ш** недолгие; долгие **ж** и **ш** могут быть и мягкие (*возжи* = *вож'и*, *щи* = *щ'и*) и твердые (*изжарил* = *ижарил*, *шил* = *шыл*);

г у б н ы е как твердые, так и мягкие: **п, б, ф, в**;

с о н о р н ы е как твердые, так и мягкие: **р, л, н, м**;

з у б н ы е а ф ф р и к а т ы: всегда мягкая **ч**;

твердая **ц** (мягкою бывает в редких случаях, напр. *дейт́ве* = *детстве*);

возможность появления звонких аффрикат **дз̣, жд̣** вместо глухих **ц, ч** указана в § 42.

§ 56. О буквах, обозначающих согласные звуки, следует заметить следующее:

Не обозначаются особыми буквами звуки **ɣ, ј**.

Об обозначении мягкости согласных уже сказано было, что она обозначается или условно при помощи особых гласных букв (**я, ю, е**), или знаком **ь**, или же остается необозначенной (подробнее и примеры см. в примечании к § 40).

Буква *щ* передает долгое мягкое *ш* (*ш'*)¹.

Долгие согласные (или кажущиеся долгими, см. § 45) передаются двумя буквами или одинаковыми, или неодинаковыми: так, *жж* слышится там, где пишется *зж, сж, жд, жж*, напр., *жж* мягкое: *возжи, дожди, приезжать, жужжать*, твердое: *сжать*; *шш* слышится там, где пишется *зч, сч, шш*, а также *щ*, напр., мягкое: *извозчик, счет, щи*; твердое: *сшить* (сюда же относится сочетание букв в прежней орфографии *шш*: *безшумный*).

На месте глухих часто изображаются звонкие и наоборот. Так, в место глухих звонкие: в конце слов, напр., *лоб, дед, ров* произносим *п, т, ф*; перед глухим, напр., *лодка, лавка, сказка* произносим *лотка, лафка, скаска* и т. п.; в место звонких глухих: перед звонкими, напр., *сделать, молотьба* произносим *зделать, молодьба* и т. п. В таких случаях в буквах отражается прошлое, а не настоящее языка.

§ 57. Образчик фонетической транскрипции. Здесь я даю образчик московского литературного произношения, причем применяю следующие условные обозначения. Мягкость согласных передается значком ' над буквой.— Неслоговое *и* — *й*.— Полуглухость неударяемых гласных не отмечена (кроме, конечно *ъ, ь*, которыми всегда обозначаем полуглухие).— Напряженность гласных оставлена неотмеченной.— Черточкой - над или под буквой обозначен долгий или кажущийся долгим звук (см. § 45), ударение — знаком ' .— Точка над буквой обозначает принадлежность гласного к среднему ряду.— В скобках приведены варианты, возможные в пределах литературного московского произношения.

Пр'ишла ва́жн'ий м'ыш ыз гóр'ьд'ь к прастóй м'ышы. Прастáй м'ыжылá ф пóл'э" (пóл'и) и далá свајэй гóс'т'йэ" (гóс'т'йи), што б'ыл: гарóхь и пшэ"н'йцы (пшы"н'йцы). Ва́жн'ий м'ыш пагр'ызл'ь и сказа́ль: а́таво т'ы и худá, шт'ь (што) жы"т'јо твајо б'эдн'ий, пр'ихад'й ка мн'э, п'смастр'й, как м'ы жы"в'ом. Вóт пр'ишла прастáй м'ыш в гóс'т'и. Д'ждадал'ис пóт п'ъл'ьм нóч'и. Л'уд'и пáјэл'и и ушл'й. Ва́жн'ий м'ыш в'э"лá (в'илá) иш'эл'и свају гóс'т'йу в гóр'н'ицу (гóрн'ицу), и óб'э" (óб'и) вл'эз'л'и (вл'эзл'и) на стóл. Прастáй м'ыш н'икагдá (н'икаудá, н'икадá) н'э" (н'и) в'идáль такóй йэ"ды (йиды, иды) и н'э" (н'и) знáль, за штó вз'áць. Анá сказа́ль: твајá прáвдá (прáвд'ь), нáш' жы"т'јо плахóйь, ја п'э"р'э"йд'у (п'ир'ийд'у) та́гж'ь в гóр'ьд жы"т'. Тóл'к'ь (тóл'кá) анá сказа́ль эт'ь, затр'óсь стóл, и в д'в'эр'и (дв'эр'и) вашóл ч'э"лав'эк (ч'илав'эк) са с'в'эч'к'ый (св'эч'к'ый) и стáл лав'йт' мышэй. Нас'йлу ан'й ушл'й ф ш'элку (ш'óлку). Н'эд, г'вар'йт п'ъл'э"вайь (п'ъл'и-вайь) м'ыш, мајо жы"т'јо фпóл'э" (пóл'и) л'уч'э" (л'уч'и, л'уч'шэ", л'уч'шы). Х'ьт' (хот') у м'э"н'á (м'ин'á) слáтк'ый йэ"ды (йиды, иды) и н'эт, д'ь затó ја и стрáх'ь такóвь н'э" (н'и) знáйу.

¹ Таково нормальное московское произношение буквы *щ*; вместо него очень распространено произношение (не московское) мягкого сочетания *шч*.

Глава III ЗНАЧЕНИЯ

Содержание. § 58. Психология речи. § 59. Произвольные и произвольные движения органов речи. § 60. Представления слов. § 61. Образование значений слов. § 62. Мышление. § 63. Процесс речи. § 64—66. Значения звуковой стороны языка. § 67. О значении языка для мышления и умственного развития человека.

§ 58. Психология речи. В главе II мы рассмотрели внешнюю сторону человеческого языка, звуковую. Но звуки еще не составляют всего языка слов, потому что звуки еще не слова: чтобы стать словами, им нужно иметь значение. Теперь мы обратимся к рассмотрению внутренней стороны языка, к значению слов. Как в изложении внешней, звуковой стороны мы исходили из одной науки о природе человека — физиологии, так и в изложении внутренней, смысловой стороны надо исходить из другой науки о природе человека — психологии. Рассмотрение того, как образуются значения слов, и той роли, какую слова играют для мышления, можно назвать психологией речи.

§ 59. Произвольные и произвольные движения органов речи. Языком слов мы называем намеренное выражение звуками речи душевных состояний (мысли и чувства). Этим определением мы отмечаем в языке признаки так называемого волевого, или произвольного, движения, т. е. движения, соединенного с представлением цели, которая движением должна быть достигнута, а также и с представлениями самих движений, которые необходимы для достижения этой цели. Целью здесь является обнаружение внутреннего состояния, а под движением понимаются движения органов речи, которыми образуются звуки и о которых говорилось в отделе физиологии звуков речи. Из сказанного вытекает, что произвольно произведенные звуки речи не подходят под определение языка; если, напр., я вскрикну, нечаянно укол палец, то это будут такие же рефлективные или произвольные движения органов речи, как движение руки, которую я при этом бессознательно отдерну в сторону.

§ 60. Представления слов. Чтобы ответить на коренной вопрос, стоящий теперь перед нами, — каким путем звуки речи могут стать орудием намеренного выражения наших внутренних состояний, — нам необходимо прежде всего дать себе отчет в том психическом процессе, который называется в психологии познанием, и на различных ступенях этого процесса отметить то, что наиболее важно для языка.

Простейшим психическим актом, которым мы получаем знание о предметах внешнего мира, является, как учит психология, ощущение. Сюда относятся: 1) ощущения специальных органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса), получающих раздражение извне, и 2) ощущения органические или общие, т. е.

такие, которые вызываются раздражениями внутри нашего организма (пищеварения, кровообращения, сокращения мускулов и др.). С точки зрения языка важнейшими являются из первых слуховые, которые мы получаем от звуков, когда их слышим в своей или чужой речи, а из вторых — мускульные (или мускулодвигательные) ощущения, которые мы получаем от работы мускулов, приводящих в движение органы речи, когда мы сами произносим звуки. Играют известную роль в языке, но гораздо меньшую, ощущения и зрительные, которые мы получаем от речи, изображенной буквами, — меньшую потому, что они отнюдь не обязательны и возможны лишь у грамотных; то же самое можно сказать о зрительных ощущениях движений губ говорящего, которые, однако, при исключительных условиях приобретают громадное значение, напр., для глухонемого.

Знакомясь с предметами внешнего мира посредством ощущений, мы никогда не переживаем одного какого-нибудь ощущения отдельно от других; воспринимая, напр., яблоко, мы получаем одновременно и зрительные ощущения (цвета, формы), и осязательное (холода), и осязательные вместе с мускульными (гладкость, твердость), и вкусовое, и обонятельное (запах). Эта совокупность ощущений от предмета называется восприятием.

Благодаря памяти раз бывшее ощущение может сохраняться в сознании и воспроизводиться уже в отсутствие причины, которою в свое время ощущение было вызвано. Такое возобновление ощущения является следующей познавательной ступенью и называется представлением, или образом. Представление по силе всегда слабее ощущения, но между различными ощущениями в этом отношении существует разница: одни из ощущений воспроизводятся легче (напр., зрительные), т. е. воспроизводимый образ ярче, яснее; другие воспроизводятся труднее (напр., вкусовые) или, в смысле ясности образа, можно сказать, совсем не воспроизводятся (напр., голод, холод). Отмеченные нами для нашей специальной цели слуховые и мускульные ощущения принадлежат к легко воспроизводимым. Представление целого предмета будет также слабее, беднее непосредственного восприятия предмета. Итак, мы можем воспроизвести в своем сознании ощущения звуков, слышанных в своей или чужой речи, и тогда, когда уже не слышим их, а также можем воспроизвести в своем сознании ощущения произведенной когда-то работы органов речи и тогда, когда не говорим. Другими словами, мы можем иметь слуховые представления (или образы) звуков речи и мускульные представления (или образы) звуков речи¹. Совокупность слуховых и мускульных представлений звуков слова мы и называем представлением слов.

Ощущения, получаемые нами одновременно или непосредствен-

¹ Здесь нелишне напомнить, что «образ» как психологический термин не следует, конечно, понимать только в смысле зрительного образа, как понимается слово «образ» в обычной речи.

но одно за другим, сохраняются нами в такой тесной связи между собою, что если повторится или почему-либо воспроизведется одно из них, то оно как бы потянет за собой и другое; иначе говоря, представления обыкновенно воспроизводятся при помощи других ощущений или других представлений. Эта связь называется ассоциацией представлений¹. В языке она играет громадную роль. Как вид яблока (зрительное ощущение) или воспоминание о яблоке (зрительное представление) может вызвать по ассоциации представление и о его вкусе, и о его запахе, как вид того же яблока или воспоминание о нем может вызвать и представление о дереве, с которого мы его сорвали, и о садовнике, который при этом находился, и, может быть, о звуках, которые при этом мы слышали (треск сломанной ветки, шелест листьев и т. п.), так и звуки какого-либо слова, которое мы слышим (звуковое ощущение), или воспоминание о них (звуковое представление) вызывают у нас по ассоциации представления (мускульные) тех движений органов речи, с помощью которых мы сами звуки этого слова прежде произносили; а если мы грамотны, то у нас могут возникнуть при этом и зрительные представления букв этого слова, а также другого порядка мускульные представления, именно движений руки, с помощью которых мы эти буквы писали. Таким образом, у всякого говорящего звуковые представления слов ассоциированы с мускульными; но эта ассоциация — результат опыта: мускульные представления возникают у говорящего только потому, что он когда-либо эти звуки произносил; у начинающего говорить ребенка, следовательно, слуховые представления не всякого слова вызовут соответственные мускульные.

Из того, что мы знаем об ассоциациях представлений, понятно, что при одних представлениях у нас могут возникать другие как сопутствующие им. Таким спутником непосредственно образа предмета (зрительного ли, или иного, или совокупности нескольких) у нас в сознании может являться представление слова. На этой ассоциации и основывается усвоение языка детьми от взрослых. Ребенок воспринимает предмет; к этой совокупности ощущений прибавляются слуховые — звуков слова, которым взрослые этот предмет называют, а потом и мускульные, когда ребенок сам произнесет при этом те или иные звуки в качестве названия этого предмета. Потом, воспроизведя образ предмета, ребенок воспроизведет по ассоциации и слуховой и мускульный образ слова, т. е. представление предмета вызовет и представление слова и наоборот. На этом сопутствовании представлений слов представлениям предметов и основано приобретение словами значений.

Следующая по сложности за представлением познавательная степень — общее представление, с помощью которого

¹ Или, чаще, «ассоциацией идей», причем «идея» здесь значит то же, что и «представление».

мы мыслим о классе сходных предметов¹. Оно образуется у нас из ряда представлений единичных предметов таким образом, что сходные части их обобщаются, а несходные отбрасываются, т. е., мысля с помощью общего представления о целой группе предметов, мы имеем в виду именно их сходные черты и стараемся не думать о несходных. Так общее представление является образом не единичного предмета, а целого класса, рода, группы предметов. — Но в действительности общее представление, в отличие от единичного, не есть какой-либо родовой образ в полном смысле этого слова, т. е. не представляет собой совокупности общих, существенных признаков отдельных предметов рода: в действительности в общем представлении сливаются в неясный образ некоторые признаки — воспринятые, может быть, позже, может быть, более ярко, — некоторых единичных предметов, может быть, даже одного предмета. Таким образом, общее представление — неясный единичный образ, но являющийся в роли образа целого класса предметов. Вместо того чтобы, мысля, напр., о березе вообще, о лошади вообще, воспроизводить образы всех воспринятых нами когда-либо берез, лошадей, мы воспроизводим какой-то неясный единичный образ березы, лошади и с помощью его думаем о всех березах, о всех лошадях. Почему тот, а не иной единичный образ является в такой роли, это зависит от индивидуальных причин у каждого отдельного лица, и обыкновенно нельзя дать себе отчет в этих причинах. Понятно, что у одних лиц может возобладать одно, а у других — другое единичное представление; другими словами: общее представление об одних и тех же предметах у разных лиц, а также у одного лица в разное время может быть совершенно различно.

Мы видели выше, что представление слова может сопутствовать в нашем сознании представлению предмета. Конечно, представление слова может быть спутником и общего представления предмета.

§ 61. Образование значения слов. Представление слова из спутника может стать заместителем непосредственного представления предмета, и тогда мы можем мыслить не при помощи представлений предметов, а при помощи их заместителей — представлений слов, причем образы предметов уже не воспроизводятся в нашем сознании. Представление слова, как мы зна-

¹ В психологии, вместо термина «общее представление», с тем же значением безразлично употребляется и термин «понятие». В логике же, науке, исследующей законы правильного мышления, т. е. такого, с помощью которого достигается истина, — термин «понятие» употребляется в ином смысле, смысле совокупности существенных признаков предмета. Такие логические понятия вырабатываются мыслью из общих представлений, являются усовершенствованием их и должны быть уже одинаковы у всех людей. Все люди, как бы они себе ни представляли березу, в понятии «береза» должны мыслить лишь листовое дерево, отличающееся строго определенными признаками от других листовых деревьев. Я буду употреблять термин «понятие» только в логическом смысле.

ем, есть совокупность слуховых и мускульных представлений звуков слова. Значит, в нашем мышлении могут не воспроизводиться уже ни зрительные, ни слуховые, ни осязательные и т. д. ощущения самого предмета, а лишь слуховые и мускульные ощущения звуков слова, в прежнем опыте ассоциировавшиеся с первыми и потому сопутствовавшие им. С этого момента, когда, вместо образа предмета, мы мыслим при помощи образа слова, тогда для нас звуки слова приобрели значение. Выражение «слово имеет значение» значит: слово способно играть роль символа, знака для мысли.

Примечание. Подобную роль заместителей непосредственных образов могут играть и играют жесты и иные символы, для чего они в предшествовавшем опыте должны были, подобно словам, ассоциироваться с непосредственными образами предметов.

Таким образом, мы можем «мыслить словами», но не о словах. А думая словами, мы можем и произносить их, т. е. намеренно выражать ими наше внутреннее состояние (мысли и чувства). Это и значит обладать языком слов.

§ 62. Мышление. Мыслить значит соединять представления между собою и сознавать соотношение между ними. Соединение в мысли двух представлений называется психологическим суждением; оно может быть положительным, когда одно представление сознается нами как объединяющееся с другим, и отрицательным, когда оно сознается отделяющимся от другого. Процесс суждения основан на ассоциациях представлений. То представление, от которого отправляется процесс суждения, называется подлежащим суждения, а то, которое сознается объединяющимся с ним или отделяющимся от него, — сказуемым (оба термина заимствованы из грамматики).

Соединять в суждения мы можем или два представления предметов, или два представления слов, или представление предмета с представлением слова. Если в суждении участвуют представления слов, то мы сознаем, что соотношение их как частей мысли принадлежит им не самим по себе, а как заместителям представлений предметов, которые остаются невоспроизведенными. Например, думать о белизне снега я могу, соединяя представление самого снега с представлением белого цвета; при этом у меня могут появиться спутники: представления звуков «белый» и «снег», потому что они в прежнем моем опыте уже ассоциировались с представлениями снега и белого цвета; эти спутники могут стать заместителями непосредственных представлений; тогда о том же я думаю уже иначе: тогда частями моей мысли, членами суждения, будут представление слова *белый* и представление слова *снег*, а представления самого снега и белого цвета останутся невоспроизведенными: при этом я буду сознавать, что связь, в которую я ставлю эти представления слов, принадлежит не им самим, а именно тем невоспроизведенным представлениям.

В том случае, когда среди членов психологического суждения есть представления слов, мы можем выразить все суждение или часть его и в речи. Тогда получится то, что называется предложением. На отношении членов психологического суждения к членам словесного предложения мы остановимся в главе VI.

§ 63. Процесс речи. Теперь разберем те процессы, которые совершаются в говорящем и в слушающем при передаче в речи первым своей мысли второму.

1) Если кто-нибудь воспринимал какое-нибудь явление, напр., выпадение снега, он получил целый ряд очень сложных, разнообразных ощущений и при этом испытывал известные чувствования. Когда он будет вспоминать об этом, он получит ряд сложных представлений. Воспроизведенная картина будет, как известно, слабее, беднее действительной; кроме того, кое-что в ней будет переименовано и дополнено, потому что, по известным психическим законам, утраченные памятью звенья в длинной цепи представлений бессознательно заменяются нами с помощью воображения звеньями из другой, более или менее подходящей цепи, частями других подходящих картин, виденных нами когда-либо (или вообще известных тем или иным путем). То, что воспроизведено таким образом в сознании, — ряд сложных представлений и чувствований — может быть названо «нерасчлененной мыслью».

2) Если это лицо захочет передать свою мысль другому при помощи языка слов, оно прежде всего должно свою мысль расчленить на такие части, которые являются значениями слов. А именно говорящий постепенно соединяет в суждения отдельные непосредственные представления, из которых состоит его нерасчлененная мысль, а они вызывают ассоциировавшиеся с ними издавна представления соответствующих слов. Таким образом, получаются суждения, состоящие целиком или частями из представлений слов, т. е. из

3) слуховых представлений звуков слов, ассоциированных с

4) мускульными представлениями движений органов речи.

5) Как только возбуждены представления движений органов речи, так сейчас же, при желании (участии воли), эти движения органов речи мы и производим.

Примечание. Эта привычная связь представлений движений с самими движениями настолько тесна, что при слабости воли (в болезненном, напр., состоянии и др. случаях) мы можем «думать вслух»: в этом случае органы речи, всегда готовые выйти на привычную работу, производят ее без участия нашей воли, как скоро у нас появились представления слов.

6) Движения органов речи производят известные колебания воздуха, звуковые волны.

7) Звуковые волны вызовут в органе слуха у слушателя известные раздражения, следствием которых появятся у него слуховые ощущения звуков слов, произнесенных говорящим.

8) Эти ощущения вызовут по ассоциации у слушателя слуховые же представления, т. е. воспроизведутся у слушателя слуховые ощущения звуков этих слов. Воспроизведутся они потому, что он когда-то уже слышал эти звуки и в своей и чужой речи.

9) Слуховые представления звуков слов вызовут в сознании слушателя те непосредственные образы предметов, которые в прежнем опыте слушателя ассоциировались с ними. Иначе говоря, в сознании слушателя возникнут те значения, которые он привык связывать с услышанными словами. И эти значения явятся в суждениях, в которые соединил их говорящий.

10) В результате описанного процесса передачи говорящим своего внутреннего состояния слушателю посредством ряда суждений у слушателя должны возникнуть те же сложные представления и чувства, которые переживал говорящий. — Необходимо добавить, что картина, которую представит себе слушатель, никогда не будет вполне тождественна с той, которую представил себе говорящий. Эта разница обусловлена разницей в значениях, которые каждый связывает с одними и теми же словами, т. е. разницей тех непосредственных представлений, которые ассоциировались со словами у говорящего и у слушателя в течение их предшествовавшей жизни. Здесь коренятся внутренние, смысловые различия в языке отдельных лиц, в силу которых мы можем говорить об индивидуальном языке каждого отдельного человека (ср. § 6). Кроме того, нужно иметь в виду, что, рисуя себе картину, слушатель известные части ее должен добавлять от себя на основании своих личных переживаний, и чем лучше слушатель знает обстановку, в которой совершилось то, о чем он слышит, тем вернее он представит себе всю картину. В силу всего этого картина у слушателя будет только более или менее приближаться к той, которую хотел передать ему говорящий. Известно, что чем ближе люди (одной семьи, класса, национальности и т. п.), тем лучше они поймут друг друга. Эта «близость» по своему происхождению есть не что иное, как единообразии переживаний: первоначальные ощущения от одних и тех же или близко сходных предметов, одинаковые направления ассоциаций и т. д., и т. д., — словом, единообразием развития отдельных людей обуславливается единообразие их внутреннего мира.

То, что мы видели в разборе процесса речи, показывает нам еще раз связь науки о языке с другими науками (ср. § 9): процессы, указанные в пунктах 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10, изучаются в психологии, в пунктах 5, 7 — в физиологии, в пункте 6 — в физике. Наконец, то, что было сказано только что о связи внутреннего мира каждого говорящего с его предшествовавшей жизнью,

не может не навести на мысль о тесной связи языка с историей говорящего на нем народа, а отсюда — на мысль о необходимости связи для науки о языке с историей, хотя необходимость связи языковедения с историей не исчерпывается этими соображениями: эти науки связаны более многочисленными нитями.

Значения звуковой стороны языка

§ 64. Мы видели, каким образом звуки (внешняя сторона языка) связываются со значениями (внутренняя сторона). Из рассмотрения этого процесса мы не получаем никаких указаний на то, чтобы между звуками слов и их значениями была какая бы то ни было непосредственная связь, другими словами, чтоб те или другие значения могли выражаться только теми, а не другими звуками. Так может лишь казаться, т. е. может казаться, что, напр., звуки слов: *сладкий, горький* как бы предназначены выражать ощущения сладкого и горького вкуса, звуки слова *звон* — звуки колокола и т. д. Но в действительности между значением и звуками слова никакой необходимой, непосредственной связи нет. Так может казаться только потому, что мы привыкли в данном слове данными звуками выражать данное значение; и понятно, что так казаться может в особенности тому, кто знает только один свой язык: для него достаточно узнать, что на другом языке то же самое значение выражается совсем другими звуками, чтобы исчезла эта иллюзия.

Есть, однако, в языках немногочисленные слова, в которых есть не кажущаяся, а действительная связь по происхождению между звуками и значениями: это так называемые звукоподражательные слова, т. е. такие, в которых звуками речи говорящий старается передать звуки, которые слышит в природе (напр., в крике животных и т. п.). В них, действительно, произносятся те, а не другие звуки в зависимости от звуков обозначаемых: *кукареку, динь-динь, кукушка, шушукаться* и т. п. Надо иметь в виду, что не все слова, которые могут казаться звукоподражательными, действительно таковы по своему происхождению.

§ 65. Представления звуковой стороны слов, как мы видели, являются для нас знаками, с помощью которых мы мыслим. Знаками чего? Мы с помощью слов мыслим и говорим не о словах, а о предметах, которые словами обозначаются. Итак, представления звуковой стороны слов являются знаками предметов мысли или того, что дается для мысли познанием внешнего мира. Но, кроме того, мы ставим предметы в известные отношения друг к другу, которые не даны нам извне, а вносятся, открываются самим мышлением. Эти отношения между предметами мысли, а равно и между целыми мыслями мы выражаем также звуками речи: словами или частями слов; сюда принадлежат, напр., предлоги, союзы, падежные и другие окончания в словах (см. гл. IV) и мн. др. Таким обра-

зом, звуками речи выражается в языке не только то, что дается для мышления, но и то, что вносится самим мышлением.

§ 66. В языке слов звуками речи главным образом выражаются предметы мысли, но звуками речи могут выражаться и чувствования. Выражения чувствований первоначально бывают произвольными, и, пока они таковы, они не принадлежат языку (ср. § 59). Но, появившись впервые как рефлексивные движения органов речи, они потом могут воспроизводиться человеком уже намеренно, с целью передать свои чувствования другому. Таким образом накапливается в языке целый ряд условных знаков выражений для чувствований — междометий, так же, как накапливается запас условных знаков выражений для предметов мысли; и мы усваиваем их от старшего поколения вместе со словами. Междометия, следовательно, только по своему происхождению отличаются от слов, а по употреблению могут являться вполне в роли слов, напр. в предложениях: *Это я сказал э!* (Гоголь. Ревизор), *Татьяна — ах!* (Пушкин. Евгений Онегин). Они могут являться в качестве составной части слов, напр. *охать*. С другой стороны, подлинные слова, т. е. знаки предметов мысли, могут под влиянием чувства вырваться произвольно; в этой роли они — то же, что междометия, например: *батюшки!* (выражение удивления, радости), *господи!* (удивление, досада и пр.).

Подобным образом под влиянием различных чувствований — при гневе, при удивлении, при вопросе — совершенно независимо от воли говорящего появляются различные изменения в звуковой стороне речи: в интонации (повышение или понижение тона), в темпе (ускорение или замедление) и т. п. Вследствие этого говорящий может подобными изменениями воспользоваться уже намеренно, чтобы выразить ими то или иное чувство. Так, среди знаков, или символов, которыми располагает человеческий язык, оказывается, напр., повышение тона при вопросе. Сравн.: *«Да? — Да»*. *«Готово? — Готово»* (вопрос с повышением, ответ с понижением).

§ 67. **О значении языка для мышления и умственного развития человечества.** Мы видели, как язык тесно связан с мышлением, и без дальнейших разъяснений понятно, что язык зависит от мышления. Но и мышление зависит от языка. Это требует некоторых разъяснений.

То, о чем мы мыслим, предметы мысли, мы или получили путем ощущений из внешнего мира, или создали мышлением из ощущений путем отвлечения и обобщений. Вот этим процессам — отвлечению и обобщению предметов мысли — и помогает язык. Рассмотрим несколько относящихся сюда случаев.

Об отвлеченных предметах мысли, как, напр., гуманность, человечество и т. п., у нас, понятно, не может быть непосредственных представлений. Однако мы мыслим о таких предметах, и мыслим именно при помощи представлений этих слов.

Но и другие предметы, которые мы и можем представить, мы по быстроте мысли не представляем рядом со словами.

Мы не можем, далее, иметь представлений не только об отвлеченных предметах, но иногда и таких, которые получили через ощущения. Это касается таких ощущений, которые, по физическим причинам, не могут быть воспроизведены, как голод или холод. Однако думать о голоде или холоде мы можем всегда (при помощи представлений слов, обозначающих эти ощущения).

Но и предметы таких ощущений, которые очень легко воспроизводятся, напр. зрительных, непосредственно не могут быть представлены такими, какими обозначаются в словах. Из того, что мы знаем о природе общих представлений, нам будет понятно, что предметом мысли, обозначаемым, напр., словом *береза*, хотя и будет какая-либо индивидуальная береза, но именно в тех ее свойствах, какие у нее общие с другими березами. Думать именно так о предметах мы можем при помощи слов; слова, так сказать, закрепляют продукты нашего обобщения.

Наконец, слова закрепляют и продукты нашего отвлечения. Мы не видим признаков предмета отдельно от самого предмета, а думать о признаке отдельно от предметов мы можем, и можем именно при помощи представления слова, которым этот признак называем. Предметом мысли в слове, напр., *белый* является свойство этого цвета отдельно от белых предметов.

Все рассмотренные случаи позволяют утверждать, что не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка: при помощи слов мы можем: 1) думать о том, о чем без них не могли бы думать, 2) думать так, как без них не могли бы.

Сейчас мы имели в виду мышление и язык как нечто уже сложившееся; если же мы обратимся к истории развития человеческого мышления, то в ней громадную роль мы должны будем отвести языку. Мышление совершенствовалось именно с успехами процессов обобщения и отвлечения, а этому усовершенствованию мышления помогал язык тем, что словами закреплял, так сказать, продукты этих процессов.

Глава IV

ФОРМЫ

Содержание. Формы слов. § 68. Основа и формальная принадлежность. § 69. Формы словообразования и формы словоизменения. § 70. Два условия существования формы. § 71. Грамматические ассоциации. § 72. Отрицательная форма. § 73. Возможность отсутствия форм слов в языке. § 74. Формы сочетаний слов. § 75. Грамматические факты. § 76—79. Различные способы образования форм слов. § 80—83. Происхождение различных формальных принадлежностей. § 84—85. Морфологическая классификация языков.

§ 68. В звуковой стороне различных слов мы часто можем найти что-либо общее. Если такая общая звуковая принадлежность повторяется в словах, которые между собою ассоциируются у нас как однородные в каком-либо отношении по своему значению, то она в сознании говорящего выделяется, и звуковая сторона слова вследствие этого разлагается на части. Напр., в словах: *домик*, *столтик*, однородных тем, что обозначают предмет уменьшенным, выделяется общая звуковая принадлежность *-ик*; в словах: *руку*, *ногу*, однородных тем, что обозначают предмет, на который переходит действие, выраженное у нас в речи другим словом («прямое дополнение»), выделяется *-у*. Но, кроме того, слово *столтик* ассоциировано еще со словом *стол*, а *домик* с *дом*, слово *руку* со словами: *рука*, *рукою*, слово *ногу* со словами: *нога*, *ногою*. Говорящий связывает в своем сознании эти видоизменения в звуковой стороне слов с видоизменениями в значении их; в его сознании одна часть слова является выразительницей известного предмета мысли, а другая, общая у него с другими словами звуковая принадлежность вносит в это значение известное изменение. Иначе говоря, ему кажется, что таким видоизменением звуковой стороны из одних слов образуются другие, с другими оттенками значения.

Так звуковая сторона слов может разлагаться на части, из которых каждая имеет особое значение. Значение общих звуковых принадлежностей, которые видоизменяют значение слов, называется **формальным** значением, а значение тех звуковых частей слов, в которые это видоизменение вносится, называется **материальным**, или **реальным** значением.

Звуковую принадлежность с формальным значением называют **формальной** принадлежностью слова, а звуковую принадлежность его с материальным значением — **основной** принадлежностью, или, проще, **основой**. Если в каком-либо языке слова способны выделять в сознании говорящего эти две части, мы говорим про такой язык, что он имеет **формы слов**. Таким образом, «формую» слова называется способность слова выделять **основу** и **формальную принадлежность**.

Примечание 1-е. Надо иметь в виду, что тот же термин мы употребляем и в ином значении, а именно, термином «форма» мы называем все слово, имеющее ту или иную формальную принадлежность (общую с другими словами); так, «формую», напр., 1-го лица ед. ч. наст. вр. мы называем слово *беру* или слово *несу* и т. п.

Примечание 2-е. Слово «формальный» в обыденной речи обыкновенно употребляется в смысле 'внешний', 'несущественный'. Здесь, разумеется, оно не должно иметь такого смысла (здесь, может быть, более шло бы слово «форменный»); так, в фразе: перемена *а* на *у* в *рука* — *руку* имеет формальный харак-

тер, а переменна *ю* на *й* в *рукою* — *рукой* не имеет формального характера — слово «формальный» имеет смысл, противоположный обыденному: мы хотим сказать, что первая переменна существенна для смысла (влечет за собою перемену в значении слова), а вторая, неформальная, несущественна (не влечет).

§ 69. Есть различие в характере того видоизменения, которое вносится, напр., в значение *дом*, *стол*, формальной принадлежностью *-ик*, с одной стороны, и с другой стороны, того видоизменения, которое вносится в *рука*, *нога* форм, принадлежностью *-у*; в первом случае значения *дом*, *стол* видоизменяются так, что получается обозначение уже другого предмета мысли (*домик*, *столик*); во втором же случае нового предмета мысли не получается, а формальная принадлежность выражает только то или иное отношение этого предмета мысли к другому, выраженному в том же сочетании слов. Действительно, различия между, напр., *стол*, *столы*, *столик*, *столовая* одинаковы, в связи ли или вне связи с другими словами мы их скажем; а различия между, напр., *рука*, *руку*, *рукой* и т. п. не имеют значения вне сочетания этих слов с другими и сейчас же обнаружатся, скажем ли мы: *рука моет*, *руку моет* или *рукой моет*. Итак, формальными принадлежностями первого рода обозначаются различия в самих предметах мысли; формальными принадлежностями второго рода обозначаются различия в отношениях одних предметов мысли к другим¹; ими образуются слова как части словосочетаний. Первые называются формальными принадлежностями словообразования, а формы, ими образованные, — формами словообразования; вторые — формальными принадлежностями словоизменения, а формы, ими образованные, — формами словоизменения.

Еще примеры словообразования: *бел-еньк-ий*, *черн-еньк-ий*, *бел-оват-ый*, *черн-оват-ый*, *бел-о*, *черн-о*, *бел-еть*, *черн-еть*, *бел-ить*, *черн-ить*, *бел-ил-а*, *черн-ил-а*, *бел-ичк-а*, *черн-ичк-а* и т. п. Словоизменения: *беле-ю*, *-ешь*, *-ет* и т. д., *черне-ю*, *-ешь*, *-ет* и т. д., *бел-ый*, *-ая*, *-ое*; *белил-а*, *-ам*, *-ах* и т. д., *чернил-а*, *-ам*, *-ах* и т. д.

Примечание. Термины «словообразование» и «словоизменение» очень условны. Вместо «словообразование» некоторые употребляют термин *словообразование*, потому что этими формами обыкновенно образуются, действительно, не целые слова, а их основы. Термин «словоизменение» дает повод рассматривать, напр., *рука*, *руку*, *рукой* как видоизменения одного слова, тогда как в действительности это — отдельные слова. Вместо «словоизменение» очень употребителен термин *флексия слов* или просто *флексия*, и формальные принадлежности словоизменения иногда (и, между прочим, в школьной грамматике) называют также *флексиями*; этот термин не следует смешивать с *флексией основ* (см. ниже, § 77). Наконец, вместо «формы словоизменения», некоторые употребляют термин *синтаксические формы*, которые рассматриваются в синтаксисе.

¹ В сочетаниях слов одни представляются нам главными, другие — зависящими от них, дополняющими, определяющими их и т. п.

§ 70. Чтобы слово разлагалось в сознании говорящего на основу и формальную принадлежность, или, что то же, чтобы сознавалась в слове форма,— нужны два условия:

1) нужно, чтобы та же формальная принадлежность существовала в других однородных словах с другими основами; а кроме того,

2) нужно, чтобы та же основа существовала в других словах с другими формальными принадлежностями.

Напр., *рука* разлагается на *рук + а* не только потому, что *-а* существует еще в *ног-а, изб-а, жен-а* и т. п., но и потому, что основа *рук-* существует еще в *рук-ою, рук-у, рук-ами* и т. д. Или, напр., *несу* разлагается в сознании на *нес + у* в соотношении с *вед-у, бер-у* и т. п., а также с *нес-ешь, нес-ет, нес-ем* и т. д. Так же *беленький* разлагается на *бел + еньк + ий* в соотношении с *бел-ый, бел-ить* и т. п., а также с *черн-еньк-ий, красн-еньк-ий* и т. п.

Если отсутствует хоть одно из этих двух условий, то известная, хотя бы и общая звуковая принадлежность слов не выделяется как формальная, т. е. мы не имеем в этом случае формы. Напр., общая звуковая принадлежность в словах: *Пе-тр, теа-тр, смо-тр* — не является формальной потому, что нет 2-го условия, и, стало быть, ни *Пе-* в *Петр*, ни *теа-* в *театр* и т. д. не являются основой; за отсутствием 1-го условия не выделяется, напр., как основа *пор-* в словах: *порох, порча, порка*. Приведенные слова не ассоциируются у нас как однородные, и необходима известная доля произвольного внимания, чтобы заметить в них общие звуковые принадлежности. Сравните, наоборот, прочную ассоциацию того же слова *пор-ка* со словами: *воз-ка, нос-ка* и т. п., а также со словами *пор-оть, пор-ол*.

§ 71. Из сказанного следует, что форма может существовать в слове лишь соотносительно с другими словами; что формы слов в языке могут существовать лишь постольку, поскольку те или иные слова соотносительны между собой. Ф о р м ы — р е з у л ь т а т п с и х и ч е с к и х а с с о ц и а ц и й, в которые вступают слова. Следовательно, не может быть в языке такой формы, которая была бы представлена только одним словом. И если, вследствие исторического изменения в языке, случилось бы так, что от прошлого уцелело бы одно только слово, имевшее известную форму, то для настоящего эта форма в нем не сознавалась бы, или, что то же, не существовала бы уже (ср. ниже, § 140).

Кроме того, отсюда же следует, что среди всякого рода психических ассоциаций, в которые могут вступать слова в нашем сознании, есть и а с с о ц и а ц и и ф о р м а л ь н ы е, иначе — г р а м м а т и ч е с к и е: у нас ассоциированы между собою все, напр., различные падежи одного и того же имени, все времена, наклонения, лица одного и того же глагола, а с другой стороны — все, напр., родительные падежи имен, все 1-е лица глаголов и т. п.

§ 72. Так как формы слов есть результат ассоциаций слов в сознании говорящего, то формальной принадлежностью в слове может служить отсутствие всякой формальной принадлежности, именно соотносительно с присутствием формальных принадлежностей в других формах. Напр., формальной принадлежностью слова *дом* является отсутствие всякого окончания¹ сравнительно с *дом-а*, *дом-у* и т. д. Это называется отрицательной формой. Еще примеры: *конь* при *коня*, *коню* и т. д., *рук* в род. п. мн. ч., *вел* при *вела*, *велю* (прош. вр.), *нас* — прош. вр. при *нас-у*, *нас-ти*. В этих случаях форма представляет одну только основу без окончания. Однако, несмотря на отсутствие окончания, мы признаем такое слово, как, напр., *стол*, известной формой (имен.-винит. падежа ед. ч.), именно 1) по ассоциации с *дом*, *стул*, *раб* и т. п., где также отсутствует окончание, и 2) по ассоциации со *стол-а*, *стол-у* и т. д. Сравните с этим *ах! хлоп*, которые не признаются формами за отсутствием второго условия; в них, стало быть, нет формы, а в *стол* есть форма, но с отрицательной формальной принадлежностью. Имен.-винит. падеж ед. ч. этой категории существительных имеет, следовательно, в языке приметой отсутствие окончания, или можно сказать по соотношению с другими формами: «нулевое окончание».

С другой стороны, в слове может быть несколько формальных принадлежностей. Напр., в *столика* мы выделяем формальную принадлежность *-а* при сравнении с *столик*, *столик-у*, *столик-ом* и основу *столик-*; а в этой основе при сравнении с *домик-*, *садик-* мы выделяем еще формальную принадлежность *-ик* и еще основу *стол-*, *дом-*, *сад-*. То же самое в *бел-еньк-ий*, *красн-еньк-ий* и т. п.

§ 73. **Возможность отсутствия форм слов в языке.** Формы слов существуют в большинстве человеческих языков. Однако они вовсе не обязательны: есть языки, не имеющие никаких форм слов (§ 84). Знающему только такой язык, в котором есть формы, трудно себе представить возможность обходиться без форм слов в языке; но переносить на всякий язык то, что известно в одном, на чужой то, что известно в своем, ошибочно.

Формы сочетаний слов

§ 74. Формами словоизменения, как сказано выше (§ 69), выражаются отношения предметов мысли друг к другу. Но те же отношения могут быть выражаемы не формами самих слов, а иными способами; и чем меньше в языке форм слов, тем большее значение приобретают эти иные способы, становясь неизбежными, единственными в языке, не имеющем вовсе форм слов (в так наз.

¹ Понятно, это относится и к прежней орфографии, потому что речь идет о языке, а не о письме. Говорить здесь об окончании *-ъ* можно было только в применении к приметам падежей на письме.

«корневым» языке, см. § 84). В этом случае в самом сочетании слов (в предложении или сочетании, не образующем предложения) выделяется какая-либо формальная принадлежность. Такою формальною принадлежностью будут уже не звуки; формальное значение могут иметь, напр., порядок слов, различие в ударениях слов, в интонации. Другими словами, в одном языке для того, чтобы обозначить известное отношение, известному слову нужно придать известную форму, а в другом языке, где это невозможно, известную форму нужно придать не слову, а целому словосочетанию.

Формальный порядок известен, напр., во французском языке: от места, занимаемого в предложении, зависит здесь значение одного слова как подлежащего, другого — как дополнения (*Pierre aime Paul* — *Петр любит Павла*, *Paul aime Pierre* — *Павел любит Петра*; и невозможен порядок такой: *Петра любит Павел*). В русском языке отношения эти выражаются при помощи форм самих слов, и потому нет обязательного определенного порядка слов в предложении, т. е. с местом слова не связывается значение его как того или другого члена предложения; это ясно видно из таких случаев, как *весло задело платье*, где вследствие отсутствия различия в формах *весло* и *платье* может возникнуть недоумение относительно того, что чем было задето. Сравн. еще: *цель оправдывает средство*.

§ 75. Отдел языковедения, заключающий учение о формах в языке, называется грамматикой. Поэтому формы языка называются грамматическими фактами языка.

Различные способы образования форм слов в языках

В предшествовавшем изложении имелся в виду пока один, наиболее обычный способ образования форм слов. Но формы слов образуются в языке и другими способами.

§ 76. **Аффиксы.** Наиболее обычным способом формы образуются так, что основная и формальная принадлежность являются отдельными частями слов. Формальная принадлежность, являющаяся отдельной частью слова, называется аффиксом; поэтому описанный способ образования форм называем образованием при помощи аффиксов. Вот этот-то наиболее обычный способ до сих пор и имелся в виду.

Аффиксов в слове может быть один или более, как мы видели выше, сравн. 1) *стол-а*, *бел-ый* и 2) *стол-ик-а*, *бел-еньк-ий*. Во втором случае основами слов являются *стол-ик-*, *бел-еньк-*, которые разлагаются еще на основу + аффикс: *бел* + *еньк*, *стол* + *ик*; такая основа называется производной; основа, не разлагающаяся еще на основу + аффикс, называется непроизводною основой, или корнем: *бел-*, *стол-*.

Производные основы в истории языка с течением времени могут становиться непроизводными; это случается тогда, когда,

Вследствие утраты почему-либо ассоциаций между известными словами, основа перестает в сознании говорящего разлагаться еще на основу + аффикс. Напр., основа *добр-* в слове *добр-ый* по происхождению производная, и *р* — аффикс, но она являлась производною в ту эпоху, когда разлагалась еще на основу *доб* + аффикс *р*; теперь в нашем сознании основа *добр-* так уже не разлагается, потому что нет существовавшего когда-то слова *доба* ('пора', 'удобное время'), заключавшего непроизводную основу *доб-*, а со словами, произведенными от нее же, — *надобный*, *удобный* — слово *добрый* не ассоциируется; не ассоциируется оно и с словом *хитрый*, в котором тот же аффикс *р*, но не сознающийся теперь. Таким образом, для современного состояния языка основа *добр-* является простою, непроизводною. Называть ее производною мы можем только в историческом смысле.

Примечание. Здесь уместно сделать замечание, имеющее, между прочим, и практическое значение для преподавания. При изучении языка одно из важнейших правил — не смешивать различных эпох его жизни. И по отношению к непроизводной основе, или корню, нужно строго различать, говорим ли мы о корне в данную эпоху языка или в его истории. Термин «корень» чрезвычайно употребителен в школьной грамматике при разборе состава слов. Это упражнение полезно, но лишь при том условии, если оно является известного рода самонаблюдением, т. е. если разбираемые слова в сознании учащегося как говорящего на русском языке действительно разлагаются на основу и формальную принадлежность. В этом случае, призывая учащегося к наблюдению над тем, что действительно существует в его языке, с помощью которого он выражает свои мысли, учитель делает полезное дело. Но один из главнейших недостатков школьных учебников это — смешение современных фактов в языке с фактами прошлыми. В учении о составе слов этот недостаток проявляется в том, что основу, для современного сознания непроизводную (или корень), стараются разложить на те части, которые выделялись в ней прежде. Так, теперь корнем слова *дело* является *дел-*, между тем как школьные учебники из сравнения со словами вроде *действие* указывают здесь корень *де-*; это верно для прошлого, а не для теперешнего состояния языка, так как теперь звуковая принадлежность *-л* уже не выделяется в качестве формальной. Смешивая факты различных эпох, школьная грамматика, таким образом, не дает понимания ни фактов языка, ни его истории. В самом деле, полезно обратить внимание на факт языка — делимость слов на основные и формальные принадлежности¹: *чита-ю*, *чита-ешь*, *чита-ет* и т. д., *рук-а*, *рук-у* и т. д., или: *чит-ать*, *чит-ывать*, *чит-атель* и т. п., *бел-*, *бел-ый*, *бел-еньк-ий*, *бел-оват-ый*, *бел-ить*, *бел-ил-а* и т. п. Тут учащемуся ясны и материальные значения и значения формальных принадлежностей, и ценным здесь является то, что он знакомится с фактом своего языка как выразителя его мысли. Отыскивание же таких «корней», как *де-* в словах *дело*, *действие*, *раздел*, *надеть* и т. п., не выделяющихся в современном сознании, кажется про-

¹ Конечно, в начальном преподавании будут другие термины. Любопытно, что школьные учебники наименее занимаются «основами», между тем как деление слова на «окончание» и «основу» и различение в основе (именно в основе!). «подставки» («суффикс»), когда она сознается, являлись бы самым полезным.

извольным и неминуемо приведет учащихся к выводу, что все эти части слов выдуманы самой грамматикой. В самом деле, где пределы таким расчленениям слов? Почему *-яс* — не «корень» в *ястреб*, *ясный*, *пояс*, *коляска* и др.? Отдаленность значений не должна останавливать, потому что раз мы проникаем в историю языка, то мы должны помнить, что и значения слов меняются и удаляются друг от друга до неузнаваемости. Так, история языка не покажет нам родства между приведенными словами: *ястреб* и т. д., хотя в них мы и видим общее *-яс-*, но зато история докажет нам родство таких, напр., слов, как: *благоухание* и *вонь*¹, *конец* и *начало*², *надобно* и *добрый*³ и многих других, в которых отыскивать общие корни нам не пришло бы и в голову. Наоборот, корни в таких несомненно сближаемых нами теперь словах, как: *кусок*, *кусать*, с одной стороны, и *кушать*, *вкусить* — с другой⁴, *свидетель* и *видеть*⁵, *смирный* и *мир*⁶, исторически оказываются различными. Погоня за историей при игнорировании современного языкового сознания может завести в такой тупик, что в слове совсем не окажется корня... Так, напр., где корень в слове *вынуть*, заменившем под влиянием глаголов на *-нуть* старое *вынять* (сравни. *взять* — *взимать*, *принять* — *принимать*, *вынуть* — *вынимать*)? Кстати, замечу, что термин «корень» в науке применяется, главным образом, для обозначения непроемной основы, открываемой в праязыке.

А ф ф и к с — это общее название для всякой формальной принадлежности, являющейся в слове отдельной частью, и значит собственно «приставка». Аффиксы разделяются на суффиксы («подставки»), приставляемые к основе сзади, префиксы («представки»), приставляемые к ней спереди, и инфиксы («вставки»), вставляемые внутрь основы.

Во всех приводимых примерах мы имели дело с суффиксами, вообще наиболее употребительными в языках из всех аффиксов. Примером префикса может служить гласный *e*, приставляемый в греческом языке спереди к глагольной основе для образования прошедшего времени. Наши русские приставки не образуют словоизменительных форм, и *прихожу*, *уношу* не являются особыми формами словоизменения сравнительно с *хожу*, *ношу*, а представляют собою известного рода непростые слова (см. § 87). Пример инфикса можно видеть в латинском языке в таких случаях образования основы настоящего времени при помощи вставки *n*, как наст. *findo* при перфекте *fidi*, *scindo* при *scidi*.

§ 77. Флексия основ. Кроме способа образования форм слов при помощи аффиксов, существует в языках способ ф л е к с и и

¹ В обоих словах корень *-он-*, еще в общеславянском языке перешедший перед согласным в *o* (*o* носовое), откуда русское *у* (*благо-у-хати*, ст. -сл. *благожхати*), а перед гласным оставшийся без изменения (*в-он-ь*, где *в* приставное, как *востый*, *восьмой*, а *ь* обозначал когда-то гласный звук).

² То же и в этих словах с разновидностями корня *кон* (в *конец* перед гласным) и *кен*, откуда *чен*, где *ен* в общеславянском языке перед согласным перешло в *е* (*е* носовое), откуда русск. *а*: *на-ча-ло* (ст.-сл. *на-ча-ло*).

³ Объяснение см. выше. — С. 72.

⁴ В первых корень *крс*, с носовым *о*, во вторых — *кус*.

⁵ Старое *свъѣдѣтель* от *въѣдѣти* ('знать'), см. § 131.

⁶ Старое *смѣрjenje* от *мѣра*, а не от *мир*, см. § 131.

основ. Так называется видоизменение в звуках самой основы, и именно видоизменение с формальным значением, т. е. вносящее известное видоизменение в значение основы и наблюдающееся в целом ряде однородных слов. Иначе говоря, флексия основ — такое звуковое изменение в основе, которое говорящим сознается как необходимое для образования формы слова. Флексия основ может наблюдаться и в таких формах, которые, кроме того, образованы при помощи аффиксов. Флексия основ существует и в русском языке; напр. в русск. *хаживает, нашивает* видоизменение в значении (многократный вид) сравнительно с *ходит, носит* внесено не только аффиксом *-ива-*, но еще видоизменением в гласном звуке самих основ: *а* вместо *о*; то же в образованиях множ. числа, вроде *сёла, вёсла* при *село, весло*; флексия основы заключается в появлении ударяемого звука *о* во множ. числе (*с'о́ла, в'о́сла*) вместо неударяемого *э* в единственном (*с'э́ло, в'э́сло*). Пример из немецкого языка: прошедшее время *las* (читал), *nahm* (брал) при настоящем *lese, nehme*. Образование форм одною флексией основ без аффиксов найдем в семитских языках (§ 106); напр., древнеарабское *káтала* — он убил, *кúтила* — он убит; *káтаба* — написал, *кúтиба* — написан; сравн. еще формы от первого глагола: *катлун, китлан...* Из этих примеров видно, что в семитских языках нельзя выделить такой отдельной части слова, которая бы соответствовала нашим «корням» (непроизводным основам); корнями там явятся три согласных звука: *ктл* — убивать, *ктб* — писать, *дбр* — говорить.

Примечание. Термин «флексия основы» («изгиб», «сгибание») не следует смешивать с «флексией слов» (см. прим. к § 68), и, между прочим, следует иметь в виду, что «флексиями» в школьной грамматике называются суффиксы словоизменения.

§ 78. Повторение основ. Наконец, формы слов образуются еще повторением основы: или всей, или некоторой части ее. Такое образование форм развито в австралийских (малайско-полинезийских, § 111) языках. Неполное повторение основы находим, напр., в греческих глагольных формах так называемого перфекта: *лэ́лойпа* при наст. вр. *лэйпо* ('оставляю'), *тэ́трофа* при *трéфо* ('кормлю'). Приведенные греческие формы, как видим, образованы и аффиксом (конечное *а*), и флексией основы (перемена *е* на *о*), и повторением части основы (*ле-*, *те-*). В русском языке способ образования форм слов повторением основ отсутствует.

§ 79. Итак, рассмотрев три способа образования форм слов в языках, мы видим, что формальными принадлежностями в словах могут быть: 1) аффиксы, 2) флексия основ и 3) повторение основ.

Желая дать понятие о формах, я в § 68—73 выяснял его для простоты на случаях только таких форм, которые образованы при помощи аффиксов. Но выясненное там приложимо, конечно, и к

формам, образованным иными способами. Мы видели, что форма слова есть способность слова выделить основную и формальную принадлежности. Так, в слове, имеющем форму, образованную аффиксами, говорящий сознает основную часть и отдельную (перед ней, в ней или за ней) часть формальную; в слове, имеющем форму, образованную флексией основы, сознаются основная часть и известное формальное изменение, присутствующее в ней; в слове, имеющем форму, образованную повторением, сознаются основная часть и ее полное или неполное формальное повторение.

Происхождение различных формальных принадлежностей

§ 80. Все способы образования форм слов ведут свое начало из таких эпох человеческого языка, которые недоступны истории. Поэтому мы не можем достоверно знать, как возникли известные нам формальные принадлежности. Однако в жизни отдельных языков нам известны случаи довольно позднего, — уже на памяти истории, — возникновения форм, и мы можем проследить, как возникали формальные принадлежности в этих отдельных случаях. А по аналогии с ними можем с большою вероятностью предполагать, что подобным же образом возникали вообще формы в языках; значит, не имея возможности проследить процесс возникновения тех или иных формальных принадлежностей в доисторическую эпоху, мы все-таки можем себе представить общий характер этого процесса.

§ 81. Вот, напр., случаи позднего образования формы при помощи а ф ф и к с о в. Это — формы будущего времени во французском языке, как *je finirai, tu finiras, il finira* и т. д. Здесь можно проследить, что эти формы образовались из сложения инфинитива¹ *finir* ('кончить') с формами настоящего времени глагола *avoir* ('иметь'): *ai, as, a* и т. д. Части *finir-* и *-ai* были когда-то отдельными словами, каждое со своим материальным самостоятельным значением: 'кончить' и 'имею'. Потом слово *ai*, оставаясь отдельным словом, утратило свое самостоятельное значение, так что оба эти слова вместе стали означать одно: 'кончу'; это значит, что слово *ai* приобрело новое значение, формальное, потому что оно уже перестало обозначать 'имею', а стало вносить в значение предшествующего слова известное видоизменение, именно указание на будущее время. На этой ступени стоит малорусское будущее время *писати му* (*меш, ме* и т. д.), где *му* (= иму), само по себе означающее 'имею', является отдельным (можно сказать *му писати*), но не самостоятельным словом с формальным значением (см. § 87). В истории французской формы процесс пошел далее: несамостоятельное слово с формальным значением *ai* перестало быть словом отдельным, а соединилось с предшест-

¹ О названии «инфинитив» вместо «неопределенное наклонение» см. § 91.

вующим *finir* в одно; тогда *ai* стало уже частью слова, именно формальной принадлежностью; тогда же, конечно, и *finir* перестало быть словом, а стало частью слова *finirai*, именно его основой. См. еще § 132.

В отдельных языках можно найти и другие подобные примеры происхождения аффиксов (суффиксов, префиксов). По аналогии с ними и предполагают, что аффиксы вообще возникали из отдельных слов с самостоятельным значением, переходившим позже в формальное. Но, как указано уже, громадное большинство известных теперь аффиксов пережило такую длинную историю, что и предполагать даже трудно, из какого именно слова возник тот или иной из них.

§ 82. Что касается образования форм при помощи флекси и и о с н о в, то можно думать, что изменение в звуковой стороне основы, составляющее здесь формальную принадлежность, тоже не имело прежде формального значения, а приобрело его, так сказать, случайно. Вот пример из русского языка. В известную эпоху жизни русского языка действовал звуковой закон, по которому старое *e* под ударением и перед твердым согласным переходило в *o*; согласно этому закону слова (изображаю фонетически¹), напр.: *л'энъ, н'эс'эмъ, б'р'эза, в'элъ*, где были налицо все указанные условия, стали произноситься *л'он, н'эс'ом, б'эр'о́за, в'о́л*; а если не было хотя бы одного из этих условий, то старое *e* не переходило в *o*, напр., *в'эла, н'эсла* сохраняли свое *э* потому, что на нем не было ударения. Таким же образом слова в единственном числе *с'элó, в'эслó* и т. п. оставались без изменения, а во множественном числе, где ударение является на первом слоге, *э* обратилось в *o* и получилось *с'о́ла, в'о́сла* и т. п. Этот звуковой переход совершился без всякой зависимости от значения, единственно потому, что формы множ. числа этих слов представляли наличность всех условий для него. Но когда он совершился во всех таких словах, однородных между собою тем, что означали множ. число, тогда *o*, являвшееся их общею звуковою принадлежностью, в отличие от *э* в формах единственного числа тех же слов, стало формальною принадлежностью, т. е. с этим видоизменением в звуковой стороне основы стало связываться и видоизменение в значении, именно то же самое видоизменение, которое уже раньше было внесено аффиксом. Что это именно так, т. е. что в подобных случаях для сознания говорящего как бы недостаточно одного видоизменения в аффиксе, а необходима еще флексия самой основы, видно из следующего. Мы произносим старое предударное *o* за *a*, а ударяемое сохраняем; если в одной форме одного и того же слова ударение падает на слог с этим звуком, а в другой форме не падает, то получится чередование в произношении — *a* в одной и *o* в другой форме: *вада́, но вóды; нага́, но*

¹ И сохраняю *ъ* в конце слова потому, что описываемый закон действовал в такую эпоху, когда не исчез еще звук, изображавшийся этой буквой.

ноги; акно́, но о́кна; вѣлакно́, но вало́кна и т. п. Появление *о* вместо *а* сознается как формальная принадлежность множ. числа; и вот в народном слове *красно́* ('ткацкий станок', а также 'холст') в форме множ. числа появляется под ударением *о*: *крóсна*, несмотря на то, что *а* в слове *красно́* старое (не вместо *о* без ударения); даже от иностранного слова *пальто́* народ образует множ. число *пóльта*, соединяя с различием в звуковой стороне основы различие в значении: *а* без ударения для единств. числа и *о* под ударением для множественного.

В этих примерах формальными принадлежностями являются, кроме флексии основ, еще и аффиксы, с помощью которых эти формы и были первоначально образованы. Но если бы эти аффиксы, в силу каких-нибудь звуковых законов, исчезли в языке, то единственной формальной принадлежностью осталась бы флексия основ. Так случилось с немецкими формами множ. числа: *Väter, Mütter, Töchter* при единств. числе: *Vater, Mutter, Tochter*: формы множ. числа этих слов имели первоначально известные окончания (аффиксы), которые впоследствии исчезли; и видоизменение в звуковой стороне основ — именно переход гласных заднего ряда *а, и, о* в передние *ä, ü, ö* — произошло тогда, когда эти окончания еще не исчезли.

§ 83. Подобным же образом и формальное повторение *о с н о в* в тех языках, где оно есть, могло образоваться из повторения целых слов, не имевшего сначала формального значения. Примеры того, как с повторением целого слова может связываться известное изменение значения, мы найдем и в русской речи. В словах Хлестакова в «Ревизоре»: *и в тот же день по улицам курьеры, курьеры, курьеры...* повторение слова *курьеры* не изменяет значения этого слова; то же в словах *шел, шел...* Но в случаях вроде *синий-синий, большой-большой, хорошо-хорошо, много-много, едва-едва* повторение слова вносит изменение в значение *синий* и т. д.; путем такого формального повторения образовались новые уже, именно непростые, слова (см. § 87), т. е., напр., *синий-синий* по значению уже не два слова, а одно непростое, со значением 'очень синий' (напр., в известном описании Днепра у Гоголя в «Страшной мести»: *синий-синий ходит он плавным разливом*). Эти случаи, понятно, не являются формами, а показывают только ту почву, на которой могли бы образоваться формы слов путем повторения основы (таких форм нет в русском языке: вот если бы из *синий-синий* выработалось что-нибудь вроде «синьсиний» со значением превосходной степени, а кроме того, и в других прилагательных возникли бы подобные образования, вроде «белбелый» и т. п., — это была бы форма).

Итак, ф о р м а л ь н о е значение различных принадлежностей в процессе возникновения разных форм развивалось из значения не ф о р м а л ь н о г о.

§ 84. **Морфологическая классификация языков.** По тому, есть ли в языке формы слов, — а если есть, то как они образуются, —

языки делятся на различные классы. Такая классификация языков называется морфологической, потому что та часть грамматики, которая изучает формы отдельных слов, называется морфологией (см. § 10). Грамматический строй в родственных по происхождению языках может быть различным, и, наоборот, однородный грамматический строй может наблюдаться в чуждых по происхождению языках.

В настоящее время обыкновенно различают следующие классы языков.

1. **Корневые**, или **изолирующие**, языки. Так называются языки, в которых нет никаких форм слов; слова в них представляются нам какими-то бесформенными частицами, подобными тому, что в других языках называют «корнями»; отсюда их название. К корневым языкам принадлежат, напр., китайский, сиамский и др. языки юго-восточной Азии (§ 109). Если в них нет форм слов, то в них нет и различия в так называемых «грамматических частях речи» (см. § 90); одно и то же слово при различных условиях может соответствовать нашим существительному, прилагательному и т. д.; напр., китайское *та* может означать и 'величина', и 'великий', и 'увеличивать', и 'очень'. Из отсутствия форм слов следует, что в грамматике корневых языков не может быть морфологии, а есть лишь синтаксис, в котором изучаются формы сочетаний слов. Вследствие отсутствия форм слов отношения слов в предложении определяются в корневых языках порядком слов, ударением, интонацией и другими формами сочетаний слов (§ 74).

2. **Агглютинативные**, т. е. «склеивающие», языки. Так называются языки, в которых нет флексии основ и формы слов образуются только при помощи аффиксов, которые представляются очень слабо соединенными с основой; на это и указывает их название от латинского слова *agglutinare* — 'склеивать'. Такое впечатление «склейки» основы с аффиксом получается оттого, что основы и аффиксы постоянно повторяются в языке в других словах совершенно в том же или мало измененном звуковом виде. К этим языкам принадлежит большинство языков земного шара. Примеры из турецкого (§ 103) языка: *ода* — 'комната', *эв* — 'дом', *да* или *дэ* — суффикс местного падежа (на вопрос «где?»), *одада* — 'в комнате', *эвдэ* — 'в доме'; *лар* или *лэр* — суффикс множ. числа, *одалар* — 'комнаты', *эвлэр* — 'дома', *одаларда* — 'в комнатах', *эвлэрдэ* — 'в домах'.

3. **Флективные** языки. Так называются языки, в которых формы слов образуются при помощи не только аффиксов, но и флексии основ. К флективным относятся языки семитские (§ 106) и индоевропейские (§ 100).

4. **Полисинтетические** языки. Так называются североамериканские языки, т. е. языки племен американской расы в С. Америке (§ 112). Они по способу образования форм слов принадлежат к агглютинативным, но в них есть одна особен-

ность, которая характерна именно для них. Эта особенность заключается в существовании там своеобразных непростых слов (§ 87), которые, с одной стороны, являются словами, а с другой — не словами, а предложениями, а именно эти особенные «слова-предложения» складываются из слов, как в непростом слове (напр., *водовоз* и др.), но отношения между ними такие, как между частями предложения. Если бы мы в предложении *я пью воду* вместо отдельного целого слова *воду* взяли его часть, основу, и соединили бы ее с *я* и *пью* в одно целое «яводпью» со значением 'я пью воду', — это было бы сказано так, как говорят по-североамерикански. Напр., в языке ацтеков: *накатл* — 'мясо', *ква* — 'кушать', *ни* — 'я'; предложение «*я ем мясо*» — *нинакаква* (вроде «я-мяс-ем»).

Кроме этих классов языков, можно встретиться (особенно не в лингвистических сочинениях) с делением языков по их внутреннему строю на синтетические и аналитические. Синтетическим строем языка называют такой, в котором синтаксические отношения слов в предложении выражаются формальными принадлежностями самих слов (преимущественно окончаниями); при аналитическом строе то же выражается самостоятельными (служебными) словами, т. е. словами с формальным значением: членами, предлогами и т. п.; порядок слов в аналитических языках получает обыкновенно формальное значение. Сравн., напр., русские (синтетический строй): *стола, столу* и французские (аналитический строй): *de la table, à la table*. Однако строгого деления между языками на этом основании провести совершенно нельзя.

§ 85. Прежде думали, что все языки в своем историческом развитии проходят одни и те же стадии, что первоначально они все были корневыми, затем перешли в стадию агглютинации и, наконец, в стадию флексии. С этим мнением связано и другое, будто флективный строй наиболее совершенный. Оба эти мнения теперь оставлены.

Что грамматический строй языков с течением времени может меняться, это несомненно, но такой последовательности установить нельзя. Если и можно предполагать, что некоторые флективные языки развились из агглютинативных, то, с другой стороны, в некоторых языках флективного строя с течением времени утрачиваются известные формы слов, так что в известных отношениях они начинают походить на корневые (напр., английский язык). О китайском языке существует мнение специалистов, что он не всегда был корневым, а что, наоборот, он уже пережил ступень агглютинации.

Что касается, в частности, второго мнения, то оно также научно: всякий язык способен выразить, каждый по-своему, те отношения между предметами мысли, какие мышление говорящего на этом языке способно открыть. Если же и можно говорить о превосходстве одного языка над другими (напр., языка обра-

зованного человека или культурного народа над языком необразованного человека или дикарей), то эта разница касается не грамматического строя, о котором у нас идет речь, а других сторон языка: напр., богатства или скудости словаря, присутствия или отсутствия слов для выражения отвлеченных предметов мысли и т. п.; развиваясь умственно, человек или народ обогатит и свой язык, но грамматический строй его языка может остаться при этом все тем же.

Глава V

СЛОВА

Содержание. § 86. Отдельное слово. § 87. Виды отдельных слов. § 88. Две классификации слов. § 89. Классы слов по значению. § 90. Классы слов по формам. § 91. Грамматические части речи в русском языке.

§ 86. Отдельное слово. Термином «отдельное слово» мы отличаем слово: 1) от части слова и 2) от сочетания слов, т. е. того, что представляет собою или предложение или часть предложения. Сочетание по своему значению разлагается на отдельные предметы мысли (или чувства), слово же, хотя бы и непростое, означает один предмет мысли (или чувства). Таким образом, напр., *а* (союз), *рука*, *паровоз*, *неправда*, *ох!* — отдельные слова. Такое слово, как *паровоз*, отличается от сочетания слов тем, что не разлагается на другие слова (первая часть *паро-* не слово), как разлагается сочетание, напр., *хорошая погода*, а такое слово, как *неправда*, — тем, что, будучи разложено на *не* и *правда*, теряет свое значение ('ложь').

При различении слов мы руководствуемся преимущественно внутренней стороной. Сочетание, напр., *на руки* с внешней, т. е. звуковой, стороны одно целое (*на́руки*), а с внутренней, т. е. со стороны значения, — не одно; поэтому *на руки* не одно, а два слова; то же *в дом* (вдом), *с сумой* (сумой). Различными словами являются также, напр. *рука*, *руку*, *руки*, *пишу*, *пишешь*, *писать*, так как различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения. Слова, тождественные по звуковой стороне, но различающиеся по значению, будут различные слова: *три*, *пять* (числа) и *три*, *пять* (повел. накл. от *тереть*, *пятить*), *мой* (местоим.) и *мой* (повел. накл.), *коса* (орудие) и *коса* (прическа), *лес* и *лез*, *ход* (в *парадный ход*) и *ход* (в *тихий ход*)¹ и т. п.; только в случае частичного различия в значении, т. е. при условии, если говорящий сознаёт в одном из подобных слов видоизменение значения другого, как, напр., *бумага* в смысле всякой писчей бумаги и *бумага* в смысле документа, можно говорить не о разных словах, а о двух вариантах значения одного и того же слова (иначе, с м ы с л о в ы х в а р и а н т а х одного

¹ См. об этих словах в § 89.

слова); но раз такого непосредственного сознания нет, это — уже разные слова (происшедшие, понятно, из одного). Наконец, такие сочетания, которые по значению однородны с простыми словами, рассматриваются как слова, а не как сочетания слов (см. ниже, § 87, «непростые слова»).

Однако различие слов по звуковой стороне при тождестве значений (случаи редкие) заставляет считать такие слова разными словами: так, *ложь* и *неправда*, *языковедение* и *языкознание*, *орфография* и *правописание* — разные слова; также *зал*, слово муж. рода, и *зала*, слово женск. рода, представляют различное словообразование и являются разными словами: только *ча ст и ч н о е* изменение звуковой стороны не создает различия в словах; напр., *зимой* и *зимой*, *внимание* и *вниманье*, *в* и *во*, *под* и *подо* — по два звуковых варианта одного и того же слова.

§ 87. Виды отдельных слов. Отдельные слова бывают:

1) *полные*, или *самостоятельные*; они выражают или — реже — целые предложения, как *иди*, *морозит*, или — обыкновенно — части предложения;

2) *частичные*, или *несамостоятельные*; они имеют значение только при полных словах и были бы невозможны без существования в языке полных слов и предложений: к ним принадлежат предлоги, союзы, связка (обозначает связь сказуемого с подлежащим), член, усилительные слова (напр., русск. *то* в *я-то*), слова, обозначающие отрицание (*не*) и вопрос, и вопрос (*ли*) и др.; частичные слова могут иметь формы: так, связка спрягается, член склоняется, в некоторых языках спрягается отрицание;

3) к отдельным словам следует отнести и *те ме ж д о м е т и я*, которые являются в роли слов (ср. § 66) и могут быть названы *с л о в а м и-м е ж д о м е т и я м и*; по своему значению они все-таки как бы полуслова, так как выражают чувствования; примеры: *ах!* *боже мой!* *спасибо*, *конечно*, *да*, *нет*, *ей-богу*; к ним по значению можно отнести и так называемые «слова-воззвания», или обращения, употребляемые нами с целью обратить внимание того лица, к которому обращаемся с речью, и не входящие в состав предложения; напр., «*Г р а ж д а н е, встаньте!*» — «*К о л я, поди сюда!*».

Отдельные слова, кроме того, бывают:

1) *простые* и

2) *непростые*. Непростое самим говорящим сознается как «сложное», разлагается на слова или основы; однако значение непростого слова будет едино, не будет разлагаться на несколько предметов мысли, как разлагается значение словосочетания. Исторически непростые слова возникают или из сочетаний слов, или из сочетаний основ, или из повтора слов.

П р и м е р ы. Непростые слова из сочетаний слов: *неправда*, *приходить*, *сказал бы*, *почему*, *зачем*, *то-то*, *потому что*, *скрепя сердце* («нехотя»), *спустя рукава* («небрежно»); последние четыре

примера — слова, а не словосочетания, как бы мы их ни писали, вместе или отдельно (в подобных случаях правописание часто колеблется между слитным и раздельным, напр., *пофранцузски*, *по французски* и *по-французски*, *несмотря* и *не смотря* и т. п.). Как бы промежуточным между сочетанием слов и отдельным словом — конечно, не простым, — стоит такого рода сочетание, которое по значению однородно с непростым словом, а с внешней стороны имеет от него то отличие, что и первая часть его имеет свое словоизменение; таково, напр., *Великий пост* в значении определенного поста, в отличие от *Петровского*, *Успенского* и др. постов, а не в значении долгого или очень строгого поста; что значение *Великий пост* не слагается из значения *великий* + значение *пост*, видно из того, что мы могли бы знать, что значит *великий* и что значит *пост*, но могли бы все-таки не знать, что называется *Великим постом*; сравн. франц. *grand-père*, *grande-mère*, означающие 'дедушка', 'бабушка', а не 'большой отец', 'большая мать'. Для таких непростых слов предложен в науке термин «слитное речение», который подчеркивается их внешнее отличие от непростого слова, состоящее в словоизменении первой части: *Великого поста*, *Великому посту* и т. д. Таковы же, напр., *железная дорога*, *красный товар* ('материи'), *черный день* ('несчастье').

Непростые слова из сочетаний основ: *пароход*, *водовоз*, *длиннорукий*, *земледелие* и т. п.

Непростые слова из повторения слов: *синий-синий*, *едва-едва*, *хорошо-хорошо*, *да-да-да* и т. п.

К непростым словам относятся и слова-словосочетания полисинтетических языков (см. § 84).

§ 88. Две классификации слов. Слова мы можем разделить на классы: 1) по их материальному значению и 2) по их формам и не должны смешивать этих двух классификаций. Таким смешением грешила школьная грамматика в своей классификации частей речи, о чем будет ниже (§ 91). Первая классификация подойдет ко всякому языку, потому что основана будет на классах предметов мысли человеческой; вторая будет различная по языкам, сообразно тому, какие формы слов существуют в том или ином языке; она невозможна будет, разумеется, в языках корневых, так как в них нет никаких форм слов (см. § 84).

§ 89. Классы слов по значению (неграмматические). Эта классификация должна основываться исключительно на том, что обозначают слова, какие разновидности предметов мысли выражают.

Мы можем мыслить признаки и то, что вмещает в себе эти признаки, — предметы. Поэтому мы можем различать слова: 1) обозначающие признаки, напр. *белизна*, *хождение*, *белый*, *ходит*, *этот*, *мой*, *который*, и 2) обозначающие предметы, напр. *стол*, *Волга*, *я*.

Мы можем признаки и предметы мыслить или по отношению к данной мысли, или же без отношения к

данной мысли. Поэтому мы можем различать слова: 1) получающие определенное значение только в данной речи («слова-местоимения»), напр. *я, этот, мой, который*, и 2) имеющие определенное значение независимо от данной речи («слова-названия»), напр. *белизна, хождение, белый, ходит, стол, Волга*.

Признаки мы можем мыслить или изменяющимися во времени, как действие и состояние, или без отношения к изменению во времени, как качество, различные отношения предметов мысли. Первые можно назвать «глагольными», вторые — «неглагольными» (не следует смешивать с грамматическим классом слов «глаголом», см. ниже). Поэтому мы можем различать слова: 1) «глагольные», напр., *ходить, хождение, хожалый, носить, ход* (напр., *тихий ход*), *-воз* (во второй части слова *водовоз*), и 2) «неглагольные», напр., *белый, белизна, стол, ход* (напр., *парадный ход*), *воз* ('повозка', 'нагруженная повозка', но не во второй части слова *водовоз*).

Наконец, в словах-названиях мы можем различать слова: 1) общие, или нарицательные, обозначающие предметы и вместе их признаки, напр. *солнце* (хотя бы такой предмет был известен единственным), *стол*, и 2) собственные, обозначающие только предметы без отношения к их признакам, напр. *Иван, Иванов* (хотя бы таких предметов было очень много), *Волга*.

Таковы могут быть классы слов по значению, иначе, неформальные классы слов, так как при этой классификации не принимаем во внимание форм слов, а только значения; так как формы слов изучаются в грамматике, то эти классы слов можно назвать еще неграмматическими.

Примечание. Здесь указаны классы более общие; если эту классификацию продолжить дальше, то в классе слов, обозначающих предметы, мы могли бы прийти до таких дробных делений, как, напр., классы слов, обозначающих деревья, или реки, или животных и т. п., а в классе слов, обозначающих признаки, оказались бы, напр., классы слов, обозначающих форму, цвет, число (ср. прим. к § 91) и т. п.

§ 90. Классы слов по формам (грамматические). Эти классы могут быть названы еще формальными классами, а также грамматическими «частями речи».

Мы знаем уже (§ 69), что формы слов могут быть или формами словообразования, которыми обозначаются в словах различия в самих предметах мысли, или формами словоизменения, которыми обозначаются в словах различия в отношениях одних предметов мысли к другим (в предложении или его части).

Теперь прибавим, что в тех отношениях, которые обозначаются формами словоизменения, различаются: 1) отношения одного слова к другому, как сказуемого к подлежащему; они выражаются так называемыми формами «сказуемости», к которым принадлежат формы времени, наклонения и лица (причем формы лица не существуют отдельно от форм времени

и наклонения); и 2) отношения одних слов, как второстепенных членов предложения, к другим, а именно или как дополнений, что выражается формами падежей, или как определений, что выражается формами изменения в роде.

Поэтому по формам мы могли бы различать такие классы слов:

слова, имеющие только формы словообразовательные,
слова, имеющие только формы словоизменения,
слова, имеющие и те и другие формы,
слова, не имеющие ни тех, ни других.

По разновидностям самого словоизменения можно различать далее подклассы:

слова, имеющие формы сказуемости, или спрягаемые,
слова, имеющие формы падежей, или склоняемые,
слова, имеющие формы изменения в роде.

Примечание. К «спряжению» относят, кроме форм времени, наклонения и лица (форм сказуемости), еще и формы залога и вида, являющиеся формами словообразовательными, т. е. представляющие различия только в основах. К «склонению» относятся, кроме форм падежей, еще и (словообразовательные) формы числа. В русском языке, как и во многих других, в формах падежей и лиц нет особых формальных принадлежностей, специально указывающих на число, в нем падежные и личные формальные принадлежности употребляются разные в зависимости от числа. Слова, имеющие формы изменения в роде, имеют обыкновенно и форму склонения (падежи и числа), но не всегда (см. § 91, 3, в).

Таковы, следовательно, могут быть формальные, или грамматические, классы слов, иначе — грамматические «части речи»; эти классы будут варьироваться в разных языках в зависимости от наличности в них тех или иных форм слов.

§ 91. В русском языке мы можем различать следующие грамматические, или формальные, классы слов:

1) слова без всяких форм: предлоги, союзы, «неграмматические» наречия¹, как *где, здесь, куда, туда* и т. п., многие слова-междометия, как *ах! ей!* (другие отойдут к другим классам); сюда же следует отнести «несклоняемые», как *кенгуру*;

2) слова только с формами словообразования: «грамматические» наречия¹, как *бело, хорошо, сильно, разнообразно*, формы сравнительной степени прилагательных, деепричастия, «инфинитивы»²;

¹ Как видим, «грамматическими» называются наречия, имеющие формы, а «неграмматическими» — не имеющие. Что, напр., *бело* имеет форму (именно словообразовательную), видно из того, что оно разлагается (ср. § 70) на *бел + о* соотносительно, с одной стороны, напр., с *бел-ый, бел-ить*, а с другой, напр., с *хорош-о*; но, напр., *куда*, несмотря на существование *туда, откуда* и др., не имеет формы вследствие отсутствия основы *куд-* в других словах, поэтому и в *куда* нет ни основы, ни формальной принадлежности.

² Термин «инфинитив», или «неопределенная форма глагола», употребляется в науке вместо названия «неопределенное наклонение», неверного тем, что это не есть форма наклонения; формы наклонения выражают связь сказуемого с подлежа-

3) слова с формами и словообразования и словоизменения, а в них:

а) слова с формами склонения, но без форм изменения в роде: существительные, часть местоимений (напр., *я, ты*), часть числительных (количественные, но исключая *один, два*);

б) слова с формами склонения и с формами изменения в роде: прилагательные, часть местоимений (напр., *мой, этот* и др.), часть числительных (*один, два* и порядковые);

в) слова с формами изменения в роде, но без форм склонения: прилагательные и причастия краткие (напр., *весел, сделан*), глаголы в прошедшем времени (напр., *взял, -а, -о*);

г) слова с формами изменения по лицам (спряжения): глаголы в личной форме (напр., *несу, приду*).

Таковы «формальные», или грамматические, классы слов, иначе — «грамматические части речи» в русском языке.

П р и м е ч а н и е. В школьной грамматике разделение «частей речи» страдало непоследовательностью и смешением формальных и неформальных классов слов. Существительное, прилагательное и глагол определялись там лишь со стороны значения, а именно как слова, обозначающие или предмет, или качество (признак), или действие и состояние, между тем невозможно упускать из вида их именно формальной стороны, различия в которой и образуют различия между этими классами слов. Слова, напр., *лай, хождение*, конечно, означают действия, однако они не глаголы; а слово, напр., *белизна* означает, конечно, признак, качество, однако оно не прилагательное, и т. д. Если же понимать эти три класса как классы формальные, т. е. как слова склоняемые, слова склоняемые и изменяемые по родам и слова спрягаемые, то они будут несоотносительны с местоимением и числительным, так как местоимение — класс неформальный (местоимение от тех классов отличается, действительно, но значению), а числительное по значению представляет собою очень дробный подкласс слов, обозначающих признаки (ср. прим. к § 89); по формальной же стороне часть как местоимений, так и числительных отойдет к существительным как словам склоняемым, а часть тех и других — к прилагательным как словам склоняемым и изменяемым по родам. Междометия несоотносительны ни с одной из других «частей речи». Наконец, наречие, предлог и союз определялись в школьной грамматике совсем с новой точки зрения, не затронутой в определениях других частей речи, а именно по их синтаксической роли, т. е. как члены предложения.

жащим или как действительную (изъяснительное наклонение), или как возможную (сослагательное), или как желаемую (желательное, существующее, напр. в греческом, древнеиндийском языках), или как требуемую (повелительное); ничего такого не выражает, конечно, инфинитив: он выражает тот же предмет мысли, что и другие формы соответствующего глагола, но без всякого отношения к наклонению, ко времени, к числу, лицу, — словом, ко всему тому, что выражается глагольными формами; по происхождению своему инфинитив представляет собою существительное, образованное от общей с глаголом основы и утратившее склонение.

Глава VI

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Содержание. § 92. Суждение и предложение. § 93. Предложение полное и неполное. § 94. Члены суждения и члены предложения. § 95. Связка. § 96. Предложение грамматическое и неграмматическое. § 97. Отношение между предложениями. § 98. О синтаксическом «разборе».

§ 92. Суждение и предложение. Что такое психологическое суждение, было уже указано выше (§ 62); отсюда же ясно, что предложение есть словесное выражение суждения. Внешним выражением того, что мысль закончена, является известная интонация, напр. понижение голоса в конце повествовательного предложения. Таким образом, с чисто языковой (грамматической) стороны границы предложений определяются только соотношением интонаций. Для того чтобы уяснить себе отношение членов суждения к членам предложения, следует прежде всего иметь в виду, что в суждении всегда приведены в сознаваемую связь два члена: два представления, из которых первое — подлежащее, второе — сказуемое; в предложении же может быть одно, два и более слов. Психологически подлежащее и сказуемое не следует смешивать с грамматическими: чем определяются подлежащее и сказуемое психологические, сказано выше (сравн. также § 62); грамматические же подлежащее и сказуемое определяются той или иной формой — самого ли слова или формой сочетания слов; напр., в русском языке грамматическое подлежащее определяется формой самого слова, а именно формой именит. падежа, во французском языке — формой сочетания слов, а именно местом его среди других слов в предложении.

§ 93. Предложение полное и неполное. Суждение мы можем выразить словами лишь тогда, когда хоть один из его членов был представлением слова. Если оба члена суждения были представлениями слов, то в речи мы можем выразить все суждение, а если один член был представлением слова, а другой — представлением непосредственным (зрительным, слуховым и т. д.), то в речи мы выразим часть суждения. В первом случае мы имеем суждение, законченное в речи, — предложение полное, а во втором — суждение, не законченное в речи, — предложение неполное¹; что же касается самой мысли, т. е. самого психологического суждения, то оно в обоих случаях будет одинаково закончено, одинаково полно, т. е. будет состоять из двух членов, приведенных в связь в процессе мышления.

Примеры. В полном предложении *дом продан* я выразил словами всю мысль, оба члена психологического суждения, состоявшего из представления слова *дом* (подлежащее), с которым

¹ Можно сказать иначе: мысль законченную или мысль, незаконченную в речи.

соединилось представление слова *продан* (сказуемое); а как представление слова *дом* возникло у меня по ассоциации с представлением самого предмета, так и представление слова *продан* возникло по ассоциации с представлением того, что с ним произошло.

Я мог бы, конечно, не сказать этих слов: *дом продан*, представления которых у меня в мысли появились; тогда бы дело ограничилось, так сказать, в н у т р е н н е й р е ч ь ю; наоборот, если бы я их сказал, но сказал невольно, то это можно было бы назвать мышлением вслух.

Я вижу — горит дом, и говорю: *пожар*; здесь я выразил словом только один член суждения, образовавшегося в моем мышлении, но суждение состояло из двух членов: при виде горящего дома у меня возникло по ассоциации представление о пожаре¹; от этого представления отправился процесс суждения (это психологическое подлежащее); с этим непосредственным представлением соединилось представление слова *пожар* (сказуемое), которое я и высказал. — Если при виде летящей птицы у меня по ассоциации возникло представление о ее действии (я узнал, что это за действие) и представление слова *летит*, то, соединив эти два представления в мысли, я образовал суждение, подлежащим которого является непосредственное представление того, что делает птица, а сказуемым — представление слова *летит*; если я скажу при этом: *летит!* — то я выскажу, следовательно, один член суждения, именно сказуемое. — Но при виде той же летящей птицы у меня членами суждения могут явиться представление летящего предмета (подлежащее) и представление слова *птица* (сказуемое); сказав в этом случае: *птица*, я выскажу, следовательно, опять один член, и опять именно сказуемое психологического суждения. Смысл этой последней моей речи будет приблизительно такой: то, что летит, есть птица.

Наконец, такие однословные предложения, как «*возьми*», «*звонят*», «*морозит*», являются полными, так как выражают целые суждения.

§ 94. Члены суждения и члены предложения. Из вышеприведенных примеров видно, что подлежащее и сказуемое психологического суждения могут соответствовать не тем словам, которые мы рассматриваем как подлежащее и сказуемое предложения. Надо иметь в виду, что мы при передаче своей мысли, укладывая составляющие ее представления в суждения (сравни. § 63), пользуемся готовыми словами в готовых сочетаниях, которые мы переняли у старшего поколения; мы составляем, таким образом, новые предложения из разрозненных частей старых; при этом слова в известных формах и известные сочетания, служившие когда-то для выражения одной части суждения, могут оказаться перенесенными в другое суждение для выражения другой части. Поэтому, когда мы разбираем предложение, мы не разбира-

¹ Я узнал, так сказать, что это такое.

ем в то время психологического суждения, образование которого мы не всегда можем знать. Формы слов в предложении ничего не говорят о составе суждения. Поэтому в с я к и й ч л е н п р е д л о ж е н и я может соответствовать и психологическому подлежащему и сказуемому.

Возьмем примеры, в которых будем исходить из психологического суждения и обращать внимание на то, от какого представления отправляется процесс суждения (подлежащее) и какое представление с ним объединяется (сказуемое).

Я слышу звон разбивающегося стекла; я понимаю, что что-то разбилось, но не знаю что; когда я узнаю, что разбился стакан, я объединю с возникшим уже раньше представлением это другое, новое представление стакана и скажу: *стакан разбился*; в этом предложении грамматическое подлежащее *стакан* соответствует психологическому сказуемому. — Я слышу, что кто-то разбил стакан, но не знаю кто; когда я узнаю это и скажу: *кошка разбила стакан*, то здесь грамм. подлежащее *кошка* также соответствует психологическому сказуемому. Наконец, если я хочу знать, что за шум, и, узнав, говорю: *стакан разбился*, то в этом случае всё предложение *стакан разбился* является психологическим сказуемым, а психологическое подлежащее остается невыраженным. — Подобным же образом и целое предложение *птица летит*, которое я произнесу, увидав летящую птицу, может быть психологическим сказуемым.

Представления предметов, входящих в суждение, могут быть сложными по своему составу (сравн. выше в § 60 о «восприятии»); они ассоциируются с представлением нескольких слов; отсюда в результате сложных процессов возникли в т о р о с т е п е н н ы е ч л е н ы п р е д л о ж е н и я (дополнение, определение, обстоятельство). Эти члены получили известные, им свойственные формы (формы самих слов или формы сочетания слов). И если мы знаем психологическое суждение, лежащее в основе того или иного предложения, то может оказаться, что второстепенный член предложения вместе с тем или иным главным или же второстепенный член один соответствует или подлежащему или сказуемому суждения. Напр., в предложении *я послал его* подлежащее *я* может соответствовать подлежащему суждения, а сказуемому суждения соответствуют слова *послал его*; но в том же предложении *я послал его*, если слушателю интересно, кого именно послал я, второстепенный член *его* соответствует сказуемому суждения, а слова: *я послал* — подлежащему. Подобным же образом в предложениях: *ветром сорвало крышу, послали за доктором* слова: *крышу, за доктором* могут соответствовать психологическим сказуемым (в этом случае на них падает так называемое «логическое» ударение); в предложениях: *топором рубят, не заботьтесь о завтрашнем дне, в пещере темно* слова: *топором, о завтрашнем дне, в пещере* могут соответствовать психологическим подлежащим.

§ 95. Связка. Чувство связи между подлежащим и сказуемым суждения может выражаться (ср. § 65) в языке присутствием либо особого слова, либо формы сказуемости в сказуемом предложении (ср. § 90). Особое слово, выражающее такую связь, является обыкновенно частичным словом (см. § 87) и называется связкой. Напр.: *Буква есть знак, Это было приятно*, сказуемые в этих предложениях составные: *есть знак, было приятно*; в предложениях же: *Есть деньги, Это было, да прошло* те же слова уже не связки, а самостоятельные слова, и сказуемые в них — простые: *есть, было*. В значении связки могут являться слова, обычно являющиеся самостоятельными; напр., в предложениях: *целый день с и ж у одна, похвала ж и в е т — человеку пагуба* (Повесть о Горе-злосчастии) составные сказуемые: *сижу одна, живет пагуба* (т. е. похвала является погибелью для человека), и слова: *сижу, живет* являются в значении связки; из глаголов, являющихся то в роли самостоятельных слов, то в роли связки, наиболее употребительны в русском языке *казаться, являться* и др.

§ 96. Предложение грамматическое и неграмматическое. Отношение сказуемого к подлежащему может быть выражено средствами языка: формой слова (полного или частичного), формой сочетания слов — или остаться невыраженным. Так как формы изучает грамматика, то предложение в первом случае называется грамматическим, а во втором — неграмматическим. Таковы в русском языке грамматические предложения: *птица летит, птица летела, я болен, я был болен*; в них отношение одних слов к другим, как сказуемых к подлежащим, выражено формами времени; а формы времени здесь образованы формальными принадлежностями полного слова *-ит, -ла*, частичным словом (связкой) *был*; что касается *я болен*, то здесь также есть форма времени, именно отрицательная форма; мы сознаем здесь отношение к настоящему времени именно вследствие отсутствия формальной принадлежности и соотносительно с *я был болен, я буду болен* (ср. § 72). Относительно предложений: *я был болен, я буду болен* следует заметить, что в них есть еще вторичный признак сказуемости, а именно краткая форма прилагательного *болен* (не *больной*). Предложение во франц. языке, как *Pierre aime Paul* (ср. § 74), является также грамматическим, так как отношение сказуемого *aime* к подлежащему *Pierre* выражено формой сочетания слов: определенным порядком слов, именно положением *Pierre* перед предлогом *aime*. В предложениях же: *птица животное, завтра экзамен, Моська ну на слона кидаться, Татьяна — ах!, глаза, волосы, голос у него — матери* отношение сказуемого к подлежащему не выражено формой, и такие предложения — неграмматические.

§ 97. Отношение между предложениями. Как существуют в языке средства для выражения отношений между членами предложения, так и отношение между предложениями тоже может

быть выражено. Отношение подчиненного (придаточного) предложения к самостоятельному (главному) выражается или различными словами (союзами, местоимениями и проч.), напр. *когда я его увижу, я скажу ему*, или порядком слов в придаточном предложении, напр. *увижу я его, я скажу ему*; то же в немецком *sehe ich ihn, so sage ich ihm*; наконец, оно может быть выражено не словами, а только интонацией, а именно отсутствием понижения голоса в конце предложения, выражающего подчиненную мысль; так, в четырех предложениях: *мужик тонул, топор сулил; вытащили, топорщица жаль* отсутствие понижения голоса в *тонул* и *вытащили* показывает, что первое и третье — предложения подчиненные. Отношение друг к другу предложений равносильных или выражается союзами, или остается невыраженным.

§ 98. О синтаксическом «разборе». В школьном так называемом синтаксическом разборе члены предложения, а также виды придаточных предложений обыкновенно узнавались «по вопросам» (о чем говорится? что говорится? какой? разные вопросы падежей и т. п.). Такой способ показывает, что при синтаксическом разборе имеют в виду мысль, а не словесное ее выражение, что в грамматических фактах видят выражение различных логических отношений; таким образом, при синтаксическом разборе, который разбирающему представляется разбором грамматическим, игнорировались признаки словесных выражений, т. е. игнорировалась именно грамматика. Так, напр., одна и та же грамматическая форма *отца* разбиралась то как определение: *дом отца*, то как дополнение: *вижу отца*, смотря по тому, на какой вопрос отвечает. А так как в действительности различия грамматических фактов не основаны на различиях логических отношений, то в школьном разборе приходилось постоянно прибегать к произвольным предложениям и впадать в противоречия. Так, напр., очень распространено было злоупотребление предположением, что то или иное слово «подразумевается» в предложении. Произвольна часто и форма требующегося вопроса; требуется, чтобы слова *к детям* в сочетании *любовь к детям* непременно отвечали на вопрос *к а к а я лю б о в ь?*, так как логически словами *к детям* определяется слово *любовь*. Различение членов предложения, конечно, имеет основание как с формальной, т. е. именно грамматической, стороны, которую вообще школьный разбор игнорировал, так и со стороны смысла, который этим разбором выдвигался обыкновенно на первый план. Так, напр., в действительности главные члены предложения отнюдь не всегда выражают главное содержание мысли (сравни примеры в § 94); более важное в мысли выражается в речи не формами слов, а обыкновенно более сильным ударением (см. § 48); чаще всего то, что находится под таким ударением, соответствует психологическому сказуемому.

Игнорировалась грамматическая сторона и при разборе при-

даточных предложений только со стороны смысла. При этом, конечно, то, что одинаково грамматически, оказывалось различным, смотря по вопросу, напр. одно и то же придаточное предложение в одной фразе: *край, где все обильем дышит* — оказывалось определительным, в другой: *там, где все обильем дышит* — обстоятельственным места, в третьей: *не знаю, где все обильем дышит* — дополнительным.

Посмотрим на примере на различие психологической, логической и грамматической точек зрения, смещением которых часто грешила школьная грамматика. Где подлежащее в предложении *два окна выходят на улицу*? Надо прежде всего дать себе отчет, что мы будем разбирать: возможное психологическое суждение, лежащее в основе этого предложения, или логический смысл предложения, или грамматическое его выражение. В первом случае мы можем признать подлежащим *два окна* как выражение одного зрительного образа. Во втором случае подлежащим окажется *окна*, если мы будем толковать так: понятие, о котором мы здесь высказываем нечто, выражено двумя словами; но главным, так сказать, из них является, конечно, *окна*; иначе, если искать в этом предложении одного слова, которое выражало бы то, о чем здесь говорится, то таким словом, конечно, будет *окна*, потому что, действительно, мы здесь говорим об *окнах*, а не о *двух*. В обоих случаях мы не принимаем в расчет грамматической формы. Если же (третий случай) целью разбора поставим наблюдение над тем, как, какими формами и т. д. выражается мысль в языке, то подлежащим должно быть *два*. Это — точка зрения грамматическая. Только с этой точки зрения и откроется возможность понимания фактов данного языка. С точки зрения психологии и логики безразличны выражения: русское *два окна*, где *окна* зависит от *два*, а не наоборот, как бы можно было ожидать, или французское *deux fenêtres*, или немецкое *zwei Fenster*, где *deux* и *zwei* являются определениями к *fenêtres* и *Fenster*. В языковедении мы наблюдаем не то, как русский, француз или немец думают (думают они одинаково), а как тот, другой и третий выражают свою мысль, каждый на своем языке. Равным образом различные словесные выражения одной и той же мысли (безразличные в логике) нельзя смешивать в грамматике: нельзя, напр., вместо *мне хочется пить* разбирать *я хочу пить*, вместо *нет у молодца молодой жены* — *молодец не имеет молодой жены*, вместо *при впадении Оки в Волгу* — *там, где Ока впадает в Волгу*, вместо *ветром сорвало крышу* — *ветер сорвал крышу* и т. п.

Смещение элементов логики с грамматикой, являвшееся в обычных школьных учебниках, принято называть «логико-грамматической» точкой зрения. На смену ей в школу начинает проникать новое направление — «формальное», которое стремится строго отличать то, что есть в языке, от того, что есть только в мысли. Формальная точка зрения ищет для предложения фор-

мальных, языковых признаков и требует, чтобы члены предложения определялись теми формами, в которых являются в предложении слова и их сочетания.

Глава VII ЯЗЫКИ

Содержание. § 99. Генеалогическая классификация языков. § 100. Индоевропейская семья. § 101. Распадение индоевропейского праязыка. § 102—112. Краткий перечень других семей и отдельных языков.

§ 99. Генеалогическая классификация языков. Языковедение, сравнивая человеческие языки друг с другом, открыло родственные связи между многими языками и установило несколько семей языков (см. § 5). Классификация языков по их родству, другими словами, по происхождению, называется генеалогической (т. е. родословной) классификацией; ее не следует смешивать с классификацией морфологической: обе они независимы друг от друга, так как, как уже сказано выше (§ 84), однородный грамматический строй может быть в языках совсем неродственных, и, наоборот, родственные языки могут иметь различный грамматический строй.

Но очень многие языки не обнаруживают никаких родственных связей ни с одним из других известных теперь или в прошлом языков земного шара и остаются одиночками в генеалогической классификации.

Мы изложим состав наиболее крупных семей языков, причем больше внимания уделим семье индоевропейских языков; далее, дадим перечень более мелких семей, а также одинаковых языков по странам света. Таким образом, получится краткий обзор главнейших языков земного шара, мертвых и живых.

§ 100. Индоевропейская семья. Эта семья наиболее изучена в языковедении, и научное языковедение создано именно на изучении языков этой семьи. Она делится на десять ветвей.

Примечание. Индоевропейские языки называют еще «арийскими», — термин, неудобный тем, что так же называют еще индийские и иранские языки, т. е. не все индоевропейские, а часть их. Немецкие лингвисты вместо «индоевропейский» употребляют термин «индогерманский». Употребляют (Бодуэн де Куртэн, Богородицкий) еще название «ариоевропейские», которое покрывает арийские, т. е. индийские и иранские, языки и языки европейские, входящие в эту семью.

I. Индийская ветвь. К ней относятся как древние, так и новые языки индусов (в Ост-Индии, в Азии). Древнейший из индийских языков, язык мертвый, называется ведийским, от слова «Веда». Так называются четыре священные книги (браминской религии) древних индусов. Древнейшие части их написаны более чем за полторы тысячи лет до Р. Х. Другой древний язык —

санскрит, язык тоже мертвый, употребляющийся теперь у индусов только искусственно в литературе и богослужении; на нем сохранилась богатая литература. Санскрит был литературным языком, языки же народные известны под собирательным именем праkrit (по-индийски значит «необработанный», санскрит — «обработанный»). Праkrit — родоначальник новых, т. е. живых индийских языков: индустанского, бенгальского и др.; к ним принадлежит и язык цыганский.

2. **Иранская ветвь.** Иранская ветвь обнимает языки народов Ирана. Из древних иранских языков известен язык древнеперсидский. На нем сохранились так называемые клинообразные надписи персидских царей (Дария, Камбиза и др.). Другой древний язык Ирана носит название авестийского, так как на нем написана священная книга Авеста, известная также под именем Зенд-Авесты (причем и самый язык иногда называется «зендским»). В Авесте изложена религия Зороастра. К новым иранским языкам принадлежит новоперсидский, курдский, на котором говорит полукочевое племя курдов в Малой Азии, афганский, на котором сильно сказалось влияние индийских наречий, осетинский — язык народа, живущего на Кавказе, таджицкий — в Средней Азии и др.

К иранской ветви принадлежал язык скифов, насколько позволяют судить его скудные остатки.

3. **Армянская ветвь.** В нее входит один армянский язык. К этой ветви принадлежали, насколько позволяют судить скудные остатки, языки: фригийский и фракийский.

4. **Албанская ветвь.** В нее входит один язык — албанский (албанцы живут на Балканском полуострове). К этой ветви принадлежал, насколько можно судить по скудным остаткам, язык иллирийский.

5. **Греческая ветвь.** К ней относится древнегреческий язык в его главнейших наречиях: ионическом, дорическом, аттическом, эолическом. Ионическое племя жило в малоазиатских колониях; на ионическом наречии известны гомеровские поэмы и сочинения Геродота. Дорический язык — язык спартанцев, Арголиты, Крита. Эолическое наречие употреблялось на острове Лесбосе и в Беотии; на лесбийском языке сохранились, между прочим, лирические произведения Сафо (женщина-поэт). Наконец, на аттическом языке говорили в Афинах; то, что называют обыкновенно просто древним греческим языком и преподавали, напр., в гимназиях, и есть это аттическое наречие. На нем сохранилась богатая литература — произведения драматургов: Эсхила, Софокла, Эврипида; историков: Фукидида, Ксенофонта; ораторов: Демосфена и др.

С течением времени отдельные разрозненные части греческого народа стали сплачиваться; с объединением их стали объединяться и их языки, и в III в. до Р. Х. образовалось одно

общегреческое наречие, называемое греческим словом койнэ (койнэ-диалектос значит 'общее наречие'). Главную роль в его образовании сыграло наречие аттическое как язык наиболее культурного из греческих народов — афинян. После Р. Х. на койнэ вырабатывается среднегреческий язык, называемый византийским. (Византийским периодом называется время от Юстиниана до падения Константинополя, с половины VI до половины XV в.) Затем византийский язык переходит в новогреческий, существующий теперь.

В ближайшем родстве с греческою ветвью находился, по-видимому, язык македонский.

6. Итальянская ветвь. К ней относится язык древних римлян — латинский, затем языки других народов Италии: осков, умбров, современных древним римлянам. С распространением Римской империи римляне стали появляться в разных концах тогдашнего мира, «круга земель»¹, расположенных вокруг Средиземного моря. Латинский язык вытеснил туземные языки, и из него в разных местах образовались так называемые романские языки, сложившиеся вполне в VII веке по Р. Х.: французский, итальянский, провансальский, испанский, португальский, румынский и ретороманский (в Швейцарии).

Все эти романские языки произошли не из классического латинского языка, известного из произведений римских писателей (напр., Цицерона, Цезаря и др.), а из так называемой «вульгарной латыни», т. е. из народных латинских говоров. Например, возьмем итальянское слово *cavallo* и французское слово *cheval*; они произошли не из классического латинского *equus*, а из вульгарного латинского *caballus* (с тем же значением 'лошадь').

7. Кельтская ветвь. Она сохранилась в очень скудных остатках. Мы знаем о существовании в древности языка галльского, но сам язык не сохранился; известны лишь некоторые собственные имена и несколько слов, встречающихся в сочинениях о Галлии римских писателей. Остатки кельтской ветви сохранились в Уэльсе (в Великобритании), где кельтский язык известен под именем кимрского языка, затем на полуострове Бретани (Франция) — бретонский, в Ирландии и Шотландии — ирские и шотские говоры. На ирском языке сохранились также и древние памятники.

8. Германская ветвь. По более тесному родству языков, входящих в эту обширную ветвь, она подразделяется на группы. К 1-й группе относится готский язык, на котором сохранился перевод Библии, сделанный в IV веке по Р. Х. епископом Ульфилой на вестготское наречие; на остготском сохранилась одна маленькая запись. 2-я группа — скандинавская; к ней принад-

¹ По выражению римлян — orbis terrarum.

лежат исландский и норвежский, шведский и датский языки (соединены в эти две пары по ближайшему родству); на древнеисландском языке сохранились поэтические сказания XII в., так называемая «Эдда». Известен и тот язык, из которого произошли указанные скандинавские языки и который поэтому называется общескандинавским или праскандинавским; на нем написаны так называемые «рунические» надписи III—IV вв. по Р. Х.; он распался первоначально на два языка, из которых каждый, в свою очередь, на два. 3-я группа — западногерманская; к ней относятся: англосаксонский и его потомок — новый английский язык; древнесаксонский и его потомок — *plattdeutsch* — под этим названием разумеется совокупность целого ряда народных наречий в северной Германии; древненидерландский, иначе — нижнефранконский и его потомки: голландский и фламандский (так называются народные диалекты этого происхождения в восточной Бельгии); фризский, существующий и теперь в качестве народного в северной Голландии; наконец, верхненемецкий, распадающийся по эпохам на древне-, средне- и нововерхненемецкий языки. Последний (нововерхненемецкий) есть литературный язык всех немцев, возникший в XVI в.; его первый памятник — перевод Библии, сделанный Лютером; его имеют в виду, когда говорят вообще о «немецком» языке.

9. **Балтийская ветвь.** В нее входят три языка: прусский, литовский и латышский. Прусский язык уже мертвый, но вымер сравнительно недавно, в XVII в., оставив по себе немногочисленные письменные памятники. Пруссы жили по берегу Балтийского моря, в северной части современной Пруссии; они были покорены немцами и онемечены, передав свое имя своим завоевателям — немцам. Литовский язык существует и теперь. Литовцы живут в Литве, соседних областях Польши и в небольшом количестве в северо-восточном углу Пруссии, на север от Кенигсберга. Латышский язык также живой. Латыши живут севернее литовцев, в Латвии.

10. **Славянская ветвь.** По степени родства между славянскими языками она делится на три группы.

А) Группа южная: к ней принадлежат болгарский, сербскохорватский и словенский языки. Названием «сербскохорватский» объединены два крупных наречия сербского языка: собственно сербское (в Юго-Славии, именно в бывш. Сербии, Боснии, Герцеговине, Черногории) и хорватское (в Хорватии и Далмации). Словенцы живут на запад и север от хорватов, до пределов Италии и Австрии.

На одно из древнеболгарских наречий было переведено с греческого Священное писание Кириллом и Мефодием в IX в. Это наречие не имеет потомка среди живых болгарских говоров и, как известное только из книг кирилло-мефодиевского перевода,

называется условно старославянским языком или иначе «древнецерковнославянским», потому что употреблялось как язык церкви в Болгарии, Сербии, России и дожило и до нашего времени, но в сильно измененном виде. У нас, напр., в устах употреблявших его русских, старославянский язык изменился под влиянием русского языка, так как русские произносили звуки на русский лад, вместо чужих форм подставляли свои и т. д. Таким образом, тот язык, на котором совершаются службы в русской церкви теперь, уже не чисто старославянский, а значительно обрусевший; этот новый церковный язык мы называем просто «церковнославянским». Древнейшими памятниками старославянского языка являются недавно открытая надпись болгарского царя Самуила 993 г., Мариинское и Зографское евангелия, по-видимому, конца X в. и Остромирово евангелие, переписанное в России в 1056—1057 г.

Примечание. Старославянские рукописи писались двумя азбуками: или кириллицей, или глаголицей. Глаголица, по-видимому, древнее, и, может быть, она-то и изобретена Кириллом, хотя его именем теперь называется другая (кириллица), из которой выработалась как новая церковнославянская, так и русская азбука. Из названных памятников Мариинское и Зографское евангелия — глаголические.

Б) Группа западная: к ней относятся языки: чешский, словацкий, лужицкий, польский, кашубский и один вымерший к XIX веку, но оставивший письменные памятники, — полабский. Полабы жили по р. Эльбе (по-славянски Лаба); чехи живут в Чехо-Словакии (собственно Чехии и Моравии); на восток от них, ближе к Карпатам — словаки; на север от Карпат по Висле — поляки; севернее их, около Балтийского моря, — кашубы; лужичане разделяются на верхних и нижних и живут по реке Шпрее, на которой стоит Берлин.

В) Группа восточная: к ней принадлежат языки: великорусский, белорусский и малорусский, иначе украинский, называемые также «наречиями» русского языка. Великорусский язык подразделяется на два наречия: северновеликорусское, «окающее», и южновеликорусское, «акающее». В местах соседства этих наречий путем взаимного их влияния выработались переходные говоры, представляющие собою наложение южновеликорусских черт на северновеликорусскую основу; эти говоры называют средневеликорусскими; к ним принадлежит, напр., московский говор, легший в основу великорусского государственного и нового литературного языка.

11. Кроме этих, давно установленных, десяти ветвей, теперь следует указать особо тохарский язык. Так назван язык, на котором написаны недавно найденные в Китайском Туркестане тексты, — язык несомненно индоевропейский, существовавший, как думают, в Средней Азии в первые века по Р. Х.; он ближе

к западным ветвям индоевропейской семьи, но не входит ни в одну из них.

§ 101. Распадение индоевропейского праязыка. Все указанные индоевропейские языки принадлежат к одному семейству, т. е. они произошли из одного языка, индоевропейского праязыка. Ученые восстанавливают его теоретически, путем сравнения между собою отдельных индоевропейских языков. Это — язык отдаленнейшей доисторической эпохи; однако не следует думать, что это язык по своему строю какой-либо первобытный; наоборот, он является языком вполне развитым, в общем однородным по своему звуковому и формальному строю с известными нам его потомками, индоевропейскими языками. Другими словами, от этого праязыка до возникновения вообще языка в человечестве (см. § 110) такая же пропасть, как и от наших современных языков.

Если все обширное количество родственных между собою языков сгруппировано в отдельные ветви, то это значит, что у них между собою ближе родство, чем с другими. Это заставляет предполагать, что индоевропейский праязык разбился вначале на известное число языков — родоначальников отдельных ветвей, а из них каждый уже дробился далее; другими словами, после распада праязыка мы предполагаем эпоху общеиндийского, общеиранского, общегреческого и т. д. языков, из которых каждый далее распался уже, один — на известные индийские, другой — на иранские и т. д. языки.

Кроме того, установлено, что некоторые ветви между собою более родственны, чем с другими; так, индийская ветвь ближе по родству с иранской, чем с другими, балтийская — со славянской. Это заставляет предположить, что из индоевропейского праязыка не выделились сразу родоначальник индийских языков (общеиндийский) и родоначальник иранских языков (общеиранский), а выделилось сначала нечто такое, что не было еще ни индийским, ни иранским и что мы должны назвать общим языком индоиранским; а этот уже впоследствии распался на общеиндийский и на общеиранский; точно так же и для другой указанной пары предполагаем, что по распадении индоевропейского праязыка и до эпохи общеславянского и общепольского существовала эпоха общего языка балтийско-славянского.

Распадение индоевропейского праязыка удобнее всего наглядно изобразить в виде родословного дерева. Но только не следует думать, что выделение указанных на чертеже ветвей совершилось одновременно. Кроме того, чертеж этот вовсе не указывает, каким образом совершался процесс распада: процесс выделения нескольких языков из одного чрезвычайно сложен, и взаимные отношения выделившихся языков между собою и к языку, из которого выделяются они, только отдаленно напоминают произрастание нескольких ветвей из одного сука и сучьев из ствола

дерева. Этот чертеж, словом, дает понятие о результатах процесса и ничего не говорит о характере этого процесса распада языка.

Что касается прародины индоевропейцев, т. е. местности, где жил народ, говоривший на индоевропейском языке, и откуда пришли индоевропейцы (индийцы, греки, славяне и т. д.) на свои места, известные из истории, то издавна эту прародину помещали в Азии; новейшие исследования по этому вопросу заставляют искать ее в средней Европе.

§ 102. Угро-финская и самоедская семьи. К финским, иначе — угро-финским, языкам принадлежат:

1) западнофинские языки: собственно финский (иначе — суоми, в Финляндии), лапландский (или лопарский, в Норвегии и в Мурманской губ.), карельский (в Карельской респ и в Тверской и Новгородской губ.), эстонский (в Эстонии), венгерский (или мадьярский, в Венгрии) и нек. др.;

2) восточнофинские языки: вогульский (между средним Уралом и р. Обью), остяцкий (в бассейне р. Оби), мордовский с двумя наречиями: эрзя и мокша (гл. обр. в среднеповолжских губерниях), мари (или черемисский, гл. обр. в Марийской обл.), вотский (язык вотяков, в Вотской обл.), коми (или зырянский, гл. обр. в обл. Коми) и нек. др.

С финским семейством родственно семейство самоедское — самоедские языки в Европе и Азии (в тундре от Белого моря до Хатангского залива и по р. Енисею).

Большинство финских языков, а также самоедские, находятся в пределах СССР.

§ 103. Тюркская семья. Многочисленные тюркские, иначе — турецкие, языки занимают большие пространства в Европе и Азии. Вот главнейшие из них, соединенные в пять ближайше родственных групп:

1) языки: собственно турецкий (или османский), азербайджанский (в Закавказье), туркменский (между Каспийским и Аральским морями), язык татар южного берега Крыма;

2) языки: татар поволжских (казанских, астраханских, касимовских) и крымских (не южного берега), карайский (в Крыму), башкирский (южный Урал и на восток от него), карачаевский (в верховьях р. Кубани), ногойский (на Сев. Кавказе), казакский (обычно называемый киргизским; «киргиз-казаки» — на широком пространстве от нижней Волги до Иртыша), киргизский (называемый также кара-киргизским, по верхнему течению Сыр-Дарьи), алтайский (в Ойратской обл.);

3) языки: узбекский (между Аму-Дарьей и верхней Сыр-Дарьей) и разные тюркские наречия в восточном и западном Тур-

кестане, называемые обычно «сартскими» (гаранчский, кашгарский и др.);

особо стоят языки: 4) якутский (в бассейне р. Лены) и 5) чувашский (в Чувашской респ.).

§ 104. **Монгольская семья** — языки: собственно монгольский (в Монголии), бурятский (на юг и на восток от оз. Байкал) и калмыцкий (между Волгой и верховьями Маныча).

§ 105. **Тунгусско-манчжурская семья** — языки: тунгусский (разбросан по всей Восточной Сибири) и манчжурский (в Манчжурии и в Восточной Сибири).

Примечание к § 102—105. Существовало в науке предположение об общем происхождении названных пяти семейств языков: финского, самоедского, тюркского, монгольского и тунгусско-манчжурского. Такая предполагавшаяся общая семья была названа «урало-алтайской». Это предположение теперь отвергнуто; несомненным признается лишь родство самоедских и финских языков.

§ 106. **Семитская семья.** В нее входят ветви:

1) ассирийская — древнеассирийский язык, известный по клинообразным надписям в Ниневии и Вавилоне за несколько тысячелетий до Р. Х.; за несколько столетий до Р. Х. он был уже мертвым языком;

2) хананская — языки: еврейский, памятником которого являются некоторые части Ветхого завета, и финикийский, оба мертвые: еврейский вымер к III веку до Р. Х. и продолжает сохраняться в искусственном употреблении;

3) арамейская — язык арамейский (или сирийский), вытеснивший собою еврейский язык за три века до Р. Х.; на нем говорили, следовательно, в Палестине в то время, к которому евангельские рассказы относят жизнь Христа; древнейшим памятником его являются некоторые части Ветхого завета; остатки его до сих пор сохраняются кое-где (таков, напр., язык небольшого народа айсоров, живущего в Закавказье);

4) арабская — язык арабский, чрезвычайно широко распространившийся в Азии и северной Африке вместе с распространением магометанства.

В ближайшем родстве с арабским языком находятся эфиопские (или абиссинские) наречия в Абиссинии.

§ 107. Чтобы указать вкратце другие семьи, а также некоторые одинокие языки, т. е. не стоящие в родстве ни с какими другими языками, сделаем обзор по странам света.

Европа занята, как видим, преимущественно индоевропейскими, финскими и тюркскими языками.

Кроме них, следует указать язык басков, существующий в Пиренеях и представляющий собою остаток языка каких-то древнейших обитателей (до прихода индоевропейцев), и язык этрусков, существовавший некогда в Италии.

Существует в науке предположение о родстве их с языками древнейших народов, живших по побережью Средиземного моря и оставивших скудные памятники языка (напр., пеласгов), а также с так называемыми «кавказскими» языками (§ 108). Для всех этих языков, если и не родственных по происхождению, то связанных между собою некоторыми общими свойствами, предложено (акад. Марром) название «яфетических».

§ 108. Кавказские языки. Среди массы языков на Кавказе, который еще в древности называли «горой языков», есть языки, принадлежащие к уже известным нам семьям, напр. осетинский (индоевропейский, иранской ветви), армянский (индоевропейский), разные тюркские языки; такие языки, хотя и находящиеся на Кавказе, не называются кавказскими.

«Кавказскими» условно называют многочисленную группу других языков Кавказа; к ним прилагается и название я ф е т и ч е с к и х. Родственные отношения этих языков еще не вполне выяснены. Намечены три главнейшие группы кавказских (яфетических) языков:

1) з а п а д н а я, к северу от Кавказского хребта, на запад от верхнего Терека — так называемые черкесские (или адигейские) языки: кяхский (в Черкесской обл.), кабардинский (в Кабардинской обл.) и на Черноморском побережье — язык а б х а з с к и й;

2) в о с т о ч н а я, к востоку от верхнего Терека и в Дагестане — языки: ингушский, чеченский, аварский, даргинский, лакский (иначе — казикамухский), лезгинский (иначе — кюринский) и др.;

3) ю ж н а я, к югу от Кавказского хребта — языки грузинский (иначе — картвельский), мегрельский (иначе — мивгрельский), лазский (иначе — чанский), сванский и др.

§ 109. Большая часть Азии занята, как мы видели, финскими, тюркскими, семитскими, индоевропейскими (Индостан, Иранское плоскогорье) и др. языками. Кроме них, на Индостане известны семья дравидских языков и семья колярских языков; народы, говорящие этими языками, жили здесь уже до прихода сюда индоевропейцев — индусов. В юго-восточной Азии известны одинокие языки, в морфологическом отношении принадлежащие к корневым (см. § 84): китайский, сямский, бирманский, тибетский. Одиноким языком является и японский. Наконец, в северо-восточной Азии известны одинокие, по-видимому, языки так называемых палеоазиатских народов: енисейских остяков (которых не надо смешивать с финским народом — остяками, § 102), чукчей, юкагиров, коряков, гиляков, камчадалов, а также корейцев, айнов (на островах: Йесо, Сахалине и Курильских) и нек. др.

§ 110. В Африке мы видели семитские языки: арабский и

родственные с ним эфиопские в Абиссинии. Кроме них, в той же Абиссинии существуют языки кушитские, к которым относятся также нубийский язык, а на севере Африки языки берберийские; в Египте существовал язык египетский, известный по древнейшим памятникам за 4000 лет до Р. Х., и его потомок, также теперь уже мертвый, язык коптский. Все эти названные языки образуют одну семью хамитскую, как теперь выяснено, стоящую в родстве с семитской. В южной Африке известна семья кафрских языков, называемая банту, и одинокие языки готтентотов и бушменов. В средней Африке известны, но мало изучены очень многочисленны негрские языки.

§ 111. В Австралии, на материке, известны языки австралийские (по-видимому, семья), а на островах семья малайско-полинезийская, распадающаяся на три ветви: малайскую, полинезийскую и меланезийскую. Кроме того, на островах известны, но мало изучены языки папуасов.

§ 112. В Америке, не считая, конечно, языков многочисленных переселенцев из Старого Света, существуют языки туземцев, мало изученные; сюда принадлежат языки народов американской расы (индейцев), из которых многие в морфологическом отношении принадлежат к полисинтетическим (см. § 84), языки полярных народов: эскимосов и алеутов.

Глава VIII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯЗЫКА

Содержание. § 113. Вопрос о единстве происхождения человеческих языков. § 114. Вопрос о происхождении языка. § 115. Усвоение языка. § 116. Жизнь языка как явления физического, психического и общественного. § 117. Распадение и объединение языков. § 118. Заимствования. § 119. Исчезновение языков. § 120. Общие языки. Литературный язык.

§ 113. **Вопрос о единстве происхождения человеческих языков.** Все индоевропейские языки произошли, как мы видели, из одного языка, так называемого индоевропейского праязыка; все семитские — из семитского праязыка; короче, для каждой семьи языков мы предполагаем одного родоначальника. Естественно может явиться вопрос: в каком отношении между собой находятся все эти праязыки и не могут ли они быть сведены, в конце концов, к одному языку? А этот вопрос означал бы: произошли ли все человеческие языки из одного или нескольких языков? На этот вопрос наука теперь еще не может дать ответа. Решаться этот вопрос должен путем сравнения между собой всех открываемых наукою праязыков. Но здесь встречается целый ряд существенных затруднений.

Прежде всего не все человеческие языки изучены с точки зрения их родственных отношений, а те, которые изучены, изучены не одинаково. Затем языки, одиноко стоящие в генеалогической классификации, быть может, являются одинокими уцелевшими представителями некогда целых семей. И сколько отдельных языков и, может быть, целых семей их исчезло уже раньше, чем их успели изучить! Далее, сравнивая, напр., восстанавливаемые праязыки: индоевропейский и семитский, мы не видим между ними ничего родственного. Но, может быть, прошлое самих этих праязыков показало бы нам иное. Необходимо проникнуть в эпохи еще более отдаленные, чем эпохи этих праязыков. И пусть не только эти, а все праязыки были бы восстановлены.— проникновение в их прошлую судьбу и, кроме того, самое понимание фактов языка такой отдаленной эпохи связаны с такими непреодолимыми, по-видимому, препятствиями, что вряд ли наука когда-либо будет в состоянии решить вопрос, произошли ли человеческие языки из одного или не одного языка.

Этот вопрос — вопрос не пустой, а важный. Но при первом взгляде на него его важность может быть неправильно понимаема: может представляться, что, решив этот вопрос, мы поймем, как вообще возник человеческий язык. Это не так. Вопрос о единстве происхождения человеческого языка и вопрос о происхождении языка, т. е. о том, как возникла у человека способность передавать звуками речи свое внутреннее состояние (мысли, чувства), — два различных вопроса. Если бы даже мы узнали, что все человеческие языки произошли из одного, если бы мы восстановили этот единый праязык, т. е. узнали бы, какие в нем были звуки, слова, какие значения имели эти слова и проч., то и тогда мы все-таки еще ничего бы не знали о том, как вообще звуки речи стали приобретать значения, иначе — как возникла названная выше способность. А в этом-то и заключается вопрос о происхождении языка.

§ 114. Вопрос о происхождении человеческого языка есть вопрос о том, как у человека образовалась способность выражать языком слов свои внутренние состояния, главным образом мысли. Окончательного ответа на этот вопрос в науке нет. Трудность его, как всякого вопроса о первобытном человеке, осложняется еще тем, что само мышление первобытного человека нам неизвестно, является в этой задаче не данным, а искомым, так как известно, что само мышление развивалось в зависимости от развития языка. Вопрос этот выходит за пределы собственно языковедения и решается совместными усилиями многих наук: психологии, физиологии, антропологии и др., и для решения его необходимо изучение физических и духовных явлений, составляющих человеческий язык, изучение того процесса, как мы усваиваем наш язык, языка детей, животных, языка жестов и мимики (у глухонемых, у малокультурных народов) и проч. Высказано было много мнений, и многие из них имеют свою долю истины в объяснении появления

разных знаков языка; самое трудное и самое важное — объяснить утрату этими знаками своей непосредственности, обращение их в символы.

Необходимо допустить, что язык произошел не исключительно одним каким-либо путем, и необходимо признать постепенность в его развитии. Заслуживают внимания такие теории, которые признают язык не готовым чем-то, а продуктом психической и физической деятельности человека.

Имеет известную долю истины теория, объяснявшая происхождение языка из звукоподражания. Весьма вероятно, что многие слова первобытного языка имели такое происхождение, т. е. что подражания крикам животных, звукам природы постепенно становились словами, обозначавшими этих животных, эти явления природы. Затруднение — в объяснении звукоподражанием происхождения слов для обозначения того, что не звучит.

То же надо сказать про теорию междометий: весьма вероятно, что многие слова первобытного языка первоначально были произвольными восклицаниями, сопровождавшими чувствования, а затем обратившимися в символы чувствований, произвольно обнаруживаемые (ср. § 66). Затруднение — в объяснении происхождения слов как знаков мысли.

По наиболее новой теории, теории эволюции (Вундта), органы речи могли производить такие же «выражательные» движения, каковы мимические движения мускулов лица при ощущениях кислого, горького, при чувстве довольства или недовольства, а также пантомимические жесты, т. е. движения, с помощью которых передаются представления. В результате таких движений органов речи невольно получались звуки. Как всякие жесты могут делаться условными знаками, произвольно воспроизводимыми, так и «звуковые жесты». Таким образом: язык слов — частный случай языка жестов. Язык звуковых жестов первоначально существовал нераздельно с другими жестами, но постепенно обособливался от них: ему отдавали предпочтение ввиду большего его удобства; так как, действительно, им можно пользоваться тогда, когда язык других жестов не достигает цели (напр., в темноте, на расстоянии), однако и при наличии даже развитого языка слов жесты не вовсе выходят из употребления, а часто сопровождают нашу речь.

Подробности процессов, приведших к созданию языка, неясны, но общее направление этих процессов, несомненно, было от непосредственных знаков к символам, от произвольных движений к произвольным.

Какого бы происхождения ни были первые слова человеческого языка, они были, вероятно, не слова, т. е. не знаки отдельных предметов мысли, а знаки целой нерасчлененной мысли (см. § 63). А расчленение цельной мысли шло рука об руку с расчленением звукового целого. Как именно шел этот процесс, мы не знаем, но предполагаем, что в результате его и получались отдель-

ные слова как знаки предметов мысли и как знаки тех отношений, которые вырабатывались самой мыслью.

§ 115. Усвоение языка детьми. Мы усваиваем наш язык уже готовым от взрослых, воспринимая готовые словосочетания, готовые слова. Ребенку не приходится вырабатывать себе язык: звуковые знаки уже даны, и ему нужно только научиться тому, с какими знаками какие представления нужно связывать. Отсюда видно, что развитие языка у детей не повторяет собой процесса развития языка в человечестве. Однако многое в языке детей аналогично, по-видимому, некоторым сторонам языка первобытного; таково возникновение собственных, не подсказанных взрослыми, звукоподражаний и междометий, становящихся на некоторое время словами, до замены их словами из языка взрослых; таково употребление слов вначале именно в значении целых предложений, точнее, целой нерасчлененной мысли.

Не следует думать, что дети по рождению уже предопределены к тому, а не другому языку. Дети усваивают и для них делается родным тот язык, на котором говорят с ними взрослые, и русский, напр., ребенок может получить в качестве родного французский или какой-либо иной язык, если с ним говорить исключительно по-французски или на каком-либо ином языке.

§ 116. Жизнь языка как явления физического, психического и общественного. Возникнув каким бы то ни было образом, язык начинает жить в устах говорящих; а что называется жизнью языка, сказано уже в § 4. Язык принадлежит и каждому человеку в отдельности, и целому обществу. Представляя, таким образом, собою явление индивидуальное и явление общественное, он по своей природе, как мы знаем, явление частью физическое, частью психическое. Поэтому и в жизни языка действуют факторы физические, психические и общественные, т. е. изменяется язык и от физиологических причин (изменения в артикуляциях, обусловленные, в свою очередь, какими-либо более общими причинами), и от психических (действие ассоциаций, которыми связаны в сознании говорящего факты языка), и от общих исторических причин, изменяющих жизнь и состав того общества, которому язык принадлежит.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим сначала (§ 117—120) главнейшие судьбы языка как явления общественного: распадение и объединение языков, возникновение языка общего; это все следствия истории самого общества, говорящего на данном языке. Затем, в главе IX, рассмотрим изменения, возникающие в языке как явления индивидуальном; таковы изменения звуков, значений и т. д., вызываемые действием физических и психических причин.

§ 117. Распадение и объединение языков. Один язык может распасться на несколько родственных языков (ср. § 6). Случается это следующим образом. Представим себе народ, говорящий на одном языке; он размножается и распространяется по все большей

территории: наконец, отдельные части начинают жить совершенно самостоятельной жизнью, и как в других сторонах жизни, так и в языке появляются сначала незаметные, затем все более и более увеличивающиеся различия. У одной части народа какой-нибудь факт языка сохранится, у другой — исчезнет, у одной появится новый факт, а у другой его не появится и т. д.; словом, изменения в языках, составляющие их жизнь, будут различны; уменьшается сходство, увеличивается разница, и в результате получается несколько различных языков, которые, конечно, продолжают жить, т. е. изменяться, но эти изменения, переживаемые ими, уже не будут общими. Наоборот, если два народа станут жить общей жизнью, то языки их, если они близки друг к другу, начинают переживать общие изменения, и в результате они могут слиться в один язык. В том случае, если эти языки были очень далеки друг от друга, один язык совсем вытесняется другим, т. е. один народ в результате начинает говорить на языке другого. В случае покорения одного народа другим, если завоеватели смешиваются с покоренными, не всегда язык первых одерживает верх: здесь победа остается за языком более культурного народа.

Кроме распада языка в силу территориального разделения народа, язык распадается также с культурным распадом общества. Напр., с возникновением литературного, книжного языка, с распространением образованности, органом которой является этот язык, целые поколения могут вырастать вне связи с народным языком и говорить лишь на книжном языке. Так язык может распасться на язык образованных людей и на язык необразованных.

Таким образом, можно сказать, что с распадом общественного союза распадается и язык и, наоборот, с объединением общественных союзов объединяются и языки их.

Примеров распада одного языка на несколько родственных, а также исчезновения языков можно найти много в генеалогической классификации языков (гл. VII); примером объединения языков там же могут служить возникновение койнэ в греческой ветви (с. 116—117) или возникновение так называемых средневеликорусских говоров, к которым принадлежит, напр., московский (с. 119).

Что касается отношения родства языков к родству рас (см. § 7), то естественно предполагать, что первоначально, ближе к первобытной эпохе, родство рас совпадало с родством языков, так как родственные языки являются языками потомков одного и того же расового целого. А то отношение, которое наблюдается между родством языков и рас теперь и которое было формулировано в § 7, является плодом долговременной, чаще всего недоступной исследователю, донисторической жизни рас и языков, в течение которой языки одних расовых групп были перенимаемы другими, забывавшими свой собственный язык. Кроме того, и сами расы подвергаются смешению.

Родственные языки не всегда настолько похожи друг на друга, чтобы сходство могло быть заметно непосредственно на слух. Часто такое сходство может быть обманчиво; родство языков открывается не непосредственно, а научным анализом. Естественно, что чем дальше между собой по происхождению родственные языки, тем меньше между ними сходства, и наоборот; наконец, два родственных языка в разные периоды своей жизни могут представлять разную степень сходства — тем большую, чем меньше они прожили отдельной жизнью, и наоборот.

§ 118. Заимствования. От сходства по происхождению нужно отличать сходство между языками, происшедшее от заимствования слов одним языком из другого. Заимствования слов возникают на почве взаимного общения народов; как заимствуются различные предметы материального и духовного быта — костюм, орудия, учреждения, религиозные верования, песни, системы письма и пр., так же заимствуются и слова. Если мы возьмем в русском языке, напр., слова: *сарай, базар* — и заметим, что они очень похожи на татарские слова, то это отнюдь не значит, что русский язык родствен татарскому. Эти и другие многие слова взяты русским языком из татарского. Точно так же слова в русском языке, заимствованные из французского или немецкого, не доказывают еще родства с ними русского языка (хотя оно и есть на самом деле). Заимствования, следовательно, ничего не говорят о родстве языков, так как могут совершаться как между родственными, так и между неродственными языками.

§ 119. Исчезновение языков. Исчезает язык в том случае, когда исчезают носители его. Однако не следует предполагать для этого какого-либо массового истребления всех говоривших; как мы выше (§ 113) видели, язык может исчезнуть, будучи вытеснен другим, если перестанут говорить на нем, а предпочтут по каким-либо причинам говорить на другом.

§ 120. Общие языки. Литературный язык. С развитием культурной жизни народов появляются такие потребности, которые объединяют широкие массы населения, различные иногда по своим наречиям; таковы потребности государственного, церковного, литературного и др. общения. В качестве органа такого общения возникает общий язык. Так, мы знаем примеры появления общего языка государственного, т. е. общего языка делопроизводства во всех частях государства, общего языка церковного, т. е. общего языка церковных служб; один из таких случаев — появление общего языка литературных произведений. Такими общими языками могут быть и языки чужие, так, напр., церковным языком древней Руси был болгарский (древнецерковнославянский, или старославянский, см. § 100), а не русский, хотя и близкий к русскому; литературным языком, а также государственным и церковным в средние века у романских и германских народов был латинский; церковным остается он и теперь для католической церкви. Если же такие

общие языки являются своими по происхождению, то в этом случае они вырабатываются из какого-либо местного наречия; так, напр., наречие города Москвы в силу известных исторических условий стало общерусским литературным языком. Бывает, что общий язык, сложившийся для известных потребностей, начинает служить и другим; напр., авторы литературных произведений могут пользоваться сложившимся государственным или церковным языком, другими словами, литературный язык может выработаться из общего государственного или церковного языка; так, напр., авторы литературных произведений в Древней Руси пользовались общим церковным языком (о котором только что говорилось); новый русский литературный язык выработался из языка приказов московского государства, литературный немецкий — из языка саксонских канцелярий.

На почве общего литературного языка создается и общий разговорный язык образованных людей, которые стремятся говорить языком книг. Общие языки — литературный и разговорный — являются признаком сложившейся нации (§ 7), средством, закрепляющим ее единство, и органом ее культуры. Поэтому к общим языкам применимо название «культурных» языков. Культурные языки имеют тенденцию вытеснять и нивелировать местные диалекты, так как под влиянием языка культурных центров и ближайшая округа, которая тянет к ним, перенимает черты языка этих центров и утрачивает особенности своего, и чем они резче, тем скорее. Яркий пример объединения диалектов представляет собой в истории греческого языка койнэ (§ 100), вследствие чего название «койнэ» стало общим термином для таких общих языков.

Литературный язык, как и всякий общий, отличается от народного тем, что подчиняется известному сознательному контролю: говорящий следует известным традициям, устанавливающим, что «правильно» и что «неправильно»; поэтому литературный язык чрезвычайно туго изменяется: в нем удерживаются часто факты, уже отжившие в народном языке, и часто долго не принимаются факты, народившиеся в народном. Это и понятно: для автора, который всегда желает быть понятым возможно большим кругом читателей, целесообразнее писать так, а не иначе, не потому, что так говорят в его время и в его местности, а потому, что так писали уже до него. Отсюда одно из свойств литературного языка — известная искусственность, проистекающая из того, что литературный язык, в основе которого лежит какой-нибудь один живой говор языка, мало-помалу вбирает в себя элементы других говоров, элементы других эпох того же языка, а также элементы других литературных языков; все это вызывается тем, что на литературном языке по необходимости приходится выражать гораздо больше понятий, чем на любом живом говоре языка. Могущественным орудием распространения литературного языка является школа, которая, призванная приобщать людей к

общей культуре, учит именно литературному языку, т. е. до некоторой степени, хотя бы и очень малой, языку для всякого чужому.

Усвоение при посредстве литературы и школы такого искусственного языка в сильной степени препятствует распространению изменений, нарождающихся бессознательно в устах говорящих, хотя прекратить вовсе появление изменений оно не может, пока язык живет. Таким образом, существование литературного языка является фактором, задерживающим быстрое изменение языка, и, понятно, вместе с тем — фактором, препятствующим также дроблению языка. Возьмем пример. Северная Америка заселилась англичанами; у них, конечно, в живом языке появлялись отличия от языка европейских англичан, однако эти изменения не создали особого языка, потому что парализовались влиянием уже установившегося литературного языка, общего и С. Америке и Англии. И, наоборот, языки малокультурных народов дробятся и изменяются сильнее.

Глава IX

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Содержание. § 121. Изменения фактов языка под влиянием факторов физического и психического. § 122—126. Изменение звуковой стороны слов. § 127—133. Изменение значений. § 134—139. Утрата слов и появление новых. § 140—146. Изменение форм слов.

§ 121. Жизнь языка, как мы знаем (§ 3), состоит в и з м е н е н и и е г о ф а к т о в. Теперь, не задаваясь целью исчерпать все возможные изменения, рассмотрим главнейшие из них в областях: звуков, значений, самих слов и форм. При этом рассмотрении мы увидим, как проявляется действие физических и психических факторов в языке. Необходимо помнить, что звуки речи — результат различных артикуляций органов речи, что представления звуков связаны с представлениями работы органов речи и что всякие факты языка связаны между собой в сознании говорящего перекрестными ассоциациями. Изменения в фактах языка, вызванные действием физического фактора, можно называть ф о н е т и ч е с к и м и, а изменения под действием психического фактора называют изменениями «по аналогии», что точнее называть изменениями по а с с о ц и а ц и и. Всякие изменения в фактах языка возникают в индивидуальном языке отдельных лиц, а затем или исчезают, или захватывают все бóльшие и бóльшие круги говорящих.

Изменение звуковой стороны слов

§ 122. Звуковая сторона слов может меняться по двум причинам: 1) потому, что сами звуки языка, вследствие изменений в артикуляциях органов речи у говорящих, претерпевают изменения, и 2) потому, что одни слова, вследствие психической

ассоциации с другими словами, могут меняться по образцу этих других слов. Первые изменения называются фонетическими, вторые — нефонетическими.

Таким образом, **изменения звуковой стороны слов** могут быть:

1) **фонетические** — результат действия физического фактора; они подразделяются на:

а) фонетические изменения звуков самих по себе, т. е. наступающие везде, при всяком положении звука в слове, в речи (так называемые спонтанеические), и

б) фонетические изменения звуков при известных фонетических условиях (так называемые комбинаторные), т. е. изменения звуков только при известном их положении, напр. только в начале или только в конце слова, под ударением или без ударения, в соседстве с тем, а не с другим звуком и т. п.;

2) **нефонетические** — результат действия психического фактора, т. е. изменения в звуковой стороне одних слов по образцу других слов.

Примеры. 1. а) Примером фонетического изменения звуков самих по себе может служить переход носовых гласных *о* и *е* в древнейшую пору русского языка в чистые гласные *у* и *а* (перед этим *а* согласный был мягок), безразлично, в каком бы положении эти носовые *о* и *е* ни находились; так, из *зрѣѡ*, *женѡ*, *рѣзѣѡ* получились *зуб*, *жену*, *узок*, а из *чрѣсть*, *имѣ*, *јѣзыкѡ* — *часть*, *имя* (т. е. *им'а*), *язык* (т. е. *јазык*). Сравн. старослав. *зѣбъ*, *женѣ*, *жѣзъкъ*, *чѣсть*, *имѣ*, *јазыкъ*, а в старослав. языке общеславянские *о* и *е* сохранялись и изображались особыми буквами (ср. прим. к § 34).

б) Примером фонетического изменения звуков при известных условиях может служить переход звука *е* (точнее — звука *э* после мягкого согласного) в *о* в великорусском языке; этот переход был ограничен двумя условиями, а именно: *е* переходило в *о* только под ударением и перед твердым согласным, напр. из *береза*, *несѣ*, *тетѣ* получилось *берѣза*, *нѣс*, *несѣм*, *тѣтка* (т. е. *б'эр'ѡза* и т. п.); но при отсутствии одного из этих условий переход этот не совершался: так, *е* в *несу* не перешло в *о*, потому что на нем не было ударения, а в *деньги* — потому, что следующий согласный *н* мягкий. Таким образом, фонетически не могло бы быть *несѣте* (*н'эс'от'э*), *берѣзе* (*б'эр'ѡз'э*), а должно было бы остаться *несете* (*н'эс'эт'э*), *березе* (*б'эр'эт'э*), потому что *т* и *з* в этих словах мягки; по той же причине не могло бы фонетически быть *тѣтя*.

2. Примером нефонетического изменения может служить изменение *несете* в *несѣте*, *березе* в *берѣзе* по образцу тесно ассоциированных с ними слов *несѣм*, *берѣза*, изменение *тетя* в *тѣтя* по образцу *тѣтка* (где *о* [получилось] фонетически под ударением и перед твердой согласной). — Нефонетически звук *ѣ*

заменился звуком **о** в *приобрёл* (т. е. *приобр'ёл*): надо заметить, что **ѣ** был особым звуком в древнерусском языке и фонетически не переходил в **о**, но по образцу («по аналогии», по ассоциации) *веду* — *вёл*, *плету* — *плёл*, где **о** фонетически из **е**, получилось и *приобрѣту* — *приобрёл*. Так же возникло *гнѣздо* — *гнёзда* по образцу *весло* — *вёсла*, *село* — *сёла*.

Нефонетически появилось **о** вм. **а** в *плотишь* при *плачу* в акающих говорах по образцу *нашу* — *носишь*, *важу* — *водишь*.

Нефонетически оказалось **к** вместо **ц** в форме *рукѣ* вместо старой *руцѣ*, под влиянием **к** в основе других падежей: *рука*, *рукой* и т. д. Так же *пеки* вместо *пеци* под влиянием **к** в *пеку*, *пекут*, *пек*; в литературном языке сохраняются старые формы *печешь*, *печет* и т. п., а в народных говорах и в них находим все то же нефонетическое **к**: *пекёшь*, *пекёт* и т. п. Заметим, что сами звуки **ц**, **ч** в приведенных примерах получились из **к**, но не в русском, а еще в общеславянском праязыке, и получились там фонетически, т. е. везде, где были налицо нужные для того условия (1, б), **к** переходило в **ч** и в **ц**, т. е. не только в *руцѣ*, но и в *цѣна*, не только в *печешь*, но и в *черный ч* и *ц* получились из **к**; русским языком были получены из общеславянского целиком формы *руцѣ*, *печешь* и т. п., и когда позже в русском получались *рукѣ*, *пекёшь*, то это не был обратный переход всякого **ц**, всякого **ч** в **к**, а только там, где была налицо грамматическая ассоциация, т. е. ассоциация с другими формами (ср. § 138); так остались нетронутыми *цѣна*, *черный*, а *руцѣ*, *пеци* заменилось *рукѣ*, *пеки*. То же мы видим в *ногѣ*, *богѣ*, *боги*, *волкѣ*, *волки*, *помоги*, *духѣ*, *духи* и т. п. вместо *нозѣ*, *бозѣ*, *бози*, *волцѣ*, *волци*, *помози*, *дусѣ*, *дуси*.

§ 123. Ассимиляция и диссимиляция звуков, весьма распространенные процессы в области изменения звуков, представляют собой частные случаи фонетических изменений второго рода (1, б). **А с с и м и л я ц и я**, или «уподобление», состоит в том, что артикуляция звука изменяется под влиянием артикуляции соседнего звука; в результате получается или тождественный соседнему звук — **а с с и м и л я ц и я п о л н а я**, или более близкий по условиям образования (а иногда также и акустически) — **а с с и м и л я ц и я н е п о л н а я**. Процесс ассимиляции объясняется тем, что представление следующего звука наступает раньше времени или, наоборот, представление предшествующего сохраняется дольше, чем нужно; в первом случае работа органов, нужная для следующего звука, наступает ранее и захватывает образование предшествующего, во втором — работа, нужная для предшествующего звука, не прекращается еще тогда, когда наступает время образования следующего; первая ассимиляция **р е г р е с с и в н а я**, вторая — **п р о г р е с с и в н а я**. В ассимиляции звуков не соседних мы имеем **п е р е н о с** представления одного звука на место другого. Процессом ассимиляции объясняются многие звуковые явления.

Примеры. Полная регрессивная ассимиляция: диалектическое русское *омман* из *обман*, *менный* из *медный*, латинск. *affirmo* из *adfirmo*, русск. *теперь* из *топерь*, *ребенок* из *робенок*, латинск. *quinque* 'пять' вместо *pinque* (сравн. ст.-сл. *пять*, греч. *πέντε*).

Смягчение согласных в русском языке перед передними гласными *е*, *и* — не что иное, как неполная регрессивная ассимиляция: передненёбная артикуляция, нужная для следующего *е*, *и*, захватывает артикуляцию предшествующего согласного (см. § 40); так, из сочетаний *тэ*, *ти* с твердыми *т* получились некогда в русском языке *т'э*, *т'и*. То же нужно сказать и о лабиализации согласных перед лабиализованными гласными (см. § 41).

Переход глухих в звонкие перед звонкими и звонких в глухие перед глухими — также регрессивная ассимиляция; в самом деле, при произнесении, напр., *сделать* дрожание голосовых связок (голос), нужное для *д*, наступает раньше времени и захватывает *с*, а *с* с голосом есть уже *з*: произносим *зделать* (неполная ассимиляция); то же *оддать* из *отдать* (полная); наоборот, голоса нет уже при *з* в *сказка*, потому что его не будет в *к*, а *з* без голоса есть *с*: произносим *скаска* (неполная); то же *фход* из *вход* (неполная).

Полную прогрессивную ассимиляцию представляет собою, напр., переход украин. *пiеч* (из общерусск. *печь*) в *пiич* (откуда далее *пiч*). Неполную — смягчение во многих великорусск. говорах звука *к* под влиянием предшествующего мягкого звука: *Ванька* из *Ванька*.

Д и с с и м л я ц и я, или «расподобление», — явление, обратное ассимиляции в том смысле, что основано на возникновении представления иного звука; напр., русск. *февраль* вместо *феврарь* (прогрессивная), из лат. *Februarius*, народное *колидор* вместо *коридор* (регрессивная).

К рассмотренным процессам близка перестановка звуков вроде *футляр* из немецк. *Futteral*, *ладонь* (пишут *ладонь*) из *долонь*, *тарелка* вместо старинного *талерка*, из немецкого (через посредство польского языка) *Teller*, и утрата одного из двух одинаковых или близких слогов (так называемая *гаплология*): *знаменосец* из *знаменоносец*, народное *табакур* из *табакокур*, *минералогия* вместо *минералология*, *близорук* — новое осмысление вместо *близорок*, а это из *близозорок* (сравн. *дальнозорок*).

§ 124. Фонетические изменения звуков закономерны. Формулировка их, т. е. констатирование того, что такой-то звук, в таком-то языке и такую-то эпоху при таких-то условиях имел такую-то судьбу, называется **фонетическим законом**. Таковы, напр., затронутые выше фонетические законы русского языка о переходе носовых гласных в чистые, о переходе *е* в *о*. **Фонетические законы не имеют исключений**. Однако некоторые факты в языке, как может казаться, противоречат

фонетическим законам. Такие кажущиеся исключения обыкновенно или 1) являются действием аналогии, напр. **о** в *несёте* или в *тётя*, несмотря на мягкость следующего за ним согласного, по ассоциации с *несём*, *тётка*, где **о** возникло из **е** фонетически; или 2) объясняются отсутствием того или иного условия в эпоху действия закона; так, напр., в *полезный*, *учебный*, *отец* **е** не перешло в **о** потому, что в эпоху действия этого закона следующий за ним согласный не был твердым (старые *полезный*, *учебный*, *отець*), а отвердел позже; так, напр., хотя старый звук **ѣ** теперь и произносится так же, как **е**, но раньше он отличался и не подлежал действию фонетических законов, касавшихся звука **е**; поэтому не находим звука **о** в *лес*, *пел* и т. п.; напротив, **о** в *гнёзда*, *приобрёл* объясняется уже аналогией, как мы видели выше, равно как и **о** в народном *учобный* объясняется аналогией с *учоба*; или 3) представляют собою слова, заимствованные из другого языка; так, напр., в своих русских, народных словах мы имеем *нёбо*, *крёст*, *перекрёсток*, *напёрсток*, а книжные литературные *небо*, *крест*, *перст* представляют собою заимствования из церковного (старославянского) языка; подобным образом заимствования из иностранных языков: *кадет*, *атлет* не имеют **о**; заимствования, но из другого говора того же языка, представляют в литературном языке слова *цапля*, *качели*: древнерусское *чапля* в том говоре, из которого образовался литературный русский язык, фонетически не могло бы перейти в *цапля*, но заимствовано им из какого-либо «цокающего» говора, где **ч** переходило в **ц**, т. е. имевшего не только *цапля* из *чапля*, но и *уцить*, *девцонка* из *уцить*, *девчонка*; *качели*, которые мы ждали бы в виде *качали*, заимствовано из такого северно-великорусского говора, где говорят *печель*, *венчеться*, *хозеин*, *грёзь* фонетически из старых *печаль*, *венчаться*, *хозяйин*, *грязь*.

§ 125. Как следствие фонетических изменений звуков являются разнообразные перемены в звуковом составе языка в сравнении с предшествующими эпохами его жизни.

Могут вовсе исчезнуть те или иные звуки; так, в русском языке сравнительно с его прошлым нет вовсе носовых гласных; нет тех гласных — иррациональных **о** и **е**, которые изображались буквами **ѣ** и **ь**, потому что эти гласные при одних условиях в слове исчезали, а при других — переходили в полные **о** и **е**; нет древнего дифтонга, изображающегося буквой **ѣ**, и др.

Могут возникнуть новые звуки, ранее не известные в языке. Так, напр., в русском языке в известную эпоху, когда звонкие перед глухими, а также в конце слов переходили в глухие, возник из **в** новый звук **ф**: *лафка* из *лавка*, *роф* из *ров* (в ту же эпоху, когда *скаска* из *сказка*, *глас* из *глаз*, *пропка* из *пробка*, *лоп* из *лоб* и т. п.); приемы правописания установились ранее, поэтому свой звук **ф** передается буквой *в*, а буквой *ф* мы передаем чужой по происхождению звук: все слова с буквой *ф* — заимствованные в разные времена из разных языков. Так, напр., во

французском языке в свое время возникли носовые гласные из сочетаний: гласный чистый + носовой согласный в положении не перед гласным; сравн. франц. *ange* (т. е. *аж*) и латин. *angelus*.

Так как одни звуки могут переходить в другие, уже встречающиеся в данном языке, то в результате в нем могут оказаться одни и те же звуки различного происхождения; так, напр., русское *у* получилось в одних словах из старого *у*, в других — из старого *о*; русское *о* — из старых *о*, *ѳ*; русское *е* — из *е*, *ь*, *ѣ* и т. д.

§ 126. Причина фонетических изменений звуков, как сказано выше, лежит в изменении самих артикуляций. А изменение в артикуляции происходит, главным образом, при передаче языка из поколения в поколение и при перенятии чужого языка. Усваивающие языки — дети или иностранцы — стараются воспроизвести звуки, которые слышат, подбирая, так сказать, ощупью ту или иную артикуляцию, причем контролером является ухо; но, как ни велика его различительная способность, все-таки она ограничена, незначительные различия им могут быть не замечены, а эти незначительные оттенки — плод хотя бы и незначительных различий в артикуляции; в следующем поколении может быть опять незначительное уклонение, и в результате — иногда долговременного процесса — уже иной звук.

Изменение значений

§ 127. Перенос значений. Одни предметы мысли, как известно, могут вызвать по различным ассоциациям представления других предметов, а эти последние могут вызвать и представления слов, которыми они обозначаются. Поэтому, выражая свою мысль словами, мы часто употребляем слова, обозначающие не те предметы, о которых мы собственно думаем, а те другие, которые вспоминаются по ассоциации с ними. В этом случае мы употребляем слова не в их собственном, или прямом, а в переносном значении. Но переносным можно называть значение слова только в том случае, когда для сознания говорящего в данный момент ясно, что он употребляет собственно название другого предмета мысли.

Напр., в выражении *говор волн* для сознания ясно, что *говор* есть название не того предмета, о котором мы теперь думаем (шум волн), а другого (людского разговора), представление о котором вызвано в силу ассоциации по сходству; поэтому *говор* в *говор народа* является в прямом, а в *говор волн* — в переносном смысле. Или, напр., в выражении *несколько голов рогатого скота* для сознания говорящего ясно, что значение слова *голов* перенесено в силу ассоциации — но не по сходству, а по смежности — с части тела на все животное. Таким образом, в основании переноса значений лежат ассоциации или по сходству, или по смежности.

Пока сознается перенос значения, до тех пор перед нами одно слово с вариантами значения; если же перенос уже не сознается, то — разные слова (ср. § 86).

Примеры перенесения значения. На основании ассоциации по сходству: *флот* (морской) — *флот* (воздушный); *маковка* (плод мака) — *маковка* (церкви); *тяжелый* (о предмете с большим весом) — *тяжелый* (о запахе) — *тяжелый* (о горе, положении человека); *итти* (о человеке) — *итти* (о часах) — *итти* (о снеге) — *итти* (о времени); *голод* — *чугунный голод* и др.; *подошва* (обуви) — *подошва* (горы). На основании ассоциации по смежности: *картон* (материал) — *картон* (со шляпой) — *картон* (рисунок на картоне: *картон Васнецова*); *суд* (суждение, решение: *праведен твой суд, суд божий*) — *суд* (судебный процесс: *до суда, после суда*) — *суд* (здание суда: *он живет против суда*) — *суд* (судьи: *суд идет!*); *течет* (вода) — *течет* (ведро); *фотография* (способ изготовления изображения) — *фотография* (заведение) — *фотография* (карточка); *участок* (земли, леса, полицейский участок города) — *участок* (полицейская канцелярия данного участка, а также место заключения); *номер* (№) — *номер* (меблированная комната) и др.

§ 128. Так от долговременного употребления слов в переносном значении переносное значение может представляться говорящему как прямое. Иначе говоря, в истории языка прямые значения могут возникать из переносных. В истории всякого языка постоянно бывают случаи, что слово в прямом значении перестает употребляться, остается только его переносное значение, сознаваемое уже, конечно, как прямое. Таково происхождение многих слов в любом языке; и мы можем и не знать: каково было значение прямое или какие ассоциации легли в основу переноса. Напр., *чернила* для нас теперь то, чем пишут, а не то, чем «чернят» (сравн. *белила*, а также *кропило, кадило*), и мы можем говорить о *красных чернилах*; *дача* — загородный дом, а не земля, данная, пожалованная за службу; *ошеломить* не значит уже ударить по шлему (шелому); *купец* для нас теперь тот, кто продает, а не покупает (сравн. в «Стоглаве»: *продавец* и *купец* — оба наказываются за продажу и покупку неисправленной книги); *должник* — тот, кто берет в долг, а не дает (сравн. в «Горе от ума»: *должников не согласил к отсрочке*, т. е. кредиторов).

§ 129. Перенос может изменять значение слов в различном направлении. Так, в результате переноса мы можем наблюдать сужение и расширение значений, т. е. появление то более частного, то более общего значения в слове.

Примеры сужения (иначе — специализации) значения: *город* не в значении всякого города в отличие от села или деревни, а для подгородного жителя в значении известного города (*послать в город, привозят из города*); *порошок* в значении лекарства (по происхождению уменьшительное от *порох*, но не в значении взрывчатого вещества, а чего-то размельченного,

пыли; срав. старослав. *прахъ* — 'пыль' или в «Слове о полку Игореве»: *пороси поля покрывают*); *электричество* в значении электрического освещения (*квартира с отоплением, водой и электричеством*); *квас* в значении известного напитка, а не в древнем значении 'кислоты' вообще (сравн. *яблоко с кваском*, производное *квасить*); *год, час* в значениях определенных единиц времени, а не времени вообще (сравн. *погодить, сейчас*); *критиковать* в значении указывать только недостатки, а не достоинства и недостатки (сравн. отсюда *раскритиковать*); *институт* в значении закрытого учебного заведения, а не учреждения вообще (и не только учебного); *готовить* в смысле готовить кушанья; *наследник* — в смысле престолонаследника.

Примеры расширения значения: *идти, ходить, стоять* о неодушевленных предметах (в этих случаях мы наблюдаем в *идти, ходить* более общее значение 'двигаться', в *стоять* — 'находиться в покое'); *швейцар* в значении вообще сторожа (первоначально 'солдат из швейцарской стражи французских королей'); из имени *Карла Великого* образовалось в славянских языках заимствованное слово со значением государя (*краль, король*); так же собственное имя *Юлия Цезаря* стало титулом римских императоров (*цезарь*, откуда греч. *кесарь*).

§ 130. Частный случай переноса, при котором может быть и может не быть расширения значения, представляет собой обращение собственного имени в нарицательное. Так, *меценат* — покровитель наук и искусств, от собственного имени вельможи времен Августа; *ванька* — плохой извозчик; *реомюр* — термометр; *ремингтон* — пишущая машина (*писать на ремингтоне*), по именам изобретателей; то же в названиях аэропланов: *фарман, блерио; палестина* в значении пространства земли (*родные палестины*); *хам* — бранное слово от имени сына Ноя; *ландрин* — конфеты (монпансье), очень новое слово в Москве, по имени фабриканта, причем словом называется уже монпансье любой фабрики: *фунт ландрину, несколько штук ландрина; френч* — название костюма по имени английского главнокомандующего в мировую войну; сравн. еще два последние примера в § 125.

История языка в связи с историей быта открывает много интересных случаев эволюции значений слов. Один из таких представляет собой история в русском языке слова *вокзал*. Так называлось (*Vauxhall*) подгородное село около Лондона, давно слившееся с ним. В XVIII в. на месте его был устроен общественный сад с театральными представлениями и другими развлечениями для высшего общества, ставший в XIX в. местом увеселения других классов общества. Этим именем как нарицательным стали называть общественные увеселительные сады и во Франции. Первая в России Царскосельская железная дорога, открытая в 1836 г., для оживления пассажирского движения устраивала на станции Павловск бесплатные концерты; помещение, где они происходили, названо было *вокзалом*. Отсюда вообще станцион-

ные помещения для пассажиров по всем дорогам в России стали называться вокзалами, причем только в России: в других странах нигде станции вокзалами не называются. Еще во второй половине XIX в. в подмосковном парке Сокольники существовало увеселительное место, называвшееся *вокзалом* (без всякого отношения к какой-либо железной дороге). У Пушкина найдем *воксал* в этом значении («К Маше», 1816 г.).

§ 131. Особый случай представляет собою новое осмысление чужого слова в силу каких-либо ассоциаций, а также осмысление чужого слова по ассоциации со своими, подходящими по звуковой стороне. К первому случаю относится, напр., *свидетель* в значении очевидца, вместо старого значения осведомленного человека; новое осмысление отразилось и на орфографии этого слова вместо древней *свъѣдѣтель* (от *вѣдѣти*); то же в слове *смирение*, понимаемом теперь как производное от *мир*, в сравнении со старым *сѣмѣрение* (от *мѣра*) в значении 'умеренность'. Ко второму относится, напр., произвольное сближение заимствованного из латинского языка слова *май* с глаголом *маяться* (*В мае венчаться — всю жизнь маяться*) или такого же слова *апрель* с *преть* (*В апреле земля претет*); подобные новые осмысления могут повести и к употреблению слова в новом значении, напр. заимствованное *спираль* в значении спертого воздуха, *протекция* в смысле течи в крыше. Такое осмысление носит название ложной, или народной, этимологии.

§ 132. В сочетаниях **слово может утрачивать самостоятельное значение** и обращаться, таким образом, в слово несамостоятельное, т. е. приобретать формальное значение. Так возникли в жизни языков связка, предлоги, союзы и др. (ср. § 65). Напр., глагол *быть*, являющийся в русском языке в роли связки, происходит от индоевропейского корня, значение которого было, по видимому, 'расти'. Сравн. *живет* в значении связки (§ 95). Путем утраты словами самостоятельного значения в словосочетании произошли так называемые «сложные формы», вроде франц. *j'ai fini*, немецк. *ich habe gesagt*, где глаголы *ai*, *habe* не носят значения 'иметь', а играют роль формальной принадлежности, оставаясь отдельными словами. В подобных случаях отдельные, но несамостоятельные слова могут перестать быть отдельными, т. е. могут слиться с другим словом и обратиться, таким образом, в часть слова, как мы это видели в отделе о происхождении формальных принадлежностей (§ 81) на примере окончания *ai* в формах франц. будущего времени, напр. *finirai*. Таково же окончание франц. наречий *-ment* (из латинск. слова *mente*), напр. франц. *fièrment* 'гордо' (из латинск. *fera mente*); таковы окончания русских возвратных глаголов *-ся* или окончания прилагательных *-й*, *-я*, *-е* (*добрый, добрая, доброе*), бывшие ранее местоимениями (*ся* = *себя*; *и, я, е* — указательные местоимения 3-го лица).

§ 133. Значения слов изменяются в жизни языка независимо от изменения их звуковой стороны.

§ 134. Естественной причиной утраты слов и появления новых слов является исчезновение самих предметов мысли, обозначавшихся словами, или появление новых предметов. Однако слово может и по утрате предмета сохраниться в языке с иным уже значением, а также новый предмет может быть назван старым словом; в этом последнем случае будет перенос значения. Но, кроме того, новые слова появляются и без возникновения новых предметов и являются тогда новыми названиями старых предметов.

Примеры. С исчезновением *тиунов*, *посадников* исчезли и эти слова, с появлением *самовара*, *аэроплана*, *пылесоса* появились и новые слова. Однако и по выходе из употребления гусиных перьев, которые чинились для письма, сохранилось название *перочинный ножик*, которым чинят карандаши, а также новый предмет — *поезд* железнодорожный назван был так по ассоциации (по сходству) со старым словом со значением 'обоз', 'караван' (сравн. *свадебный поезд*). Наконец, новыми названиями для старых предметов: *ваяние*, *зодчество* — явились *скульптура*, *архитектура*.

§ 135. Происхождение новых слов. Новые слова в языке обыкновенно бывают или заимствованными из другого языка, или образованными из собственных элементов.

§ 136. Заимствованные слова обыкновенно применяются к произношению своих слов, т. е. на них распространяются звуковые законы данной эпохи, иначе говоря, они произносятся с привычными для данного языка артикуляциями; так, мы вносим в иностранные слова свое произношение неударяемых гласных (см. § 51): *кантракт*, *аракул* (контракт, оракул), *кѳнституция* (конституция), *юмѳр* (юмор), смягчение согласных перед *е*: *резон* (вм. *рѳзон*) и т. п. Таким образом, чужие слова делаются мало-помалу своими, и иногда без специальных сведений мы не в силах отличить их от своих; ничто, напр., не обличает в словах *хлеб*, *молоко* их германского происхождения (из готского языка). Однако встречается намеренное сохранение иностранного произношения в заимствованных словах, что возможно, конечно, при непосредственном знакомстве с языком, из которого слово взято.

Усвоение чужого слова в ряды своих проявляется, между прочим, в том, что чужое слово получает словоизменительные и словообразовательные формы, свойственные заимствовавшему его языку. Так, заимствованные существительные могут примениться к той или иной категории склоняемых слов и склоняться подобно им: сравн., напр. *роль* (с франц. *le rôle*, мужск. рода), склоняемое подобно словам женск. рода типа *кость*; от заимствованных слов могут отвлекаться основы, к которым присоединяются далее свои словообразовательные суффиксы: напр., русск. *маршировать*, *зондировать* образованы при помощи русск. окончания *-овать*, присо-

единенного к основам, взятым из нем. *marschieren, sondieren*, а сами нем. *marschieren, sondieren*, в свою очередь, подобным же способом, а именно при помощи нем. окончания *-ieren*, образованы из франц. глаголов *marcher, sonder*.

§ 137. Новые слова из собственных элементов образуются или 1) путем соединения известной уже основы с словообразовательными суффиксами, также уже известными в других словах, так что новым является только их соединение, или же 2) путем сложения основ или слов. Образуются новые слова обыкновенно одни по образцу других, уже существующих в языке.

Следует иметь в виду, что не всегда можно поручиться, что возникающее на наших глазах слово не появлялось уже раньше, так как образование из одних и тех же элементов возможно в разное время, раз основы и суффиксы являются в данное время живыми (ср. § 141).

Приведем в качестве примеров слова, по-видимому, недавно возникшие, хотя не одинаково распространившиеся. Таковы *летчик, горимость* (напр., уезда; термин в страховом от огня деле), *лыжебежец, созвониться* (по телефону), *перводумец, безденежствую* (А. П. Чехов в письме 1887 г.), *безобедник* (ученик, оставленный без обеда: он же, 1889 г.), *помещичество* (занятие, Л. Толстой); случаи вроде *азросани* (аэроплан с полозьями) представляют собою образования наполовину из своих, наполовину из чужих элементов; сравн. с этим еще такие случаи, как *пиндарить* ('писать оды'), от имени греческого поэта Пиндара, у Дмитриева в «Чужом толке».

В пример того, что слово может неоднократно возникать в языке, приведу место из «Накануне» Тургенева (гл. 1): *Эх, ты, сочувственник! — брякнул Шубин и сам засмеялся новоизобретенному слову...* Тургеневу казалось, а также и всякому его читателю может казаться, что этого слова *сочувственник* вообще не было раньше, между тем как оно встречается в XVIII в. у Радищева («Путешествие...», Посвящение). Тем не менее оно в обоих случаях является новым, поскольку оно вообще неупотребительно в языке. Перед нами факты языка индивидуального; но все факты человеческого языка зарождаются в языках индивидуальных и потом получают или не получают дальнейшего распространения.

Напомним, что путем упомянутого выше сложения основ или слов в одно целое получают так называемые непростые слова (см. § 87); примеры новых слов такого рода есть в числе только что приведенных.

§ 138. К числу новых слов, составленных из собственных элементов, принадлежат и те особого рода сокращенные новообразования, которые в революционное время широко распространились в русском государственном, а затем и в разговорном языке, первоначально для названия учреждений и должностных лиц, вроде *наркомпрос* (Народный комиссариат по просвеще-

нию), *полпред* (полномочный представитель) и т. п. Происхождение такого типа слов — в телеграфном языке, где давно прибегали к подобного рода сокращениям и откуда впервые в широкую публику, в эпоху мировой войны (с 1914 г.), проникли слова вроде *главковерх* (верховный главнокомандующий), *земгор* (земский и городской союз) и т. п. Образованные из собственных материалов, такие слова имеют, однако, ту своеобразную особенность, что слагаются не из целых словообразовательных элементов (основ слов), а из произвольных частей их. Поэтому они воспринимаются и запоминаются, подобно иностранным, целиком, без разложения непосредственным сознанием говорящего на составные части: в каких-нибудь *водовоз*, *воднос*, *водолив*, *водолей*, *водovorot* непосредственное сознание говорящего, знающего слова *вода*, *водный* и т. п., сразу узнает составную часть *вод-* и понимает, что в состав этих непростых слов входит представление о воде; наоборот, нужно предварительно знать, от каких целых взяты отрезки: *нар*, *ком*, *прос*, чтобы понимать значение слова *наркомпрос*; тем более это относится к словам, составленным из начальных букв слов: *моно* (московский отдел народного образования), *кубу* (комиссия улучшения быта ученых) — или из названия начальных букв: *генеу* (государственное политическое управление). Подобно иностранным, эти слова произносятся сначала не по законам русской фонетики; напр. *наркомпрос* со звуками *а* и *о* во втором и первом предударных слогах, где русская фонетика требует звуков *ъ* и *а*; усваиваясь более говорящим, это слово подчиняется указанным законам и начинает произноситься *нъркампрос*, подобно обрусевшим *кантракт*, *кънституция*. Вообще, эти новые, возникающие на наших глазах слова дают ценный материал для проверки действительности фонетических законов русского языка. Так, соединение *гос* + *издат* (государственное издательство) дает *госыздат* по тому же закону, по которому произносим *изызбы* (из избы), *совнархоз* (совет народного хозяйства) произнесем *сѣвнархоз* по закону изменения конечного звонкого в глухой, и мн. др. Усваиваясь говорящими, эти слова относятся ими в ту или иную грамматическую категорию и получают соответственное словоизменение (склоняются), а неподошедшие к русским категориям остаются неизменяемыми (*генеу* подобно *какаду*; *моно* подобно *депо* и т. д.). Наконец, усваиваясь, они дают материал и для словообразования: от *комсомол* (коммунистический союз молодежи) произведено по русским образцам *комсомолец*, *комсомольский* и т. п.

§ 139. Особый случай — возникновение нового слова из своих элементов, но по образцу иностранного, как бы путем перевода; таково, напр., возникшее в старину *гражданственность* (*civilisation*).

§ 140. Так как форма слова есть способность его разлагаться на основу и формальную принадлежность (§ 68), то всякое изменение в форме есть не что иное, как изменение в этой разложимости. Поэтому у т р а т о й формы назовем утрату данным словом способности разлагаться указанным образом, п о я в л е н и е м формы — приобретение словом такой способности, а собственно изменением формы, иначе — н о в о о б р а з о в а н и е м, назовем замену старой основы или старой формальной принадлежности в слове новыми.

§ 141. **Утрата форм слов.** Простейшим примером утраты форм слов могут служить случаи вроде исчезновения форм двойственного числа в русском языке. В древнерусском были формы не только единственного и множественного чисел, но еще и «двойственного» числа в существительных (для обозначения предметов в количестве двух) и в согласовавшихся с ними прилагательных и глаголах; напр., именит.-винит. падеж *брата, селе, жене, родит.-местн. брату, селу, жену*, дат.-твор. *братома, селома, женама; два, двѣ, оба, обѣ* — *двою, обою* — *двѣма, обѣма; несевѣ* (1-е лицо), *несета* (2-е и 3-е лицо) и т. п. Что большинства из этих форм нет теперь в русском языке, видно само собой.

Рассмотрим случаи сложнее, которые можно наблюдать, напр., в судьбе форм *стѣ* и *брата*. Дело в том, что ассоциации, необходимые для выделения в слове основы и формальной принадлежности, могут в течение жизни языка разрушаться. Если в языке исчезла вообще какая-либо форма, но сохранились одинокие слова, заключающие в себе такую форму, то все-таки для данной эпохи языка они не будут уже иметь этой формы, потому что в них не будут выделяться основа и формальная принадлежность за отсутствием одного из указанных в § 70 условий. Как можно было сказать (*двѣ*) *селѣ, делѣ, мѣстѣ*, точно так же при единств. числе *сто*, при множественном (*три, четыре*) *ста* было двойственное (*двѣ*) *стѣ*. Теперь, когда двойственное число вообще исчезло в русском языке и предметы в количестве двух мы обозначаем формами других чисел, форма *стѣ* сохранилась в нашем слове *двести*, заменившем старое *двѣстѣ*; в звуковой стороне этого *сти* не выделяется формальной принадлежности *и*, потому что нет однородных слов среднего рода с тою же формальной принадлежностью, и мы, следовательно, в этом *сти* не сознаем теперь ни формы, ни даже отдельного слова. Подобные остатки прежних форм могут при благоприятных условиях ассоциироваться с совсем иными по происхождению образованиями, и тогда для данной эпохи языка они будут представлять собою формы, но уже иные. Так, несмотря на то, что *стола, брата* в *два стола, два брата* по происхождению своему подлинные формы им.-вин. падежа двойственного числа, тем не менее мы не можем сказать, что в современном русском языке есть формы двойст-

венного числа, и эти *стола, брата* для нашего сознания являются формами род. падежа единств. числа.— Старинное слово *надобѣ*, откуда наше *надо*, возникшее из двух: *на добѣ*, с утратой слова *доба* ('пора', 'время') перестало сознаваться известной падежной формой, какой было по происхождению, т. е. перестало разлагаться на основу и формальную принадлежность.

§ 142. **Появление форм слов.** Примером появления формы в слове могут служить церковно-славянские «звательные формы», т. е. формы «слов-воззваний» (см. § 87): *боже, господи, богородице, дево, царю, душе*; эти слова имеют формы, так как разлагаются на основы и формальные принадлежности соотносительно с именительными и другими падежами тех же слов, между тем как в индоевропейском праязыке «слово-воззвание» («обращение») представляло собою одну основу без всякой формальной принадлежности, а то, что позднее стало сознаваться такую принадлежностью, является по происхождению конечным гласным основы¹.

§ 143. **Новообразование.** Не всякое изменение в слове, имеющем форму, затрагивает самую форму. Твердо помня, что такое форма (см. § 68), необходимо различать, изменилась ли в слове только звуковая сторона или изменилось само образование формы; звуковая сторона может сильно измениться, а форма как таковая остаться без изменения.

Так, напр., *жену, рыбу* получилось из *женѣ, рыбрѣ*, но здесь изменились только звуки, именно носовое *ѣ* перешло в *у*, согласно звуковому закону русского языка, а в образовании самой формы изменений не произошло; или: как ни далеко в звуковом отношении наше *лоп* от древнерусского *лобѣ*, но изменения здесь только в звуках (звук *ѣ* в конце исчез, а оставшийся в конце звонкий согласный перешел в глухой), и мы не назовем самую форму новой. Иное дело, напр., *коней, царей* вместо древнего род. п. мн. ч. *конь, царь*; здесь само образование формы новое: из *ь* фонетически не могло бы получиться *-ей*; это *-ей* перенесено из таких форм другой категории склонения, как *пугей, костей*; новым также образованием формы явилось *землѣ* вместо *земли*, так как тут дело не в переходе *и* в *ѣ*, а в переносе древнего окончания из форм вроде *жене* в форму *земли*. Подобным же образом *рукѣ* вместо старого *руцѣ* представляло новообразование в самой форме (*ц* в *к* не переходило!) под влиянием других

¹ Формальная принадлежность, выделяемая звательной формой, школьную грамматику (тех языков, где звательная форма существует) приравнивается к падежным окончаниям ошибочно, так как звательная форма не есть падежная форма: падежными формами обозначаются отношения одних слов как частей предложения к другим; звательная же никаких таких отношений не обозначает, и «слово-воззвание» не входит в предложение. Вот почему ее неточно называть «звательным падежом».

Следует заметить, что в русском языке звательные формы утрачены и «слова-воззвания» имеют форму именит. падежа; такие формы, как *боже, господи*, заимствованы из церковно-славянского.

падежей вроде *рука*, *рукой* и т. п.; новым также образованием формы явится *льда* и др. косвенные падежи вместо *леда* и др. при именительном *лед* (*е* старое) под влиянием склонения типа *лен — льна* (где *е* беглое фонетически из старого звука *ь*, переходившего в звук *е* при одних и исчезающего при других условиях).

Из сказанного видно, что новые формы образуются путем переноса из другого слова или новой основы, или новой формальной принадлежности; так, новая форма *рукѣ* вместо *руцѣ* образована путем переноса основы *рук* в слово *руцѣ* из других слов: *рук-а*, *рук-ой* и т. п., а новая форма *землѣ* вместо *земли* — путем переноса формальной принадлежности *ѣ* из других слов, вроде *жен-ѣ*.

Теперь мы вторично, но с другой стороны подошли к объяснению таких изменений, как *землѣ* вместо *земли*, *рукѣ* вм. *руцѣ*, о чем говорилось уже в § 118 и что названо там нефонетическими изменениями звуковой стороны слов. Теперь мы могли бы сказать: это — изменения не фонетические, а морфологические. Чтобы понять, что это явление не из области истории звуков, не из области фонетики, а из области истории форм, из области морфологии, надо отдать себе отчет в природе таких явлений. Объяснения их не в физиологии, а в психологии; возможность таких новообразований вытекает из самого существа того, что называется формой, т. е. из способности слова разлагаться известным образом в сознании говорящего (§ 68), и из той двойной ассоциативной связи, которую связаны между собой слова (ассоциация основ и ассоциация формальных принадлежностей, § 70). Таким образом, причины замены старой формы *конь* новой *коней* лежит в ассоциации (по сходству) всех форм род. п. мн. ч. между собою и, между прочим, формы *конь* с формой *путей*; а причина замены старой формы *руцѣ* новой *рукѣ* — в ассоциации (по смежности) всех падежных форм слова *рука* между собою.

Ясно представить себе природу таких новообразований можно на примерах таких образований, которые являются необычайными, напр., для современного литературного языка. Так, народное *местов*, *делов*, *барышнев* образовано по образцу *столов* и т. п.; так, детское *возьмила* вместо *взяла* — под влиянием *возьми*; народное *иттить* — под влиянием обычного окончания инфинитива *-ть* в большинстве глаголов; так, начинающий учиться французскому языку может вместо *il est mort* сказать *il est mouru*¹, образовав это *mouru* под влиянием, напр., *couru*, если в его сознании *mourir* и *courir* ассоциированы; подобным же образом, но с переносом новой основы, а не нового окончания, образовано народное *пекѣшь*, *пекѣт* под влиянием *пек-у*, и т. п., или детское *песоком* вместо *песком* под влиянием *песок*. Совершенно подобным же образом, как образованы эти «неправильные» формы, образо-

¹ Что встречается и у французского простонародья.

валось громадное число «правильных» форм в языках. Так, наше *столов*, вытеснившее старую форму род. падежа мн. числа *столъ* (совпадавшую с имен. падежом ед. числа) и образованное по образцу слов, принадлежавших к особой категории склонения и имевших всегда в окончании род. падежа мн. числа *-ов*, было в свое время таким же новым образованием, каким для нас представляется *делов* (сравн. остатки старой формы в склонении слов типа *стол: несколько раз, из глаз, пара чулок* и т. п.); так же наше *пеки*, вытеснившее собою старое *пѣци*, представляет по своей природе то же явление, что *пекёт*, а наше *лести* вместо *льсти* под влиянием *лесть* — то же, что *песоком*.

§ 144. В жизни форм бывает, что одна получает то же значение, что и другая. В результате этого одна из них может исчезнуть, а оставшаяся станет употребляться в обоих значениях. Этим объясняются такие, напр., явления, что в потомках одного и того же праязыка мы найдем разное количество падежных форм; так, при шести падежах в русск. языке (звательный — не падеж! См. прим. в § 142), в немецком четыре.

§ 145. По вопросу о происхождении формальных принадлежностей следует припомнить здесь то, что уже было сказано в § 81 и 128.

§ 146. По отношению к формам самих основ уже в § 76 было сказано, что основы, по происхождению производные, могут стать для позднейшей эпохи языка не производными, т. е. не разлагаться еще раз на основу + формальная принадлежность. А раз формальная принадлежность не сознается отдельно, то, следовательно, ее нет в языке; таким образом, формальные принадлежности могут возникать в языке и могут вымирать, и мы можем говорить, напр., о живых и мертвых суффиксах. В § 76 был приведен пример производной по происхождению основы *добр-*, которая теперь уже не сознается производною, потому что уже перестала разлагаться для сознания говорящего на *доб* + суффикс *р*; такой невыделяемый непосредственным сознанием суффикс можно назвать мертвым, его нет в живом языке, он не может и употребляться на создание новых слов. С таким мертвым суффиксом сравн. живой суффикс *-чик* в современном русск. языке, с помощью которого, по образцу существующих уже в языке образований, мы можем создать новое слово из только что полученного материала, напр. *аэропланчик*.

ОПЫТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ¹

I. Система знаков для фонетической транскрипции

Г л а с н ы е

	Передние Prepalatales Front Palatal		Передне- средние Interpalatal		Средние Mixed Palatovelar		Средне- задние Vordervelar		Задние Postpalatales Back Velar	
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	K
	1	\hat{i}	\hat{i}_1	\hat{i}_1	\hat{i}_1	\hat{y}	\hat{y}	\hat{y}_1	\hat{y}_1	\hat{y}
2	i	i_1	i_1	i_1	y	y	y_1	y_1	y	y
3	\hat{e}	\hat{e}_1	\hat{e}_1	\hat{e}_1 (ѣ)	\hat{e}	\hat{e} (ѣ)	\hat{e}_1	\hat{e}_1 (ѣ)	\hat{e}	\hat{e}
4	e	e_1	e_1	e_1 (ѣ)	e	e (ѣ)	e_1	e_1 (ѣ)	e	e
5	\hat{a}	\hat{a}_1	\hat{a}_1	\hat{a}_1	\hat{a}	\hat{a}	\hat{a}_1	\hat{a}_1	\hat{a}	\hat{a}
6	a	a_1	a_1	a_1	a	a	a_1	a_1	a	a

¹ Настоящий «Опыт», отлитографированный для членов Московской Дialectологической Комиссии еще в 1910 г., является результатом совместной работы Д. Н. Ушакова и моей, соединявшей одновременно наблюдения над собственным произношением с наблюдением над произношением своего товарища по работе. В транскрипции мы пользовались системой знаков, выработанной нами и несколько отличающейся от других систем фонетической транскрипции. Не зная, удастся ли нам когда-нибудь опубликовать наши работы по изучению русского произношения, и признавая вместе с тем известное научное значение за нашим «Опытом», сделанным 15 лет тому назад, я, с согласия проф. Д. Н. Ушакова, решил издать этот «Опыт» без существенных изменений, кроме некоторых упрощений в транскрипции: именно буквы греческого алфавита, которыми мы передавали полувзвонкие гласные звуки, заменены соответствующими буквами латинского алфавита с точкой под буквой. Из позднейших наших работ, дающих некоторые дополнения и поправки к «Опыту», укажу:

1. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Изд. 6-е (М., 1923), §§ 26—57.

2. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка (М., 1924), §§ 37—59.
Брно 24.IV.1925. Николай Дурново.

Округленные (лабиализованные)
Labialisés. Round. Yerundet (labialisiert)

7	\hat{u}	\hat{u}_1	\hat{u}_1	\hat{u}_1	\hat{u}	\hat{u}_1	\hat{u}_1	\hat{u}	\hat{u}	\hat{u}
8	\ddot{u}	\ddot{u}_1	\ddot{u}_1	\ddot{u}_1	\ddot{u}	\ddot{u}_1	\ddot{u}_1	\ddot{u}	\ddot{u}	\ddot{u}
9	\hat{o}	\hat{o}_1	\hat{o}_1	\hat{o}_1	\hat{o}	\hat{o}_1	\hat{o}_1	\hat{o}	\hat{o}	\hat{o}
10	\ddot{o}	\ddot{o}_1	\ddot{o}_1	\ddot{o}_1	\ddot{o}	\ddot{o}_1	\ddot{o}_1	\ddot{o}	\ddot{o}	\ddot{o}
11	\hat{a}^0	\hat{a}^0_1	\hat{a}^0_1	\hat{a}^0_1	\hat{a}^0	\hat{a}^0_1	\hat{a}^0_1	\hat{a}^0	\hat{a}^0	\hat{a}^0
12	\ddot{a}^0	\ddot{a}^0_1	\ddot{a}^0_1	\ddot{a}^0_1	\ddot{a}^0	\ddot{a}^0_1	\ddot{a}^0_1	\ddot{a}^0	\ddot{a}^0	\ddot{a}^0

Ряды 1, 2, 7, 8 — звуки верхнего подъема (high, hoch)
 « 3, 4, 9, 10 « среднего « (mid, mittel)
 « 5, 6, 11, 12 « нижнего « (low, niedrig)

^ обозн. напряжение:

ряды нечетные — звуки напряженные (narrow, gespannt)

» четные — » ненапряженные (wide, ungespannt)

.. обозн. принадлежность звука к переднему ряду,

« « « « среднему « ,

отсутствие точки обозн. принадлежность звука (кроме *i*, *e*) к заднему ряду;

1, внизу обозн. передвижение артикуляции назад (ряды CDGH); большую степень его можно обозначить в случае надобности 2 и т. д.;

. точка под буквой (ряды BDFHK) обозначает редукцию по отношению к голосу (гласные полуглухие); точка под буквами *ʒ*, *ʒ* — отсутствие голоса;

промежуточные горизонтальные ряды (повышенная или пониженная артикуляция), в случае надобности, получают обозначения: e^i, o^u и т. д. или i^e, u^0 и т. д.

Согласные

Б и л а б и а л ь н ы е: взрывные: *p*, *b*, фрикативные: *f*, *w*; носовой — *m*.

Г у б н о з у б н ы е: фрикативные: *ʃ*, *v*.

«Зубные» (в широком смысле): взрывные: *t*, *d*; фрикативные: свистящие — *s*, *z*, шипящие: *ʃ*, *ʒ*; аффрикаты: свистящие: *c*, *ʒ*, шипящие: *č*, *ʒ*; «плавные» — *r*, *l*¹; носовой — *n*.

С р е д н е н ё б н ы е: взрывные: \hat{k} , \hat{g} , фрикативные: \hat{x} , \hat{x}^2 , $\hat{\gamma}^3$, *j*.

¹ *l* — так наз. «среднее» или «европейское»; *l* — твердое, веларнозубное.

² \hat{x} — глухой звук, составляет соответствующий звонкому *j*.

³ $\hat{\gamma}$ — средненёбный звук, смягченный менее, чем *j*, и, м. д., более задний, чем *j*.

Задненёбные: взрывные: *k, g*, фрикативные: *x, ɣ*; носовой — *ɲ*.

Мягкость согласных обозначается значком ' над (или справа за) буквой или ⁱ справа вверху; полумягкость — точкой над буквой или же ^c справа вверху.

Мягкие средненёбные можно передавать *k, g, x, ɣ* со знаком мягкости без знака ^h.

Лабиялизация согласных сильная обозн. ^u справа вверху, слабая — ^o справа вверху.

Т. наз. «фаукальные» и «латеральные» звуки в сочетании с носовыми и *l* обозн. ^h, напр. *p̄m, d̄n, t̄l, d̄n'* и пр.

Количество. Краткость не обозначается. Долгота — чертой над буквой или под буквой. Иррациональность (короче нормальной краткости) — знаком ^v над буквой.

Слоговое свойство гласных не обозначается, неслоговое — ^o под буквой; слоговое свойство согласных обозначается ^o под буквой, неслоговое не обозначается.

Ударение главное обознач. — ' за буквой¹, обозначающей ударяемый звук; второстепенное — ` там же.

Если звук не определен, можно ставить точку или несколько, по числу таких звуков, в скобках; если определен не вполне, то в скобках — наиболее подходящую букву.

Примеры на гласные неокругленные верхнего подъема

Ряд	Буква	
1A	<i>i̇</i>	под ударением везде: в ́лы, в ́ли.
2A	<i>i</i>	в предударном слоге: в и́ла, в е́ла.
1B	<i>i̇</i>	в конце слова после согласных: са́ни.
2B	<i>i</i>	в безударных (кроме предударн.) слогах: п иро- ва́ть, м и́лые (m'i lʲj).
1C	<i>i̇₁</i>	после шипящих перед мягкими под ударением: ж и́ть, ш и́ть.
2C	<i>i₁</i>	после шипящих перед мягкими в предударном слоге: ж ив́и, ш и́тьё.
1D	<i>i̇₁</i>	
2D	<i>i₁</i>	(ш естипа́лый, ч ита́телем, д ере́вьях, т уча м) 4D?
1E	<i>ẏ₁</i>	под ударением: в ы́л, б ы́ть, д ы м , т ы н .
2E	<i>y</i>	в предударном слоге: б ы́ла, д ы м и́ть.
1F	<i>ẏ</i>	
2F	<i>y</i>	без ударения в конце слова и в непредударном слоге: р ы́бы, в ы р ыва́ть.

¹ В настоящем издании знак ударения ставится над знаком гласного.

1G	\hat{y}_1	после шипящих не перед мягкими под ударением: жйв , шйл .
2G	\dot{y}_1	после шипящих не перед мягкими перед ударением: жива́ , широ́кий .
1H	\hat{y}_1	
2H	\dot{y}_1	после шипящих не перед мягкими в непредударном слоге: ёжик , широко́хонько .

Задние гласные неокругленные верхнего подъема в обычном литературном московском произношении не встречаются.

Примеры на гласные неокругленные среднего подъема

3A	\acute{e}	день , всё это (<i>NB</i> . В произношении старшего поколения: телá?)
4A	e	тёл , дéло , сéно , отéц .
4D	\acute{e}_1 (ь)	пóле (им. и вин. ед.), пóля ; м. б., еще примеры ко 2D.
3E	\hat{e}	« Что́б ты ло́пнул! » (Пушк. Утопл.).
4E	\dot{e}	(что да́же , а́ , так ты́ , как бу́дто , хоть ра́з) 4F?
3F	\check{e}	вы́быть , мы́лые ; перед <i>и</i> после <i>т</i> : полотно́ .
4F	\check{e}	ла́поть , ка́пать , тéло , горо́дско́й , мы́лый , ста́ла .

Задние и среднезадние неокругленные гласные среднего подъема в обычном московском произношении не встречаются.

Примеры на неокругленные гласные нижнего подъема

5A	\hat{a}	дядя , грязь , ча́й .
6D	\bar{a}	В конце речи и в некот. других условиях: Ва́ря! (иначе —4D).
6E	\grave{a}	и останови́лась .
6F	\dot{a}	В конце речи и в некот. других условиях: Ни́на (иначе 4F).
6G	\acute{a}_1	Может быть — да́ль , жа́ль , ша́ль (см. 6 I).
6I	a	под ударением и в предударн. слоге не после мягких: ва́р , сама́ , да́л (жа́ль , ша́ль , см. 6 G).

Примеры на округленные гласные верхнего подъема

8A	\ddot{u}	наде́юсь (<i>nad'ěüs</i>), ю.-в.-р. лю́бють (<i>l'ũ₁b'üt'</i>)
8B	\ddot{y}	молоду́ю (<i>mʎladũy</i>) [не в конце фразы].
7E	\hat{u}	дню́ет , чу́йка .
8E	\dot{u}	тюле́нь , лю́бят (<i>l'ũ₁b'üt</i> , или 8F?).

7F	ÿ̇	любопы́тн ^ы й, вы́пью (vŷp'jŷ).
8F	ÿ̇	лю́бят? Ср. 8E.
7G	ÿ̇ ₁	лю́бит.
8G	ÿ̇ ₁	(любо́вь? чу́дак?)
8H	ÿ̇ ₁	(зёмлю́? встрéчу?)
7I	ÿ̇	бу́ду, лю́бо.
8I	и	душа́.
8K	ц	В конце слова: бу́ду, го́лову.

Примеры на округленные гласные среднего подъема

9A	ô̇	вы́гнал её́ из го́рода (... ŷô̇? ŷiô̇?); те́тенька (манерно-ласкат.; обыч. см. 10E и 10G).
10E	ô̇	всё́ это, те́тенька (см. 10G).
9F	ô̇	держáл её́ ... (... ŷiô̇), полу́ста́нок (Ушаков).
10G	ô̇ ₁	Лё́ня, те́тя (те́тенька, см. 9F и 10E), полу́ста́нок (Дурново).
9I	ô̇	полк, стол?
10I	o	дом, коро́ва, го́род.
9K	ô̇	держáл его́ (... ŷvô̇).

NB. Всякое неударяемое *o* (из *o* в ударяемом слоге слабоударяемых слов), по-видимому, напряженное.

II. Опыт фонетической транскрипции «Дачников» А. П. Чехова*

Dáč'nik'î. Raskás Č'éxvň^a.

Padáč'nyj platfór'm'î vzàt ŷp'ir'ót pragúl'ivňtŷ págŷč'kŷ
n'idávňpŷ rŷžî,n'îfšŷxŷ suprúgŷ^b. Ón d'iržatŷjô zatál'ijŷ, aaná
žátŷ kn'imŷ, ióbvŷ býl'î š'ás'l'ivŷ. Ižaóbtŷč'nŷx¹ abryŷkŷf gli-
d'éťŷ nan'ix luná ixmŷr'îtŷ: v'irajátň^a, jéj, býťŷ zav'idňpŷ ida-
sádňpŷ nŷsvajó skúšňpŷ, n'ikamŷ n'inúžňpŷ d'éfstvŷ. N'ipad'-
v'izňpŷ vózdux býťŷ gústŷ nasŷŷ'in zárŷxŷm s'ir'én'î ič'ir'ómu-
x'î. Gd'éťŷ², ratustógŷnu r'él'sŷf, kr'ič'áf kŷras't'él'.

* В основу транскрипции положено произношение Ушакова; произношение Дурново, в случаях отличия, указано в сносках под цифрами. Сноски под буквами дают возможные варианты произношения у обоих наблюдателей или объяснения. Случаи иррациональности *ž* не отмечались.

^aČ'éxvň, Nínŷ! и т. д. ^brŷžî,n'îfšŷxŷsuprúgŷf, ^vv'irajátň, ^uijŷtň и т. п., ^ss с твердым началом и мягким концом.

¹óbtŷšňpŷ, ²gd'éťŷ.

— Kák хъгаšó, Sášъ, kák хъгаšó! — гъвар'итъ žyná.— Právъ³, možnъ radúmъt', šťfs'óêť s'n'icъ. Tý pъsmatr'í, kák ujútп^a ĩháskъvъ gl'id'it étъt l'isók! Kákm'ítŷ ét'í sal'ídнѣj, mъtč'il'ívѣj t'íl'igráfnѣj staľbŷ. An'í, Sášъ, ážŷ, v'l'áút ľanšáft ŷgъvar'át, šť-tám, gd'êť², jês't⁴ l'úd'i... cŷv'í l'izácъjъ... Aráz'v'i t'ib'ê n'inrá-v'icъ, kadá dъtvivó slúxъ v'êť'ir slábъ danós'it šum ŷdúš'jvъ póizdъ?

— Dá... Kák'íj, adnákъ ut'ib'á rúk'í gar'áčij! étъ átavó, šť-tŷvalnújssъ⁵, Vár'ъ... Štó unás'ivód'n'ъ² kúžŷ, nu gatón'ij?

— Akrošku ĩcŷpl'ónkъ ... Cŷpl'ónkъ nám pъdvaŷ davól'нъ. T'ib'ê izgórъdъ pr'iv'iz'l'í sard'ínŷ ibaľŷk.

Luná, tòč'нъ tъbakú pan'úxъľ, spr'átъľžáoľkъ. L'uckójъ š'á-st'jъ⁶ narómn'itъ jêj abyjó ád'inóc'is't'v'í, ád'inókъ pas'tél'í zľi-sám'í ĩdaľám'í...

— Póist ŷd'ót! — skazáľ Vár'ъ.— Kák хъгаšó!

Vdal'í pъkazáľ'is tr'í ógn'jnъj⁷ glázъ. Nъplatfórmŷ výšŷl pa-č'ál'n'ík pôľustánkъ⁸. Nar'él'sъx tám ŷs'am zъm'il'kál'í s'ignál'нъj agn'í.

— Pravód'ím póist ŷpaid'óm damój, skazáľ Sášъ iz'ivnúť. Хъгаšó pamstabój ži, v'ócъ, Vár'ъ, ták хъгаšó, šťdážъ^{8a} n'iv'iga-játпъ!^a

T'ómнъjъ straš'í, l'is'ъ b'isúmnъ pъtraľzł kplátfór'm'í ĩástъna-v'itъs. Frôľuas'v'is'ónъx⁹ vagónъx ókпъx zъm'il'kál'í sónъj l'icŷ, š'l'ápk'í, pl'êč'í...

— Áx! Áx! — pasľŷš'ľs ŷzъdnavó vagónъ.— Vár'ъ smúžъm výšľť nás fstr'êť'it! Vót an'í! Vár'in'kъ!^a Vár'ickъ!^a Áx!

Izvagónъ výskč'il'í d'v'ed'énъč'k'í¹ ĩpavis'l'í našej uVár'í. Za-

¹так: d'v'e., но возможно и: d'v'ê., ³Č'эхъvâ, Nínâ! и т. д.

³právô, ⁴jês', ⁵átavóšъ tŷvalnújssъ, ⁶š'ás'jъ, ⁷ógn'jnъj, ⁸pôľustánkъ ^{8a}štdážъ ⁹frôľuas'v'is'ónъx.

n'ím'i p'rkazál'ís rólpn'ýb° p'žý, l'áj' b' d'ám' t' v'ýsók'ý t'óš'ij' g'zspad'ín
s'idým'í b'ác'k'ým'í, patóm dvag'imnaz'íst', nav'júč'ínč'ij'¹⁰ b'gagžóm,
z'g'imnaz'íst'm'í g'uv'irnánk, z'g'uv'irnánk'ý b'ábušk'.

— Avót ýmý, avót ýmý, družók! náč'it' g'zspad'ín zb'ác'k'ým'í,
p'žý, m'áj' Sášý, ni rúku.— Č'áj, zaždáts'! N'ibóz' bran'it' d'ádú za-
t'óšt' n'ijéd'it'! Kól'*, Kós't'*, N'ín'p', F'íf'..^a d'ét'it'! Čaúit'it' ku-
zén'p'³ Sášu! Fs'é kt'ib'é¹¹, fs'ém v'ýv'v'tk'ým, id'in'ká nátr'it', p'č'it'ýr'it'.
Nad'ěüs, n'is't'is'n'ím? Týpažál'tst', b'iscýr'imón'ij'.

Uv'id'iv d'ád'ú"; s'im'ěistv'm, suprúg'it' p'rišl'it' v'úž'ys. Paká
d'ád' b' g'v'ar'it' ýč'ýlaváts' v'áb'ražén'ij' Sášý, p'g'm'il'knú't'
kar't'ín'p': ón ýžý, ná adajúd gas't'am svai tr'ikómp'ýtý, padúšk'it',
ád'ijá't'b; ba'ýk, sard'íný iakróšk' s'jidáúč'ý¹² vadnú s'ikúndu, kuzéný
rvúcv'it'ý, p'rv'iv'áúč'ir'n'it'ý, gald'át, t'ótušk' c'ě't'ij' d'n'it' tatkúit'
č'svájéj' bal'ěz'n'it' (sól'it'ér ýbol' pad'lož'č'k'ý) iatóm š't'paná
uražd'ón'ýb' b'v'ranés' fonf'ín't'ix'...

I Sáš' užes'n'ěp'v'ist' iú'¹³ smatr'ět' p'č'svajú m'ýladúú* žý, n'ú
išý, p'tál'jéj: ét' an'it' kt'ib'é¹¹ p'rijéx'p'it'... č'ordb'v' ix'p'abrát!

— N'ět, kt'ib'é¹¹ — at'v'ic'át' aná, bl'éd'n'ýb', tož'ys'n'ěp'v-
'is't'it'ú" isaz'lob'ýj.— Ét' n'ímaí, átvai róct'v'in'ik'it'!

Iab'irnúš'vz g'as't'am¹⁴, anaskazát' spr'iv'ět'it'iv'v'ij' ul'ýp'k'ýj:

— M'it's't'it' p'ros'im!

Izaóbt'k' ap'át' v'ýp'f'ít' luná^m. Kazát'ys, anau'ýb'át'ís; kazát'ís,
j'ěj' býlp'riját'p', š't'v'un'ijó n'ět róct'v'in'ik'it'. A Sáš' at'v'irnúš'v
š't'v'v'skrýt' ádgas't'ěj' svajós'ir'd'it'ýb', ač'áip'ýb'¹⁵ l'icó, iškazát',
p'ridavájb' g'ól'v'su rád'sn'ýb', bl'vgadúš'n'ýb' v'v'ražén'ij'j:

— M'it's't'it' p'ros'im, m'it's't'it' p'ros'im, d'v'rag'it'it' g'ós't'it'!

°rólpn'ýb', *Kól'á' и т. д., ³так: -zě- (не -z'é-), "d'ád'ú" (перед мягким s), *ü только
в тесной связи с след. словом, иначе iú, "t'it'ú" (перед i), *v'ýp'f' luná.

¹⁰ nav'júč'ínč'ij, ¹¹ kt'ib'é, ¹² s'jidáúč'ý, ¹³ už'ys'n'ěp'v'ist'it'ú, ¹⁴ v'gas't'am, ¹⁵ ač'áip'ýb'.

РУССКАЯ ОРФОЭПИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ

О ПРАВИЛЬНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Содержание. Орфография и орфоэпия -- буквенное и звуковое обличья литературного языка. Условность понятия «правильное произношение». Московское наречие — основа русского литературного языка и русской орфоэпии. Язык и произношение. У кого учиться правильному русскому произношению, буквенные произношения; причины их возникновения и укрепления в речи. Определение правильного русского произношения. Кто в нем заинтересован. Задачи русской орфоэпии. Что сделано для нее сценой, наукой, школой, специальной литературой. Главнейшие правила русского произношения.

Всякий литературный язык имеет внешнее условное письменное обличье — орфографию, или правописание, т. е. известные приемы письма, которые по традиции считаются «правильными». Никакой наукой нельзя доказать, что писать следует так, а не иначе. Могла бы быть другая, совершенно иная система письма для того же языка, и последовательное, без отступлений, ее применение было бы столь же «правильным».

Кроме этого, письменного костюма, в котором является литературный язык, у него есть обычно и звуковое обличье, именно такое, а не иное, произношение звуков, признаваемое «правильным». Это — орфоэпия, или правописание. Что значит «правильное»? Понятие правильности и здесь так же условно: правильно то, что общепринято. Для науки о языке, подходящей к фактам с объективной точки зрения, нет ни правильных, ни красивых, ни безобразных произношений. Понятие правильности появляется только у самих говорящих, стоящих на нормативной точке зрения. Оно появляется только при том условии, когда какое-либо одно известное произношение почему-то полюбилось. Оказавшееся наиболее удобным, выгодным в каком-либо отношении произношение признается в конце концов наилучшим. Отступления от него, естественно, признаются «неправильностями». Обычно правильным считается, что и понятно, произношение, свойственное тому диалекту, из которого выработался литературный язык, значит, диалекту той местности, которая стала центром национальной культурной жизни.

Для русского литературного языка — это наречие города Москвы, центра великорусского государства. На этом наречии писали бумаги в приказах в самой Москве, а за ними старались писать на нем же и во всех административных учреждениях всего государства; так сложился общий великорусский государственный язык. Этот язык послужил и авторам литературных произведений Московской Руси, когда старый литературный язык — наследие Киевской Руси — язык церковно-славянский (по происхождению не русский, а болгарский), стал казаться непригодным. Так московское наречие легло в основу русского литературного языка.

Для целей общегосударственного и литературного общения было выгодно, а для самолюбия было приятно усваивать язык стольного города, т. е. предпочесть московские слова, московские формы, московские обороты и т. п. своим местным. Приобщиться до конца к общерусской культуре значило усвоить и произношение звуков московское. Это не всегда достижимо. Правписание — дело условное и не передает (и не должно передавать) точно звуков речи; поэтому произношение нельзя усвоить из чтения книг: для этого нужно непосредственное сношение с говорящими. Вот почему по правильному письменному языку русских литературных произведений мы не сможем узнать в авторе москвича, полтавца, вятчанина и т. д.; напротив, в живой речи интеллигента немосквича зачастую мы услышим черты местного произношения. Кто, в самом деле, из читателей, например, Короленка или Ключевского, не слышав их речи, сказал бы, что первый говорил с южнорусским акцентом, а второй довольно изрядно окал, как северновеликорус по своему происхождению?

Не надо смешивать язык в широком смысле с произношением, относить к произношению то, что к нему не относится. Например, *жгёт, у моей жене, рублёв, склизко* — это не особые, «неправильные» произношения слов: *жжет, у моей жены, рублей, скользко*, это — другие слова, которые не приняты в литературном языке, но существуют в говорах, между прочим, и в московском просторечье. Языку можно научиться из книг, произношению же — только со слуха или по специальному пособию, особым образом точно передающему произношение и составленному лицом, непосредственно, т. е. опять-таки со слуха, знающим произношение. Правильному литературному языку можно научиться из книг, написанных и немосквичами, и из устной речи немосквичей, правильному же произношению — только путем знакомства с устной речью москвича. Пушкинская московская просвирня¹ — безусловный образец, конечно, только произноше-

¹ Сам Пушкин в своем замечании: «Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком», имел в виду, главным образом, по-видимому, чисто русские слова и выражения, сочные и меткие, которых часто не хватает книжной речи.

ния, а не литературного языка в целом, так как она, конечно, могла говорить и *склизко* и другие недопускаемые в книжный язык слова и формы. Однако, она эти «неправильные» слова произносила «правильно», по-московски, т. е., например, в *склизко* у нее было л мягкое, букву з она произносила здесь за с, а на конце у нее было не о, а известного вида а или звук близкий к ы (смотря по положению этого слова в речи). Словом, и на этих, «неправильных», словах произношению московскому, произношению «правильному», можно было бы у нее выучиться, но сами-то эти слова перенимать в литературный язык было бы ошибкой. И наоборот, из правильной литературной речи образованного оратора можно учиться правильному языку, т. е. правильному употреблению слов и форм. Так, необразованный москвич может из речи образованного, владеющего литературным русским языком южноруса усвоить правильное литературное «скользко» и не усвоить при этом от оратора неправильного произношения в этом слове буквы з за з и о за о в конце, а, инстинктивно применив к этому новому для себя слову законы своего произношения, начать произносить правильно: *скольска*.

Итак, основа русской орфоэпии — московский говор. Что произнесено не по-московски, то «неправильно». Так как, с одной стороны, в живом народном московском говоре, в московском просторечье нет, конечно, и доброй половины тех слов, форм, оборотов речи, которыми обладает литературный русский язык, а с другой стороны, так как образованные люди не употребляют слов, свойственных просторечью, то следовало бы, кажется, без оговорок принять, что учиться произношению нужно именно у образованных москвичей. Оговорка, однако, нужна. Чистоте произношения, кроме провинциальных акцентов, угрожает еще один враг, тем более опасный, что он под видом друга заходит, так сказать, в тыл орфоэпического фронта и действует там разлагающим образом. Дело в том, что книжное написанное слово таит в себе возможность особого рода неправильных произношений, именно произношений «буквенных», противоречащих законам всякого живого языка. Ведь в задачи нормального практического письма вовсе не входит и не должна входить точнейшая передача звуков, и вот на почве расхождения правописания с живым произношением возможно возникновение произношений неживых, искусственных. Уже с первого момента появления книги на Руси, когда языком письменности был у нас язык чужой, хотя и близкий, называемый церковно-славянским, по происхождению болгарский, — уже с этого момента древнерусский читатель столкнулся с тем фактом, что в книге слова пишутся очень часто не так, как произносил он; ему оставалось либо читать не так, как написано, а так, как он произносил по-русски, напр. *нёбо, мёд*, а не *нэбо, мэд*, либо произносить не по-своему, а так, как написано. Он делал и то и другое. С одной стороны, при близости языка, на котором писалась книга, к языку, на котором он гово-

рил в обыденной жизни, т. е. при близости церковно-славянского и древнерусского языков, он не понимал, что перед ним два разных языка, а считал книжный язык только более «правильным» видом того же своего языка; обогащая из книги свой ум, он научался многим словам и оборотам, которых не было в его бедном живом языке, и старался усваивать язык книги также и для разговора; такое заимствование книжных слов в устную речь неизбежно утверждало грамотея в буквенном их произношении. С другой стороны, переделать вовсе свою манеру произносить чрезвычайно трудно. Поэтому при желании произносить слова по-книжному зачастую получались искусственные компромиссы; например, русский умел произносить сочетания и *не* и *нѣ*, но ему несвойственно было *нэ*; и вот книжное слово, которое по-церковно-славянски должно бы звучать *нѣбо*, а по русски *нѣбо*, получает искусственное произношение *небо*, как мы произносим по традиции и до сих пор (а живое произношение, иначе говоря, свое русское слово *нѣбо* мы стали употреблять в ином значении). Таким образом, в разговорном языке образованных людей накопилась масса слов с книжным *е* вместо живого *ѣ*: *крест* (ср. живое *крѣстный*, *перекрѣсток*), *перст* (ср. *напѣрсток*), *лев* (ср. собственное имя *Лѣв*), *ветхий*, *щедрый*, *предмет*, *падеж*, *скверный*, *мерзость* и мн. др.

Далее. Язык русский, как всякий живой, изменялся с течением времени, многие звуки и звуковые сочетания стали произноситься иначе, чем произносились раньше. Например, во многих говорах, и в том числе в московском, который нас здесь интересует, отвердели звуки **ж**, **ш**, **ц**, бывшие первоначально мягкими (говорили *жяр*, *шяр*, *цярь*, стали говорить *жар*, *шар*, *царь*); особый прежде звук **ѣ** стал произноситься так же, как **е**; звонкие звуки: **б**, **в**, **г**, **д**, **ж** в конце слов и перед глухими перешли в глухие: **п**, **ф**, **к**, **т**, **с**, **ш** (стали произносить *хлеп*, *пропка*, *роф*, *лофкий*, *сат*, *лотка*, *друж*, *нокти*, *морос*, *скаска*, *нош*, *ношка*); звук **о** без ударения перешел или в **а** или в звук, близкий к **ы**¹ (стали говорить *пълатно*, *вывѣдѣк*); **е** без ударения перешел в звук, близкий к **и** (стали говорить *сило*, *восимь*) и мн. др. Орфография меняется не так скоро, как язык; поэтому приемы письма оставались в общем те же. Несмотря на то, произношение в общем применялось к живому языку, а не к мертвой букве: так, мы не окаем, несмотря на наше «окающее» правописание, не произносим в угоду историческому письму звонких на месте глухих и проч. Даже в традиционное церковное произношение славянского текста, где никогда не читают, например, *е* за *ѣ* или *о* за *а*, все-таки проникли элементы русского произношения: так, например, и там *садѣ* читают за *сат* и т. п. Тем не менее, как ни демократизировался наш литературный язык, восприняв в себя широкую народную струю в XVIII в. (в чем его громадная сила), он не устра-

¹ Будем передавать его условно буквой ѣ.

нил из себя другой стихии, церковнославянской: он усвоил и претворил в себе богатое наследие древнего литературного, по происхождению нерусского языка (в чем также его крепкая основа). Эти чуждые по происхождению элементы настолько стали для нас своими, что никто без специального филологического анализа не отличает их от родных. Кто, в самом деле, из нас, говорящих по-русски, сознает, что *враг, плен, младенец, прохлада, Ленинград, сокровище, превращу, предмет* или только что мной употребленные слова: *восприняв, устранил, претворил, чуждый* — слова нерусские или образованы по нерусским образцам? В числе таких слов, которыми весь пропитан книжный язык и язык разговорный образованных людей, очень многое и произносится не на русский лад, как упомянутое *небо, крест, предмет* и др. В прошлом (однако, не самом отдаленном, не в древней Руси, когда книжные образцы только прививались, а позже, с распространением книжной образованности) слов с таким произношением было больше. Например, образованные люди в XVIII в. старались вообще не произносить *е* за *ё* при чтении, т. е. старались читать, как пишется: *идет*, а не *идёт, просвещенный, прельщенный, а не -ённый* и т. п. Это видно из рифм стихотворцев XVIII и первой половины XIX в. Для Пушкина еще возможно было рифмовать *На почве, зноем раскаленной* и *Стоит один во всей вселенной*, *Но человека человек...* и *...Послушно в путь потек* («Анчар», 1828). К нашему времени число слов с таким произношением значительно сократилось: под влиянием просторечья в очень многих из них произносится уже *ё*; мы говорим: *раскалённый, просвещённый, идёт* и т. п., и наши поэты уже не прибегают для рифмы к устарелым произношениям. Однако мы и по сейчас говорим без *ё* и *крест, и небо, и вселенная, и дерзкий* и т. д. и т. д., и эти книжные произношения не могут считаться и не считаются неправильными. Из книг они переходят и в народную речь.

Конечно, произношению подобных книжных слов нужно учиться у образованных людей.

Своим возникновением подобные буквенные произношения, как видим, обязаны тому уважению, которое питал и питает к книге читатель, тому предпочтению, вполне во многих отношениях заслуженному, которое он отдавал книжному языку перед своей разговорной речью. Эти уважение и предпочтение он распространял и на произношение заимствуемых из книги слов, если оно не совпадало с живым. Но здесь кроется, если хотите, уже доля неуважения к своему живому языку; он в сравнении с книжным зачастую представляется неправильным, вульгарным. Введение в традиционную литературную речь нового народного оборота, живого слова — всегда смелость со стороны писателя, и нужен большой такт и чувство художественной меры, чтоб эта смелость увлекла читателя, а не отвратила. Если здесь вполне целесообразна осторожность, то, с другой стороны, полное неуважение к жи-

вому языку несогласно с характером эволюции нашего литературного языка: народный язык с XVIII в. стал и продолжает являться кладезем, из которого литературный черпает, освежается и обновляется. Что касается в частности произношения, то по отношению к его чистоте то предпочтение, которое читатель склонен отдавать всему книжному перед живым народным, может играть и во многом уже сыграло печальную роль. Выше я сказал, что противоречия между письмом и языком, оказавшиеся с развитием этого последнего, в общем, в коренных чертах, разрешились победой произношения над орфографией. Но в частности, наоборот, письмо подчинило себе язык: грамотеи придали мало-помалу буквенное произношение многим уже не книжным, а чисто русским словам, и сделали это в искреннем стремлении говорить «лучше», в полной уверенности, что «как написано, так правильней». Таковы произношения *что, конечно*, вместо *што, конешно*; *широкий, упругий, тихий* с *-ий* вместо *-ый*; *поддакивать, натягивать, помахивать* с *и* вместо *ы*; *любят, косят* вместо *любют, косят*; *-ся* в глагольных окончаниях вместо *-са* и много других. Вот эту-то возможность возникновения особого рода неправильностей в произношении, которая таится в написанном слове, я и имел в виду выше; вот он, тот незаметный враг, который в личине друга соблазняет грамотея и искажает его живое произношение.

Таким образом, оговорка, которую надо сопроводить рекомендацию учиться правильному произношению у образованных москвичей, должна сводиться к предостережению от специально грамотейских неправильностей в произношении; речь образованного москвича, свободная от одних ошибок в произношении — от провинциализмов, может заключать в себе, как и речь всякого грамотея, ошибки другого рода — буквенные произношения живых русских слов, вроде только что указанных.

Из предшествующего изложения понятно, как могли появиться такие искаженные произношения. Но как они утверждаются в практике? Читатель встретил в книге слово, которого он никогда не слышал. Как прочтет он его? Разумеется, применительно к приемам произношения других подходящих и известных ему слов. Если грамотный подросток впервые встретит слово *восторженный* в стихе Пушкина: *восторженных похвал пройдет минутный шум* («Поэту»), как прочтет он его? Разумеется, *васторженных*, применительно к *а* в таком же положении (в слове первом перед ударяемым) в словах, давно ему известных: *павал, праидет*. Встретив впервые слово *боксер*, он, вероятно, прочтет его с *а*, если сделает ударение на последнем слове: *баксер*. Но можно ли поручиться, что он прочтет здесь — *сёр*, а не — *сер*? Ведь одинаковые сочетания букв могут в разных словах произноситься по-разному; так, *полет, твердый* произносим *полёт, твёрдый*, а *балет, атлет, милосердный* не произносим с *ё*. Как произнесете вы, читатель, собственное имя реки *Олекма*, которое,

предположим, впервые встретили в учебнике географии: *Олёкма* или *Олекма*? Наконец, ребенок, еще не свободно читающий, разбираясь в буквах печатного слова, даже самого простого, произносит его буквенно и продолжает его произносить так, пока не осознает его и пока оно не прозвучит ему, хотя бы мысленно. Но нет гарантии, что он предпочтет то, что прозвучит в его ухе, тому, что видел его глаз, потому что здесь на сцену может явиться то «уважение» к книге, о котором говорилось выше. Школьнику может показаться, что произношение *што* — это неправильность, свойственная ему и его домашним, признак необразованности, раз в книге напечатано *что*. Тут на помощь должен явиться учитель. Но учитель будет полезен только в том случае, если сам свободен от этого ложного уважения к книге.

Здесь мы подошли к главной причине, почему буквенные произношения, естественно возникающие, не исчезают, а утверждаются в речи грамотеев. Действительно, нашей школе еще совершенно чужда идея орфоэпии. В то время как в Западной Европе, напр. во Франции, высоко ценят правильное произношение, доходя до культа слова, у нас редкий учитель слышал слово *орфоэпия*. Постановка преподавания родного языка, при которой язык смешивался с письмом, так что самого языка, вне его костюма — письма, оканчивающие школу так и не узнавали, как нельзя лучше способствовала тому, что на произношение внимания не обращалось; при слепой вере в букву и преподаватели в случаях сомнения склонны решать дело в пользу написания, а не произношения, которое им кажется вульгарным. И вот можно с грустью констатировать, что чем больше распространялась грамотность, тем больше искажалось произношение. Безраздельное господство звукового метода в обучении грамоте, при котором было очень удобно исходить вопреки действительности из положения, будто каждой букве соответствует свой звук, а каждому звуку — своя особая буква, оказало в этом деле, вероятно, крупную медвежью услугу. Если прибавить сюда еще учителей, которые сами не обладали правильным московским произношением и не знали его даже и теоретически, то все причины постепенной порчи произношения станут ясны. Таким образом, не только у самоучки, в тиши и одиноко копошашегося в буквах и постигающего сквозь них книжную премудрость, слова могли облекаться в буквенные произношения, но и в школе ребенок мог утверждаться в них или при попустительстве учителя, или при его содействии: при попустительстве — учителя, говорящего правильно, но не ценящего этой правильности; при содействии — учителя, самого неправильно говорящего. С распространением школ попустительство одних, сначала немногих, создавало целые поколения учителей уже содействующих. Известны грубейшие случаи, вполне возможные у самоучек, но наблюдаемые и у школьников при условии учительского попустительства. Таково, например, произношение *его* с *г* вместо *ево*, которое можно встретить у

грамотея, по крайней мере при чтении; таково же недавнее *ея*, как писалось для родительного падежа, *оне* и *одне* для женского рода, несмотря на то, что в живом языке никогда не было *ея*, что в говоре московском, как и многих других, всегда звучало *одни*, *они* для всех родов (а во многих других народных говорах звучало и звучит *одне*, *оне*, *свое*, *чье*¹), но опять-таки для всех трех родов, т. е. там нет форм *одни*, *они*, *свои*, *чьи*.

Из всего вышесказанного следует, что правильное общерусское произношение — это произношение образованных москвичей, но свободное от искажений в угоду букв русских и обрусевших слов.

Кто заинтересован в правильном произношении? Дома, в обычной речи все равно, как говорить, как произносить. Но не безразличен язык, когда он является средством уже более широкого общения с людьми (книга, документ и т. д.); не безразличным окажется и произношение, если этим средством явится живое, а не письменное слово. Тот, кто наряду с воздействием содержания хочет достичь также воздействия формы, должен считаться с благозвучием речи. Правильное произношение нужно сцене, эстраде чтеца, ораторской трибуне. Знакомство с ним необходимо школе, поскольку она учит общерусскому языку как органу общерусской культуры. Мы уже видели, что школа не может похвалиться своими заслугами перед русской орфоэпией. Единственно, кто лелеяла ее, это сцена. Но сцена ничего не имеет кроме традиций; нужно, чтоб кто-то ценил эти традиции; сцене нужен союзник, который укрепил бы эти традиции. Союзником должна быть школа. Сохранение правильного произношения невозможно, если ей по-прежнему будет чужда орфоэпия. Если из русских только те, которые пойдут на сцену, и не раньше того, как поступят туда, будут узнавать, что не следует говорить *что*, а нужно говорить *што*, и т. п., то сценическое произношение может в конце концов перестать быть общерусским, будет отворачивать зрителей своей эксцентричностью. Сцена, и только сцена, может быть «звучащим» образчиком правильного языка. В последнее время с развитием учебных и иных учреждений, культивирующих живое слово, много сделали для идеи орфоэпии чтецы (декламаторы) и рассказчики. Честь и хвала им за то, что в поисках за обоснованием традиций и за решением спорных вопросов в области орфоэпии они первые обратились к научным трудам по родному языку. А эти вопросы есть. Нельзя на актера и чтеца налагать обязанность научных изысканий и представлять их собственным силам решение спорных вопросов.

Что же нужно для сохранения и распространения правильного русского произношения? Каковы, другими словами, задачи русской орфоэпии?

1. Сцена должна бережно хранить свои традиции.

¹ Хлеб-соль на столе, а руки свое.

2. Чрезвычайно важным вкладом в дело охраны правоотношения было бы составление давно работающими сценическими деятелями, например артистами Малого театра в Москве, перечня тех правил произношения, которым они следуют полубессознательно.

3. Необходимо подробное описание, научно составленное, московского образованного произношения с классификацией в нем явлений живых и искусственных и с указанием допускаемых вариантов произношения в отдельных случаях.

4. Школа при обучении родному языку должна не только не упускать из виду правоотношения, но и учить ему.

5. Необходимо составление пособия по русской орфоэпии, вполне пригодного для практической цели.

6. Составители практических пособий по орфоэпии должны быть вооружены необходимыми, хотя бы и элементарными научными сведениями по физиологии звуков речи и по русской фонетике.

7. В пределах правильного произношения есть целый ряд отдельных случаев допустимых вариантов. Для практических целей здесь вполне применима сознательная нормировка. Необходимо собирание соответствующего материала и какое-то соглашение, может быть, путем съезда деятелей и любителей живого слова, для выбора одних из таких вариантов в качестве правильных или для санкционирования допустимости употребления обоих. В этом главнейшим образом заинтересована сцена и эстрада.

Что сделано в этих направлениях до сих пор и каково положение дела в указанных областях?

По отношению к сцене надо сказать, что она является для всех почти единственной школой правоотношения, и это ее ко многому обязывает. Между тем в настоящее время даже в московских многочисленных театрах не редкость встретить актера с далеко не образцовым произношением. Комиссией Живого Слова в Государственной Академии художественных наук поставлен вопрос о созыве конференции по установлению сценического произношения.

Для составления научного описания московского образованного произношения у нас есть материал, например в книгах: проф. Богородицкого «Общий курс русской грамматики», в сокращенном издании 1918 г. (Казань), носящий название «Русская грамматика»; акад. Шахматова «Очерк современного русского литературного языка» (Ленинград, 1925); акад. Карского «Русская диалектология» (Ленинград, 1924); Еремина и Фалева «Русская диалектология», под ред. акад. Карского (Ленинград, 1928); в моем историко-теоретическом очерке «Русское правописание» и моем «Кратком введении в науку о языке», в «Хрестоматии по великорусской диалектологии», составленной проф. Дурново и мною, где на целом рассказике Чехова «Дачники»

передается произношение обоих авторов хрестоматии — москвичей. Для описания, о котором я говорю выше в пункте 3-м, необходима большая подробность и больший орфоэпический уклон.

Что касается, далее, школы, то поскольку в ней будет развиваться начавшееся оздоровление преподавания родного языка и утверждаться такая его постановка, при которой не будут пренебрегать наблюдениями над самим языком, постольку ознакомление с правильным произношением найдет себе в школе подобающее место. Успело ли оно уже занять в ней хоть какое-нибудь место в настоящее время, когда учитель не без тревоги все еще присматривается к этому новому подходу к языку, сказать трудно. Во всяком случае, впервые в программах родного языка для школы I ступени, выпущенных в 1920 г., появилось понятие орфоэпии и имеется «замечание» о ней, приглашающее учителей бороться с буквенными произношениями учеников¹. Новая постановка преподавания родного языка вызвала уже появление и новых учебников. Понятно, что отдел наблюдений над звуками, имеющийся в них, неразрывно связан с вопросами правильного произношения. В зависимости от степени знакомства автора с московским произношением всегда можно рисковать встретиться с орфоэпическими ошибками.

Говоря о школе, я не имел до сих пор в виду профессиональных школ, специально подготовляющих деятелей живого слова. О преподавании в них орфоэпии как особом предмете стало слышно только за самое последнее время.

Относительно специальных практических пособий, в той или иной мере представляющих собою руководство по орфоэпии, надо сказать, что таких имеется уже несколько. Мне известны:

Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. 3-е изд., Пг., 1915.— Материал по орфоэпии есть в его же труде «Правильность и чистота русской речи» (3-е изд., сокращенное, Пг., 1915).

Шаров В. Г. Образцовое русское произношение. Опыт самоучителя орфоэпии. 2-е изд., М., 1915.

Огиенко И. И. Словарь неправильных слов и выражений в русской разговорной речи. 3-е изд., Киев, 1914 (есть глава о «Законах русского литературного произношения»).

Его же. Правильность и чистота русской речи. Радомысль, 1916.

И т а л и н с к и й А. Происхождение, свойства и особенности правильной русской речи. М., 1913.

¹ См. брошюру, изд. Нкпросом, «Родной язык в школе I ст.», М., 1920, или «Программы семилетней единой трудовой школы», М., 1921, или «Информационный бюллетень Моск. отд. народн. образ.», 1921, № 12—13.

Суренский В. В. Правильность речи (орфоэпия). Практическое руководство по выработке правильного произношения (общепринятого литературного московского говора). Воронеж, 1922.

Пашков Н. А. Декламационная хрестоматия. С научно-популярным очерком: законы и правила художественного чтения, с приложением статьи И. Л. Смоленского «Несколько новых вопросов декламации». М., 1924.

Сюда же можно присоединить специально посвященные ударению:

Чернышев В. И. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению. СПб., 1912.

Огиенко И. И. Словарь ударений в русском языке и правила русского ударения. Киев, 1911. То же во 2-м издании (Киев, 1914) имеет заглавие: «Русское литературное ударение».

Кроме специальных пособий по орфоэпии, замечания о правильном произношении все более и более стали встречаться в общих руководствах по декламации, дикции, технике и музыке речи и т. п.

Самыми основательными трудами являются книги В. И. Чернышева. Это, собственно говоря, не практические руководства, а научные труды с тем орфоэпическим уклоном, о котором я только что говорил выше; и если я о них говорю здесь, а не выше, то потому, что сам автор свои «Законы и правила» называет «опытом руководства для учителей» и т. д. Он дает ценный и интересный материал, извлекаемый из произведений русских писателей и из живого московского произношения, которым сам, впрочем, как не москвич, не владеет, но которое хорошо знает как диалектолог (В. И. Чернышев обогатил русскую диалектологию целым рядом ценных описаний многих русских народных говоров). Поэтому сплошь и рядом в указаниях Чернышева практик не найдет «правил» произношения, которых ищет. Его, конечно, не удовлетворят постоянно встречающиеся у Чернышева формулировки, вроде «обыкновенно говорят» или «изредка говорят», «иные» или «многие произносят» и т. п. Напр., прочтя § 22 (по 3-му изд.): «Буква *щ* произносится обыкновенно как долгое мягкое *ш*, *шьюка* (щука). Некоторые произносят также эту букву как сочетание звуков *шч*: *шчюка*» или § 34: «Орфографические сочетания *жж* и *зж* звучат обыкновенно как долгое мягкое *ж* или изредка как сочетание *жьдьжь*: *вожьжьи*, *вожьдьжьи*»...он непременно спросит: «А как же нужно произносить?» и ответа не получит. Кстати, отвечу за Чернышева: *щ* надо произносить только как мягкое долгое *ш*, а *жж* и *зж* только как долгое *ж* (мягкое, напр., в *жуужжать*, *уезжать*, — твердое, напр., *изжога*).

Конечно, хуже категорические, но неверные «правила», встречающиеся во всех остальных книгах. Таковы у Огиенка (Словарь) и Суренского утверждения, будто бы в иностранных словах,

вроде *Гомер, алкоголь, гармония*, можно произносить с фрикативное, возможное в словах: *бога, благодать*; у Огиенка и у Шарова: будто гласная *о* без ударения всегда произносится как *а*: *галава, салавей* (она произносится так только в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому: *гэлава, сэлавей*); у Шарова: будто нужно говорить *Зэвс, Одиссэя* и т. д., *занимаесса* вместо *занимаешься*, *язышник* вместо *язычник*, будто можно говорить *цежьчьжать* вместо *цежьжять*, *лепески, лиски, повеска* вместо *лепестки, листки, повестка* и др.; у Суренского: *рвался* вместо *рвалса*, *в их доме* вместо *в йих доме* (с. 14); будто бы во всех иностранных словах нужно «ясно и определенно» произносить неударяемое *о*: *костюм, корсет, кринолин, концерт, роман, профессор, революция, ананас, комедия* и мн. др. (22), а *ци* — мягко: *Франция, дикция, специальность* вместо твердого *цы*. Отмечу еще мелочь у Суренского. Он, по-видимому, не рекомендует произношения *сса* в глагольном окончании (*шься*). И не надо. Но почему-то он нашел нужным сделать такое примечание (20): «Глагольное окончание *-шься* по Ушакову выговаривается как *сса*: *молисса*». Пользуюсь случаем заявить, что ни в одной из своих работ я этого не говорю, сам произношу *-шса* и недоумеваю, что могло подать повод к такому недоразумению. Был, помню, случай, когда я высказался об этом окончании, но не в печати, а устно, и не в защиту *-сса*, а против него, а именно, когда я увидел в Институте слова в стенных орфоэпических таблицах, составленных В. К. Сержниковым для его учеников, это *-сса*, заимствованное им из первых изданий Чернышева (см. «Законы и правила» и т. д., 1-е изд., § 32, 2-е — § 38); в 3-м изд. (§ 37) у Чернышева об этом говорится иначе: «Окончание глаголов *-шься* прежде произносилось *сса*: *сердисса*... Теперь книжное *шса* (твердое *с* из живой речи) заметно вытесняет старое произношение и, кажется, господствует в языке книжных людей».

Выше я высказал пожелание (пункт 6 «Задач орфоэпии»), чтоб практические пособия основывались на хорошем знакомстве с физиологией звуков речи и с русской фонетикой. Казалось бы, без того и невозможно обойтись: как, в самом деле, успешно говорить о звуках, основываясь только на орфографической передаче их! Однако названные научные дисциплины мало известны, школьное отношение к языку сделало так, что они издали и заранее представляются нарочито трудными, кажутся неинтересными, а потому не все авторы в достаточной мере ими пользуются, совершенно неосновательно боясь затруднить ими не то себя, не то своих читателей и учеников. Например, один из авторов, В. В. Суренский, в предисловии к своему названному выше руководству счел даже нужным сделать такое признание: «При всем моем уважении к «чистой науке» (почему-то в кавычках.— Д. У.), я, к своему сожалению, должен признать, что наука часто бывает далека от жизни и практики — вывод, продиктованный десятилетним педагогическим опытом. Поэтому я совер-

шенно не касаюсь в своем изложении так назыв. научной транскрипции. Моя задача: дать практическое руководство по орфоэпии, в котором в сжатой систематической форме указаны все главнейшие законы и правила русского произношения, иллюстрированные достаточным количеством примеров». Что наука бывает далека от практики, об этом можно и не жалеть, это ей иногда идет на пользу; а о том следует пожалеть, когда практика слишком удаляется от науки, потому что это всегда во вред практике. Дело не в том, применять или не применять для объяснения произношения фонетическую транскрипцию (ведь не в этом же научность!), а в том дело, что успешно справиться с задачей, «систематически указать все главнейшие законы и правила произношения», игнорируя и физиологию звуков речи и русскую фонетику, нельзя по крайней мере без излишнего, ничем не вознаграждаемого затруднения своих читателей и учеников. Уважение к науке, о котором заявляет Суренский, обращается в какое-то свехуважение: так уважаю, что и дело с ней иметь боюсь! Вот от этой боязни следует освободиться. Она, несомненно, нездоровое чувство и идет в ущерб практическому делу. Когда учишь произношению с голоса, еще можно ограничиваться только правильным произношением и добиваться, чтобы ученик произнес так же; но и тут уже весьма полезны обобщения, которые, конечно, потребуют средств для формулировки, а эти средства можно почерпнуть только в научном анализе звуков. Когда же произношение описываешь в книге, то без этого анализа не обойдешься, если хочешь говорить о действительных фактах, а не ходить в тумане вокруг да около. Разве может преподаватель пения, ставящий ученику голос, довольствоваться обывательскими представлениями о «горле» вообще? Нет, ему надо различать и гортань, и голосовые связки, и носоглотку, и проч. Нельзя учить владеть дыханием, оставаясь на уровне коновалов и знахарей, и из боязни, как бы не затруднить учеников, говорить им о «становой жиле», «дыхальном глотле» и т. п. То же и со звуками речи. Беда только в том, что среднеобразованный человек, слышавший от науки и о гортани, и о грудобрюшной преграде, ничего еще от науки не слышал о звуках речи, о своем языке, а это равносильно тому, что он не знает, как обстоит дело со звуками в действительности, в «жизни», на практике. Но пришла уже давно пора и учить языку, и говорить о языке от науки. И в орфоэпии без этой страшной, уважаемой пока на расстоянии, науки не обойдешься. Все дело в том, как пользоваться ею для практических целей: излагать научно не значит говорить по-ученому, недоступно.

Возьмем для примера из практических пособий по орфоэпии несколько конкретных случаев ошибок против науки или ненаучного подхода к делу. Разобрав их, мы увидим, что ненаучность мешает читателю, сбивает его с толку и затрудняет, а научность вывела бы из затруднений и упростила бы дело.

Первый пример. В названных пособиях вслед за школьными грамматиками нёбные звуки **г, к, х** часто ошибочно называются гортанными. Зачем вообще называть как бы то ни было эти звуки, если б их не было надобности отличить от каких-то иных **г, к, х**? Лучше совсем обойтись без названия, чем называть гортанными такие звуки, которые образуются не в гортани, а в полости рта, именно или при сближении, или при смыкании языка с нёбом. На первый взгляд все это может казаться мелочью, несущественной для практики. Но дело в том, что в человеческих языках встречаются звуки, действительно гортанные, т. е. образующиеся в гортани, без участия полости рта. Таково, например, украинское **г**, иначе называемое звонким придыханием. Именно в орфоэпической практике-то неточность названия тут и может помешать. Представьте себе, в самом деле, лицо с акцентом, произносящее свое гортанное **г** и желающее усвоить вместо него «правильное», т. е. нёбное **г**; на какие ненужные затруднения и путаницу обрекает его наставник, сам не понимающий, в чем разница между этими двумя **г**, и всякое **г** называющий гортанным!

Другой пример касается одного из этих же звуков — нёбного **г**. В литературном произношении он известен в двух разновидностях: обычный **г** взрывный и редкий **г** фрикативный, произносимый в некоторых лишь словах: *господи, бога* (и др. падежах этого слова, кроме именит. ед. числа), *благо, когда, где* и нек. др., к которым иные руководства, как мы видели выше, присоединяют — но уже совершенно ошибочно — еще иностранные слова, вроде *Гомер, алкоголь* и т. п. Так или иначе автору руководства приходится самому различать и показать ученику различие между двумя этими разновидностями. Когда я называю одну разновидность взрывным звуком, а другую фрикативным, я этим самым отсылаю читателя, незнакомого с этими терминами, к учебнику физиологии звуков речи, где он познакомится с артикуляциями того и другого **г**. Научится ли он сейчас же произносить тот звук, которого он никогда не слышал, ручаться никак нельзя; но таково уже свойство всякого обучения звукам путем описания их, а не с голоса: для описывающего звуки другого выхода нет, как указывать на их артикуляции: или путем прямого описания этих артикуляций тут же, или путем названия их соответствующими действительности терминами. Что же мы находим в руководствах? Многие из них называют взрывный **г** «твердым», а фрикативный — «придыхательным». Если ученик сразу поймет, в чем дело, то, конечно, поймет не благодаря этим терминам, а несмотря на них или даже вопреки им, помимо них, словом, какими-нибудь окольными путями. Если же не поймет, и, пытливо разбираясь, добрести до «науки», от которой неразумно уберегает его заботливый наставник, то в каком же положении он окажется, когда узнает, что и взрывный **г** может быть и твердым (*нога*) и мягким (*ноги*), и фрикативный может быть и твердым (*бога*) и мягким (*о боге*)? Термином «приды-

хательный», по-видимому, хотя бы обратить внимание на акустическую близость г фрикативного к звуку х (близость эта основывается на общем им обоим физиологическом свойстве: оба они фрикативные); но как ни напоминает звук х кому-то о дыхании, о придыхании и т. п., он сам не «придыхательный». Дело опять в том, что существуют в человеческих языках (не в русском) действительно придыхательные согласные, и г может быть придыхательным, но такое г уже не то, что в *бога*, и не то, что в *нога*, и не то, что упомянутое выше украинское придыхание, иначе гортанное г. В какое же положение путающий термины автор ставит своего пытливого читателя, если тот сумеет где-нибудь справиться и найдет, что «придыхательные» звуки — это звуки сложные, состоящие из того или иного согласного, образуемого в полости рта, и придыхания, одновременно с ним производимого в гортани (например, начальное немецкое *t* в *Ton*)? Итак, если и нельзя ручаться, как я думаю, чтоб украинец с его гортанным г или южно-великорус, например орловец, с его нёбным фрикативным г выучились по пособию произносить московское (оно же и северно-великорусское) нёбное взрывное г, то пусть все-таки описания артикуляций этих разновидностей г или названия их соответствуют действительности (т. е. не погрешают против науки): тогда ищущие будут по крайней мере на верном пути.

Наконец, третий пример — изложение главнейшей черты нашего литературного московского произношения, именно, произношения неударяемых гласных. Сначала отдадим себе отчет, как дело обстоит в действительности, а потом посмотрим, как его иногда излагают. В московском говоре, как во всяком акающем говоре, качество неударяемых гласных зависит от их расстояния в слове от ударения. Все неударяемые гласные во всех слогах, кроме первого предударного (т. е. слога, непосредственно предшествующего ударяемому), произносятся у нас с неполным голосом, иначе говоря, «полуглухо» (едва ли чтеца или певца следует оберегать от знания того, что такое неполный голос, фистула, фальцет). Так, например, в слове *сундуку* звук в слоге *су* произносится с меньшим голосом, чем остальные *у*; таковы же звуки *у* в *воздух*, и в словах *кипяток*, *сани*, *ы* в *сыровар*, *бабы* и т. п. Неполнота голоса, «полуглухость», делает *у*, *и*, *ы* в указанных положениях менее ясными на слух, чем те же безударные в первом предударном слоге (*у* в слоге *ду* в *сундуку*, *и* в *пила*, *ы* в *быки* и т. п.), не говоря уже о тех же гласных под ударением. Однако эти менее ясные *у*, *и*, *ы* остаются все-таки звуками *у*, *и*, *ы*, т. е. артикуляции их не изменяются. Другие гласные в зависимости от места неударяемого слога меняются, становятся другими звуками, причем эти другие звуки, если они не в первом предударном слоге, по общему правилу, произносятся полуглухо. Таким образом, буквы *а* и *о* в первом предударном слоге произносятся за *а* (полнозвучное, так сказать, «настоящее»), а в остальных неударяемых слогах они произносятся не за *а* и

не за **о**, а как особый звук, акустически очень близкий к **ы** (потому что его артикуляция близка к **ы**, но с установкой языка пониже, чем для **ы**); и этот звук, согласно положению, в котором он появляется, всегда будет полуглухой. В примерах, на немении в азбуке для него особой буквы, обозначаем его, как уже условились выше, буквой **ѣ**. Итак, произносим: *вада, сады, вѣда-вос, сѣдавос, хлопѣй, рыбѣй*. Далее, буква **е** в неударяемых слогах произносится очень близко к **и** (а то и прямо за **и**); этот промежуточный между **е** и **и** звук, согласно правилу, не в первом предударном слоге звучит тоже полуглухо. *Весна, зеленеть, вечер* произносим почти *висна, зилинеть, вечир*, причем в слогах *зе* и *чер* этот гласный полуглухой. Точно так же произносится и буква **я**: *тяну, пятачок, пояс*. Исходя из современных букв, а не излагая исторически (что невозможно в популярном изложении), приходится в описание нашего произношения вводить ряд частных случаев, которые кажутся исключениями. Некоторые необходимо и здесь назвать. Так, *жа, ша* в первом предударном слоге произносятся за *жы, шы*: *жылететь, шыги*; *ча, ща* без ударения произносятся почти за *чи, щи* (т. е. так, как если бы писалось здесь не *а*, а *я* или *е*): *чисы, щидить*. Такова схема описания главной звуковой черты нашего языка — произношения неударяемых гласных. Само явление довольно сложное для изложения, главным образом в силу непоследовательности соотношения между орфографическими написаниями и произносимыми звуками; в двух словах его не опишешь. Смею надеяться, что мое только что предложенное изложение не является недоступным «по учености». Можно и следует стараться суметь сказать просто о мудреных вещах, но всему есть предел. Упростить самые вещи не в нашей власти. И если в заботе об упрощении изложения мы не скажем главного о вещах, то это уже искажение действительности. В нашем явлении главное: полуглухость всех неударяемых гласных в строго определенных положениях их в слове и, кроме того, вполне закономерные изменения некоторых из них в зависимости от их положения. В пример того, как пособия иногда искажают действительность при изложении занимающего нас явления, сошлюсь на В. В. Суренского. Он пишет (с. 9): «Гласные неударяемые произносятся неясно, неопределенно, туманно, летуче, но не проглатываются». Если б знать, что здесь дело идет о полуглухости неударяемых гласных, о которой я только что говорил, то я был бы готов принять для полуглухого звука любое из этих названий: неясный, неопределенный, туманный, летучий, если они удобнее термина полуглухой (прямо указывающего на неполноту голоса), но готов бы я был при одном непременно условии: чтоб предварительно читателю было выяснено, что здесь надо разуместь. Ведь неясность, туманность и т. п. может зависеть не только от неполноты голоса, но и от чрезмерной краткости звука, и от вялости его артикуляции, и от слабости экспирации. Слово «летуче» и оговорка: «но не проглатываются» скло-

няют к подозрению, не имеет ли автор в виду количественную разницу между ударяемыми и неударяемыми гласными, приписывая последним бóльшую краткость. Это было бы неверно. Из процитированного общего правила Суренского видно только, что какое-то одинаковое свойство приписывается всем неударяемым гласным и во всяком положении. Если это свойство — полуглухость, то правило неверно: полуглухи все неударяемые гласные, но не во всяком положении (в 1-м предударном¹ слоге полуглухости нет). Но дело обстоит еще хуже. Из приведенных далее Суренским примеров на 8 сортов неударяемых гласных и примечаний к этим примерам совершенно ясно, что автор под «туманность» звука подводит и переход его в другой звук.

Проявлением «туманности» и т. п. оказывается и произнесение за звук близкий к *ы* первого *а* в *занавеска* и первого *о* в *голова*, и произнесение неударяемого *е* за $\frac{e+u}{2}$ (это алгебраическое

выражение должно, по-видимому, обозначать звук средний между *е* и *и*) и многое в том же роде. А вот как произносятся второе *а* в *занавеска* и второе *о* в *голова*, тоже ведь неударяемые, значит, тоже по общему положению «туманные», так и остается неясным; и жаль, что ниоткуда не видно, что они произносятся одинаково и именно как *а*, самое определенное, без всякой туманности. В число примеров на неударяемое *а* даны между прочим: *часы*, *жалеть*, *шаги*, *щажу*, и в примечании к ним пояснено (?), что «неудар. *а* после шипящих = $\frac{a+e+u}{3}$ »... Безраз-

лично, как именно разгадает читатель эту загадку; важно то, что в *часы* и *щажу*, с одной стороны, а в *шаги* и *жалеть* — с другой, звуки разные (*и* и *ы*), и ни тот ни другой не могут быть названы звуком хотя бы самым туманным, самым летучим. Мало того, даже такие совершенно иного порядка вещи, как произношение *строгий*, *тихий* вместо орфографических *строгий*, *тихий* и т. п., свалены автором все в ту же одну «туманную» кучу. Самый тот факт, что почти каждый пример пришлось снабдить примечанием о произношении, уже показывает, что общая формулировка важнейшего закона русского произношения неудовлетворительна. Надо думать, из добрых побуждений упростить автор сделал отчаянную попытку обобщить не поддающееся обобщению, но разочарование в «чистой науке», пережитое им за десять лет педагогического опыта (см. приведенное мною выше его предисловие), сделало эту попытку совершенно неудачной: усвоить главнейший закон русского произношения по его изложению невозможно.

¹ Предударными мы называем слоги, стоящие перед ударяемым, и считаем их от ударения к началу слова; заударными мы называем слоги, стоящие после ударяемого, и считаем их от ударения к концу слова.

В связи с вопросом о приемах изложения звуковых явлений уместно сказать несколько слов об одном способе передачи звуков на письме ради практического усвоения живого произношения. Я имею в виду фонетическую транскрипцию, т. е. точное обозначение звуков, обозначение условное, не стесняемое принятой орфографией. Орфография, как известно, часто далека от произношения, она игнорирует живые звуки, так как для тех практических целей, которые преследует нормальное письмо (передать мысли), вовсе нет надобности точно передавать звуки речи. Там же, где предметом внимания являются именно сами звуки, могучим средством говорить о них с читателем является фонетическая транскрипция. К ней прибегает поэтому и наука о звуках, и практика, имеющая дело со звуками, например все чаще и чаще обучение иностранным языкам; за границей издан целый ряд таких пособий (Фиэтером, Пасси, Джонзом и др.), по которым читатель, ознакомившись с значениями принятых авторами условных знаков, сразу видит, как правильно произнести данный текст (французский, немецкий, английский и др.). Смотри по различию заданий, транскрипция может обладать самой различной степенью точности. Для нашей орфоэпической цели она вовсе не должна быть идеально точной, а может быть довольно простенькой. И напрасно ее боится В. В. Суренский. Мы видели выше, как в своем предисловии, напугав читателя наукой, далекой от жизни, он пугает его еще и «так называемой научной транскрипцией», но тут же успокаивает, что ни той ни другой в его книге читатель не найдет. Однако он не сдержал своего обещания. Как только нужно показать действительное произношение, другого средства нет, и сам В. В. Суренский прибегает к транскрипции, когда пишет на с. 13: *ручьѣи, житийѣ*, на с. 18: *ров — вырыт, серьп* и т. п.; а на с. 31 он рекомендует как полезное для усвоения произношения «орфоэпическое списывание текстов». Т. е. не в общепринятой орфографии, а как произносим? т. е. ... в транскрипции? Что он понимает под «так называемой научной» транскрипцией? Отличает ли он эту от какой-либо другой? Приведенные мною сейчас образчики его собственной транскрипции вполне научны, т. е. верно передают действительное произношение. Н. А. Пашков не побоялся транскрипции, и в своей «Декламационной хрестоматии», изложив кратко (вполне правильно, хотя, к сожалению, несколько небрежно) главнейшие черты правильного произношения, напечатал до двух десятков текстов в орфографическом виде и тут же в условной простенькой транскрипции. Его читатель сразу видит, о каких звуках идет речь, и имеет достаточно материала для упражнений и их произнесения. Разумеется, и этот способ, как в с я к и й письменный, является суррогатом обучения произношению с голоса, однако он самый лучший, потому что желающего познакомиться с правильным произношением он ставит прямо лицом к лицу с самой действительностью, с тем, что есть в языке, с самими звуками, а не с

туманными их описаниями. Для того чтоб предпочесть этот способ передачи живых звуков, нужно было проникнуться тем, что наблюдается в этой области наукой, не боясь, что она уйдет далеко от жизни, а с полной уверенностью, что она-то именно и способна открыть самое действительное. И «наука» не обманула автора, а привела его к самому надежному в практике способу.

Замечающееся теперь у нас возбуждение интереса к орфоэпии может принести богатые плоды лишь при условии тесного союза научного исследователя с практиком живого слова на почве не только взаимного уважения, но и совместной работы.

Закончу свою статью кратким изложением главнейших правил произношения и сделаю это применительно к чаще встречающимся неправильностям. Неправильности в произношении, как это было уже указано, могут быть или диалектического происхождения (провинциализмы, местный акцент), или искусственного (буквенное произношение). Поэтому укажу здесь сначала 1) главнейшие черты московской речи, против которых погрешают немосквичи, потом 2) — наиболее распространенные искажения живого произношения, создавшиеся на почве буквы у грамотников, хотя бы и москвичей. Ради общедоступности в формулировке «правил» исхожу от правописания.

1. Все гласные во всех неударяемых слогах, кроме первого предударного¹, произносятся неполным голосом; поэтому эти слоги всегда не так отчетливы, как ударяемый и первый предударный: *сундук, воздух, приносить, обычаи, рыбаки*.

Эта так называемая редуция (по голосу) неударяемых гласных несвойственна, например, украинцам и многим северновеликорусам; в их речи, как и в речи иностранцев, отчетливое произношение всех неударяемых гласных кажется нам особым «отчеканиванием».

2. Буквы *о* и *а* в неударяемых слогах произносятся следующим образом. В первом предударном слоге они произносятся как **а**, в остальных неударных слогах произносятся на месте их полуглухой звук, близкий к **ы** (обозначаю его условно буквой **ѣ**). После *ж* и *ш* в предударных слогах на месте *а* и *о* звучит **ы**, а после *ч* и *щ* — звук очень близкий к **и** (обозначаю его условно буквой **и**).

Примеры. *Вода, водовоз, паводок* — *вада́, въдаво́с, па́вѣдѣк*. *Сады, садовод, высадка* — *сады́, съдаво́т, вы́сѣтка*. *Жара, шары, шарообразный* — *жыра́, шыры́, шыръабра́зный*; но: *крышами, рогожами* — по общему правилу: *кры́шѣми, рого́жѣми*. *Часы, часовой, щавель* — *чысы́, чысаво́й, щивѣль*; но: *тучами, рощами* — по общему правилу: *ту́чѣми, ро́щѣми*.

Но в начале слова *о*, *а* всегда **а**: *атаман, открывать*. В конце слова вместо звука **ѣ** может быть перед паузой и звук более открытый, почти **а** (**а** средненёбное; если же в конце слова про-

¹ Значком ' обозначаю условно мягкость согласного.

изнести «настоящее», т. е. задненёбное **а**, напр. *бабушка* произнести с последним **а** таким же открытым, как первое, то это будет совсем несвойственным правильному произношению «отчеканиванием» неударяемых звуков).

Это система московского аканья. Ее нарушают представители оканья или представители другой системы аканья; таковы произношения: *жара, шагать* с **а** вместо **ы** или произношения из области так назыв. дисамилятивного аканья: *взда, събака, скъкать* при *вадой, скачу* и др.

3. Буквы *е* и *я* в неударяемых слогах произносятся очень близко к **и**.

Примеры. *Везу, перевезена, вывезти, везете, вечер* — **ви-зү, пирилизинá, вьвисти, визёти, вéчир**. *Пятак, пятачок, принято* — **питáк, питачóк, прýнить**.

Однако в следующих окончаниях слов *е* и *я* произносятся как звук **ѣ**: в имен. пад. ед. ч. (*воля, злая*), в имен.-вин. ед. ч. (*поле, злое*), в род. пад. ед. ч. (*поля*), в окончаниях множ. ч. (*-ям, -ями, -ях*), в деепричастиях (*сидя*) и в некоторых других случаях (напр., *двое, трое, чернее* и др.).

Примечание. В предложном падеже: *в поле* произносится по общему правилу, звук близкий к **и**: *ф поли*, так же, как *в городе, в деревне* — **в горьди**, в дивени. Буква *е* после *ж, ш, ц* в неударяемых слогах произносится как **ы**: *цена, целовать, пальцем* — **цýнá, цыловáть, пáльцым; жена, жестяной, шестой, шерстяной** — **жýнá, жыстинóй, шыстóй, шыр'стинóй'**, но *целую, поцелуй* — **цá-лúю, пьцáлúй**.

Указанные произношения неударяемых *е* и *я* — одна из сторон того же многогранного явления в истории звуков русского языка, в широком смысле называемого аканьем. В речи уроженцев окающих местностей, хотя бы и утративших уже оканье, мы часто слышим отчетливое безударное **е**, особенно в первом предударном слоге: *весна, прекрасный*. Надо прибавить, что в московском говоре на месте *е* неударяемого, кроме звука близкого к **и**, может слышаться и чистое **и**: *висна, вечер*.

4. Слова *коли, хоть*, союз *да* (в значении 'и') произносятся без ударения и со звуком **ѣ**: *кѣли, хѣть, лебедь, рак дѣ щука*. Но частица *да* в значении 'пусть' произносится со звуком **а**: *Да здравствует! Да ведают потомки...*

5. Буква *и* в начале слова при тесном слиянии его с предшествующим, оканчивающимся на твердую согласную, произносится за **ы**: *из избы, кот и повар, снег идет, смех и горе* — **изызбý, кóтыпóвър, с'некыдѣт, с'мехыгóр'ь**. Но после согласной мягкой или после гласной и остается: *дочь идет, время идет*.

Среди немосквичей часто можно встретить таких, которые произносят в указанных случаях вообще **ы**, но после *г, к, х* произносят **и**: **изызбý, но: человек'идет**.

6. Согласные *ж, ш, ц* всегда произносятся твердо, хотя после них и пишутся буквы *е, и*. Поэтому *ци* всегда произносится как

цы, т. е. и в иностранных словах, как *цирк, станция, революция*, произносятся *цы* совершенно так же, как в русских: *концы, цыпленок*.

7. Согласные перед *е* и *и* всегда мягки, кроме, конечно, *ж, щ, ц*, которые не бывают мягкими.

8. Звук *г* — взрывной. Нарушают это южновеликорусы (*г* фрикативное), белорусы и украинцы (гортанное придыхание).

9. Вместо звонких согласных в конце слов и перед глухими согласными в середине слов произносятся соответствующие глухие: *хлеб* — *хлеп*, *пробка* — *пропка*; *ров* — *роф*, *ловкий* — *лофкый*; *сад* — *сат*, *лодка* — *лоткь*; *нож* — *нош*, *ножка* — *ношкь*; *глаз* — *глас*, *глазки* — *гласки*.

Буква *г* в конце произносится за *к*: *вдруг, луг, сапог, мог, книг* — *вдрук, лук, сапок, мок, кник*, кроме слова *бог*, которое произносят *бох*; в середине же слов перед глухими *г* произносится за *х*: *мягкий* — *мяхкый*, *легко* — *лихко*, *когти* — *кохти*, кроме *ногти*, где произносят и *х* и *к*: *ногти* и *нокти*.

Звонкие согласные в подобных случаях могут слышаться у лиц украинского происхождения. Часто у них сохраняется только звонкое *в*, остальные уже перешли в глухие; звонкое *в* в указанных случаях наблюдается и у лиц южновеликорусского (напр., орловского) происхождения. Все они, а также уроженцы Белоруссии, вместо *г* в конце слова произносят не *к*, а *х*: *вдрух, лух, сапох, кних*. Это *х* часто остается у них единственной немосковской чертой и передается потомству.

10. Согласные перед мягкими согласными обыкновенно произносятся мягко. Например, надо произносить: *бан'щик, д'верь, ден'щик, деф'ки (девки), ес'ли, ес'тес'т'венно, жен'щина, з'верь, кор'мить, кор'ни, кос'ть, лаф'ки (лавки), нын'че, нян'чить, пер'венец, пус'ти, раз'бить, раз'ве, раз'вить, с'вет, с'мирный, с'мер'ть, с'тих, т'вер'дить, тон'чайший, фонар'щик*.

Пределы и характер моей статьи не позволяют мне дать здесь более точной формулировки, которой этот пункт требовал бы.

11. Согласные в конце приставок перед гласным (хотя пишется *ъ*) произносятся мягко: *в'езд, об'ем, обя'вить, от'езд, под'езд, с'езд, с'ехать* и т. п.

Примечание к 10 и 11. Вместо мягких согласных в указанных пунктах произносятся твердые представителями разных местных говоров; что касается мягкости в положениях, указанных в п. 10 и 11, то ее теряют и младшие поколения москвичей под влиянием письма (отсутствие *ь* на письме в случаях п. 10-го и написание *ъ* в случаях п. 11-го).

12. Буквы *б* и *в, п* в таких случаях, как *бью, воробьи, вью, соловью, пьян, пью*, произносятся мягко.

13. Буква *щ* произносится, как долгое мягкое *ш* (а не как *шч*): *щи, щетка* — *ш'ш'и, ш'ш'етка*. Так же произносится *счастье, счет* — *ш'ш'яс'тье, ш'ш'ёт*.

Все «правила», указанные ниже, могут нарушаться грамотными без различия происхождения.

14. Двойное *ж* произносится мягко: *жужжать* — *жуж'ж'ять*. Так же произносится: *приезжать, дожди, дождик* — *приеж'ж'ять, дож'ж'ик, дож'ж'и* (а в един. ч.: — *дождь* — *дошь*).

15. Слова *что* и *чтобы* произносятся *што* и *штобы*.

16. *Чн* в живых словах произносится за *шн*: *конечно, скучно, молочный, булочная, пустычный* и т. п. произносятся: *конешно, скушно, молошний, булошная, пустышный*. Но в словах книжного происхождения произносится *чн*: *бесконечный, сердечные болезни, точный, беспечный*.

17. Окончание прилагательных *-гий, -кий, -хий*, напр. *долгий, широкий, тихий*, произносятся *-гъй, -къй, -хъй*. Иначе сказать, произносятся так, как если бы было написано *гой, кой, хой*. Поэтому одинаково произносятся окончания: *долгий путь* и *после долгой зимы, широкий ворот* и *у широкой рубахи, тихий ход* и *у тихой пристани*. Это, разумеется, не касается окончаний других падежей тех же слов: *долгие, тихих, широкими* произносятся, как пишется.

18. В глаголах на *-гивать, -кивать, -хивать* (*натягивать, постукивать, помахивать*) произносятся *-гы, -кы, -хы*: *натягивать, постукивать, помахивать*.

19. Окончания глаголов *-сь* и *-ся* произносятся с твердым *с*: *боюсь, боишься, боялся, боялись* — *боюс, боишсь, боялсь, боялис*. Но в деепричастиях с ударением на конце надо произносить мягкое *с*: *делаясь* — *дэлаяс*, но: *бойсь* — *боясь*.

20. Безударные окончания в глаголах *-ат* и *-ят* произносятся за *-ут* и *-ют*: *дышат, душат, гонят, любят, просят* и т. п. произносятся: *дышут, дүшут, гонют, любят, прбюются*.

21. Глагольные окончания *-тся* и *-ться* произносятся как *-цца*: *боятся, бояться* — одинаково: *бояцца*.

22. Нередко в группе согласных одна из них не произносится. Так, напр., следующие слова надо произносить без выделенных букв: *грустный, здравствуй, известный, лестница, местность, несчастный, поздний, постный, праздник, прелестный, сердце, солнце, страстный, сумасшедший, счастливый, устный, хлестнуть, частный, честный, чувство, шестнадцать* и др.

Здесь же место сказать и об иностранных словах, произношение которых на иностранный лад, сохраняемое далее, чем нужно, основано не на диалектических особенностях русского языка, а частью на буквенном чтении, частью на традиции.

23. Из пункта 2-го следует, что неударяемое *о* в отдельных словах может слышаться только в словах иностранных, недостаточно обрусевших, напр. *поэт, поэзия, форпост*. То же надо сказать и об *а* в неударяемых слогах, кроме, конечно, первого предупредительного, напр. *Маккиавелли*. Но обрусевшие слова следует произносить по пункту 2-му. Таким образом, не следует стараться выговаривать неударяемые *о* и *а* в таких, например, словах, как *аристократ, аромат, бокал, декорация, комиссия, концерт, контракт, корсет*,

костюм, конституция, кошмар, момент, мотив, портрет, программа, профессор, революция, павильон, параллель, саквояж и т. п. Следует, значит, произносить: аристаркрат, арама́т, бака́л, съквва́йш и т. д.

24. Из пункта 7-го следует, что твердо произносить согласную перед *e* (иначе говоря, читать букву *э*) можно лишь в необрусевших иностранных словах, напр. *фрэнч, Тель, Нейман* и т. д. Но никак не следует произносить твердо (*э*) в таких словах, как *декорация, демон, депутат, идеал, идея, корсет, лорнет, музей, Одесса, операция, революция, фанера, фланель* и др.

25. Не надо думать, что двойные согласные, пишущиеся по привычке в иностранных словах, нужно так и произносить. Наоборот, во многих очень употребительных словах двойная согласная — признак дурного произношения. Так, нужно произносить с одной согласной: *аккорд, аккуратно, аллея, аппарат, класс, классический, комиссар, комиссия, корридор, терраса* и мн. др. Многие слова, особенно такие, с которыми еще не вполне освоились, допускают произношение с двойной согласной или двоякое произношение (с одной и с двойной), напр. *коллектив, ассоциация* и др. В случае колебания нужно склоняться к произношению с одной согласной.

В заключение я должен сказать следующее. Только что изложенные мною «правила» представляют собой перечень главнейших черт московской речи, которую общепринято считать образцовой. При установлении общерусского сценического произношения, о чем я высказал пожелания выше, в основу, конечно, должна лечь эта московская речь, однако думаю, что уже не все детали ее и не все пункты, изложенные мною, имеют право в настоящее время считаться общерусскими.

ЗВУК *г* ФРИКАТИВНЫЙ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В русском литературном произношении, основанном на московском говоре, которому свойственно *г* взрывное, фрикативный звук *γ* появляется, как известно, лишь в немногих словах. Это 1) *γде*, окончание *-γда* в *коγда*, *тоγда* и т. п., причем все эти случаи — варианты произношений тех же слов и *г* взрывным (*где*, *когда* и т. д.); 2) тоже варианты произношений: *леγок*, *мяγок*, *ноγоть*, *коγоть* (при *легок* и т. д.); 3) случаи появления *γ* взамен *г* перед звонкими: *иγ дом* (из *их дом*); 4) слово *буγалтер*, причем известно произношение его и с долгим *γ*; наконец, 5) церковно-книжные слова. Свои наблюдения над этими последними я и хочу здесь сообщить.

Мои наблюдения показывают, что перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции. Войдя в речь образованных людей под влиянием южнорусских деятелей, произношение *γ* вместо *г* захватывало еще в половине XVIII в. громадное количество слов¹, в настоящее же время оно слышится только в следующих немногих случаях: *господь*, *бога* (и др. косв. падежи), *благо* (и производные: *благодетель*, *благодарю*, *благородный* и др.), *господин*; к этим словам примыкают *богатый* и *богатырь*. Наблюдения над произношением я производил в течение ряда лет своей преподавательской и лекторской деятельности путем опроса исключительно москвичей в классе, в аудитории, в учительских собраниях при чтении лекций преподавателям на многочисленных курсах, съездах, конференциях. Вот такая у меня сложилась картина.

Все слова допускают уже и произношение с *г* взрывным. Убыль звука *γ* у младших сильнее, чем у старших: в университетской аудитории не редкость встретить молодого человека, не произносящего *γ* ни в одном из этих слов; наоборот, в учительском собрании, где присутствуют и молодежь и старики, зачастую встретишь пожилого человека, предпочитающего *γ* во всех этих словах. Наконец, у молодых москвичей рабочего или крестьянского происхождения сохранность *γ* в общем больше, нежели у молодежи из интеллигенции. Лиц с духовным образованием я обычно в расчет не беру, так как у них традиции *γ* часто выходят за пределы интересующих нас слов.

¹ Что уже в то время *γ* звучал в устах интеллигенции не во всех случаях, видно из попыток Сумарокова и Тредьяковского установить нормы, где следует произносить *г* и где *γ*.

Судьба отдельных слов различна. Если расположить их по степени сохранности γ , то получится такой порядок: 1) *господи!* 2) *господь* с косв. падежами, 3) *бога* и др. падежи, 4) *благо* с производными, 5) *богатый*. Остальные перечисленные слова на особом счету. Этот перечень следует понимать так: если спрашиваемый произносит *господи* с г взрывным, то обычно ни в одном из дальнейших он не произносит γ ; если он говорит *господи*, то это еще не значит, что он говорит и *господь*, и наоборот, говорящий *господь* наверняка произносит *господи*; говорящий *господи* и *господь*, может быть, свое употребление звука γ этими словами и ограничивает, но, может быть, он распространяет его и на *бога* и *другу*. И так далее. У молодежи появление звука γ чаще всего ограничено первыми тремя словами. Но произношение γ также и во всех указанных словах у других лиц не режет уха молодежи, имеющей γ только в первых трех: молодой москвич заметит у собеседника произношение, напр. *нога*, но произношение, напр. *богатый*, пропустит мимо ушей.

Из перечня видно, что в восклицании *господи!* дольше всего удерживается γ . Различие в судьбе слов *господи* и *господь* (с косв. падежами) чрезвычайно показательно: восклицание, молитвенное по происхождению, больше связано с традиционной обстановкой, чем *господь* — слово, более, чем *господи*, употребительное и не в молитвенной фразе.

По отношению к *бога* замечено, что в числе произносящих *бога* большинство произносит, однако, *бога Аполлона* и т. п. с г взрывным; почти не встречаются молодые люди, произносящие γ во множ. числе (*боги, богов* и т. д.), и, наконец, я совсем не встречал молодых москвичей, говорящих *боуиня*. Это странное на первый взгляд различие в произношении христианского бога и бога языческого опять показательно для суждения о факторах, способствовавших сохранению традиции. Часто встречаются лица с произношением г в *бога, богу* и др.; но с γ в *ей-боуу* — случай, по-видимому, аналогичный по происхождению с *господи!* при *господь*. Новейшая (нелитературная) форма им. мн. *бога́* произносится с г взрывным.

Слово *богатый*, как видно, наименее сохранило γ . *Боуатырь* — чрезвычайная редкость. Произношение *господин, господа* теперь у молодежи редко; наблюдение показывает, что *господа*, само по себе редкое, чаще, чем *господин*.

Наконец, им. ед. *бох*, вызванное традиционным *бога, боуу* и т. д. и произносимое с х также и теми, кто говорит *бога*, можно было бы считать единственным, если б мне при моих опросах не встретились два-три лица, произносивших *бок*: это были юные представители аристократических семей, росшие с гувернерами-иностранцами.

Прибавлю, что в современном сценическом произношении московских Малого и Художественного театров во всех интересующих нас словах преобладает произношение γ .

К ВОПРОСУ О ПРАВИЛЬНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

(НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ; ЗАКОНЧЕНА 23 МАРТА 1936 г.)

Следует приветствовать начинание журнала «Говорит СССР», возбуждавшего вопрос о стандартизации образцового русского произношения. И надо пожелать, чтоб на этот раз дело было доведено до завершения. Говорю «на этот раз» потому, что вопрос поднимался и раньше: в свое время Государственная академия художественных наук по моей инициативе поставила вопрос о созыве Всероссийской конференции для выработки нормального сценического произношения. Об этом вспоминает народная артистка А. А. Яблочкина в журнале «Советский театр» (1935, № 11—12). Тогда дело остановилось на полдороге. Понятно, что дело шло прежде всего о сцене: она в свое время могла служить единственным образцом звучащего языка. Прошло несколько лет, и на первое место становится радиовещание. Насколько, действительно, его область шире театральной! Вот где действительно ежедневно говорит весь СССР. И не случайно, а чрезвычайно знаменательно, что теперь тот же вопрос ставится радиовещанием. Основания, почему этот вопрос ставился и продолжает ставиться, не требуют дальнейших объяснений: они ясно и полно изложены в прекрасной, обстоятельной статье С. И. Бернштейна¹, в откликах Л. В. Щербы и Р. И. Аванесова².

Нужно выработать нормальный свод правил произношения, так как единое общерусское литературное произношение необходимо, а его у нас нет: нет бесспорного образца, каким перестало быть произношение московской интеллигенции, так как его живой «источник иссяк» и в него вливаются новые струи. Нужен созыв конференции мастеров живого слова, которая обсудила бы проект нормализации произношения, предварительно составленный научно подготовленными исследователями, и представила бы выработанный проект на авторитетное утверждение. Такого краткого резюме указанных высказываний, к которым и я вполне присоединяюсь.

Выработка нормальных правил дело не легкое, но основные принципы, которые должны лечь в основу будущего кодекса, более

¹ «Говорит СССР», 1936, № 1.

² Там же, № 3 и 6.

или менее ясны. По-видимому, не будет оспариваться один важнейший принцип: московское произношение должно быть положено в основу нормального общего произношения, и другой: но не все московские черты целиком должны в него войти. Если орфоэпическая конференция займется не только орфоэпией в самом смысле слова, а расширит, что весьма вероятно, свою задачу установлением некоторых норм самого языка, например ударения в словах (например, *звонíшь — звѳнишь*), или образования грамматических форм (например, *цѳхи — цехá*), или словообразования (*узаконивать — узаканивать*), то задача ее значительно усложняется: может быть, наиболее трудным будет установить как раз тот принцип, по которому следует узаконивать или отвергать то, что влито в язык новейшими струями. Трудность здесь зависит в значительной мере от того, что в научной литературе не было еще сделано опыта отбора таких новшеств, которые могли бы считаться продуктом прогрессивного процесса в языке и имели бы право претендовать на место в языке общерусском. В то время как по отношению к московскому произношению мы обладаем не только непосредственным знанием его, но и систематическими его описаниями, об упомянутых новшествах в самом языке имеются лишь разрозненные сведения, почерпнутые из непосредственных случайных наблюдений. Я называл это расширение задачи нормализации самого языка «весьма вероятным» потому, что для радиовещания вопросы правильности ударения и грамматических форм очень остры. Актер может в области языка опираться на автора пьесы (хотя по отношению к ударениям далеко не всегда), диктор же в большинстве случаев принужден руководствоваться собственным чутьем языка.

Я хочу остановиться на вопросе о московском произношении.

Авторы статей в «Говорит СССР» отмечают отсутствие орфоэпии в нашей школе. К сожалению, это утверждение, как говорится, соответствует действительности. Я с удовлетворением могу вспомнить, как в начале 20-х годов по моей инициативе орфоэпия впервые появилась в школьных программах по русскому языку, как орфоэпические указания появились в тех учебниках, в составлении которых я принимал участие, с удовлетворением же нахожу конкретные назидания о необходимости правильного произношения в некоторых методиках преподавания родного языка, но в то же время я с грустью должен констатировать, что орфоэпия мало-помалу из наркомпросовских программ ушла, что авторы учебников, насколько мне известно, моему примеру не последовали, и что вообще в школе дело с орфоэпией опять обстоит по-старому. Орфоэпия культивировалась в среде актеров и чтецов. Мне пришлось поработать и здесь по постановке правильного произношения. Работа в орфоэпической лаборатории в Институте живого слова в Москве помогла мне окончательно сформулировать и привести в систему правила произношения, излагаемые мною в моих работах по орфоэпии, по которым широким кругам

читателей можно ознакомиться с московским произношением. Упомянутый Институт приготовил известные кадры чтецов с правильным произношением и, главное, с пониманием важности его.

Какому же произношению я и мои ученики обучали? Конечно, московскому. За ним стояла непререкаемая традиция славного московского Малого театра. Учитывать нарождающиеся отступления и вводить их в канон было бы своеволием. Будь уже в то время у нас стандартное, нормализованное произношение, мы обучали бы ему.

Но что такое «московское произношение»?

Надо прежде всего уточнить смысл этого термина. Так как теперешнее население Москвы не представляет собою единства по происхождению и по говору, а старое население, по верному замечанию проф. Л. В. Щербы, не может ассимилировать себе в языковом отношении пришлые элементы, то такой единой системы произношения, которую можно было бы называть московской, сейчас нет. То общерусское «литературное» произношение, которому предстоит выработаться из взаимодействия различных говоров, территориальных и социальных, столкнувшихся прежде всего и главным образом в Москве, мы тоже не будем иметь основания называть именно московским. Поэтому название «московское произношение» употребляем, конечно, в смысле «старомосковское». Это — произношение старой, коренной московской интеллигенции. Однако и оно само давно уже не однородно. И в нем давно уже можно было различить два слоя: более старый и новый. Об этом говорит в своей статье, со ссылкой на сербскую книгу о русском языке Р. Кошутича, С. И. Бернштейн, отмечая справедливо, что особенности произношения младшего поколения, возникшие на почве сближения произношения с письмом, трактовались как отступления от нормы, как неправильности. Только С. И. Бернштейн несколько преувеличивает, говоря, что «образцовое произношение Кошутич искал в речи москвичей», которым теперь «было бы лет под девяносто». Правда, среди «объектов наблюдения» Р. Кошутича, пытливого и талантливого исследователя, был один московский старожил, которому теперь было бы даже 98 лет (А. И. Большаков), были и еще два: знаменитая артистка Малого театра Г. Н. Федотова и знаменитый же филолог, лингвист и полиглот, акад. Ф. Е. Корш, которым было бы одной 89, а другому 92; но главной массе «объектов» теперь от 59 до 72 лет. Ее-то произношение Кошутич и противопоставляет языку наблюдавшейся им «молодежи», которой теперь лет 35. Это уточнение — не возражение против основной мысли С. И. Бернштейна, и, кроме того, оно подчеркивает мое положение, что под московским произношением надо понимать и понимаем старое московское в совокупности обоих только что указанных слоев, которое в целом противопоставляем новейшему разнообразному говору населения современной Москвы.

В настоящей статье на место подробному обсуждению тех

оснований, по которым та или иная черта московского произношения должна войти в общерусское или должна быть отвергнута. Для этого необходимо было бы предварительно дать здесь же подробное описание московского произношения. В общем, несомненно, будут подлежать обсуждению в качестве кандидатов в общерусский кодекс те уклонения от старшего слоя, которые обозначались уже в младшем слое московского произношения и которые отмечены были уже Р. Кошутичем и частью названы в статье Р. И. Аванесова. Сторонники этих «младших» черт будут, не без основания, аргументировать тем, что черты эти — результат победы, одержанной правописанием над живой традицией, во многих случаях при поддержке других, но живых же русских говоров.

Между прочим, надо будет различать такие черты, которые могут казаться принадлежащими младшему слою, а по существу отличаются от них, представляя собой вторжение областного произношения, однако не поддерживаемого правописанием. Например, если дело довольно просто решается с заменой старого твердого окончания *с* в глаголах (*боюс*) новым мягким (*боюсь*), то это не значит, что так же просто решить вопрос о выборе между старым произношением *жьжсет*, *брежьжит* и новым для Москвы *жжсот*, *брежжыт*.

Несомненным признается, кажется всеми, сохранение аканья. Но надо дать себе отчет в понимании этого термина. О московском аканье приходится слышать да и читать противоречивые вещи. Одним оно кажется каким-то широчайшим, так сказать, безудержным распространением звука *а* во всех неударяемых слогах. Это неверно. Другие, наоборот, знают, что московское аканье представляет собой стройную, закономерную систему (как и другие типы аканья, но не московские, представляющие иные, свои системы); они знают, что московское принадлежит к типу так называемого в диалектологии «умеренного» аканья, т. е. что в нем не всякое *о* или *а* без ударения звучит как *а*, что в известных слогах в слове они звучат как неясный звук, который различно определяется и различно называется в ученых трудах, но который для широкой публики позволительно определить как *а* с оттенком *ы*. Он может, и не без основания, пониматься говорящими как известная разновидность *а*, но это не такое *а*, как *а* под ударением, например в слове *сад*, или без ударения в слове *сады*. Дело идет о том звуке, который слышится в первом слоге слова *садовод* — он не тот, что в *сад* или *сады*. Тот же звук и в первом слоге слова *водовод* на месте буквы *о*. Нечто аналогичное можно сказать и о произношении букв *я* и *е*. Дальнейшие подробности и уточнения опускаю. Таким образом, оказывается, что при провозглашении аканья как одной из главнейших основ будущего орфоэпического кодекса нужно быть осторожным, нужно дать себе ясный отчет, что под этим названием устанавливаем.

В самом деле, С. И. Бернштейн приводит в качестве примеров московского аканья такие: «какая счастья», «чистая поля», «троя»,

справедливо указывая, что так «никто из мастеров нашего театра уже не говорит». Мне хотелось бы думать, что специалист по фонетике С. И. Бернштейн, не только теоретически прекрасно изучивший московское произношение, но и могущий говорить чистейшим московским языком, только ради простоты изложения не снабдил свои примеры нужными оговорками, которые давали бы знать, в каком условном значении он употребляет здесь букву *я*. Без оговорок получается искажение действительности. Скажу, что «никто из мастеров нашего театра» не только теперь уже не говорит этих слов с настоящим чистым *я* (т. е. таким, как, например, в слове *ягода*), но и никогда не говорил, скажем в роли Чацкого или Гамлета. И прежде, конечно, такое *я* в этих словах могло слышаться только в «характерных ролях», т. е. для передачи именно не-московского, не-литературного произношения. Неточность, допущенная С. И. Бернштейном в его статье, к сожалению, дает широкому читателю основание думать, что и впрямь старые москвичи так говорили, дает им основание считать московский говор каким-то, как я выразился выше, необузданным аканьем ... А как же, по С. И. Бернштейну, стали теперь эти слова говорить? Оказывается, по его словам, теперь говорят «как пишут»: *какое счастье, трое* и т. д. Хочет ли этим он сказать, что произносят настоящее, чистое, полное *е* (как, например, в слове *ехать*)? Хочется думать, что и здесь привело к неточности нежелание затруднять читателя тонкостями. Но недоразумение не устраняется, а, наоборот, усиливается. Я тоже не хочу утруждать читателя фонетическими тонкостями, а потому скажу кратко: и произносили, и произносим во всех указанных случаях одинаковый звук, но не *я* и не *е*; поэтому напишите мне, старому коренному москвичу, *троя* (возьмите, например, город *Троя*) или *трое, море* или *моря*, *я* прочту с одним и тем же неясным звуком (которого для простоты определять здесь не буду). *Троя* с ясным *я* для меня областное, например рязанское, *трое* с ясным *е* тоже областное, но из других мест, из севернорусских. Итак, приведенные С. И. Бернштейном примеры совершенно не характеризуют московского произношения и способны дать ложное представление о московском аканье. Не может получить читатель ясного представления о московском аканье и из другого места статьи, где С. И. Бернштейн утверждает, что «целый ряд норм, действовавших в старом московском произношении, остается незабываемым и по сейчас», и в качестве примера говорит, что из приведенных им различных произношений слова *голова* единственно литературным никто не затруднится признать *галава*. Что произношение этого слова с двумя *о* (как пишется) нельзя признать литературным, это ясно, но остальное остается неясным. Хочет ли автор сказать, что все три *а* в написании *галава* звучат одинаково? Если так, то это никак не по-московски (ср. сказанное мной выше о московской системе аканья).

Сейчас я говорю не о том, какое произношение желательно, а только о необходимости для нас самих и для наших читателей

внести ясность в понимание аканья. В журнале «Новая Сибирь» (1935, № 5) П. Я. Черных в рецензии на 1-й том «Толкового словаря русского языка», вышедший под моей редакцией и заключающий в себе составленное мною описание московского произношения как правильного литературного, протестует против признания московской системы аканья общерусской, т. е. высказывается против произношения, например, *сѣдавод* (буквой ѣ он обозначает условно тот неясный звук, о котором я говорил выше), а рекомендует *садавод*. Значит, то же, что и С. И. Бернштейн? Нет. П. Я. Черных пишет: «Но кто же теперь так произносит, кроме природных москвичей и уроженцев среднерусской полосы, да и то далеко не повсеместно?» Перед нами блестящий пример противоречия в понимании московского аканья. С. И. Бернштейн говорит: сохраним старомосковскую норму аканья и будем говорить по-старому *галава*; а П. Я. Черных говорит: отвергнем эту норму и будем говорить по-новому... *галава* (!). Итак, что же *галава* — московское или не московское произношение? Решить невозможно за неизвестностью, что передает С. И. Бернштейн своим написанием *галава*.

В заключение мне хочется сказать несколько слов, как говорится, *pro domo mea* и прибавить некоторые мелочи.

Мне неоднократно ставили в упрек, что я, описывая московское произношение¹, так сказать, выдаю его за единственно правильное, в то время как в нем давно уже есть известные сдвиги, которые не должны считаться неправильностями. На это я должен сказать, что «сдвиги» я признаю, делаю о том в первой из названных выше статей, в сноске, специальную оговорку, а во второй (предисловии к словарю) данные о некоторых сдвигах ввожу даже в самое изложение московских черт, но узаконять что-либо я не считаю себя вправе. Я описываю московское произношение, которое считается, пусть ошибочно, правильным, которого никакие конференции еще не отменяли и от которого при установлении стандарта все будут отправляться. В своих описаниях, кроме основных черт, я указываю даже несколько таких мелочей, которые могут казаться захолустными провинциализмами, вроде *посодим*, *уплочено* вместо *посадим*, *уплачено*. И указываю их, разумеется, вовсе не для рекомендации в качестве общерусских. При этом я выбираю из них такие, которые вполне употребительны в языке старой московской интеллигенции. И, наоборот, я не указываю таких, которые не свойственны образованным людям, но любителям фольклора могут понравиться. Так, например, я не укажу московского сложного слова *Москва-река* с одним только ударением на первой части *Москва* и без ударения на второй *река*; не укажу и его склонения, в котором первая часть остается

¹ В статье «Русская орфоэпия и ее задачи» (в сб. «Русская речь», III. Л., 1928) и в «Предисловии к 1-му тому «Толкового словаря русского языка» под моей редакцией (М., 1935).

без изменения: на *Москва-реке*, на *Москва-реку* и т. п. Не укажу потому, что это произношение и это склонение не свойственны московской интеллигенции: это черта старого московского просторечия, вроде *Софейка* или *Здвиженка* (названия улиц, вместо *Софийка*, *Воздвиженка*). Я коренной москвич, с детства знаю эти произношения, могу ими любоваться как любитель фольклора или ценить их как лингвист, но не употребляю их в своей речи и утверждаю, что особенность в московско-литературном названии нашей реки состоит только в том, что оно — сложное слово, однако с двумя ударениями: на *Москва* и на *река*, и что склоняем мы его: *Москвы-реки*, *Москве-реке*, *Москву-реку* и т. д.

Я подробно остановился на этой мелочи потому, что в последнее время в печати мы встречаем исключительно эти, осуждаемые мною, формы склонения. Это какой-то ложно понятый московский «шик». А пошел этот «шик» от так называемой «желтенькой книжечки», изданной Госиздатом в 1927 г. под заглавием «Технико-орфографические правила» и никем не утвержденной. Правда, в предисловии к этой книжечке упомянута моя фамилия рядом с фамилией покойного академика П. Н. Сакулина, как лиц, одобривших орфографические правила «в значительной части» — значит, не целиком. Действительно, рекомендованную в этой книжечке *Москва-реку* ни П. Н. Сакулин, ни я не только одобрить не могли, но не одобряли и самого помещения этого случая в «Технико-орфографических правилах», уже по одному тому, что он не имеет отношения ни к технике, ни к орфографии, а относится к области орфоэпии, правила которой устанавливать не дано никакому издательству. Вот такой кустарщины я в своих описаниях московского литературного произношения себе не позволю.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ АН СССР 16 ФЕВРАЛЯ 1940 г.

Я с большим удовлетворением прослушал всех моих друзей, начиная с докладчика. Почему так приятно и близко это мне? Начну с некоторых личных воспоминаний.

Мне вспоминаются два моих орфоэпических похода. А то, что сейчас предпринимается, — это уже третий поход.

Первый поход был скромный, незаметный. Он был совершен в 1921—1922 гг. при составлении новых программ в Наркомпросе и в Московском отделе народного образования (МОНО). В тех программах впервые было написано слово «орфоэпия». [...]

Второй поход был совершен вместе с Государственной Академией художественных наук. В этой Академии мною был возбужден вопрос о желательности созыва всероссийской конференции по вопросам произношения на манер того, как еще в прошлом веке в Германии была установлена таким путем *Bühnenaussprache*, ставшая после — *Hochsprache*.

Мы тогда заинтересовали работников театра, покойных Южина, Станиславского (последний меньше принимал в том участие: был занят вопросом, как в оперной студии через оркестр донести слово в публику) и целый ряд режиссеров. Но затем Академия художественных наук была закрыта, и у нас как-то ничего не вышло.

Обращались мы и к театральным кружкам. И сейчас мы связаны с Театральным обществом, где моя личная, как и нашего сектора, работа вполне желательна и где ждут результатов ее.

Сейчас начинается третий орфоэпический поход. Несколько лет назад, в этой самой комнате (тогда здесь был РАНИОН) я читал доклад под названием «Фонетика русского литературного языка в нормативном освещении». Как видите, тема такая же (во всяком случае, с таким же уклоном), и выводы клонились к тому, что нужно что-то изучать, что-то наблюдать, что-то установить.

Сегодня мы услышали, по моему мнению, очень интересный доклад. Пусть этот доклад возбуждает даже коренные разногласия — он от этого несколько не хуже и, может быть, во многих отношениях даже лучше. И, сравнивая то время, когда я выступил

с докладом, сравнивая свой доклад и сегодняшний доклад, я скажу, что суть в смысле вопросов и материалов осталась та же, а разработка вопроса стала куда тоньше. Это наблюдение очень отрадное: наука-то как идет вперед! [...]

Раньше ориентировались на московский говор. А теперь на московский говор так ориентироваться нельзя, потому что уже нет единого мнения о том, что называть московским говором. Ведь то, что увеличилось население Москвы, означает, что теперь московский говор как раз уже не московский. И нельзя сейчас говорить о московском говоре так, как о нем говорили во времена Пушкинских московских просвирен. Конечно, само собой разумеется, и сейчас отпадает наносное и заносное. Давно-давно этот вопрос стоит, и теперь намечается старое московское произношение и молодое московское произношение. Если ориентироваться на какое-нибудь из них, то это еще не значит принять его, но так или иначе надо его описать.

Нужно стараться сейчас, пока не поздно, подетальнее описать московский говор, продолжать изучать его при анализе источников, которые нам сейчас нужно изыскивать, может быть, не для того, чтобы его принять, а потому, что надо знать, с чем мы будем бороться, если это плохо, и что мы будем принимать, если это правильно. [...]

Между прочим, в Театральном обществе есть Студия звукозаписи. Там записана моя лекция о московском произношении и прочитанный мною чеховский рассказ «Дачники». И после моей смерти вы все это можете слушать.

РУССКИЙ ЯЗЫК

КРАТКОЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ШКОЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ГРАММАТИКЕ, ПРАВОПИСАНИЮ И ПРОИЗНОШЕНИЮ

Предисловие

Предлагаемое руководство представляет собою систематическое изложение подлежащего усвоению в трудовой школе материала по наблюдению над языком (грамматике) и по правописанию. Вот почему оно названо мною «школьным». Рассматривая наблюдения над языком в школе, как твердую почву для главной цели — усвоения навыков речи и правописания, я не только в самом изложении предмета связываю грамматику с навыками, но ставлю и теоретические сведения в подчиненное положение к этим навыкам. Это выразилось главным образом в количестве того и другого элемента: я не преследовал исчерпывающей полноты в области наблюдений над фактами языка и старался, наоборот, дать все, касающееся орфографии и правильности речи. Будучи твердо уверен, что школа не доделывала своего дела обучения родному языку, игнорируя правильность произношения (орфоэпию), — на что впервые обращено внимание в программах Наркомпроса в 1920 г., — я не упускаю из вида этой стороны дела и даю, с одной стороны, попутные указания, с другой — свод правил русского литературного (московского) произношения.

Я старался в краткой форме дать учителю инвентарь всего того, чему он должен выучить. Некоторым главам я счел целесообразным придать справочный характер (перечни, таблицы и т. п.). Учитель, найдя в этой книге все то, чему он должен обучить, и заинтересовавшись вопросом о том, к а к, по моему мнению, можно этому обучить, найдет ответ в «Учебной книге по русскому языку», ч. 1-я и 2-я, составленной мною совместно с А. М. Смирновой и Н. Н. Шепетовой. Но я не исключаю возможности, что моя книга пригодится и ученику; например, школы для подростков и взрослых, а также второй ступени для повторений и справок; поэтому я всячески старался излагать возможно доступнее.

Разделение слов по значению

§ 1. Когда мы говорим, мы выражаем свои мысли и чувства словами. Слова состоят из звуков, одного или нескольких. Таким образом, слово — это один или несколько звуков, имеющих значение.

§ 2. Слова бывают самостоятельные и несамостоятельные. Самостоятельные могут употребляться отдельно и имеют самостоятельное значение, несамостоятельные отдельно не употребляются, а только вместе с самостоятельными и имеют служебное значение.

Примечание. Самостоятельные иначе называются «полными» или «знаменательными» словами, а несамостоятельные — «неполными» или «служебными».

§ 3. Самостоятельные слова могут обозначать: 1) предметы, т. е. людей, животных, растения, вещи, минералы и т. п., и 2) признаки предметов, т. е. качества, количество, цвет, форму, число, материал, порядок, действие, состояние и др.

Примеры: 1) *отец, рабочий, корова, насекомое, стол, мороженое, золото, я, ты, он*; 2) *белизна, белый, белить, высоко, вверху, там, ночью, пять, пятый, черный, продолговатый, золотой, бегодня, бегаю, хождение, хожу, болезнь, болею, болен, твой, ваш, этот, всякий*.

Слова, обозначающие действие или состояние, называются глагольными словами. Так, глагольными словами являются, например, слова: *ходьба, хождение, ход* (в сочетании, например, *тихий ход*, но не в сочетании *парадный ход*, где *ход* обозначает предмет), *ходить, хожу, ходил, ходящий, ходивший, хоженный, ходя*. Слова, не обозначающие действия или состояния, называются неглагольными.

§ 4. Есть такие слова, которые не имеют постоянного значения, а в одной речи значат одно, а в другой — другое, и только из данной речи можно понять, что они значат. Например, когда двое разговаривают, то одно и то же слово *я* в речи одного собеседника будет обозначать одно, а в речи другого — другое; то же в разных речах слова: *ты, мы, вы, они, этот* и другие. Такие слова называются местоимениями или местоименными словами.

§ 5. Название предмета может быть именем собственным, напр. *Иван, Волга, Москва*, или именем нарицательным, напр. *сторож, река, город*.

Имя нарицательное обозначает предмет, обладающий какими-то известными признаками, имеющий определенные свойства; например, *сторожем* мы называем того, кто сторожит, что-то охраняет; *городом* — поселение известного рода, отличающееся какими-то признаками от села, деревни. А имя собственное только называет предмет, совсем не заставляя думать о его свойствах; так, *Иваном* мы зовем человека, *Волгой* — известную реку, *Моск-*

вой — известный город или реку вовсе не за их какие-нибудь качества.

Одно и то же слово может употребляться то как имя собственное, то как имя нарицательное. Так, например, фамилия американского техника *Ремингтон* — имя собственное; но, например, в выражении *переписать на ремингтоне*, где тем же словом названа пишущая машина, изобретенная этим техником, слово *ремингтон* — имя нарицательное. Так же *Ландрин* — фамилия кондитерского фабриканта и *ландрин* — название конфет. *Меценат* — имя древнеримского вельможи, покровительствовавшего наукам и искусствам, и *меценат* — название всякого покровителя наук и искусств.

§ 6. Несамостоятельные слова сами по себе ничего не обозначают, а имеют значение служебное.

Одни из них показывают лишь отношения слов друг к другу и называются *предлогами*, например *на, в, во, с, со, у* и другие: *книга на столе, книга в столе, упала с о стола, сижусь у стола*.

Другие показывают лишь связь слов или словосочетаний между собой и называются *союзами*, например *и, а, что* и другие: *день и ночь; я читаю, а ты пишешь; боюсь, что пойдет дождь*.

Третьи придают разные оттенки словам и словосочетаниям и называются *частицами*. Например: *да, нет, не, же, ж, то, на, разве* и другие.

Четвертые указывают лишь время или наклонение и называются *связками*, например: *он бы л умный; если бы он послушался, бы ло бы лучше; он о ка за л с я умнее* (§ 266, 269).

§ 7. Звуками речи мы иногда выражаем свои чувства невольно. Таковы восклицания, выражающие гнев, радость, испуг, боль и т. п., вроде *о, ай, ой, ох, ах* и т. п., и называемые *междометиями*. Это не слова, потому что настоящими словами мы выражаем свои мысли и чувства намеренно, а не невольно.

Поэтому междометия становятся словами, если мы их употребим намеренно в речи. Например, *он закричал ай!* или *Татьяна — ах* (значит 'ахнула').

Морфология

Понятие о составе и изменении слов

§ 41. **Основа и окончание.** Большинство слов русского языка изменяется по окончаниям. Если отделить изменяющееся *окончание*, останется то, что называется *основой*. Для того, чтобы выделить основу и окончание, надо взять и сравнить несколько одинаково изменяющихся слов. Так, возьмем: *рука, руки, руке, руку, рукою* и *нога, ноги, ноге, ногу, ногою*, и тогда выделится основа *рук-* и основа *ног-* и окончания: *-а, -и, -е, -у, -ою*. В основе

заключается главное значение слова, а окончания показывают только связь слов между собой в речи.

Примеры: 1. *Стол, стола, столу...*, *столлик, столика, столику...* Основа у первого — *стол-*, у второго — *столлик-*, окончания: *-а, -у...*; *стол* и *столлик* без окончания.

2. *Коробка, -и, -е...*, *коробочка, -и, -е...*, основы: *коробк-* и *коробочк-*, окончания: *-а, -и, -е...*

3. *Белый, -ая, -ое, черный, -ая, -ое, беловатый, -ая, -ое, черноватый, -ая, -ое*, основы: *бел-*, *черн-*, *беловат-*, *черноват-*, окончания: *-ый, -ая, -ое*.

4. *Пишу, -ешь, -ет...*, *плачу, -ешь, -ет...*, основы: *пиш-*, *плач-*, окончания: *-у, -ешь, -ет*.

5. *Вижу, вид-ишь, -ит...*, *гляжу, гляд-ишь, -ит...*, *ношу, носишь, -ит...*, *кручу, крут-ишь, -ит*, основы: *виж-* и *вид-*, *гляж-* и *гляд-*, *нош-* и *нос-*, *круч-* и *крут-*, окончания: *-у, -ишь, -ит...*

6. *Стол, -а, -у...*, *цветок, цветк-а, цветк-у...*, *звонок, звонк-а, звонк-у...*, основы: *цветок-* и *цветк-*, *звонок-* и *звонк-*, окончания: *-а, -у...*; *стол, цветок, звонок* без окончаний.

§ 42. Корень и суффикс. В основах, выделенных из слов, можно часто заметить общую часть, а за нею частичку, которая может быть и не у всех них. Так, выделив основу *берез-* из *береза* и основу *березк-* из *березка*, мы замечаем у них общую часть *берез-* и частичку *-к-*, которой нет в основе *берез-*, но которая есть в основе *слезк-*, которая выделится из *слезка*, если сравним со *слеза*. Эта общая часть (*берез-*, *слез-*) сближает, роднит слова *березка* и *береза*, слова *слеза* и *слезка*, а частичка *-к-* вносит различие в значение тех же слов. Наоборот, она сближает между собою до некоторой степени слова *березка* и *слезка*, потому что придает обоим уменьшительный смысл. Такая общая звуковая часть, в которой заключается по х о ж е е значение разных слов, называется к о р н е м, а часть за ним, вносящая различие в значение, носит название с у ф ф и к с или п о д с т а в к а.

Примеры. 1. *Стол, столлик, столлице, столовый.*

Дом, домик, домище, домовый.

Сад, садик, садище, садовый.

Надо изменять еще слова, чтоб отделить окончания, тогда найдем корни: *стол-*, *дом-*, *сад-*; суффиксы: *-ик-*, *-ищ-*, *-ов-*. В словах *стол*, *дом*, *сад* нет суффиксов, одни корни.

2. *Белый, беленький, беловатый, белила, белить.*

Черный, черненький, черноватый, чернила, чернить.

Корни: *бел-*, *черн-*; суффиксы: *-еньк-*, *-оват-*, *-ил-*, *-и-*; в *белый*, *черный* суффиксов нет.

3. *Рука, ручка, ручной; река, речка, речной; нога, ножка, ножной; соха, сошка; муха, мушка.*

Корни: *рук-* и *руч-*, *ног-* и *нож-*, *сох-* и *сош-*, *мух-* и *муш-*; суффиксы: *-х-*, *-к-*.

Корень иначе называется н е п р о и з в о д н о й основой, а основа, состоящая из корня и суффикса, — п р о и з в о д н о й основой.

§ 43. **Приставка.** Бывают такие частички, которые приставлены к корню спереди и которые тоже вносят различие в значение корня. Они называются *приставками*. Их выделить можно, тоже сравнивая между собой подходящие слова; напр., сравнивая *подходить* и *ходить*, с одной стороны, и *подходить* и *находить* — с другой, выделим приставки *под-* и *на-*.

Некоторые приставки бывают и отдельными словами, как *под*, *на*, *в*, *с*, *при*, *у* и другие. Тогда они называются *предлогами*. Приставки *низ-*, *воз-*, *вз-*, *раз-*, *роз-* (перед глухими согласными *с* вместо *з*) отдельно не употребляются, не бывают предлогами.

§ 44. **Сложные слова.** Бывают слова сложные. Это такие, в которых два корня. Напр.: 1) *водовоз* (*вод*, *воз*), *земледелие* (*земл*, *дел*), 2) *трехаршинный* (*трех*, *аршин*), *пятиэтажный* (*пяти*, *этаж*). В словах первого рода мы видим два корня, соединенные гласной *о* или *е*: *вод* + *о* + *воз*, *земл* + *е* + *дел*. Такие *о*, *е* называются *соединительными гласными*. В словах второго рода нет соединительной гласной, и первая часть в них представляет собой не только корень, а целое слово, которое может употребляться в речи: *трех*, *пяти*.

§ 45. Слова с изменяющимися окончаниями, показывающими взаимные отношения слов в речи, мы будем называть словами *изменяемыми*. Например: *сова* (*сова*, *сове...*), *стол* (*стола...*), *ты* (*тебя...*), *он* (*его...*), *пять* (*пяти...*), *белый* (*белого... белая*), *несу* (*несешь...*), *нес* (*несла...*), *принесу* (*принесешь...*).

Большинство слов в русском языке изменяемые. Но есть и неизменяемые слова. Например: *хорошо*, *там*, *лежа*, *сидя*, *лежать*, *сидеть*, *нести*, *в*, *за*, *и*, *а*, *чтобы*, *ой*, *пальто*.

Когда слова связываются в речь, бывает не все равно, с каким окончанием сказать то или иное изменяемое слово. Одно слово может требовать, чтоб другое стояло в определенном изменении, иначе говоря, приняло бы определенную форму.

Так, слово *погода* требует, чтоб относящееся к нему слово приняло форму *хорошая*, а не *хороший* или *хорошее*, а слово *воздух* требует *хороший*; нельзя сказать: *я иду*, *поезд иду*, *охотник убили птицею*, а говорим: *я иду*, *поезд идет*, *охотник убил птицу* и т. п.

Поэтому в изменяющихся словах видно не только по смыслу, но и по окончаниям, к какому слову какое относится. А к какому слову относится неизменяемое слово, видно только по смыслу.

Примеры: *он высоко прыгает; отсюда виден лес; я умею плавать*. Только по смыслу видно, что *высоко* относится к слову *прыгает*, *отсюда* — к слову *виден*, *плавать* — к слову *умею*.

Таким образом, по форме слова русского языка можно разделить на изменяемые и неизменяемые.

§ 46. Изменений в русском языке три: 1) по падежам, 2) по родам, 3) по лицам. Первое называется *склонением*, второе — *изменением по родам*, третье — *спряжением*.

Слова изменяемые, поэтому могут быть:

1) *Склоняемые*, т. е. изменяемые по падежам. Они называются *именами* и делятся на

а) слова только *склоняемые*, но по родам *неизменяемые*; они называются *именами существительными*;

б) слова *склоняемые* и *изменяемые по родам*; они называются *именами прилагательными*.

2) *Изменяемые по родам*, но *несклоняемые*. Сюда относятся *глаголы* в прошедшем времени.

3) *Спрягаемые*, т. е. *изменяемые по лицам*; сюда относятся слова, называемые *глаголами*, в настоящем и будущем времени.

Склонение

§ 47. *Падежи*. Склонение — изменение по падежам. Таких изменений шесть. Названия падежей: *именительный*, *родительный*, *дательный*, *винительный*, *творительный* и *предложный*¹.

Все они, кроме *именительного*, выражают своими окончаниями зависимость от других слов в словосочетании. В *именительном* же падеже обыкновенно ставится слово, не зависящее от другого.

Все падежи, кроме *именительного*, называются *косвенными падежами*.

Имена существительные

§ 48. *Разделение существительных по значению*. Имя существительное — это слово, изменяющееся по падежам (*склоняющееся*), но не изменяющееся по родам.

По своему значению (не по форме) имена существительные делятся на:

а) *существительные-названия*; они означают предмет (*стол, сова*) или признак отдельно от предмета (*красота, глупость, беготня, хождение, страдание*);

б) *существительные местоименные*; они получают свое значение в зависимости от того, в какой речи они стоят (*я, ты, он, она, оно*);

в) *существительные счетные*; они означают количество (*пять, сорок*).

§ 49. *Род*. Имена существительные-названия бывают муж-

¹ *Предложным* называется этот падеж потому, что такое изменение слова всегда бывает только с предлогом.

ского, женского или среднего рода. Те, к которым можно прибавить слово *один* (или *мой*, или *был*), — мужского рода, напр.: *мой стол, был обычай, один судья, один домина, мой городишко*; те, к которым можно прибавить *одна* (или *моя*, или *была*), — женского рода, напр.: *моя рука, была ночь*; те, к которым можно прибавить *одно* (или *мое*, или *было*), — среднего рода, например: *одно село, было имя, мое пальтишко*.

Существительные местоименные *я* и *ты* могут быть всех трех родов: *я был, я была, я было, ты был, ты была, ты было*; *он* — мужского рода: *он был*; *она* — женского: *она была*; *оно* — среднего: *оно было*. Существительные счетные — среднего рода: *было пять, стало сорок*.

Таким образом, род имен существительных виден не по ним самим, а по тем относящимся к ним словам, которые способны изменяться по родам.

Падежные окончания

§ 50. Различие по числу. Падежные окончания одного и того же падежа бывают разные в зависимости от того, обозначает ли существительное один предмет или несколько; иначе говоря, окончания падежей различаются по числам и бывают или единственного, или множественного числа. Например, именительный падеж единственного числа *корова*, множественного числа — *коровы*, родительный падеж — *стола* и *столов* и т. п.

§ 51. Различия окончаний одних и тех же падежей у разных слов. Окончания одного и того же падежа неодинаковы у всех склоняемых слов. Так, местоименные существительные сильно разнятся своими окончаниями от существительных-названий. Имеют свои отличия и существительные счетные.

Но не у всех и существительных-названий падежные окончания одинаковы. Например, родительный падеж: *сов-ы, стол-а, ел-и*; дательный: *сов-е, стол-у, ел-и* и т. д.

§ 52. Падежи без падежных окончаний. Бывают склоняемые слова без падежных окончаний. В этом случае слово состоит из одной только основы, например: *стол* (именит. падеж единств. числа), *рыб* (родит. падеж множеств. числа). Значит, приметами других падежей служат те или иные окончания, а приметой таких падежей служит то, что у них нет окончаний (здесь примета — отсутствие окончания).

§ 53. Правописание неударяемых падежных окончаний. Так как без ударения гласные произносятся часто не так, как под ударением, то неударяемые окончания часто звучат иначе, чем ударяемые. Однако пишутся они одинаково. Чтоб не сделать ошибки в неударяемом окончании, нужно припомнить, что пишется в ударяемом. Например, для того чтобы правильно написать *речки*, надо опираться на слово *рекí*, на *речке* — на *реке*, *пулей* — *землей*, в *городе* — в *столе* и т. д.

Изменение по родам

§ 129. К словам, изменяемым по родам, принадлежат: 1) такие, которые, кроме того, склоняются, и 2) такие, которые не склоняются. Первые — имена прилагательные, вторые — глаголы в прошедшем времени (§ 170).

§ 130. По родам изменяются в зависимости от рода тех других слов, к которым они относятся; например: *белый свет, белая краска, белое облако* — *-ый, -ая, -ое* в зависимости от *свет, краска, облако*; *старик сел, старуха села, солнце село* — *сел, сел-а, сел-о* в зависимости от *старик, старуха, солнце*.

По родам слова изменяются только в единственном числе, во множественном род их не различается, т. е. для всех трех родов употребляется одна и та же форма: *белые столбы, белые березы, белые облака; кораблиплыли, лодкиплыли, облакаплыли*.

Имена прилагательные

§ 131. **Разделение прилагательных по значению.** Имя прилагательное — это слово, склоняемое и изменяемое по родам.

По своему значению (не по форме) имена прилагательные делятся на:

а) прилагательные-названия; они обозначают признак, приписанный какому-нибудь предмету (*зеленый луг, зеленая роща, синее море*);

б) прилагательные-местоименные; они получают свое значение в зависимости от того, в какой речи они стоят (*мой, свой, наш, этот, который* и др.);

в) прилагательные-счетные; они означают порядок при счете (*первый, второй* и т. д.) или число (*один, два*).

К прилагательным-названиям относятся, между прочим, так называемые *причастия*. Это прилагательные, имеющие общую с глаголами основу, а признак, который они обозначают, показывает еще время, настоящее или прошедшее (*зеленеющий луг, зеленевший луг, читаемая книга, читанная книга*).

§ 132. **Согласование имен прилагательных с существительными.** Склонение у прилагательных *несамостоятельное*: они ставятся в том же падеже и числе, в каком стоят существительные, к которым они относятся, причем падежное окончание будет такого рода, какого требует существительное. Это называется *согласованием прилагательного с существительным в роде, числе и падеже*.

Согласование в роде касается, конечно, только единственного числа (§ 130).

Краткие имена прилагательные

§ 140. Окончания имен прилагательных, которые до сих пор мы видели, называются полными. Прилагательные могут иметь и другие окончания, в именительном падеже единственного числа такие же, как у существительных. Они называются краткими.

Образец склонения краткого прилагательного

Единственное число		
Мужск. род	Женск. род	Средн. род
И. сестрин	сестрина дочь	сестрино платье
Р. сестрин-а	сестрин-ой	как в муж. роде
Д. сестрин-у	сестрин-ой	->-
В. как И. или Р.	сестрин-у	как И.
Т. сестрин-ым	сестрин-ой	как в муж. роде
П. (о) сестрин-ом	сестрин-ой	->-

Множественное число

- И. сестрины столы, дочери, платья
- Р. сестрин-ых
- Д. сестрин-ым
- В. как И. или Р.
- Т. сестрин-ыми
- П. (о) сестрин-ых

В именительном падеже единственного числа мужского рода — отсутствие падежного окончания, в женском роде *-а(я)*, в среднем — *-о(е)*, как у существительных.

Окончания других падежей, совпадающие с существительными, выделены жирными буквами. Остальные окончания — и их громадное большинство — одинаковы с полными окончаниями прилагательных.

Так же склоняются прилагательные, обозначающие принадлежность: *бабушкин, Петров* (принадлежащий Петру), *дядин, тетин, Мишин, старухин*.

§ 141. Подобные слова с суффиксом *-ин*, произведенные от слов женского рода или от слов мужского рода, но склоняющиеся как слова женского (*дядин*), мы употребляем постоянно; слова же с суффиксом *-ов* от слов мужского рода, вроде *отцов, стариков*, в литературной речи очень редки.

А такие краткие прилагательные, которые не означают принадлежности, напр. *чист, чиста, чисто*, в других падежах, кроме именительного, у нас почти вовсе не употребляются, кроме редких отдельных выражений, как *на босу ногу*. Но в народных песнях употребляются очень часто и другие падежи, например: *в сыру землю, красна девица, часты звездочки, сине море, с*

синя моря, рети во сердце, чисто поле, по чисту полю, с добра коня, белы руки, в чужу дальнюю сторонку, из-под права рукава. [...]

§ 142. Прилагательные на -ий, -ья, -ье. Подобно существительным с основами на -ий и -ьй: *жребий, Марья, платье*, есть и прилагательные с такими же основами, например основы: *волчий-, волчь-*. Именительный падеж единственного числа мужского рода у них без падежного окончания, как *жребий*, в остальных падежах основа оканчивается на звук **й**, который вместе с гласными окончаний передается по обычаю буквами *я, ю, е*. Таким образом, на письме во всех падежах, кроме именительного единственного числа мужского рода, перед окончаниями пишется **ь** (отделительный знак, § 36). [...]

Прилагательные-названия, сюда относящиеся, обыкновенно обозначают принадлежность: *собачий, вороний, соболий, медвежий, олений, птичий, коровий, козий, овечий, лисий, пастуший, заячий, бараний, охотничий* и т. п.

Примечание. Так же склоняется и прилагательное счетное *третий, третья, третье*.

§ 143. Имена существительные с окончаниями прилагательных. По прилагательному склонению склоняются некоторые существительные, например: *портной, запятая, мороженое, мостовая, насекомое, вожатый, жаркое, кладовая, лесничий, мастеровой*. Они не изменяются, конечно, по родам, но имеют все окончания прилагательных. Так как они не прилагательные, то они не согласуются с существительными, наоборот, с ними согласуются прилагательные: *мужской портной, сливочное мороженое, запятые расставлены правильно*. Ими управляют другие слова, как всякими существительными: *работа портного, поставить запятую*.

§ 144. Прилагательные в смысле существительных. Приведенные в предыдущем параграфе слова в значении прилагательных не употребляются. Но бывают такие прилагательные, которые могут употребляться и в значении прилагательных, и в значении существительных.

Примеры. *Столовая и кухонная посуда. Передняя часть корабля. Больные дети.*— Здесь выделенные слова — прилагательные, они согласованы с существительными.

Те же слова употреблены в значении существительных в следующих примерах: *Общественная столовая. Маленькая и темная передняя. Больные выздоровели.*— Здесь с ними согласованы прилагательные.

§ 145. Многие существительные с окончаниями прилагательных являются именами собственными: фамилиями, названиями городов, например: *Пушкин, Саратов, Иванов, Иванова, Ломоносов, Бородино*. Такие слова мужского и среднего родов имеют окончания существительных, кроме творительного падежа, который имеет окончание прилагательного (*-ым, -им*); такие же сло-

ва женского рода склоняются вполне, как краткие прилагательные женского рода.

Склонение прилагательных местоименных

§ 147. К прилагательным местоименным принадлежат следующие слова.

1. *Мой, твой, наш, ваш, свой, тот, этот, весь, сам.*

2. *Какой, никакой, такой, всякий.* Склоняются, как прилагательное *широкий*.

3. *Который, некоторый, некоторый, самый, каждый, иной.* Склоняются, как прилагательное *новый*.

4. *Чей, ничей.* Склоняются, как прилагательное *волчий*.

5. *Каков, таков.* Не склоняются.

Склонение прилагательных счетных (числительных)

§ 152. Прилагательные счетные склоняются совершенно так же, как прилагательные-названия, кроме *один, одна, одно, два, две, три, четыре*. О них и других см. § 153 и след.

Имена числительные

§ 153. Имена числительные — общее название для счетных имен существительных и счетных имен прилагательных.

Так как часть слов, обозначающих количество, будет именами существительными, а часть именами прилагательными, то на одни из них были сделаны указания при обзоре склонений, на другие — при обзоре изменений по родам. Однако так как их всех объединяет счет, то для справок, особенно в правописании, полезно их объединить вместе, что и делается в этой главе под заглавием «Имена числительные».

§ 154. Числительные, обозначающие количество, называются количественными, обозначающие порядок при счете — порядковыми.

§ 156. *Один, одна, одно* — счетные прилагательные, имеющие окончания местоименных прилагательных (*сам, этот*).

§ 157. *Два, две* — тоже прилагательное: в имен.-винит. падежах изменяется по родам (для мужского и среднего — одна форма *два*) и согласуется с существительными.

§ 161. Все остальные количественные числительные являются именами существительными.

Слова, изменяющиеся по родам, но не склоняющиеся

§ 170. Сюда относятся так называемые глаголы в прошедшем времени, т. е. слова, обозначающие действие или состояние, бывшее раньше речи. Напр.: *я встал, или встала, или встало*

(смотря по тому, кто говорит; в среднем роде могло бы говорить о себе, напр. солнце в сказке и т. п.); *мальчик упал, девочка упала, дерево упало.*

§ 171. Сюда же можно было бы отнести и краткие прилагательные, не обозначающие принадлежности, т. е., напр., *добр, добра, добро* (но не *сестрин*, § 141), так как они обыкновенно употребляются теперь только в одном именительном падеже. Однако этому мешают те, хотя и редкие случаи, как *на босу ногу* (вместо *босую*), *среди бела дня*, которые сохранились от старины, когда такие прилагательные употреблялись наряду с полными. Таковы еще случаи: *Откуда сыр* (вместо *сырой*) *бор загорелся?* — *Не по хорошу* (вместо *хорошему*) *мил, а по милу* (вместо *милому*) *хорош*. Здесь *хорошу, милу* — прилагательные в значении существительных.

Глагол

§ 173. Слова, изменяющиеся по лицам, принадлежат к числу таких слов, которые обозначают действие или состояние и которые называются глагольными словами (см. § 3).

Те глагольные слова, которые изменяются по лицам, кроме того, что обозначают действие или состояние, еще приписывают это действие или состояние какому-нибудь лицу речи. Другие глагольные слова действие или состояние никакому лицу не приписывают. Напр.: *ходьба* или *ходить* только означает известное действие, а *хожу* обозначает это же действие и, кроме того, приписывает его 1-му лицу речи, *ходишь* — 2-му, *ходит* — 3-му.

§ 174. Некоторые глагольные слова могут обозначать, что действие или состояние относится к известному времени, а именно, что либо оно одновременно с речью (*настоящее время*), либо оно предшествовало речи (*прошедшее время*), либо оно будет после речи (*будущее время*). Так, например, слова *хожу, ходящий* указывают на настоящее время, *ходил, ходивший* — на прошедшее, *возьму, буду* — на будущее время.

Глагольные слова, изменяющиеся по лицам, принадлежат именно к таким, которые указывают время — настоящее (*хожу, иду, беру, двигаю*) или будущее (*приду, возьму, буду, двину*).

Среди глагольных слов, указывающих прошедшее время, есть изменяемые по родам, но не склоняющиеся слова: *ходил, -а, -о, пек, пекла, пекло*.

§ 175. Глагольные слова либо: 1) обозначают, что действие или состояние действительно происходит, или происходило, или будет происходить, например: *хожу, ходил, буду ходить*, либо 2) они выражают приказание, просьбу, желание, чтобы действие или состояние совершилось, напр.: *ходи! ходите!*, либо 3) они обозначают действие или состояние только как возможное, напр.: *ходил бы*. Эти различия называются наклонениями: первое — *изъявительное* наклонение, второе — *повелитель-*

ное, третье — условное (иначе называемое сослагательным).

§ 176. Глагольные слова, 1) изменяющиеся по лицам и обозначающие настоящее или будущее время, 2) не изменяющиеся по лицам и обозначающие прошедшее время и 3) слова, показывающие наклонение, — все вместе условно объединяются в один класс и называются глаголами, и к ним причисляется еще «неопределенная форма».

§ 177. **Неопределенная форма глагола.** Среди глагольных слов есть неизменяемые слова, оканчивающиеся на *ть*, *ти* или *чь* (*ходить, нести, лечь*). По своему значению они примыкают к тому или иному глаголу (обозначают то же самое действие или состояние, что и этот глагол), но ни времени, ни наклонения, ни лица они не указывают. Такое глагольное слово называется **неопределенной формой глагола**.

§ 178. **Спряжением** называется изменение по лицам; но спряжением глагола называют также все вместе взятые глаголы, обозначающие одно и то же действие или состояние и имеющие общую основу. Глагол обыкновенно называют в неопределенной форме. Таким образом, выражение «спряжение глагола *ходить*» обозначает все глаголы от основы *ход*: настоящее, будущее и прошедшее время (что вместе составляет изъявительное наклонение), повелительное наклонение и условное наклонение.

Все перечисленные формы слов можно называть формами такого-то глагола.

§ 190. **Употребление времен глаголов.** Настоящее время, кроме действия или состояния, одновременного речи, может обозначать также такое действие или состояние, которые происходят постоянно.

Примеры. Кукушка кладет яйца в чужие гнезда. Птицы летают, а рыбы плавают. Самоеды ездят на оленях.

§ 191. Настоящее время для живости рассказа может употребляться вместо прошедшего.

Пример. Иду я вчера по улице и вижу: стоит ребенок и плачет.

§ 192. Будущее время может употребляться вместо настоящего для описания действия или состояния, которое обычно совершается.

Пример. Как молотят? Положат снопы на землю и бьют цепами: зерно высыпается из колосьев и останется на земле.

§ 193. Будущее время вместо прошедшего может употребляться для живости рассказа, особенно при слове *бывало*.

Пример. Дедушка, бывало, выйдет из избы, сядет на завалинку, а мы, ребята, соберемся вокруг и слушаем его рассказы.

§ 198. **Употребление одного наклонения вместо другого.** Условное наклонение может употребляться вместо повелительного в значении вежливой просьбы, ласкового предложения.

Примеры. *Вы бы скушали чего-нибудь. Ты бы лег, касатик. Отдохнул бы ты с дороги.*

§ 199. Неопределенная форма глагола может употребляться для выражения настойчивого, строгого или решительного приказанья.

Примеры. *Смирно сидеть, рукавов не марать, к горшку не соваться. Патронов не жалеть!*

Неопределенная форма с частицей *бы, б* употребляется вместо условного наклонения. Напр.: *Если бы вору дать хоть миллион, он воровать не перестанет.*

Возвратные глаголы

§ 203. Глаголы иногда имеют окончание, которое пишется с *ся* или *сь* и которое присоединяется в конце к личному окончанию, напр.: *умыва-ю-сь, умыва-ешь-ся* [...]

Глаголы с окончанием *ся(сь)* называются *возвратными* или, иначе, глаголами *возвратного залога*, а глаголы без *ся(сь)* — *невозвратными* или глаголами *невозвратного залога*.

§ 204. **Значения возвратных глаголов.** Если глагол употребляется с *ся* и без *ся*, то формы без *ся* обозначают действие, переходящее на какой-нибудь предмет. Сравните: *вожу сено — вожусь с ребятами; плету лапти — плетусь по дороге; отправляю письмо — отправляюсь домой; собираю ягоды — собираюсь спать; сержу отца — сержусь; пускаю змей — пускаюсь на хитрости.*

Есть такие глаголы, которые употребляются и с *ся*, и без *ся*, но в обоих случаях значат одно и то же. Таковы, напр., *белеет* и *белеется*, *синеет* и *синеется*, *чернеет* и *чернеется* и т. п.

Бывают глаголы, которые без *ся(сь)* не употребляются: *боюсь, надеюсь, тружусь, улыбаюсь, насмехаюсь, осмеливаюсь, раскаиваюсь, люблюсь, сомневаюсь, встрепенусь, стремлюсь, ринусь* и др.

Глаголы на *ся* обозначают или состояние: *сержусь, пугаюсь, тружусь, надеюсь, раскаиваюсь*, или действие, не переходящее на какой-нибудь предмет: *мчусь, отправляюсь*. Они могут означать действие, переходящее не на другой какой-нибудь предмет, а на того, кто это действие совершает: *мою* кого-нибудь другого или что-нибудь, *моюсь* — мою себя, *сдерживаю* и *сдерживаюсь* и др. Они могут обозначать действие взаимное: *борюсь, встречаюсь, ссорюсь, бранюсь, дерусь* и др. Они могут иметь так называемое страдательное значение: *дом строится, кушанье готовится, посуда моется* и т. п., — в этих случаях всегда можно добавить, кем делается, например, здесь: *плотниками, хозяйкой* и т. д., т. е. здесь предмет (*дом, кушанье, посуда*) подвергается действию со стороны другого. Они могут означать свойство предмета, заключающееся в том, что он может производить или обык-

новенно производит, способен производить такое-то действие, хотя бы сейчас он этого и не делал.

Примеры. Ваша собака кусается? Нет, она не кусается. Эта корова бодается. Куры несутся.

Причастия и их образование

§ 212. Среди глагольных слов (§ 173) есть имена прилагательные; они называются *причастиями*.

Образцы: 1) *читающий*, 2) *читавший*, 3) *читаемый*, 4) *читанный*;

читающий — это тот, который читает,

читавший — это тот, который читал,

читаемый — тот, которого читают,

читанный — тот, которого читали.

Значит, первые два прилагательных можно сказать про действующий предмет, вторые два — про такой, который не сам действует, а с которым что-нибудь делают или делали. Это различие называется различием в залоге. Первые два причастия — действительного залога, вторые два — страдательного залога.

И действительные причастия, и страдательные, как видим, различаются по времени: *читающий* и *читаемый* — настоящего времени, *читавший* и *читанный* — прошедшего.

Причастий будущего времени в русском языке нет. [...]

Примечание. Есть редкие, в живой речи неупотребляемые причастия страдательного залога настоящего времени с окончанием *-омый*: *вести* — *ведомый*, *нести* — *несомый*.

Неизменяемые слова

§ 217. К неизменяемым словам принадлежат наречия, частицы, деепричастия, неопределенная форма глагола, предлог, союз, междометие, несклоняемые существительные, неизменяемый глагол.

Наречия и частицы

§ 218. *Наречие* — неизменяемое слово, самостоятельное по значению (см. § 2).

Наречие обыкновенно зависит от глаголов и глагольных слов (редко от прилагательных неглагольных).

§ 219. Значения наречий разнообразны; очень многие из них имеют то же значение, что и прилагательные, напр. *хорошо*, *красиво* (т. е. обозначают также признаки, но отличие их от прилагательных в том, что они неизменяемы); другие обозначают время, место, причину и проч. Можно сказать, что наречие обозначает признак другого признака [...]

§ 220. Образование наречий. Одни из наречий имеют известные формы, т. е. одинаковые окончания для целого ряда наречий, и основу, общую с именами.

Примеры. 1) *Хорошо, красиво, сильно, слабо, средне, крайне, негодующе.* Здесь с помощью окончаний *-о* и *-е* образованы наречия от тех же основ, от которых образованы прилагательные: *хороший, красивый* и т. д.

2) *Рабски, ученически* или *по-ученически, по-мальчишески, по-волчьи, по-рыбьи, по-французски.*

Во многих наречиях ясно видно, что они составлены из какого-нибудь падежа существительного или прилагательного с предлогом или без него.

Примеры. *По-старинному, по-нынешнему, по-летнему, по-зимнему, по-моему, по-своему, по-твоему. Слева, справа, налево, направо, назад, вперед, сзади, спереди, издали, вдаль, сначала, вместе, вместо, вверх, вверху, сверху, наверху, вовсе, вдвое, втрое, вчетверо, впятеро, вплотную, всмятку, наудалую, враспынную, бегом, кругом, шагом* и др.

Наречия, являющиеся глагольными словами, как *сидя, лежа*, имеют общие с глаголами основы и определенные окончания. Они называются **депричастиями**.

Наконец, есть наречия, в которых не видно ни основы, ни окончания. Таковы, напр., *едва, лишь, очень, там, сям, туда, куда, здесь, еле, вчера, завтра* и др.

§ 221. Частицы — неизменяемые, по значению несамостоятельные слова, придающие разные оттенки словам и словосочетаниям.

Они выражают утверждение, напр.: *да, так*; отрицание, напр.: *нет, не, ни*; сомнение, напр.: *вряд ли, едва ли*; усиливают нужное слово, напр.: *же, ж, -то, -ка (идите же! он-то не придет; поди-ка сюда!)*; усиливают вопрос, напр.: *разве, неужели, неужто* и проч.

Неизменяемые существительные и глагол

§ 245. Среди неизменяемых слов есть такие, которые употребляются совершенно так же, как существительные: управляют другими словами, с ними согласуются глаголы и прилагательные. **Примеры.** *Он надел пальто и шляпу. Пенсне разбилось.* Такие слова можно назвать **несклоняемыми существительными**. Это — обыкновенно иностранные слова и слова новейшего сокращенного образования вроде *Моно* (Московский отдел народного образования), *Генеу* (Государственное политическое управление) и т. п. Сюда относятся и некоторые русские фамилии, напр. *Крученых, Дурново*.

Слово *нет* употребляется то как отрицательная частица, то как глагол, напр.: *у меня нет книг* (ср.: *у меня есть книга*). В этом последнем значении его можно назвать **непрямым глаголом**.

II. О разделении слов и о «частях речи»

Слова можно разделять по значению и по форме, какую они принимают в сочетаниях с другими словами в речи.

1. Деление по значению дано в § 2—7 и в § 173.

Значит, слова самостоятельные и несамостоятельные, слова, обозначающие предметы, и слова, обозначающие признаки, слова местоименные, слова нарицательные и собственные, слова глагольные и неглагольные (§ 173), слова-междометия, подразделения несамостоятельных слов: предлоги, союзы, частицы, связки — все это классы слов, различные по значению.

2. Деление слов по форме дано в § 45 и 46.

Значит, слова по форме делятся на: 1) изменяемые и 2) неизменяемые.

Изменяемые слова делятся на: а) склоняемые, но не изменяемые по родам (которые мы называли существительными), б) склоняемые и изменяемые по родам (которые называли прилагательными), в) изменяемые по родам, но не склоняемые (глаголы в прошедшем времени и условном наклонении) и г) спрягаемые глаголы в настоящем и будущем времени и в повелительном наклонении.

Дальнейшие подразделения существительных и прилагательных на названия, местоименные и счетные, — это подразделения уже не по форме, а по значению.

К неизменяемым относятся наречия с деепричастиями, частицы, неопределенная форма глагола, предлог, союз, междометие, неизменяемые существительные и неспрягаемый глагол — это подразделение не по формам, а по значению.

Когда мы говорим здесь о форме, то понимаем под ней изменяемость слов, чем они показывают свои отношения к другим словам в речи. Но можно назвать формой слова также и то, как оно образовано, какова его основа, есть ли в ней суффикс или нет. Если обратить внимание на словообразование, то среди неизменяемых слов по их образованию мы различим: 1) такие, которые имеют общую основу с изменяемыми словами; таковы наречия — не все, а оканчивающиеся на *о*, *е*, *ее* и имеющие общую основу с прилагательными (§ 220); деепричастия и неопределенная форма глагола, имеющие общую основу со спрягаемыми словами; 2) такие, в которых нет основы и окончания (§ 220).

3. Для простоты и удобства называния слов мы можем объединить оба деления слов (по значению и по форме) в следующие классы, которым можем дать старинное и укоренившееся название «частей речи».

Имя существительное — слово, по форме — склоняемое, но не изменяемое по родам, по значению — самостоятельное, обозначающее предмет или признак (в том числе действие, состояние, число) отдельно от предмета; по значению существительные

могут быть или названия (глагольные и неглагольные), или местоименные, или счетные; по значению к ним отойдут и существительные неизменяемые (§ 245).

Имя прилагательное (включая и причастие) — слово, по форме — склоняемое и изменяемое по родам, по значению — самостоятельное, обозначающее признак, приписываемый какому-нибудь предмету; по значению прилагательные могут быть или названия (глагольные или неглагольные), или местоименные, или счетные.

Глагол. Под этим общим названием объединяем: 1) глагольные слова спрягаемые, 2) глагольные слова, изменяемые по родам, но несклоняемые (прош. время, условн. накл.) и 3) неопределенную форму; все они по значению — слова самостоятельные, обозначающие признак, а именно действие или состояние, причем первые два вида слов обозначают этот признак как приписываемый какому-нибудь предмету, а неопределенная форма — признак отдельно от предмета (чем по значению она похожа на существительное).

Наречие (включая и деепричастие) — слово, по форме — неизменяемое, по значению — самостоятельное, обозначающее признак, приписываемый имени прилагательному (*всегда послушный*) или глагольному слову (*хождение вокруг, хожу вокруг*); по значению может быть тоже местоименным (*там, тогда*).

Частица — слово, по форме — неизменяемое, по значению — несамостоятельное, употребляющееся для придания того или иного оттенка речи.

Предлог — слово, по форме — неизменяемое, по значению — несамостоятельное, употребляющееся для обозначения отношений между словами.

Союз — слово, по форме — неизменяемое, по значению — несамостоятельное, употребляющееся для указания связи между словами или между предложениями.

Междометие — не слово, если это невольное выражение чувств; употребленное намеренно — слово, по форме неизменяемое, по значению — самостоятельное, обозначающее или то же, что существительное, или то же, что глагол.

Иногда бывает удобно говорить вместе и о существительных местоименных, и о прилагательных местоименных; тогда можно пользоваться названием «местоимение». Точно так же для существительных счетных и прилагательных счетных можно пользоваться названием «имя числительное».

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Я буду говорить вам о русском литературном языке. В пределах одной лекции невозможно, конечно, изложить его историю или проанализировать его состав с той подробностью, которой заслуживало бы это важное явление нашей культурной жизни. Применительно к тому времени, которое имеется у меня, я поставлю себе маленькую задачу — указать происхождение нашего литературного языка и в общих чертах характеризовать его состав, поскольку этот состав определяется именно его происхождением.

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И НАРОДНЫЙ ЯЗЫК

Прежде всего нам нужно уяснить себе значение самого термина «литературный язык». Мы его употребляем несколько условно и в более широком смысле, чем самое слово «литературный» давало бы право. Конечно, это прежде всего язык литературных произведений, но так как язык литературных произведений есть вообще язык книги, с известными отличиями по родам разных письменных произведений, то мы и вообще книжный язык называем тоже литературным. Так как образованные люди в течение веков привыкли обращаться с книгой, то они мало-помалу усваивают себе и в устной речи этот литературный, т. е. книжный, язык. Поэтому, в широком смысле слова, мы этим термином называем также и разговорный язык образованных людей. В этом широком смысле слова я и буду употреблять термин «литературный язык».

Обычно литературный язык (в таком широком смысле слова) противопоставляется языку народному. Так обычно эти ходячие термины «литературный» и «народный» и противопоставляются друг другу.

Почему они могут противопоставляться друг другу? Значит, литературный язык не есть просто русский язык, нельзя поставить знак равенства между этими двумя терминами? Совершенно верно: то, что мы назвали бы просто русским языком, это означало бы совокупность всех живых народных наречий русского языка. Этот язык тоже изучается в науке, и он, пожалуй, лучше изучен, нежели литературный.

Если возможно противопоставлять литературному русскому языку русский язык вообще, т. е. язык живой народной речи во всех многообразных ее проявлениях, то является вопрос: откуда же возникает такой язык, который мы можем назвать литературным в отличие от народного? Дело в том, что язык ж и в о й, н а р о д н ы й удовлетворяет о б ы к н о в е н н о местным п о т р е б н о с т я м, но в жизни народов бывают такие обстоятельства, которые объединяют не только жителей данной местности, но жителей более обширных районов. Наиболее яркий случай такого объединения — объединение государственное. Так, например, в течение жизни русского народа оказались общие интересы и у жителей Архангельска, и у жителей Астрахани, и Тулы, и Вильны, и Перми, что и объединило их в одном обширном государстве. Объединение отдельных племен, отдельных частей народа в одно целое порождает нечто новое в жизни народа, — то, что мы называем национальностью. Применительно к древнему времени, когда русский народ был представлен отдельными племенами: полянами, древлянами, кривичами и т. д. и т. д., нельзя было говорить о русской нации, русской народности, русской национальности. С течением времени русские племена входят в какие-то объединения, в которых уже ступшевываются племенные различия. Летописи уже не говорят нам о кривичах, полянах, древлянах, они говорят о киевлянах, смольнянах, черниговцах. Вы видите здесь уже термины другого порядка: на место племен — области. Потом из этих областей зародились государства. Их было три, русских государства; одно из них было государство великорусское, известное под названием московского объединения отдельных частей народа в одно государство. О б р а з о в а н и е единой народности — это внешние рамки, от которых зависит история языка: рука об руку с таким объединением идет выработка общего органа — языка. Этот общий орган будет уже удовлетворять тем самым потребностям, которые далеко вышли за пределы данной местности, поднялись выше повседневной жизни и привели к объединению. Итак, возникновение общего языка всегда сопутствует с л а г а ю щ е й с я н а ц и и. Он является средством, закрепляющим ее единство, и является органом общей культуры. Подчеркиваю вывод, который может быть сделан из всего сказанного, что национальность — это дело, если позволительно выразиться, наживное; может долго существовать народ и не представлять собою национальности, пока он не приобрел какого-то культурного облика; этот культурный облик, приобретенный народом, мы и называем национальностью.

Первым и главнейшим признаком национальности является язык. Вы видите, что литературный язык в отличие от народного принадлежит к числу языков общих, стало быть, поскольку русский язык литературный язык будет общим для Архангельска и Астрахани, для Смоленска и Перми, постольку он уже не будет

тем русским, который в разных местностях служит лишь местным потребностям. Этот общий язык везде и для всех русских является языком своим, однако он же до некоторой степени, в известном смысле, будет всегда и чужим всякому, говорящему по-русски. В школе учат именно этому русскому литературному книжному языку. Ребенок, уже говорящий по-русски, этого языка, однако, не приносит с собой в школу, он ему обучается в школе так же, как и языку иностранному. Здесь разница только в степени: если он учится, например, французскому языку, то здесь все чужое, а если он учится литературному языку, то здесь, с одной стороны, как будто все свое, однако, с другой стороны, есть в нем известные элементы слова, обороты речи, даже звуки и т. д. и т. д., вовсе не архангельские, не астраханские, не тульские, не пермские. Элементы самого разнообразного происхождения и свойства, которые появились в нем только потому, что он язык общий. Этим элементам приходится учиться.

Итак, литературный язык принадлежит к числу общих языков, т. е. таких языков, которые возникают для удовлетворения общих потребностей разных людских объединений. Прежде всего, как на пример такого объединения, я указал на государство. Такими объединениями могут быть и иные, например для удовлетворения общих религиозных потребностей, общих литературных потребностей и др. Бывает, что один и тот же общий язык является и государственным, и церковным, и литературным. Но они могут быть и различные.

Общие языки могут быть названы «культурными» языками, так как они нужны как средство, как орган культуры. Если один народ усваивает культуру, перенимая ее у другого, то он часто вместе с тем усваивает и чужой язык как орган этой чужой культуры, ему, так сказать, некогда ждать, пока собственный язык его будет готов для этого; во что бы то ни стало нужно поскорее усвоить культурные достижения: если культура пришла извне, он часто пользуется для этих целей чужим языком. Например, в начале средних веков, когда только еще слагались всем известные теперь нации французов, англичан, немцев и других, вся Европа жила римской культурой, и, усваивая ее, она усваивала и орган этой культуры — латинский язык. Нелепо пользоваться чужим языком, но, оказывается, стоит потрудиться ради тех достижений, которые даются усвоением культуры. И вот, латинский язык в средние века является во всей образованной Европе и государственным языком, и литературным, и церковным в католической церкви. Пользование чужим языком продолжается, пока не зародится в народе так называемое национальное самосознание, и тогда мы видим, что старый орган культурной жизни уже не удовлетворяет, начинается борьба за возникновение другого органа — своего национального языка. Но, пока этого нет, до тех пор пользуются чужим языком даже в литературе, т. е. в такой области, которая рассчитана на

широчайший круг потребителей: ведь для того и пишут писатели, чтобы их многие читали. Например, известнейший норвежский писатель Ибсен писал по-датски, потому что норвежский язык не выработался еще в такое же совершенное орудие. Почти вся культура скандинавских стран, т. е. шведская, норвежская, была датской, ближайшего родственного народа, язык которого, хотя и близок к шведскому и норвежскому, но не тождествен им. Приведу еще пример, и пример совсем далеких языков. Это литературный язык у финнов. В Финляндии сравнительно недавно выработался и служит свою литературную службу свой финский язык и сравнительно недавно еще литературным языком у финнов служил совсем чужой — шведский язык. Национальный поэт финнов, Рунеберг, памятник которому стоит на Эспланаде в Гельсингфорсе, писал по-шведски.

Из того, что даже чужой язык, пока не выработался свой, может служить народу языком общим, видно, до какой степени важны те особые свойства, которым должен обладать общий язык — орган общей культуры. И в том случае, когда общий язык возникает из своего народного языка, он должен приобрести при этом какие-то особые объединяющие свойства и может при этом утрачивать свои характерные местные черты. И литературный язык, возникший из какого-либо местного народного наречия, может со временем утратить те или иные черты этого наречия и приобрести известный элемент искусственности. Писателю не важно написать так, как у него говорят в данной местности, он этого вовсе не ценит. Ему важно, чтобы его поняли на возможно широком пространстве. И вот писатель, скажем, из Архангельска предпочитает писать не так, как говорят в Архангельске, а так, как вообще пишут другие, потому что в этом есть известная гарантия, что его поймет широкий круг читателей. Кроме этого, в литературном языке мы замечаем и искусственности: для того, чтобы быть понятным, писателю важно написать так, как уже привычно для читателя. Может быть, живой язык уже изменился, может быть, произносят звуки иначе, употребляют слова другие, чем в книгах, а писатель все-таки пишет, как писали прежде, а не так, как говорят сейчас. Вот главные элементы искусственности в литературном языке: он очищается, так сказать, от местных особенностей и в нем удерживается часто то, что в живом языке уже исчезло, и не принимается то, что в живом языке уже народилось. Наконец, так как литературный язык — орган культуры, а существует известный международный культурный обмен, то между литературными языками отдельных народов замечаются разные точки соприкосновения. Перевод с одного языка на другой, подражание писателя одной нации другому из другой нации и проч. ведет к тому, что элементы, которые сложились в силу тех же самых потребностей в одном литературном языке,

отражаются в другом, чужом, не родственном ему: можно заметить латинские конструкции, например, в старинных литературных европейских языках, в русском языке XVIII в. можно найти такие способы выражения, которые приведут нас к французскому, и т. д.

II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Все вышесказанное касается всех литературных языков на свете, касается и русского литературного языка. Древняя Русь усваивала через посредство южных славян культуру византийскую, т. е. греческую. Первые книги, полученные на Руси, были написаны на чужом, не русском языке, а языке болгарском. Тот «славянский» язык, на который в IX в. известные деятели Кирилл и Мефодий перевели с греческого Священное писание, был именно болгарский язык. Они, сами греки, жили среди болгарского племени в Македонии и для своей просветительной деятельности среди славян воспользовались, конечно, этим с детства им хорошо знакомым языком. С этого началась литературная обработка болгарского языка, и он становится общим языком — церковным и литературным — у всех восточных славян. Этот язык называют иначе «старославянским» или «древнецерковнославянским». Тем, кто незнаком с родственными отношениями славянских языков, иногда представляется, что этот язык старше всех других славянских языков, в частности русского. Разберемся в этом. Все славянские языки, в том числе и болгарский и русский, произошли из одного не существующего уже давно языка, который в науке условно называется праславянским. В то время, когда болгарскому языку, если можно так выразиться, повезло, когда он в IX в. начал делать, что называется, литературную карьеру, в это время уже существовал и русский язык, на нем говорили поляне, древяне и т. д. и т. д., существовал и польский язык, существовал и сербский, и все остальные славянские языки, и, конечно, историческая судьба могла быть другой, первоначальные книги, первые, так сказать, элементы культуры, могли бы быть польские, а могли бы быть и русские; это чисто историческая случайность для болгарского языка, что древнейшие памятники славянских языков оказались написанными именно на нем. Здесь дело обстоит так же, как с древностью какого-нибудь рода. Когда говорят: это древний род, то что это значит? Это значит, что какое-нибудь лицо, принадлежащее к этому роду, чем-нибудь очень давно стало известно или случайно в каком-нибудь документе записано. Так, если, например, мне, Ушакову, человеку не аристократического происхождения, тягаться с князем Долгоруковым — Рюриковичем по происхождению, — я бы проиграл. Но это не значит, что у моего дедушки не было еще дедушки, а у того дедушки не было прадедушки и т. д. У обоих были, конечно, и дедушка, и прадедушка и т. д. и т. д., и мы могли бы довести свое происхождение до

Адама или до обезьяны, как хотите. Дело в том, что на каком-то пространстве времени стало известно и записано об одном и не записано о другом. Так и с языками старославянским и русским: не язык старославянский старше, а старше его памятники. Это значит, что на болгарском (старославянском) языке писали уже тогда, когда на других славянских языках еще не писали, но это не значит, что других славянских языков еще не было, когда тот уже существовал.

Итак, болгарский язык, обработанный книжным образом, явился тем органом, которым пользовались не только болгары, но и другие славяне для своих культурных целей. Таким образом, и в Древней Руси общим культурным языком оказался чужой язык — болгарский. Этот болгарский язык, обработанный для книжного употребления (этим противопоставляю его народному болгарскому языку), называется у нас, как уже сказано выше, условным названием «старославянский» или иначе «древнецерковнославянский». Церковнославянским — потому, что он употреблялся в первую голову для церковных целей и первые его памятники были книги Священного писания и книги богослужебные. Прибавка «древне» делается для отличия его от новоцерковнославянского, т. е. того же языка, но в значительной степени обрусевшего. За долгое время, пока он у нас на Руси употреблялся в церкви, русские люди невольно внесли в него много черт своего русского языка, и в результате этот церковнославянский язык несколько обрусел, так что то, что сейчас представляет собой язык православной церкви, это не совсем уж тот же самый древнецерковнославянский X—XI вв.

Старославянский, или древнецерковнославянский (это все равно), — язык литературный, книжный, по происхождению болгарский — пришел к нам в книгах, привезенных из Болгарии для церковных целей, но сейчас же он начинает употребляться и для государственных, и для литературных целей. Как мог русский читатель читать чужую болгарскую книгу? Нужен ли был перевод? Нет, перевод не был нужен. Было очень нетрудно усвоить те отличия, которые были у этого болгарского языка от живого русского. Даже сейчас, взявши старославянский текст, допустим Остромирово Евангелие, вы можете довольно быстро ориентироваться в нем; уже сразу попадутся такие слова, которые значат то же самое, что значат и теперь, тем более в X—IX вв., когда русский и болгарский языки были гораздо ближе друг к другу, чем в XX в. Но отличия все-таки были. Главнейшие из них я сейчас укажу, но предварительно нужно отметить, что к этим отличиям нетрудно было привыкнуть русскому читателю.

Одним из самых ярких, выпирающих различий между болгарским и русским языком было полногласие. Полногласием

называется известная звуковая черта русского языка, состоящая в том, что в русских словах стоят сочетания *оро, ере, оло, еле* или *ело*, а в соответствующих болгарских словах, вместо этого, *ра, ла, ре, ле*, причем в [двух] последних случаях *е* был звук *ять* (а *ять* как в русском, так и в болгарском языке был особый звук, отличавшийся от *е*).

Например, русские говорили: *голова, борода, береза, железа, шелом, молоко*, а болгары говорили: *глава, брада, бреза, жлеза, шлем, млеко*. Едва ли к этому довольно крупному отличию было трудно привыкнуть. Русский читатель, говоривший дома *борода*, встречая в книге слово *брада*, понимал из контекста, в чем дело, и привыкал к этому чужому слову. Сейчас нам эти болгарские слова вполне понятны, очень многие из них стали для нас своими, но надо постараться представить себе, как мы их усвоили. Вначале они вовсе не были своими. Теперь за нами целые века книги, где такие слова употребляются. Тогда у русского человека, впервые увидевшего книгу, такого опыта еще не было. Не надо думать, что какое-нибудь слово *город* первоначально когда-то у русского человека звучало *град*. Никоим образом. Русский человек говорил *город* и, основывая, или срубая (деревянные постройки «рубятся», каменные «кладутся»), вместо Старой Руссы, куда впервые пришли варяги, новый поселок, он назвал *Новгород*. Не думайте, что он был назван *Новград*. Для того чтобы назвать его *градом*, нужно было выучиться литературному языку, нужно было начитать книг, усвоить это слово *град* и после этого, конечно, можно стало давать городам имена: и *Елизаветград*, и *Петроград*, и *Ленинград* и т. п. Русский человек в своем языке знал *город*, а встречая в книге *град*, он понимал, что это значит, и усвоил себе и это слово. Как же он относится к этому *граду*, встреченному в книге? Отношение могло бы быть двойное, или он понял, что это чужое слово, и заменил своим, или он взял и усвоил чужое слово. В сущности, бывало и то и другое, но предпочтительно было именно второе: русский человек считал, что его язык то же самое, что язык книги, но только похуже сортом, неправильнее, а что образец правильности в книге. Русские писатели предпочитали книжные слова, считая их более правильными, и не только не избегали их в своих собственных сочинениях, но, наоборот, с удовольствием их усваивали. И, понятно, чем начинаннее в книгах, чем образзованнее был русский писатель, тем его язык был правильнее с точки зрения книжного языка, т. е. тем больше у него было и церковнославянских слов, и церковнославянских форм (падежных, глагольных и др.), и оборотов речи. Поэтому бывали писатели немудрые, которые выражались очень неправильно, у которых найдено больше русских элементов; они сами чувствовали это, стеснялись и подчас извинялись перед читателем за свою «поместную беседу»; но были и хорошие знатоки церковнославянского книжного языка, которые свободно писали на нем свои произведения. Привыкнув к книжному языку, начитан-

ный человек стал переносить церковнославянские слова и другие книжные элементы и в свою разговорную речь. За долгий путь с того момента, как русский читатель взял в руки чужую церковнославянскую, т. е. болгарскую, книгу, и до настоящего времени накопилось много таких элементов в разговорном языке образованных людей; и мы так привыкли к этим чужим по происхождению элементам, что без известного филологического анализа и не различим их. Ну, кто же скажет, что слово *прохлада* слово иностранное. А между тем это так. Мы настолько его усвоили, что оно для нас свое, между тем как наше русское должно было звучать *прохолода*.

Таковы же слова: *младенец* (сравн. *молодой*), *страна* (*сторона*), *враг* (*ворог*), *небрежный* (*бережный*), *прибрежный* (*берег*), *ограда* (*огородить*), *мрак* (*омрачить*, *обморок*, *морочить*), *краткий* (*короткий*), *сладкий* (украинск. *солодкий*) и много, много других.

Итак, в русском языке, особенно в литературном, а еще более в стихах мы найдем немало слов без ожидаемого полногласия. Это слова, заимствованные путем книги из церковнославянского языка или образованные впоследствии самими русскими по образцу тех. Некоторые из своих слов (полногласных) исчезли, а употребляются только заимствованные (неполногласные), напр. *шлем* (древнерусск. и в песнях *шелом*), *плен* (древнерусск. и в песнях *полон*), *благо* (древнерусск. *болого*) и др. Иногда сохраняются оба слова или в одном и том же значении, или с некоторым различием, хотя малым, в значениях: так, с неполногласным словом мы соединяем оттенок известной торжественности, учености или церковности, отвлеченности и т. п. именно потому, что они издавна были в книгах, а не в живом употреблении. Так, *глава* — в книге, на церкви, но *голова* сахара; *Млечный Путь*, *млекопитающее*, но *молочная каша*, *среда* — общества, в физике — луч света преломляется в известной *среде*, но *серeda* — день недели; *преломляется* (в ученой речи), но *переламывается* (в обыденной); *пленить*, но *заполонить*, *превратить*, но *переворотить* и т. п. Так различие между словами по происхождению обратилось у нас в различие стилистическое.

Второе крупное отличие — это *щ* в церковнославянских словах и вместо него *ч* в русских. Например: церк.-слав. *свеща*, *хощу* и русское *свеча*, *хочу*. Не всякое *щ* является признаком церковнославянизма, а только такое, которому в русских словах соответствует *ч*, а это бывает тогда, когда в корне этих слов было *т* (*свеча* — *свеща* — корень *свет*). Бывает *щ* в русских словах, именно таких, в корне которых будет не *т*, а *ст* или *ск* — *вещий* (*весть*), *ищу*, *вощаной* (*искать*, *воск*); в этом случае в церковнославянских словах тоже *щ*.

Рядом с этим стоит и следующее отличие, это *жд* в церковнославянских и *ж* в русских словах. Например, *надежда* и *надёжа*, *одежда* и *одёжа*, *вижду* и *вижу* и т. п. И опять-таки

не всякое *жд* будет признаком церковнославянизма, а только такое, которое стоит на месте коренного *д*. Например, так как у слова *хождение* корень — *ход*, то *хождение* нерусское слово, русское было бы (и было в старину) *хоженье*, а, например, слово *жду* — свое, а не заимствованное слово в русском языке.

Подобно тому, как в русском литературном языке мы находим много заимствованных из церковнославянского слов или созданных по их образцу — слов, выдающих свое нерусское происхождение сочетаниями *ра*, *ла* и т. д. вместо *оро*, *оло* и т. д., подобным образом мы найдем в нем немало слов, где вместо ожидаемого *ч* найдем *щ*, вместо ожидаемого *ж* найдем *жд*. Все такие слова по происхождению книжные, т. е. заимствованы русским языком из церковнославянского или сочинены позже по книжному образцу. Таковы слова: *возвещать* (ср. русское слово с тем же корнем *-вет-* — *отвечать*, старосл. — *отвѣцати*), *пещера* — (ср. русск. народн. *печера*, откуда *Печерский* монастырь), *освещать* (ср. с тем же корнем *свет*, *отсвечивать*), *пища* (*т* видно в глаголе *питать*) и мн. др. Сюда же относятся все причастия на *-щий*, как *горящий*, *сидящий* и т. д.; все они, стало быть, нерусские; в русском старые причастия звучат: *горячий*, *сидячий* и т. п. и перешли по значению в прилагательные. Таковы же слова с *жд* вместо *д*, как *вождь* (дневнерусск. *вожь*), *осуждать* (ср. *пересуживать*), *препровождать*¹ (некнижное *провождать*), *рождество* (народное *рожество*) и мн. др.

Это крупнейшие признаки книжного, церковнославянского происхождения слов. Другие более мелкие или более тонкие я оставляю без рассмотрения. Ограничусь только примером кстати. Выше я привел как пример нерусского по происхождению слова слово *освещать*. В нем нерусского не только *щ* вместо *ч* (из *т*), но и самое образование глагола — более по-русски было бы *освечивать*. В существительном *освещение* не только *щ*, но и другие признаки неживого русского языка: это *-ние* вместо *-нье* и место ударения на суффиксе *-ение*; по-русски такие отглагольные слова имеют ударение другое: либо на корне, либо совсем на конце: *не мытьём, так кáтаньем, ложь во спасёнье, преполовёнье, пеньё*², *рваньё* и т. д. Слова *рвение, терпение, пение* — книжные.

Как уже я сказал, указанные и другие отличия церковнославянского языка от русского не очень затрудняли для русского читателя понимание книги; он скоро привыкал к чужим словам и оборотам речи и, считая их более правильными, чем свои родные, предпочитал их своим; русский писатель старался употреблять их в своей письменной речи; мало того, начитанные люди переносили их в свою разговорную речь. Так чужие слова утвердились

¹ У Пушкина: *День каждый, каждую годину привык я думой про водать, грядущей смерти годовицину меж них стараясь угадать.*

² У Грибоедова в «Горе от ума» Софию учителя обучают — *и танцам, и пенью, и нежностям, и вздохам.*

в русском литературном языке, дожили до настоящего времени, стали совсем «своими», и только знание указанных отличий говорит об их чужом происхождении.

Таким образом, я указал на одну из главных основ нашего литературного языка: это — чужая, церковнославянская, т. е. болгарская, книжная стихия. Но есть у него и другие основы.

III. МОСКОВСКИЙ ГОВОР КАК ВТОРАЯ ОСНОВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Другая основа нашего литературного языка — своя, русская, а именно *м о с к о в с к и й г о в о р*. Нужно сейчас остановиться на этом термине — *московский говор*, чтобы поставить его на определенное место среди других русских говоров. Русский язык, который противопоставляется белорусскому и украинскому, иначе называется великорусским, и он представляет собой совокупность всех великорусских народных говоров. Этот великорусский язык распадается на две крупные части: так называемую северновеликорусскую и южновеликорусскую. Граница между ними проходит через самую Москву, и если вы по карте РСФСР проведете горизонтальную линию через Москву, левый конец этой линии приподнимите немного, а правый чуть-чуть опустите, тогда вы получите приблизительно, в грубых чертах, эту границу. Она идет из Псковской губернии, по Тверской, Московской через Москву, в Рязанскую и южнее и там скрывается в Поволжье. Эта линия, на которой произошла встреча тех русских племен, говоры которых образовали северновеликорусское наречие, и тех, язык которых лег в основу южновеликорусского наречия. На этой линии, как всегда бывает при таком соседстве, начали возникать смешанные говоры.

Смешение языков или говоров происходит путем заимствования слов у соседей. В этом отношении нет ни одного языка мало-мальски культурного народа, который не был бы до известной степени смешанным, т. е. не имел бы совсем заимствованных слов. Заимствованные слова часто настолько усваиваются, что их никто не считает заимствованными. Как на наиболее разящий пример, я укажу на то, что *хлеб* или *молоко* у нас германского происхождения (заимствованы еще в древнейшую эпоху общей жизни славян) или что *собака* не русское слово, а татарское. Заимствования часто обличают сами себя, особенно когда человек знает тот язык, из которого данное слово заимствовано. Заимствуют друг у друга также и ближайшие говоры. В одной деревне, скажем, петух называется *петухом*, а где-то за 5 верст *кочетом*, известная кухонная принадлежность называется *сковородником*, а в другом месте *чапельником*, здесь — *квашня*, а там — *дежа* и т. д. и т. д. При взаимных сношениях таких деревень происходит заимствование чужих слов, которое может очень испестрить словарный состав говора.

На почве смешения языков или говоров могут вырабатываться совершенно иные типы языка или говора. Это уже не простое механическое смешение, здесь происходит как бы перерождение некоторых черт в одном языке под влиянием другого, например, произношение тех или иных звуков, усвоенное в заимствованных словах, переносится и на свои, и таким образом свое старое произношение этих звуков совсем вытесняется новым. Такие переходные говоры возникли и по линии, только что мысленно проведенной мною по карте РСФСР, на границе между предками северновеликорусов и южновеликорусов. Их нельзя назвать ни северновеликорусскими, ни южновеликорусскими, к ним шло бы просто название великорусских безо всяких прибавок.

В диалектологии (так называется отдел языковедения, изучающий диалекты языка) их называют с р е д н е в е л и к о р у с с к и м и, они занимают середину и географически и по своей звуковой структуре. Мы увидим это сейчас же, если сравним главнейшие отличительные черты северновеликорусские, южновеликорусские и средневеликорусские. Между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами, конечно, очень много отличий, так что вся картина северновеликорусского говорения будет не та, что южновеликорусского. Но, разбираясь во всей массе этих отличий, можно выделить немногие, самые основные. Они будут следующие. Первым главнейшим отличием северновеликорусского является о к а н ь е, а южновеликорусского — а к а н ь е. Я не буду сейчас объяснять, что такое оканье и аканье, потому что точно формулировать эти понятия можно только исторически; удовлетворимся теми, может быть, не совсем отчетливыми представлениями, которые соединяются у нас с выражениями: «говорить на о» и «говорить на а». Затем второе отличие — это произношение звука г. У северновеликоруссов г так называемое (в физиологии звуков речи) «взрывное», а у южновеликоруссов так называемое «длительное» или «фрикативное», которое сходно несколько с звуком х. Третье отличие в окончаниях третьих лиц глаголов: северновеликорусское твердое *идет, идут* и южновеликорусское мягкое — *идеть, идуть*.

Кстати, среди вас, вероятно, есть немало южновеликоруссов, туляков, орловцев, курян, рязанцев и др., которые произносят г фрикативное, но мало лиц, которые говорят: *идеть, идуть*. Это потому, что вы принадлежите к образованным людям, т. е. к тем, которые знают книгу и усвоили в той или иной мере, во всяком случае, в большой мере — книжный язык, в книгах обычно печатаются глаголы не с *ь*, и вот уже в школе под влиянием книги южновеликорусс, который мог у себя в деревне говорить *идеть, идуть*, приучается так не говорить. (Надо иметь в виду, что диалектология изучает говоры, конечно, не на образованных людях, не по городу, а по деревне, город ведь говорит, пусть не в полной мере, литературным языком.) Что же касается произношения г,

то буква *з* сама по себе не указывает ни на взрывное, ни на фриктивное произношение, всякий может ее читать по-своему, и книжное обучение поэтому на произношение здесь не влияет.

Итак, на той линии, где сошлись предки северновеликоруссов и южновеликоруссов, где образовался смешанный говор, возник новый тип говора, который представляет собой не простое механическое смешение, а как бы химическое перерождение. К числу таких средневеликорусских говоров принадлежит и московский говор. Каковы же самые основные отличительные черты средневеликорусских говоров? В Москве и во всей средневеликорусской полосе акают, *г* произносятся взрывное, окончание третьего лица глаголов с твердым *т*. Вот посмотрите, что получилось: говоры промежуточные, средневеликорусские, имеют южновеликорусскую черту — аканье, *г* они имеют северновеликорусское, окончание 3-го лица глаголов опять северновеликорусское. Эти говоры по происхождению своему северновеликорусские, и когда-то они окали, и в Москве тоже окали и очень рано под влиянием южновеликорусских говоров начали акать, но другие черты сохранили свои, и получилась такая смесь. Другие более мелкие черты этих говоров я опускаю.

Вот из этой полосы средневеликорусских говоров берет свое начало другая основа нашего русского литературного языка. Московский говор, опять в силу случайных для языка причин, выдвинулся и стал общерусским государственным языком. К нему обратились впоследствии авторы литературных произведений. Что же такое государственный язык? Мы можем провести знак равенства, сказать: канцелярский язык. Да, это язык делопроизводства, язык того громоздкого аппарата, который является выразителем связи отдельных мест в огромном государстве. На этой почве вырастает общий язык.

В Древней Руси, когда книги писались на церковнославянском языке, как писали деловые бумаги? Конечно, их старались писать так, как привыкли в книгах, но самое содержание этого рода произведений было таково, что оно невольно влекло именно к русским словам и оборотам, а образцов-то для них в книге не было. В самом деле, если русский автор пишет свое собственное произведение, то, в зависимости от его темы, уже многое определяется; если это будет житие святого или какое-нибудь духовно-нравственное рассуждение, то, конечно, он найдет книжные образцы для выражения своих мыслей, но когда он пишет, скажем, духовное завещание, то нигде он в книге не найдет образцов, чтобы выразить свою мысль, чтобы сказать, кому он отказывает серебряный ковш и кому соболью шубу, и приходится как-то справляться без образцов с русскими словами и оборотами. Еще пример. Возьмем произведение XVI в. «Домострой». Книга начинается духовно-нравственными рассуждениями о том, как «Бога и царя чтити», о том, как воспитывать детей и т. п., а заканчивается почти

поваренной книгой, о том, как солить грибы, как стирать белье: рекомендует мудрую экономию, например «когда хлеба печи, тогда и рубашки мыти» (для экономии дров и печение и стирка в один и тот же день), учит, как хранить припасы, как постелить войлок или ветошку в грязную погоду, «чтобы все ста не грязнити» (*мост* — всякий помост, пол). Для того, чтобы все это выразить, конечно, образцов в Священном писании не найдешь. И так, вполне естественно, что всякое светское произведение обнаружит больше русских элементов, чем духовное, тем более деловая бумага, грамота. Грамоты дошли до нас несколько позже, чем книги. Первый книжный памятник — Остромирово Евангелие половины XI в., а первая древнейшая грамота — грамота Мстислава начала XII в. Грамоты представляют нам довольно обильный материал делового языка, языка более русского, чем язык книг. Грамотами называем разные документы: договоры князей, грамоты купчие, закладные, заемные, рядные, судные грамоты и т. п. В грамотах мы находим не только вообще элементы русского живого языка, в отличие от книжного, а даже разные местные черты, т. е. из них видно, например, что на Северной Двине говорили так, а в Рязани иначе и т. д.

Изучая язык светских актов, историк языка находит в них отражение местных диалектов уже с древнейших времен. Но чем дальше, тем диалектические различия в грамотах, деловых актах, проступают все меньше и меньше, как будто бы совершилось что-то странное, как будто бы на Северной Двине стали говорить так же, как и в Рязани. Конечно, нет. Там и до сих пор говорят по-разному. Но дело в том, что в канцелярии, в приказе на Северной Двине стараются писать так же, как пишут в Москве, и в Рязани стараются писать так, как пишут в Москве. В основном характере светских актов XV в. отразился новый порядок в сфере политических отношений. Москва становится крепким государством, и московские приказные избы все больше начинают забирать в свои руки самые разнообразные стороны народной жизни. Вот эта система и сказалась на официальном языке. Таким образом, анализ светских актов обнаруживает нам громадной важности факт — рождение общего государственного языка на основе московского наречия. Почему московского? Потому, что Москва стояла в центре государственной жизни. Если бы в центре был другой город с другим наречием, то с другим наречием случилось бы то же самое. Московский говор, легший в основу этого государственного языка, распространяется затем и как общий говор образованных людей. Это значит, что во всяком местном центре округа тянет к этому центру, а центры тянет к Москве, и во всем всегда у центров подражание столице, у округа, тяготеющего к центру, подражание этому центру. Так мало-помалу столичный язык делается общегородским языком. Всякий

знает, что в городе говорят не так, как даже в ближайшем деревенском округе. Например: московский городской говор имеет границы довольно узкие. Чем дальше в глубь веков, тем они были еще уже. Например, писатели XV в., авторы комедий, когда они хотят изобразить мужика, непременно изображают его окающим, как будто это свойство всякого простолюдина. Это потому, что окающие говоры крестьянские в XVIII в. начинались сейчас же за воротами Москвы, за северными заставами Москвы. Еще в половине XIX в. известнейший знаток русского языка Даль писал, что границы московского наречия можно обозреть с высоты московских колоколен. Сейчас, правда, с высоты московских колоколен, стоящих даже на окраинах Москвы, вы границ этих не обозрите. Для этого нужно проехать по железной дороге на север или северо-восток верст 30—40. В полосу начинающегося оканья и других северновеликорусских черт вы попадаете в Дмитровском, Клинском, Богородском уездах. На юг, в Серпуховском уезде, вы попадаете в полосу южновеликорусскую. Итак, сравнительно недалеко от Москвы в деревнях начинается территория на севере — северновеликорусских, на юге — южновеликорусских говоров. Однако город, находящийся от Москвы на весьма далеком расстоянии, оказывается, говорит городским говором. Так, например, Клин, в отличие от своего же уезда, и не только Клин, но и Тверь, находящаяся в сплошной территории северновеликорусских говоров, в лице городского населения того, что называется интеллигенцией, не окает. Этот городской говор перенесли из Москвы в города старые служилые люди, прямо из центра переселившиеся туда.

Московскому говору, который выработался в общегосударственный язык великорусского государства, в общегородской, пришлось послужить и нуждам литературы, когда старым литературным языком уже переставали удовлетворяться. Уже в XVIII в. в литературной жизни народилось очень много нового, что требовало обновления и в языке. Появились новые формы литературных произведений, заимствованных с Запада, стихотворения, которых до сих пор не было. В языке письменных произведений XVII в. царит смесь церковнославянских элементов и русских. Язык приказный, канцелярский, хотя и выработался, но [с] специальным заданием служить нуждам делопроизводства, и поэтому он не всегда еще был готов выразить все то, что полагалось в литературном произведении.

Однако проводником русских живых элементов в книжный язык, взамен отживавших церковнославянских, был именно он.

Петр Великий, который, во все вникая, между прочим, участвовал лично и в деле перевода иностранных книг, отличает этот новый язык, который должен прийти на смену старому. Он говорит, что следует писать, как пишут в посольском приказе. Почему именно в посольском? Потому что посольский приказ —

это министерство иностранных дел, а везде и всюду в ведомстве иностранных дел сидят наиболее образованные люди, что требуется по самой сути данной работы, и в посольском приказе были более образованные люди, а стало быть, и писали они искуснее.

Выработка языка литературного из канцелярского не единственный пример в истории создания литературных языков. Ближайший пример — наших соседей — немцев. Новонемецкий язык литературный свой облик получил в канцеляриях Саксонского Курфюршества, и первый памятник нового немецкого языка — перевод Библии, сделанный Лютером в XVI столетии, — был сделан на этот язык. Конечно, этот новый язык приказов долго нужно было обрабатывать для того, чтобы все то, что литература хотела выразить, можно было им выражать. Но важно было то, что к XVIII в. была признана непригодность старого древнецерковнославянского языка для новых потребностей, и искания новой формы языка занимают все начало XVIII в.

Наиболее яркими выразителями этого перелома у нас являются писатели половины XVIII в. Из них назовем Ломоносова, имя которого называется обыкновенно как реформатора русского языка. Его реформаторство заключалось в том, что он в своих ученых трудах теоретически выразил то, что практически уже народилось, а именно — разграничение церковнославянских и русских элементов. Как я уже говорил, прежде понимали так: то, что в книгах церковнославянских, то лучше, правильнее. А теперь признается мало-помалу, что можно считать правильным также и то, что не по-книжному, а что идет из народного русского языка. Разграничив церковнославянские и русские элементы, Ломоносов признал за русскими элементами право на литературное употребление. Этот перелом, совершившийся в половине XVIII в., может быть охарактеризован как сближение языка книги с языком образованных людей тогдашнего времени, а потом и с языком народным. Это черпание из народного языка, как из кладезя, который может обновить русский литературный язык, и стало общей директивой дальнейших русских писателей. Правда, когда в конце XVIII в. Карамзин и молодые писатели-западники наводнили русский язык заимствованиями и подражаниями французскому и английскому стилю, тогда появилась известная реакция. В конце XVIII в. Шишков организовал литературный поход против новшеств и звал назад к Ломоносову, но, сам того не замечая, звал дальше Ломоносова. Устанавливая соотношение церковнославянских и русских литературных элементов, Ломоносов признавал возможным употребление русских слов в известном, не высоком стиле произведений и признавал невозможным употребление таких церковнославянских слов, которые уже стали непонятны. Между тем Шишков и его сторонники перегибали в другую сторону и, призывая к Ломоносову, с особенной любовью

старались внедрять такие церковнославянские слова, которые совершенно были непонятными. С Пушкина начинается вполне сознательное пользование народными элементами, и Пушкин это сам прекрасно сознавал. В эпоху своего зрелого творчества, в Михайловском — он, говоря о том, под каким влиянием написана его драма «Борис Годунов», между прочим, указывает, что «в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени». Пушкин неоднократно в разных своих заметках останавливается на вопросах литературного языка, и народному элементу он приписывает большое значение. «Разговорный язык простого народа, — говорит он в одной заметке, — достоин глубочайших исследований, Альфери (итальянский драматург) изучал итальянский язык на флорентинском базаре. Не худо иногда прислушиваться к московским просвириям: они говорят удивительно чистым и правильным языком». Учиться языку на флорентинском базаре или, как Крылов, у прачек в Твери — это значит не гнушаться народных оборотов, но это не значит совать их без толку. Всегда в таких случаях должно быть чувство меры и известный такт, так как эти живые элементы могут быть, с одной стороны, чрезвычайно привлекательны, а могут иногда и отталкивать. Здесь правила не выработаешь, и все дело во вкусе и в такте. Относительно московских просвириен, в частности, Пушкин не хуже Петра Великого проник в сущность дела. Дело, конечно, не в просвирине. Пушкинское замечание указывает на язык пожилой москвички, притом не из аристократического круга, а женщины, тем более пожилые, всегда более или менее консервативны в говоре, следовательно, в отличие от молодежи, застрахованы от излишних новшеств. Вот что значит чистый и правильный язык московских просвириен в пушкинских устах. По этому пути, т. е. постоянного обращения к народному языку, пойдут и дальнейшие писатели. Я говорил уже, что язык писателей у нас изучен далеко не достаточно, однако ясно, что отношение литературного языка к народному, провозглашенное в XVIII в. и так ярко закрепленное Пушкиным, продолжается и после него. Может быть, именно московские элементы в нем уже не играют той роли, какую играли прежде, но обновляться из народного источника он не перестает.

IV. ПРИМЕРЫ ДВУХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОСНОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Теперь, в заключение, я хотел бы показать вам на конкретном примере то обстоятельство, которое вытекает из всего сказанного. Наш литературный язык имеет две основы: чужую, церковнославянскую, по происхождению болгарскую, и затем вторую — свою собственную, народную. Обе они видны и теперь. Но видны они только вооруженному глазу, потому что чужие по происхождению элементы мы в течение веков до того крепко

усвоили, до того они вошли в плоть и кровь нашего языка, что непосредственным чутьем мы уже давно не отличаем их от своих.

Выше я указал на главнейшие приметы, по которым можно узнать чужие элементы, и по краткости времени ограничимся немногим. Теперь посмотрим на каком-нибудь литературном тексте, как переплетаются в нашем языке эти чужие элементы со своими. При случае мне придется указать и такие черты, о которых не было говорено выше.

Я беру передовую статью в сегодняшнем номере «Известий»¹. Она называется «Главнейшие задачи кампании перевыборов советов». Словно нарочно для нас, в этом заглавии по одному примеру на чужое и на свое слово. Чужое — *главнейшие*, свое — *перевыборов*.

Главнейший, *главный* от книжного *глава*, которое у нас существует наряду с живыми *голова*, *головной*; мы пользуемся то тем, то другим, смотря по оттенкам значений: *глава* в книге, *глава* общества, *главы* на церкви, но в более простых значениях: причисывать *голову*, *голова* болит, городской *голова*, сахарная *голова*. И в производном прилагательном слове в отвлеченном смысле употребляем книжное, т. е. чужое по происхождению *главный*, а в конкретном — *головной* (*головная* боль, *головной* отряд; украинцы и в отвлеченном значении говорят *головний*).

Перевыборы — живое русское слово. В церковнославянском вместо *пере-* должно было бы быть *пре-*; ср. церк.-слав. *преставиться*, *новопреставленный* (понимать как 'переставленный из этой группы в другую') и русское *переставить* что-нибудь с места на место, или в былинке: *жил Вольга да переставился* (умер).

Было бы нецелесообразно приводить здесь всю статью целиком (она занимает почти три газетных столбца). Приведу небольшую выдержку.

Мы уже отмечали (см. передовую «Известий» от 11 октября), что самый факт созыва совещания, призванного обсудить важнейшие политические и организационные вопросы предстоящей кампании перевыборов советов, свидетельствует о том огромном значении, которое придается партией и правительством этой кампании.

В чем же состоит это значение? Оно состоит, прежде всего, в том, что перевыборы являются генеральной проверкой работы советов, работы всего госаппарата. С каждым годом советы играют все большую роль в хозяйственной и политической жизни страны. Каждый шаг нашего продвижения по пути строительства социализма ставит перед советами, как органами власти (органами пролетарской диктатуры), ответственнейшие задачи. Отсюда — необходимость подвергнуть всесторонней проверке избирателями работы совета в целом и каждого депута-

¹ От 4 ноября 1928 г., № 252.

та в отдельности, проверить работу совета по строительству социализма, вовлечению в эту работу широких масс.

Отметим в этом тексте те слова, которые обличают свое книжное происхождение, знакомыми уже нам примерами. Это — *со-вещания* (корень -вет-, по-русски было бы *свечанье*), *предстоящей* (по-русски было бы *перед*: кроме того, причастие — не живая русская форма, по-русски вместо *щ* здесь было бы *ч*), *прежде* (по-русски было бы *переже*, ср. *опережать*), *страны* (русск. с полногласием *стороны*; оба слова у нас употребляются в разных значениях), *власти* (русск. с полногласием *волости*, русск. слово приобрело у нас теперь специальное значение), *вовлечению* (русск. было с полногласием *вволоченью*). Я оставляю в стороне некоторые слова, книжное происхождение которых можно узнать по более тонким примерам, ограничусь указанием из числа их на такие слова, как *созыв*, *совещание*, *вопросы*, *советов*, *состоит*, *вовлечению*, в которых приставки *со*, *во* по русским звуковым знакам должны были бы иметь вид *с* и *в*, без *о* (в других случаях вполне закономерно и в русских словах появляются приставки *со*, *во* и т. п., например *совсем*, *собрать*, *созвать* при *сбирать*, *сзывать* и т. п.). Из своих русских слов в этом тексте мы можем узнать по знакомым примерам слов: *передовую* (церковнослав. было бы *пред*), упомянутое уже выше *перевыборов*, *перед* советами, *всесторонней* (церковнослав. было бы *стран* вместо *сторон*).

Из остальной части статьи приведу слова в том порядке, как они попадают в статью, сначала а) книжные, чужие, а при них в скобках будут ставить, как это было бы по-русски (или все слово или только нужную часть), а затем б) живые русские и при них в скобках — как это было бы по-церковнославянски.

а) *Сообщения* (*собченья*), *время* (*веремя*), *учреждение* (*учреженье*, в корне *д*), *общество*, *общественной*, *вообще* (*обч*, в корне *т*), *привлечение* (см. что выше сказано о слове *вовлечение*), *устранены* (*сторон*-), *врагов* (*ворогов*), *предполагать* (*перед*-), *гражданина* (*горожанина*, это слово есть в языке с другим значением), *преобладать* (*переоболодать*), *обсуждение* (*обсуженье*, корень -*суд*-), *преданный* (*перед*-), *определение* (*пере*-), *между* (*межу*, в корне *д*), *области* (*оболости*), *обращено* (*оборочено*, в корне *т*), *вредности* (*веред*), *чуждыми* (*чужими*, корень *чуд*), *председатель* (*перед*-), *средним* (*середина*). Еще несколько слов с приставками *со*, *во*, *воз*, вместо которых, в этих именно словах, было бы в русском живом языке *с*, *в*, *вз*: *совершенно*, *соединение*, *соотношение*, *сознание*, *составлено*, *возражение*, *вообще*, *возможность*. Кстати замечу, что *щ* в словах *допущение*, *помещены*, *очищены* [не] является признаком славянизма, так как в корне этих слов не одно *т*, а *ст* (*пуск*-, *мест*-, *чист*-).

Еще одно замечание о двух словах, встречающихся в статье: *кулачество* и *батрачество*; их образование книжного свойства, в живом языке было бы *кулацтво*, *батрацтво*.

Наконец, я не называю причастий, в большом количестве

встречающихся в статье; все они и все конструкции с причастиями — книжного происхождения; причастия на *-щий* и своей звуковой стороной (*щ* вместо рус. *ч*), как уже указывают выше, обличают свое чужое происхождение.

б) *Перевыборный* (*пре-*), *перед* (*пред*), *срыв* (*со-*), *вскрыть* (*вос*), *выступления* (*из*), *город* (*град*), *деревня* (*дре-*), *середняк* (*сред*), *выполнены* (*ис*), *встанут* (*во*), *страны* (*стран*), *выдвиженцев* (*из*).

Я взял эту статью как пример самого обиходного языка книжного, близкого к разговорному, которым мы все пользуемся, и на ней старался показать наличие в нашем литературном языке двух исторических стихий. Итак, книжный и разговорный язык образованных людей по своему происхождению представляет собою московскую живую речь, но вобравшую в себя книжные элементы и, разумеется, не пользующиеся теми особенностями московского же живого народного языка, которые не вошли в литературный язык. Мы не говорим «*жжет*», или «*рублев*», или «*склизко*» и т. п., как в московском построении. Затем в ней много иностранных элементов.

Я не говорил об иностранных элементах в литературном языке не потому, что это маловажно, а потому, что это всем известно. Однако я намекнул выше, что у литературного языка непременно есть общение с литературным языком другого народа. Этот элемент, если смотреть на него практически, чрезвычайно удобен для выражения всех понятий общечеловеческих, культурных, для называния предметов, перенимаемых у другого народа, и т. п. Это — международная стихия во всех литературных языках, сближающая их между собой. Но заимствование иностранных слов может переходить границы целесообразности; известно излишнее увлечение иностранными словами. И борьба с этим увлечением идет с самого XVIII в. Я уже указывал на Шишкова. На необходимость борьбы с засильем иностранных слов в литературных языках неоднократно указывали люди, способные по достоинству оценивать то могучее орудие культуры, которое представляет собой литературный язык. Очень ярок в этом отношении был Даль — составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». В настоящее время, когда на арену книжной, литературной деятельности выступает много новых людей, зачастую наблюдается эта, так сказать, детская болезнь литературной левизны, а именно, тот, кто как следует своего языка не осознал, тот очень охотно отмахивается от тщательного выбора выражений своих и предпочитает им иностранные. Это заметил Ленин. Многим, вероятно, известна его заметка, которую он назвал: «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)». Он сидит на собрании, слушает речи и, очевидно, спокойно себя чувствуя от того словоупотребления,

которое ему приходится слышать, пишет карандашом в записке своему соседу, между прочим, следующее: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляются без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефект», когда можно сказать «недочеты», или «недостатки», или «пробелы». Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетный оборот речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившимся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» Ленин верно отмечает, что тот предпочитает иностранные слово русскому, кто недостаточно овладел своим литературным языком. Действительно, русское слово подчас гораздо ответственнее, оно требует большей ясности мысли, чем иностранное, и оратор или литератор, еще не привыкший глубоко вникать в то, где можно сказать *недочет*, а где *недостаток*, а где *пробел*, но уже знающий слово *дефект*, предпочитает это чужое слово своим, поскольку оно, как менее понятное, освобождает его от работы над точностью выражения своей мысли.

Я заключаю. Наш русский литературный язык имеет две основы: чужую — старославянскую и свою родную — московский говор. Этот московский говор выработался потом в общегосударственный язык, а через него и в литературный. Наш литературный язык, начиная с XVIII в., постоянно продолжает обращаться к народному языку как источнику обновления. Таким образом, в XVIII в. случился громадной важности факт, что «подлая» речь (т. е. речь низших слоев — это слово не имело тогда еще бранного смысла) принципиально признана была равноправным элементом. Это выразил в своих трудах Ломоносов. Пушкин сказал про Ломоносова: «Он правильно понял истинный источник нашего языка». То же самое можно сказать и о Пушкине.

Народная струя, влившись в дряхлеющий литературный язык Древней Руси, вдохнула в него жизнь и не дала ему погибнуть, как погиб зародившийся в XVI в. литературный язык белорусский, который отметал принципиально все «кметское, альбо посполитое» (т. е. все «мужицкое или народное»), а преобразовала его в мощное и гибкое орудие мысли, воспользовавшись при этом и элементами старого книжного языка и усвоив их так, что они перестали казаться чужими.

**[РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. А. РЫБНИКОВОЙ
«ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА (заметки и задачи)»]**

Рыбникова М. А. Изучение родного языка (заметки и задачи). Вып. I.— Минск, Гос. изд. Белоруссии.— 1921 г.— 104 с.

«Живое чувство языка не растится школой»; «учитель-словесник часто забывает, что он преподает»; многие «не знают наслажденья слушать хорошую, меткую русскую речь». Так справедливо говорит автор в вводной главе. Между тем задача учителя русского языка — «заразить юношество любовью к слову, научить его любоваться чужим языком и заставить иметь свой собственный». Своей книгой автор хочет заразить этой любовью учителей-словесников. Увлекательным языком говорит он о языке писателей, языке народном, старом и новом. Когда встречаешь книгу или статью с подобными заданиями, часто опасаясь, что она окажется наполненной только бессодержательным пафосом и бессильной повести читателя от слова к делу. Здесь не то: это не глоттологические размышления «от разума» и не лирические излияния по поводу двух-трех «красот» языка, это книга с серьезным подходом к анализу языка, с обильным материалом и с практическими указаниями. Она представляет собою сборник задач для наблюдений над языком и стилем, обоснованный рядом «заметок и соображений», сгруппированных по главам: «Корень слова», «Старые и новые слова», «Живое русское слово и его суффикс», «Звукопись», «Эпитет»; в «Вводной главе» указаны цели и программа книги: первый выпуск посвящен слову, последующие предполагается посвятить предложению, поэтическому образу и, наконец, композиции целого художественного произведения.

В этих «заметках и соображениях» столько рассказано о писателях, преимущественно Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Лескове, Ключеве и А. Белом, сколько вы сами, может быть, и не вычитали бы из них. Вы найдете здесь характеристики русских писателей с точки зрения отношения их к языку, рассуждение о двух родах художников слова (классиках и романтиках), характеристику эпитетов Чехова, Фета, Тютчева, Лермонтова, Пушкина, Бальмонта, А. Белого, эпизоды о Дале, Мельникове-Пе-

черском и Лескове, эпизод о Клюеве и много других интересных и поучительных этюдов. При бедности нашей ученой литературы исследованиями языка писателей «заметки» М. А. Рыбниковой приобретают большую ценность, которая еще выросла бы при большей систематичности в изложении. Но автор не задается учеными целями; его рассуждения о языке и обзоры языка отдельных писателей должны раскрыть глубокий смысл наблюдений над языком в школе, и в частности смысл предложенных им в книге задач.

Этих задач восемьдесят — громадное количество образчиков для учителя, желающего, но колеблющегося, как взяться за дело. Одна из задач частного, конкретного характера, напр., «уяснив себе корень слова, подчеркните разницу в смысле следующих слов: *перчатка, рукавица; сад, роца; плетень, частокол*» и т. д. (№ 1); или «дайте русские слова взамен церковнославянских: *помощь, плен, ладьа*» и т. д. (№ 17); или «церковнославянские вместо русских: *деревня, ягненок, правая и левая рука*» и т. д. (№ 18); другие задачи имеют общий характер образчика, типа упражнения, напр., «выписав из газеты или ученой статьи ряд иностранных слов, попробуйте заменить их русскими» (№ 40) или «разобранный по суффиксам отрывок причитания сравните с языком сказки и скажите, в чем разница и чем она объясняется» (№ 51). Для удобства пользования задачами лучше было бы сосредоточить их в одном месте, а не разбрасывать по книге.

Автор обнаруживает обширное знакомство с научной литературой по языку (десятки имен и названий ученых трудов мелькают в сносках), и разлада с наукой у него нет. Можно, однако, пожалеть, что автор прошел мимо некоторых научных элементов или недостаточно внимательно к ним отнесся, и пожалеть тем более, что при своем даре изложения, при умении заинтересовать и объяснить он мог бы их ярко осветить и закрепить в уме ученика.

Приведу такие случаи.

Наиболее крупный и наиболее досадный из таких случаев я нахожу во II главе «Корень слова». Несомненно, в этой главе и соответствующих задачах автора занимает только семасиологическая сторона, и смысл предлагаемых здесь задач — дать ученикам поразобраться в эволюции значений, пережитой отдельными родственными словами. Он не ставит себе цели подмечать при этом фонетические изменения. Я считаю это упущением, как увидим ниже, но я готов был бы и согласиться с таким ограничением, если бы задачи иначе были построены и не влекли бы неизбежно к фонетике. Конечно, и автор знает, что говорить о корнях слов, не затрагивая их звуковой стороны, нельзя. Он побаивается уходить в глубь веков, не желая признаваться, что он туда постоянно увлекает читателя. «Говоря о корнях,— пишет он (с. 5),— мы, конечно, не думаем находить корни праязыка... а берем до-

ступное нашему русскому литературному взору»; и далее: «наши задачи... не берут корня на пределах, доступных научному языкознанию, а сличают лишь современное слово с его ближайшими родичами и родоначальниками». Отсюда следует как будто, что автор в своих наблюдениях хочет ограничиваться словами, родство которых сознается без филологического анализа; однако в задачах он преимущественно оперирует с группами слов, родственных по происхождению, но не сознающимися такими теперь, как *грабли — сугроб, долой — подол, начало — конец, шило — подошва, завтрак — зутреня* и т. п. Это и понятно: для интереснейших и захватывающих откровений в области эволюции значений, т. е. для нахождения путем указания корня «внутреннего, затаенного смысла» слов (а это «то же, что зажечь внутри фонаря огонек», как образно выражается автор, с. 5), — для этого, конечно, такие-то слова особенно и пригодны. Но каким же способом должны решаться задачи, предлагающие «уяснить корень», «объяснить принадлежность к одному корню», «найти общий корень», «доказать, что не одного корня», и т. п. (задания 1—4)? «Мы берем, — говорит автор (с. 6), — слово *корень*, как некое рабочее, практическое понятие: это признаки родства между словами одного рода, одной семьи». Но ведь такие признаки, конечно, могут заключаться только в звуковой стороне слов. Автор рекомендует уяснять корень слова путем сопоставления с ним других членов той же семьи; так, на задачу: «уяснив себе корень слова, подчеркните разницу в смысле слов: *клюв* и *рыло*», ответ должен быть примерно таков: «*клюв* — то, чем клюют, *рыло* — то, чем роют». Прекрасный прием. Это значит, что ученик или учитель или оба общими силами выбирают такое слово (в данном случае *рыть*), которое 1) сходно по значению с данным (*рыло*) и 2) имеет с ним нечто общее в звуках: путь ассоциации от *рыло* к *роют* через *рыть*. Здесь, конечно, присутствует звуковой анализ, хотя бы и в скрытом виде. Как далеко приходится заходить в таком анализе? В приведенном примере мы не вышли из пределов современного русского языка. Но *перчатка* с *рукавицей* и *сумрак* с *обмороком* неминуемо выведут нас первые — за пределы современной эпохи, вторые — за пределы русского языка. В самом деле, у я с н и т ь корень в *перчатка* — значит прийти к *перст* через старинное *перщатка* при помощи наблюдений над чем-нибудь вроде *рост* — *роща* (кстати, это слово есть в той же задаче), *вещь* — *вещий*, причем здесь вовсе не требуется углубляться в вопрос о том, при каких условиях *ст* давало *щ*, о том, что такое это *щ*. А сопоставляя слова разных языков: церковнослав. *сумрак* и рус. *обморок* для «объяснения их принадлежности к о д н о м у¹ корню», я не представляю себе возможности обойтись без понятия праязыка (общеславянского), иначе — мыслящего ученика (а его-то мне и жаль) я провоцирую на вывод, что в рус. языке *ра* могло переходить в *оро* и наоборот.

¹ Выделено мной.

Пойдем далее. Задача № 2 включает в себе сотни две слов, преимущественно таких, родство которых непосредственно уже не сознается говорящими, напр. *прибаутка — убаюкивать — басня, бойня — обои, грабли — сугроб, начало — конец — зачинщик — чин — сочинение, нечаянно — отчаяние, участие — счастье*. Предлагается «объяснить их принадлежность к одному корню их смыслом». Формулировку задания надо признать принципиально неудачной: разве принадлежность к одному корню может о б ъ я с н я т ь с я смыслом? Несмотря на это, смысл задачи ясен: учитель заверяет аргюги, что такие-то слова одного корня¹, ученики вдумываются в их значения и ищут такого слова, которое им покажется сродни данным словам и которое осветит эти значения неожиданным светом: *грабли — сугроб...* приходит в голову *гребу*, и становится ясно, что *грабли* — то, чем гребут, *сугроб* — то, что нагребено. Но я обращаю внимание на то, что это связующее родственное слово, этот ключ отыскивается по звуковым признакам, в данном случае обращаю внимание на то *греб*, которое должно потом сопоставиться в уме ученика с *граб* и *гроб*. Какая судьба постигает этот плод сопоставления после решения задачи? Когда огоньки в фонарях зажжены, куда деваются зажженные их спички? Я бы советовал их подбирать и утилизировать. И чем труднее находятся такие слова-ключи, тем дороже звуковые признаки. В самом деле, я не знаю, как автор решает задачу со словами *начало — конец — зачинщик — чин — сочинение*, но ясно, что она решается не так просто, как только что разобранная: тут и смысл не подсказывает родственных слов, и общие звуковые признаки утрачены; тут учитель много должен сказать от себя. Что бы он и как бы он ни говорил, немаловажна судьба добытого сопоставления *ча — кон — чин*. Большая опасность, если вы будете, чтоб не вдаваться в фонетику и избежать праязыка, скрывать от ученика, что дает вам право сблизить такие слова по происхождению, как *начало* и *конец*, и что запрещает вам присоединить сюда же *нечаянно — отчаяние*, с одной стороны, и *участие — счастье*, с другой, с их общей звуковой принадлежностью *ча*. Плох тот ученик, который не потребует нас за это к ответу.

Словом, от главы «Корень слова» мы вправе бы желать, чтоб она дала понимание того, что в одних случаях родственные по происхождению слова до сих пор остаются родственными, т. е. ассоциируются в непосредственном сознании говорящего (*вода — водный — водица — паводок*); в других — утрачивающаяся уже ассоциация легко восстанавливается при некоторой доле активного внимания к слову (*рыть — рыло, вода — водка*); в третьих — связь для сознания говорящего утрачена, несмотря на присутствие еще в звуковой стороне слов общих

¹ При следующем издании необходимо будет удалить отсюда ошибочные случаи, вроде: *драка — дыра — ноздри, дрожжи — дrochenя*.

элементов (*запятая — запнуться, пастух — припасы*); в четвертых — общие звуковые элементы вследствие звуковых изменений уже утрачены, и ничто уже не говорит об общем происхождении таких слов (*начало — конец, вонь — благоухание*); в двух последних случаях родство слов можно вскрыть только лингвистическим анализом, то очень сложным, то очень элементарным; наконец, пятый род случаев представляют собой такие слова, которые не родственны по происхождению, не имеют общего корня в прошлом, но, в силу известных, вновь возникших ассоциаций, сознаются теперь как родственные (с одной стороны: *видеть — свидетель, старое свѣдѣтель*; с другой: *холод — прохлада*; с третьей: *пролетарий — пролетать, протекция — протекать*). В частности, необходимо было бы разграничить в задачах свои слова от чужих: церковнославянские от русских. Тут же могло бы быть дано понятие о родственных языках и обильный материал для выводов о фонетических изменениях, а среди них, в частности, для выводов о главнейших фонетических отличиях русских слов от церковнославянских, наполняющих наш, в особенности письменный, язык.

Маленькая частность. Зачем автор, открещиваясь от праязыка, пугает еще санскритом (с. 5, 43)? Ведь иной читатель, пожалуй, сделает вывод, что родоначальник нашего языка и других индоевропейских был санскрит, а другой — заподозрит, пожалуй, и самого автора в принадлежности к этой ереси.

Выше я назвал случай с корнями крупным и досадным. Крупным потому, что при известном, недостаточно внимательном отношении к звуковой стороне слов велика опасность, кроме интереса к языку, воспитать в учащихся еще и поверхностность суждений и склонность к произвольным толкованиям. А досадным — потому, что некоторые из научных понятий, упомянутых выше, в особенности сведения о главнейших фонетических особенностях русского языка, так нетрудно, так уместно и так соблазнительно было дать здесь же, и у М. А. Рыбниковой столько для этого данных, что я живо представляю себе, какой бы занимательный этюд на тему «свое слово и чужое» написала бы она и вставила бы в эту главу и какие задачи придумала бы она, подобно тому, как она вставила сюда чрезвычайно ценный этюд о фамилиях и прозвищах, где попыталась применить к изучению русского языка мысль Гильдебрандта (с. 11 и сл.).

Автор как бы заранее отпарировал мое замечание словами предисловия (с. 4): «Большинство филологов академического типа направили свое внимание на фонетику... Философская сторона слова в его целом остается в загоне, изучаются звуки, и забыты слова. Внимание к этому слову хочет выдвинуть современный школьный учитель русского языка» и т. д. Я рекомендовал известную долю внимания к фонетике, как видно выше, вовсе не в ущерб другим сторонам изучения языка, а именно на пользу этих же других сторон. А кроме того, если фонетика изучена в науке луч-

ше других отделов языкознания, то почему же пренебрегать плодами как раз этого лучшего изучения? В книге, носящей название «Изучение родного языка», такой плод фонетических исследований, как понятие закономерности, мог бы найти себе подобающее место.

Перехожу к мелочам.

Как отраднo в главе о «Звукописи» мудрое сомнение автора в том, можно ли, вслед за Бальмонтом, «признать некий тайный смысл каждого звука» (с. 72)! И как странно четырьмя страницами ниже встретить аттестацию «хорошо» тому, что наговорил Бальмонт о «сокровенном смысле» звука **р**; что это признано «хорошим», я вывожу из того, что «о мягком звуке **л**», по признанию автора, Бальмонт говорит «еще лучше»... На следующей странице автор сам уже пытается открыть сокровенные смыслы звуков **а** и **т**, на которых построена у Пушкина характеристика Татьяны. И в этой главе я желал бы отдать дань фонетике хотя бы одной такой фразой: научная фонетика на такие домыслы о звуках нам пока права не дает.

В главе о «Живом русском слове и его суффиксе» нелишне было бы упомянуть, что не все слова в словаре Даля принадлежат к живым, народным, а что часть их, как известно самому автору (с. 42) и как признавал сам Даль в «Напутном слове» к своему Словарю, сочинена им самим. Даль, как известно, ставил своему Словарю прежде всего практическую цель — дать русскому писателю материал для очищения литературной речи, причем главным образом черпал его из народного языка, а частью «при толкованиях, а иногда и в числе производных слов» предлагал «на суд и на выбор» и такие слова, «кои доселе не писались, а может быть, даже и не говорились» (Напутное слово, с. X). В задачах № 36 и 37 таковы слова: *отгулье, наголосок, стенопись, борзопись, сине-алый, тепломер, звездослов, житейник*. Для целей, которые ставит себе в этой главе М. А. Рыбникова, дело не меняется от того, что эти слова сочинены Далем: это обстоятельство не отнимает у них права называться русскими, а некоторые «трепещут жизнью» (сочинял Даль иногда очень недурно: чего стоит, напр., его слово *искось* вм. *курсив*), но во избежание недоразумений все-таки предлагаемую мной оговорку следовало бы сделать в характеристике Словаря Даля, которой открывается глава. Кстати замечу, что слово *окоем* (горизонт) не народное и не далевское (он вместо *горизонта* предлагал слова: *небозем, глазоём, зреймо, завесь, закрой, озор, овидь*); по-видимому, это слово Ключевского.

Очень жаль, что в книге нет оглавления. Ее содержание так разнообразно и дробно, что она нуждалась бы не только в простом перечне названий глав, а в указателе материала или, по крайней мере, в подробном перечне содержания.

В заключение о внешней стороне книги. Неуклюжий формат, плохая бумага, нескладные, безвкусные шрифты, слепая печать,

досадные неисправленные опечатки — все так и дышит глухой провинцией... Почему Гос. издательство выпустило книгу московского автора в Минске, вдали от авторского глаза, вероятно, и сам автор не объяснит. Тем это досаднее, что в Москве Гос. издательство давно уже выпускает книги вполне приличной внешности. Конечно, по платью только встречают... Но так хотелось бы, чтоб и внешность этой книги так же манила к себе, как привлекает ее содержание. Под такой непривлекательной внешностью вышла ценная книга, дышащая любовью к русской речи и проникнутая глубоким интересом и чутьем к языку. Автор может быть уверен, что его книга очень «пригодится молодым учителям». И не только молодым. И не только учителям. Желаем ей широкого успеха. Но желать успеха этой книге — значит желать успеха делу оздоровления преподавания русского языка в школе через наблюдение над стилем и языком, через вчувствование в слово, через интерес к языку и науке о нем.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В НОВОЙ ПРОГРАММЕ ГРАММАТИКИ

Под «новой» программой грамматики я разумею программы Наркомпроса и МОНО 1920 г. для школ I ступени; в первой интересующий нас отдел обучения родному языку назван «наблюдениями над языком», во второй — «грамматикой». В дальнейшем изложении я исхожу из предположения, что эта программа известна собранию, но считаю целесообразным напомнить вкратце общий характер ее.

Из объяснительной записки к новой программе видны задачи обучения грамматике: это — приобретение з н а н и й о языке путем наблюдения над ним, в отличие от приобретения н а в ы к о в, даваемых другими отделами обучения родному языку. Если в процессе школьного обучения различные отделы являются по необходимости и с пользой для дела тесно связанными, то это обстоятельство не должно затемнять принципиального отличия занятий «собственно грамматических»: в результате их должна получиться известная сумма н а у ч н ы х, хотя и весьма элементарных, сведений о языке. Наблюдать следует звуки, формы слов, сочетания слов и значения.

У новой программы есть уже своя история: она породила вопросы, вызвала недоумения и недоразумения; критика ее была, по условиям нашего времени, главным образом устная, в лучшем случае — рукописная. Содержанием моего доклада и будет изложение главнейших вопросов и возражений, собранных мною путем живого общения с преподавателями на различных краткосрочных курсах, конференциях, съездах в столицах и провинции, а также путем письменных сношений с ними. Считаю нелишним, кроме «спорных вопросов» в полном смысле слова, привести и недоумения или недоразумения, наиболее часто вызываемые программой; разобраться в них чрезвычайно полезно для выяснения характера новой программы.

Начну с этих недоумений и недоразумений.

Часть школьных работников, и немалая, полагает, что новая программа в ее основных идеях возникла только что, вдруг, в связи с новыми лозунгами строительства новой, трудовой школы. Это недоразумение легко устраняется простой исторической справкой.

В данном отношении новая программа далеко не нова. Она представляет собой попытку, далеко не первую, воплотить в жизнь давнишние чаяния прогрессивной педагогической мысли по части оздоровления школьного обучения языку. Более четверти века уже тому, как начали оформливаться эти искания в специальной научной и педагогической литературе, так что Всероссийский съезд словесников в 1916 г. имел уже полную возможность формулировать сущность и направление занятий русским языком. В резолюциях этого съезда отчетливо указана и застарелая болезнь нашей школы в деле постановки обучения языку и пути исцеления; там же настойчиво требуется различие занятий собственно грамматических как сообщения знаний о языке от иных, там же указан и желательный метод занятий — наблюдение над языком¹. На этих уже достаточно «старых» основах построена «новая» программа. Вполне естественно, что представители науки и преподавания, принявшие участие в составлении новой программы, ничего другого не могли и не должны были сделать, как попытаться вложить эти уже выношенные идеи в проект программы, по их искреннему убеждению, на благо нашей школе. Таким образом, думать, что идеи, легшие в основу новой программы грамматики,— продукт творчества наших дней, можно только по недостаточной осведомленности.

Далее, многих смущает большой объем объяснительной записки к программе грамматики: они склонны истолковывать это обстоятельство так, что будто бы новая программа предписывает главное внимание уделять грамматике. Но бояться засилья грамматики с новой программой не приходится. В самом деле, объяснительная записка рекомендует разобраться в тех разнообразных занятиях, совокупность которых называется обучением родному языку, и выделить из них такие, которые являются собственно грамматическими, вложив в них тот новый смысл, который указан выше. Этим занятиям, грамматике, рекомендуется отвести подобающее место, т. е. далеко не первое. Первое же место отводится приобретению навыков: чтению, развитию речи и др. Наоборот, при обычной, традиционной постановке дела можно бояться засилья грамматики, что мы постоянно и видим в школе и что вполне естественно при искренней вере в то, будто «грамматика учит правильно читать, писать и говорить». Объяснительная записка приглашает от слепой веры перейти к пониманию того, чему собственно учит грамматика, а стало быть, и к лучшему уразумению того, чему учат другие отделы. Ведь нетрудно убедиться, что занятия орфографические, стилистические и логические в школе обычно идут под флагом грамматики. Освобожденные от этого флага, они свободнее будут развиваться, а, в свою очередь, грамматика, освобожденная от прикладных целей, получит подобаю-

¹ См. брошюру: Первый всероссийский съезд преподавателей рус. яз. и словесн. средней школы в Москве.— М., 1917.

ший, присущий ей лик, т. е. станет занятием, обогащающим знания. Все это нужно было объяснить рядовому учителю, думающему подчас, что «новая» грамматика налетела на него внезапно, как буря, а потому объяснительная записка к программе грамматики оказалась довольно обширной. Того, кого это пугает, можно утешить: не пугайтесь, в новой программе много говорится о грамматике с тем, чтоб ее поменьше осталось.

Пугает еще «научность». Грамматика, по словам объяснительной записки, должна давать знания из области науки о языке: освещение явлений языка должно быть научным. Боящиеся этой научности склонны представлять дело так, что новая программа вводит какие-то специальные филологические сведения, недоступные детям, чуть ли не университетский курс в школу. Между тем на самом деле знания из области науки о языке могут быть очень элементарны, минимальны, как и из всякой науки; когда говорят, что освещение явлений языка в школе должно быть научным, то дело идет лишь о том, чтоб это освещение не противоречило науке, т. е. истине, т. е. действительности, чтоб дважды два не было пять, а было бы четыре, чтоб не говорили, что есть звук **я**, что в слове *хлеб* «сомнительный» звук **б** и т. п.

К этому недоразумению прибавляется часто возражение, что нет подготовленных для такого преподавания учителей. Но что же делать, если мы действительно на уроках грамматики десятки лет твердим нелепости, равносильные утверждению, что дважды два пять? Продолжать твердить только потому, что мы не подготовлены? что [преподаватели] (может быть, не по своей вине) не узнали в свое время, что дважды два четыре? Ответ один: надо поскорее узнать. И это нетрудно: ведь дело идет об элементах.

Приходится слышать мнение, что программу составляли кабинетные ученые, не знающие школы. Это неверно: в ее составлении принимали участие и педагоги-практики, а принимавшие участие ученые не могут быть отнесены к специфически «кабинетным». Это мнение высказывается обыкновенно в возражение против применимости программы, но, как и следовало ожидать, такое дешевенькое возражение обыкновенно приходится слышать от лиц, очень поверхностно знакомых с программой.

Вот главные из возражений, легко устранимые, так как они главным образом основаны на недостаточном знакомстве с программой, почему я и назвал их недоразумениями. Из числа менее значительных, которые я вообще оставляю в стороне, может быть, нелишне привести только одно на тот случай, если б оно оказалось не единичным. Однажды мне пришлось слышать указание на трудность программы, причем критик аргументировал разбором нескольких синтаксических положений Пешковского, отчасти Овсяннико-Куликовского (он говорил, что «сам запутался в инфинитивах, бессубъектных предложениях, примыканиях» и т. д.). Это, конечно, явное недоразумение: программа не отвечает ни за чью синтаксическую систему. Возможность такого недора-

зумения предвидена была авторами программы¹. Программа по синтаксису так непривычно мала, что объяснительная записка сочла нужным обратить на это внимание читателя, чтоб он не думал, что отсутствующий в программе привычный материал не опускается, а разумеется сам собою. Подтверждаю здесь еще раз, что авторам программы тот материал по синтаксису, который в ней дан, действительно представлялся достаточным для обучения в I ступени, а количественно этот материал таков, что доводит ученика только до преддверия какой-либо синтаксической системы, известной из печатных трудов и учебников. Дальнейшие синтаксические наблюдения, конечно, возможны, но программа I ступени их не предписывает, а тем менее, стало быть, останавливается на какой-либо системе. Разбираемое возражение, основанное также на недостаточном усвоении программы, упрекает ее, как видно, в таких грехах, которые она могла бы еще совершить, если бы расширила отдел синтаксиса. Есть как раз обратное возражение — сетование на то, что программа воздержалась от такого расширения. Но это возражение принадлежит уже к числу веских, представляет уже один из подлинных спорных вопросов, к которым я и перехожу.

Один из важных спорных вопросов — это вопрос об объеме синтаксиса на I ступени. Объем синтаксического материала в новой программе, как известно, чрезвычайно мал; все, что там отнесено к синтаксису, можно сказать в немногих словах: необходимо научить распознавать, что говорится и о чем говорится в речи, научить понимать взаимное отношение слов и предложений и, наконец, определять, выражено или не выражено это отношение, а если выражено, то чем выражено. Считая это достаточным, программа вполне сознательно допускает на I ступени незнание с членами предложения, не только второстепенными, но даже и главными, с классификацией предложений (простое, распространенное, слитное, безличное и т. д.), с классификацией придаточных предложений. Против такого сокращения синтаксического материала возражают. Наиболее определенно формулированы эти возражения в полученной мною записке, исходящей из среды астраханского учительства.

Постараюсь передать кратко сущность этих возражений. Почему программа, наполняя новым содержанием отделы фонетики и морфологии, не дает нового содержания в отделе синтаксиса? Автор записки готов согласиться с тем, что лучше ничего не изучать, чем изучать заведомо ложное (логический синтаксис), но разве нет нового научного содержания для синтаксиса? Он полагает, что новое содержание для этого отдела школьной грам-

¹ «Сокращение грамматического материала в области синтаксиса в нашей программе, — говорится в объяснительной записке, — настолько значительно, что при первом ознакомлении с ней может вызвать недоумение».

матики уже готово: оно дано в ряде трудов по русскому синтаксису, сблизивших школу с наукой¹. Недоумение это усиливается при том соображении, что знания в области синтаксиса должны бы считаться важнее знаний в области фонетики. А важнее других синтаксические знания потому, что они должны «помочь детям сознательно пользоваться с в о и м синтаксисом, привести детей к выводу тех з а к о н о в русского словосочетания, которые о б я з а т е л ь н ы и т о ч н ы для речи каждого школьника». Поэтому синтаксис не только не надо урезывать, а с него надо начинать и его надо «поставить в центре грамматических наблюдений по языку».

Главное разногласие, как видно, в том, есть ли сейчас уже у нас такой бесспорный образовательный материал по синтаксису, который было бы необходимо дать на I ступени, или еще нет? Составители программы, в противоположность автору записки, полагают, что еще нет. Записка говорит: «Научная мысль русских языковедов в последние 10—15 лет сделала почти все, чтобы избавить русскую школу от ненужного хлама логики». Вот это «почти», скажу я, очень больших размеров: в новых учебниках синтаксиса еще очень много «логики», и велика опасность, наполнив их содержанием программу I ступени, дать вовсе не реальные научные сведения, а вместо одной схоластики — другую. Составителям программы представлялась здоровой попытка, чтоб не засорять детских голов, ограничиться самым существенным из того, что соответствует содержанию учебников синтаксиса (ср. выше краткое указание объема синтаксического материала в новой программе).

Чем же важны те «знания» из области синтаксиса, об отсутствии которых высказывается сожаление и недоумение? Из приведенного выше краткого резюме содержания астраханской записки видно, что в сокращении синтаксиса она усматривает отказ от «обучения обязательным и точным законам речи» на место «разнообразных словосочетаний яркой, оригинальной детской речи, с которою дети пришли в школу». Здесь перед нами, как видно, опасение, что укороченный синтаксис оставит учащихся без какого-то умения; и ясно, что говорящие о з н а н и я х в области синтаксиса думают в это время об известных у м е н ь я х. Это, конечно, умение «правильно говорить», или точно и ясно выражать свои мысли.

От задачи — дать в конце концов такое умение — школа не должна отказываться, и новая программа ее от этой задачи ни в какой мере не освобождает. Но в том-то и дело, что эта задача не разрешается изучением грамматики, в том числе синтаксиса, и если синтаксису эту задачу навязывать, то, может быть, целесообразнее было бы и не стараться вливать в него «новое, науч-

¹ Овсяннико-Куликовского, Будде, Пешковского и др.

ное» содержание, освещение фактов с формальной стороны и т. д., т. е., попросту говоря, признать синтаксис собранием логических и стилистических упражнений. Но только зачем тогда называть это собрание синтаксисом? В обычном школьном учебнике синтаксиса все или почти все излагалось, конечно, в расчете на практическое усвоение правильной речи. Однако этот расчет плохо оправдывался: усваивались термины, а «законы» речи усваивались какими-то другими путями: из чтения, бесед, письменных занятий и т. п.; словом, все то, что развивало вообще интеллект, развивало в частности и речь. Поэтому к цели усовершенствования речи надо идти не окольным путем, путем расширения того или иного отдела грамматики, т. е. наблюдений над языком, в том числе синтаксиса, а путем прямым, путем разработки приемов развития речи устной и письменной, путем вдумчивого отношения к постановке упражнений логических и стилистических. Я беру на себя смелость утверждать, что такого отношения к упомянутым занятиям в нашей школе не было и нет, за исключением бывшей хорошей начальной школы, на почве которой вырос прекрасный цветок — «развитие речи», взращенный руками педагогов, пошедших прямым путем; не нашлось еще рук, осмелившихся пересадить его дальше, на другую почву. Но этот прекрасный цветок не вошел еще в полную силу, он постоянно хиреет, подтачивается червем схоластики: часто видишь, как руководство по развитию речи склонны сбиваться с своего прямого пути, чтоб научить то какому-нибудь «обстоятельству», то «приложению», то еще какой-либо грамматической премудрости, как будто вне этой премудрости нет серьезных и почтенных целей. Одним словом, надо осознать важность занятий логических и стилистических, выделить их, дать им свое особое русло, освободив их прежде всего из-под флага грамматики. От этого выиграют и они, и грамматика.

Не могущим примириться с таким сокращением привычного синтаксического материала, какое предлагает новая программа для I ступени, а в то же время ждущим от синтаксиса помощи для усвоения правильной речи я рекомендовал бы обратить должное внимание на упражнения в определении взаимных отношений слов и предложений в речи. Не следует преуменьшать значения этих упражнений. Но кто же умалял его когда-нибудь? Да все те, которые занимались здесь не существом дела, а только тем, чтоб приготовить поскорее почву для насаждения синтаксической терминологии, т. е. чтоб поскорее перейти к называнию, к расклеиванию ярлычков над словами (синтаксический разбор) сообразно тому грамматическому приходу, к которому принадлежал данный преподаватель. А между тем здесь весь синтаксис в том смысле, что здесь все существо изучаемых в нем явлений. Это, так сказать, с научной стороны. А с практической — нельзя не признать, что подросток, сознающий отношения слов в своей речи и чужой, хотя бы и не знающий названий для этих отношений, владеет каким-то неоспоримым богатством, вроде устного счета, которым, к сожа-

лению, владели в недостаточной степени питомцы старой школы, хотя и обучавшиеся решению задач на правила учета векселей, цепное, смешения и т. п.

Но наблюдения над отношением слов друг к другу и предложений друг к другу в речи ведь еще не грамматика? Конечно, это еще не грамматика. Грамматика, именно синтаксис, начинается там, где начинаются наблюдения над тем, чем эти отношения выражены. Этим, как известно, синтаксис и кончается в программе I ступени. Астраханская записка говорит, что синтаксис надо поставить в центре наблюдений и что с него надо и начинать. Новая программа именно с наблюдений над взаимными отношениями слов и начинает, переходя сейчас же к наблюдению над способами выражения этих отношений, и ниоткуда не видно, чтоб эта программа мешала поставить такие синтаксические наблюдения в центре наблюдений над языком.

Итак, новая программа синтаксиса для I ступени останавливается, так сказать, в его преддверии. Возражение против этого, основанное на опасении, что это повредит усвоению правильной, точной, ясной речи, кажется мне неосновательным по причинам, только что изложенным: совершенствование речи достигается не изучением грамматики, а иными средствами. Но есть, по-видимому, и другое опасение: укороченный синтаксис не закрывает ли дорогу для наблюдений в области языка, т. е. наблюдений, ценных не в практическом, а общеобразовательном отношении? Недаром астраханская записка считает, что годный для таких синтаксических наблюдений материал уже приготовлен для школы новыми трудами по русскому синтаксису. Я уже сказал выше, что новая программа считает перечисленные в ней синтаксические сведения достаточными для I ступени; если она и останавливается в преддверии синтаксиса, зато стоит на твердом научном, языковом пути, не регламентируя дальнейших шагов по этому пути. Но эти шаги в школьном преподавании, конечно, возможны; вопрос — насколько они нужны на I ступени. Все дело в том, что нужно различать: о чем можно размышлять во II ступени и чему необходимо учить в I. Дальнейшими шагами во II ступени, а частью, в зависимости от развития детей, и в старших группах I — могут быть наблюдения над значениями словосочетаний, над различными функциями форм слов, над различиями формальной и «логической» стороны, словом, размышления над отношениями языка к мысли. При современном состоянии того синтаксического материала, на который указывает астраханская записка, программа не считает возможным регламентировать упомянутые дальнейшие шаги, отмечая лишь для II ступени понятие о различии точек зрения формальной и логической в области синтаксиса. Самым важным в настоящее время составителям программы представлялось указать преподавателям, что без очень многого, что считалось входящим в синтаксис как в часть грамматики, можно обойтись. Практика применения новой

программы в школе покажет, что полезно, а может быть, и необходимо прибавить.

Есть еще другой важный спорный вопрос. Программу упрекают в излишестве формальной точки зрения. Этот упрек наиболее авторитетно был высказан проф. Л. В. Щербой на Петербургском съезде словесников 1921 г. В резолюциях этого Съезда говорится:

«По докладам Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы, Н. С. Державина и Г. П. Васильева Съезд постановляет:

1) рекомендовать вниманию учительства московскую программу по грамматике на I ступени¹ как имеющую научные достоинства, проникнутую единством мысли и цельностью плана и построения;

2) предложить учительству подвергнуть эту программу совместно с тезисами Л. В. Щербы тщательной проверке на опыте в целях выяснения их педагогической ценности;

3) поручить Организационному комитету совместно с компетентными органами обстоятельно обсудить московскую программу по грамматике, в целях согласования ее с тезисами Л. В. Щербы и с программами по орфографии и по развитию речи, а также с данными педагогического опыта».

Упомянутые в резолюции тезисы Л. В. Щербы содержат и общие положения, и замечания на новую программу. Главнейшее в них сводится к следующему. Формальное направление, базирующееся на ассоциациях знаков языка друг с другом, педагогически невыгодно, так как образовательное значение этих ассоциаций ниже другой, более важной группы ассоциаций: знаков с значениями (т. е. смысловых ассоциаций). С научной точки зрения формальное направление не выдерживает критики, так как формы могут быть вскрыты лишь при параллельном анализе их значений. Историческое значение за формальным направлением следует признать в том, что оно подвергло старую грамматику критике и утвердило положение: не устанавливать таких смысловых категорий в языке, которые не имели бы того или иного внешнего выражения. В связи с этими положениями Л. В. Щерба признает необходимым: 1) изучать формы параллельно с их значениями, 2) наблюдать расчленение предложения на подлежащее и сказуемое в тех случаях, когда это действительно имеет место, 3) наблюдать доминирующее представление («психологическое сказуемое») в связи с логическим ударением и порядком слов.

Несомненно, новая программа составлена под лозунгом формально-грамматическим, и выдвигать его вперед я считаю вполне целесообразным в настоящее время, когда на первом плане у нас борьба со старой грамматикой, приведшей к схоластике вследст-

¹ Разумеется, программа НКПроса.

вие игнорирования формальной точки зрения. Эта борьба не только не закончена, а лишь начата, и значение, признаваемое Л. В. Щербой за формальным направлением, еще не историческое, а самое актуальное. Однако новая программа вовсе не отказывается от наблюдений над значениями слов, т. е. над тем родом ассоциаций, который Л. В. Щерба признает самым важным. Им посвящен 4-й отдел объяснительной записки к программе. Можно упрекнуть составителей программы в том, что этот отдел менее разработан, но составители посвятили ему меньше внимания, устремив главное на те отделы, которые по самой сути должны были, как казалось, представить большую новизну для рядового преподавателя, а занятия этого 4-го отдела таковы, что ими всегда и занимаются и будут заниматься в школе. Теперь я соглашаюсь, что этот отдел следовало бы разработать подробнее, оставив боязнь излишней регламентации. Но я предвижу, что, разработав, так сказать, «программу» семасиологических наблюдений, мы многие из относящихся сюда занятий, которые вытекали бы из положений Л. В. Щербы, отнесли бы ко II ступени. Тем не менее не следует забывать, что семасиологический отдел в программе I ступени есть, и весь вопрос сводится к тому, когда и в какой мере выдвигать этот отдел. Из того, что он четвертый, не следует, конечно, делать вывода, что вопросы этого отдела должны стоять на четвертом плане в перспективе занятий языком. В частности, конечно, из программы не вытекает изучения форм слов вне наблюдений над значением этих форм.

Не может быть лучшего приговора новой программе грамматики, как тот, который вынесен Петербургским съездом: программа стоит того, чтоб применить ее с целью тщательной проверки на опыте.

ГРАММАТИКА И ОРФОГРАФИЯ В НОВОЙ ПРОГРАММЕ

Мне поручено сделать отчет о характере новейшей программы грамматики. Я думаю, что достоинство школьной программы грамматики, особенно в наше время, зависит от того, насколько удачно согласованы в ней требования научные с требованиями практики.

Вам известно, что уже больше четверти века, как в специальной ученой и учебной педагогической печати поднят был вопрос о необходимости оздоровить школьную грамматику путем приближения ее к научной. Эти чаяния прогрессивной педагогической мысли коротко, но чрезвычайно отчетливо оформлены были уже в авторитетных резолюциях I Всероссийского съезда преподавателей русского языка в средней школе 1916—1917 гг., того съезда, о котором словесники вспоминают всегда с каким-то теплым и светлым чувством. Самый термин «наблюдение над языком», которым мы теперь постоянно пользуемся, пущен был в ход именно резолюциями этого съезда. Там говорилось, что «преподавание грамматики в младших классах должно быть научным в том смысле, что истолкование явлений языка не должно погрешать против основных положений науки о языке», и далее: «Чтобы чувствовать под собой твердую почву в своем деле, с одной стороны, и чтобы не насиловать умственных способностей учеников — с другой, учитель должен отдавать себе ясный отчет, чему он учит в разных областях того школьного предмета, который носит общее название русского языка, а именно: он ясно должен различать в каждом данном случае, обучает ли он языку или правописанию, упражняет ли он логические способности учеников или развивает их стилистические навыки т. п. Без этого невозможно ни ясно сознавать цель обучения, ни разумно выбирать методы». Далее: «Так как занятия языком должны состоять не в изучении учебника грамматики, а в наблюдениях над языком, то нежелательно прекращение таких занятий в старших классах». И по отношению к старшим классам предполагавшейся тогда 7-классной гимназии был предложен так называемый старший курс русского языка, целью которого ставилось научное понимание и знание современного русского языка, хотя бы это понимание и это знание давались путем изучения также и исторических фактов.

Указанные положения съезда, состоявшегося в 1916/17 году, легли в основу и программы грамматики 1920 г. Здесь впервые в ведомственной программе провозглашен был принцип, который был формулирован уже на этом съезде. Я говорю о программах 1920 г., а не о проекте 1918 г., который был составлен в том же Наркомпросе и который тоже отразил те же самые идеи, потому что он не был оформлен именно в виде программы, — он был распространен очень широко, его перепечатывали в разных уездных отделах народного образования, даже значительно позже, т. е. тогда, когда уже программа 1920 г. была напечатана и вводилась более или менее в действие.

Итак, тезисы съезда были взяты в основу и развиты в программе 1920 г. Все дело сводилось к провозглашению принципа теоретического, а не прикладного значения грамматики. Тогда хотелось показать и развить мысль о том, что предмет, называемый русским языком, чрезвычайно многогранен, а так как весь этот предмет целиком назывался обыкновенно грамматикой и так как в грамматике нового направления желательно было дать и новое содержание, то первой задачей было отделить друг от друга различные грани и в особенности показать именно грань грамматическую. Тогда знание было отделено от навыков, причем было указано, что навыки даются всей совокупностью занятий русским языком, а не только грамматикой, а что грамматика, которая может помогать усвоению этих навыков, сама по себе является известным комплексом научных сведений, пусть чрезвычайно элементарных, по количеству, может быть, микроскопических, но все же научных сведений о самом языке.

По отношению к программе 1920 г. среди преподающих можно встретить такое отношение, что будто бы эта программа совершенно игнорировала вопрос о навыках. Это отношение родилось из того недоразумения и на той почве, на которой все занятия языком назывались грамматикой, на той почве, на которой орфографическая ошибка называлась грамматической, и т. п. Поэтому если программа выдвигала грамматику как особый вид занятий русским языком, если она влагала в нее особое содержание и ставила ее целью дать известные сведения, известные знания, то отсюда могло казаться, что область навыков совершенно игнорируется. Но это было совершенно неправильно. Уже очень скоро после этого, уже в 1921 г., также в авторитетном ведомственном издании было совершенно ясно сказано, что учебный план занятий родным языком в школе I ступени должен строиться на следующих принципах: школа должна дать умение правильно читать, писать, говорить и мыслить. Поскольку эти умения достигаются занятиями родным языком (а ведь они могут быть достигнуты и на уроках не родного языка, а других), они достигаются всей совокупностью таких занятий, а не каким-либо одним из них.

Кроме этих умений, школа может давать и знания из области разных наук, поскольку эти знания общеобразовательны. Грам-

матика дает знания из области науки о языке и не преследует практической цели давать навыки, хотя и может помогать их усвоению. Вследствие признания общеобразовательного значения знаний о языке считается нужным включить их в курс школы I ступени. Такие занятия не прекращаются в I, а продолжаются и во II ступени, видоизменяясь соответственно возрасту учащихся. Отсюда вытекает необходимость иметь в виду и ценить самодовлеющее, а не прикладное значение грамматики, грамматики как наблюдений над языком. Отсюда вытекает и подобающее ей место, которое она должна получить наряду с другими отдельными дисциплинами, далеко не первое, как часто ей отводили, неправильно понимая ее сущность. И, наконец, отсюда же вытекает задача разработать методы, принципы и типы упражнений орфографических, стилистических, логических, преследующих прикладные цели и сравнительно мало разработанных за время господства слепой веры в то, что все это покрывается изучением грамматики.

Итак, программа 1920 г.— вот тот героический период, когда хотелось показать и распознать то новое, что надумано было давно, но не было достаточно внедрено в наше преподавание. Может быть, программа 1920 г. оставляла несколько в тени все остальное. Это потому, что это «остальное» считалось общеизвестным, как, например, ценность и первейшая необходимость навыков всякого рода.

Последующие годы характеризуются некоторою недостаточностью, я бы сказал, серьезного внимания программ к вопросам преподавания языка. Правда, в программах I ступени проглядывали те или другие указания, в программах II ступени иногда было написано довольно много относительно занятия языком, но едва ли учитель мог спокойно работать по этим программам.

Мало-помалу за это время обнаружилось тревожное явление — чрезвычайное развитие безграмотности, явление, которое привлекло к себе внимание и потребовало известных забот. Естественно, что оно потребовало особенного внимания именно к навыкам, может быть, в ущерб тем знаниям, которые когда-то провозглашались. И вот перед программой 1927 г. властно встал вопрос о той практике, которую она должна давать; в связи с этим определилось отношение и к знаниям, которые может давать грамматика.

В результате всего этого в программе грамматики 1927 г. как во II ступени, так и в I наблюдается большой сдвиг в сторону практики. Это особенно видно из сравнения программы 1927 г. с программами 1920 г. Та же необходимость обращать особое внимание на развитие и культивирование навыков заставила пересмотреть и распределение материала, и многое из области теоретической, что, по мнению некоторых, должно бы входить в программу уже с самых первых лет обучения, передвинулось в последующие годы и соответственно из I ступени во II. Так, во II ступень перенесено почти все, что имеет самодовлеющее теорети-

ческое значение наблюдений над языком и письмом. Я не стану перечислять эти пункты, они указаны в тезисах; перечисление заняло бы излишнее время. Все, что осталось по этой части в I ступени, неразрывно связано с усвоением письма. Таково, например, различие ударяемых и неударяемых гласных, различие глухих и звонких согласных, состав слов, разделение слов на склоняемые, изменяемые по родам и спрягаемые. Таким образом, здесь дано только то, что имеет исключительно практическое значение. Перенесение во II ступень облегчает и разгружает начальные группы для наилучшего усвоения навыков.

Таким образом, программа II ступени неразрывно связана с программой I, являясь ее непосредственным продолжением; она начинается, так сказать, с той точки, если не с запятой, на которой останавливается программа I ступени, между тем как программа 1920 г. I ступени резко отличалась от II. Может быть, это вовсе не было достоинством программ 1920 г.

В программах 1927 г. я усматриваю одно несомненное достоинство, которое, думается мне, должны приветствовать и учителя. В программах 1920 г., несмотря на весь пыл их составителей, который диктовался всеми героическими условиями того времени, мы находим строгое распределение по годам того, что — верно или неверно — составители считали нужным пройти. Совершенно другое мы находим в программах последующих годов, и я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что преподаватель от этого сильно страдал. Он не знал, где проходить то, где другое. А так как в материале, подлежащем прохождению, было частью что-то новое, неведомое, то решить своими силами, где это новое надо пройти, он не всегда мог. Недостаток точных указаний, конечно, всегда вредит делу, даже и у очень опытного преподавателя. Программа 1927 г. приложила все старания к тому, чтобы весь материал, подлежащий изучению, разбить строго по определенным годам и — мало того — определенно выразить, чего она хочет, конечно, в тех рамках, в которых это доступно программе: программа 1927 г. совершенно не вдается в методику, ограничиваясь точным определением того, что нужно, и точным распределением этого нужного по годам.

Есть в программе 1927 г. случайное упущение, с моей точки зрения — большое, которое заключается в том, что замечание об орфоэпии, о правильном произношении, которое впервые появилось в ведомственных программах в программе 1920 г., здесь оказалось забытым. Даже в той части, где говорится о необходимости приучать детей говорить кратко, но не крикливо, устранять картавость, шепелявость и т. п., где, казалось бы, было место для указания о правильном (не в смысле дикционном, а в орфоэпическом) произношении, даже здесь об этом ничего не сказано.

Строя программу в 1927 г., пришлось столкнуться с вопросом о построении синтаксического отдела. Здесь необходимо напом-

нить, как обстояло это дело в том же 1920 г. Составители программы 1920 г. очень опасались того впечатления, которое она своим синтаксическим отделом произведет на преподавателя. Дело в том, что, исходя из так называемого формального подхода к языку в области синтаксиса, программа 1920 г. предлагала не изучать многого, что было в обычных учебниках синтаксиса; она как будто оканчивалась там, где обычно учебник синтаксиса только начинался, останавливалась, так сказать, в преддверии к синтаксису. Составителям программы 1920 г. казалось иначе. Указывая на необходимость заниматься наблюдением над отношениями слов друг к другу и отношениями предложений друг к другу, рекомендуя это, — так казалось составителям программы, — они в сущности исчерпывают весь синтаксис, все существенные его стороны. С известной точки зрения, конечно, это может быть названо досинтаксическим, не специально синтаксическим занятием. Тогда специально синтаксическим занятием, конечно, окажется другое, что рекомендовалось этой программой, именно — наблюдение над выражениями этих отношений, т. е. над тем, выражены ли они вообще или нет, а если выражены, то чем выражены. Приблизительно вот этим и завершалась программа 1920 г. по отношению к синтаксису. Считая это достаточным, программа вполне сознательно допускала в первой ступени незнание с членами предложения, не только второстепенными, но даже и главными, незнание с классификацией предложений (простые, расчлененные, слитные, безличные и т. п.), с классификацией придаточных предложений. Против такого сокращения синтаксического материала пришлось встретиться потом много возражений. Многим казалось, и в комиссии преподавателей русского языка были доставлены, если не многочисленные, то во всяком случае достаточные, материалы, выражающие сомнения с разных точек зрения по поводу такой программы, — сомнения, которые я здесь не буду излагать. Затем самые учебники, вышедшие после 1920 г., также не посчитались с этой программой и развили ее дальше. Так, в программе 1920 г. не предполагалось учения о предложении как таковом; в учебниках находим предложение не просто как термин, которым можно пользоваться, что допускала и программа 1920 г., но и учение о составе этого предложения, причем те или иные различные учебники делали по этому пути большее или меньшее количество шагов. Программа 1920 г., считая перечисленные в ней синтаксические сведения достаточными для I ступени, остановилась, как кому-то казалось, в преддверии синтаксиса, но зато думала, что стоит на твердом научном языковом пути, не предпринимая пока дальнейших шагов по этому пути. Однако она считала возможными и эти дальнейшие шаги. Именно, в тех дальнейших наблюдениях над языком, которые предполагались

¹ См.: Русский язык в школе // Труды ком. преп. русск. яз. и лит. — Вып. I. — М., 1923, под моей редакцией, с. 137 и сл.

в старших классах, там представлялись возможными различные синтаксические системы, которые в свободной конкуренции в школе могли завоевать себе преимущество одна перед другой или выжить одна другую в борьбе за существование.

Составителям программы грамматики 1920 г. (а ими были М. Н. Петерсон, Н. М. Соколов — недавно скончавшийся виднейший ленинградский педагог — и я) представлялось необходимым различать: чему нужно учить в I ступени и о чем можно размышлять во II. Программа не считала возможным регламентировать эти дальнейшие шаги. Самым важным в то время представлялось указать преподавателю, что без очень многого, что считалось входящим в синтаксис как в часть грамматики, можно обойтись. Практика применения новой программы, т. е. программы 1920 г. в школе, казалось нам, покажет, что полезно или, может быть, необходимо будет прибавить. В 1927 г. нельзя было не признать, что новейшие учебники, написанные для учащихся, в синтаксическом отделе грамматики, по-видимому, под давлением практики строятся на синтаксисе предложения, по возможности очищая его от крайностей логического направления. Программа 1927 г. ничего другого, практически полезного не могла сделать, как построить свой синтаксический отдел на основе синтаксиса предложения. Возможно, что с развитием идеи синтаксиса словосочетания, обходящегося в грамматике без понятия предложения, подлежащего, сказуемого, появятся доступные для школ учебники, построенные на этой системе, и тогда возможен пересмотр дела. Программа, в которой стоят предложение, подлежащее, сказуемое и т. д., связывает преподавателей, которые желали бы проводить иную систему. С другой стороны, имея учебник, в котором не было бы ничего этого, разумеется, они были бы в очень затруднительном положении, когда программа предписывает все это. В Институте методов школьной работы, как я знаю, обсуждался этот вопрос, и Институт обратился в ГУС с ходатайством внести в программу 1927 г. примечание о возможности другого варианта прохождения синтаксиса, чем тот, который зафиксирован самой программой.

Программа грамматики кончается в 7-й группе сведениями о месте русского языка среди родственных языков, о происхождении русского литературного языка, о важнейших моментах в истории русского правописания, т. е. сведениями, выходящими уже за пределы грамматики. Едва ли подлежит сомнению, что они должны входить в круг общего образования как имеющие неоспоримую общеобразовательную ценность. Эти вопросы и поставлены в программе 8-го и 9-го гг.; однако так как многие заканчивают свое школьное образование 7-м годом, а без этих сведений их нельзя оставить, то эти сведения в известной мере указаны и для 7-й группы.

Надо сказать, что тогда, когда только возник вопрос о старшем курсе русского языка, и позже он всегда представлялся состоящим

из элементов общего языкознания и из некоторых сведений общедоступных и общеобразовательных из области русского языка. Таково же содержание и курса 8-го и 9-го годов в новейшей программе.

Я лично думаю, что самым плодотворным занятием на 8-м и 9-м году было бы чтение текстов литературных произведений различных эпох и произведений устной словесности. Мне кажется, что на чтении этих текстов с лингвистическими комментариями плодотворнее, чем в догматических уроках, можно сообщить все то важное из области общего языкознания и из области русского языка, что должно быть усвоено в 8-х и 9-х группах. Для этого, конечно, необходимы соответствующие пособия.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Н. РОЖКОВА

Я принял предложение редакции высказаться по вопросу о «народном» языке, поднятому тов. Рожковым в его статье, главным образом для того, чтобы посылить помочь выяснить и установить* некоторые недоразумения, возникающие, по-видимому, вокруг этого вопроса, так как на основной вопрос, по-моему, не может быть двух разных ответов.

Прежде всего этот основной вопрос. Он состоит в том, должна ли школа учить какому-то общему языку, который является органом национальной культуры в данной местности. Так как школа для того и существует, чтобы приобщить население к культуре, то как же она может обойтись без того, чтобы дать в руки учащимся орудие для восприятия этой культуры? Обычно такой общий язык, вырабатывающийся в процессе сложения национальности, служит и для литературы, и для государственных потребностей, и для других целей общения, выходящих за пределы узких местных потребностей. Среди русских национальностей есть такой язык у великорусов, у украинцев, возникает у белорусов. И понятно, что у каждой национальности школа, насаждающая свою национальную культуру, чтобы через нее приобщить к культуре мировой, должна насаждать каждая в своем месте общий, иначе — литературный язык: или великорусский, или украинский, или белорусский.

Этот общий или литературный язык на фоне местных народных говоров везде является и своим, поскольку он вырос на народной основе, а с другой стороны, везде будет до известной степени чужим, поскольку он общий, поскольку он не включает в себе всех местных черт языка и обладает чертами, чуждыми местному языку. Потому-то ему и приходится учиться.

Итак, в школе должен преподаваться среди других предметов преподавания общий, литературный язык.

Другой вопрос: на каком языке должно вестись преподавание этого языка? На том же, на каком ведется преподавание и других предметов. Ясно, что если сами ученики говорят говором, далеко

* Опечатка вм. устранить.

отстоящим от литературного языка, то местный говор неизбежен, как подсобный при преподавании, и чем моложе ребята, тем более. Понятно, что в избе-читальне со слушателями, не владеющими литературным языком, было бы нецелесообразно вести беседу на этом языке. Поскольку тема беседы позволяет, лектор ради успеха дела непременно будет пользоваться местным народным говором, аналогично тому, как в беседе с детьми мы прибегаем в нужных случаях к языку, доступному детскому пониманию. Там разница, так сказать, качественная, тут — количественная; там на другом языке, но того же возраста, тут — на том же языке, но другого возраста.

Пока у нас одна цель, чтобы нас понял иноязычный собеседник, понятно, мы будем, если умеем, говорить с ним на его языке. Так поступает и «упрямая собеседница» товарища Рожкова, читающая слушателям газеты и книжки, переводя на «народный» язык, и «достигает полной цели: ее понимают. А это одно и надо». Там, где только «это одно» надо, там иначе поступать не следует. Но вот в школе-то не это одно надо. В школе, кроме этого, надо еще, чтобы в результате ученик сам сумел прочесть эту газету и книжку. «Не всегда ведь им будут переводить учительницы», — справедливо замечает тов. Рожков. А главное, все учительницы, вместе взятые, как бы они ни были талантливы и рьяны, и вообще никто не в состоянии все, что печатается в газетах и в книгах, полностью перевести на любой местный говор. Местный говор не обладает всем нужным аппаратом, и прежде всего его словаря не хватит. Что же, учительница сочиняет «народные» слова, недостающие в говоре? Думаю, что газетное сообщение из области происшествий и быта можно благополучно переложить на местный говор, но статью по политическому вопросу и даже описание открытия Волховстроя — едва ли... Пусть не думает читатель, что я имею в виду иностранные слова; нет, есть стороны гораздо посложнее, чем подыскание своего слова взамен иностранного.

Итак, до поры до времени можно и нужно в известной необходимой мере пользоваться местным языком как языком преподавания, за неимением другого. И, преподавая язык литературный, для объяснения в нем того, что чуждо, надо объяснять при помощи местного, «народного». Но поднимаясь по ступеням, мы во всех областях преподавания дойдем до такой ступени, где языка местного не хватит. И отдалять эту ступень не следует. Наоборот, ее полезно по возможности приближать, чтобы изошрять орудие приобретения культуры, ради которой ученик и идет, поднимаясь со ступени на ступень. Задерживать его преступно. Надо на каждой ступеньке стараться дать ему в помощь все, что можно, чтобы подняться на следующую.

Далее о понятии «народный язык». Мне кажется, что у собеседницы тов. Рожкова насчет этого недоразумение. Может быть, я ошибаюсь, но мне сдается, будто в ее представлении существует, с одной стороны, то, что я называю языком литературным, что мож-

но называть книжным, что она назвала однажды «городским» (в отличие от «тутошнего»), а с другой стороны — народный, как что-то несколько отличное от того, что называется местным говором.

Народный язык, который обычно противопоставляется литературному, — не что иное, как фикция, т. е. это все местные говоры, вместе взятые; в каждой, значит, местности свой народный язык; есть общий литературный язык, общего народного языка нет. Потому-то и возникают литературные языки, что общего «народного» языка нет, а общие народные потребности есть. Мне думается, что только исходя из заблуждения или из неясного понятия «народного языка», т. е. принимая существование какого-то народного языка, доступного всему народу, можно дойти до признания ненужности книжного языка. Надо, мол, постараться заменить общий книжный общим народным, и все будет хорошо. Едва ли кто-нибудь, и в том числе собеседница тов. Рожкова, страдает в полной мере таким заблуждением (уж очень общеизвестен факт существования массы народных говоров), но, может быть, есть люди, и в том числе она же, которые не чужды мечтания о возможности создания такого языка. Эта мечта не утопия, но только вот в каком, несколько ином, смысле. Книжный язык способен делаться слишком книжным, тяжелым, слишком сложным и т. п. Это все болезни книжного языка, а не норма. Идеал книжного литературного языка — общедоступность без утраты серьезности. Но и этому «общедоступному» языку все-таки придется учиться. Книгу нужно стараться писать на языке читателя, а читателю надо подниматься до языка книги.

Теперь обратимся еще к одному, уже явному, недоразумению. Я говорю о грамматике. Оказывается, в школе собеседницы тов. Рожкова и в соседних школах «никакой грамматики не проходит, а ведется только наблюдение над языком ребенка, как сказано в программе ГУСа и как положено в новой школе». Что грамматика во многих школах теперь не проходит, этот печальный факт все более и более становится известным. Программы ГУСа взяли на себя большую долю вины в этом печальном явлении, но вовсе не тем, что рекомендовали наблюдать над языком, а тем, что вообще о занятиях языком, как по теории, так и по навыкам, не сказали сразу всего, что нужно. Вот почему сейчас так остро стоит вопрос о навыках. Что же касается «наблюдений над языком», заниматься которыми действительно «было положено в новой школе» (программы НКПроса 1920 г.), то ведь положено было вовсе не так, что грамматики не надо, а только наблюдай язык ребенка. Во-первых, не ребенка, а вообще язык. Во-вторых, для чего наблюдать язык? Чтобы учить грамматике. Это не предмет, а метод; не изучай учебника, а наблюдай живой язык, в речи и в книге, и делай вместе с учеником выводы о том, что есть в языке, т. е. обучай таким способом грамматике этого языка. Это вполне научный подход и в то же время педагогически целесообразный: «учиться грамматике из языка, а не языку из грамматики». (Слова Гердера

беру из книги Гильдебрандта «О преподавании родного языка в школе». — М., 1902. — С. 116.)

Теперь опять вопрос: какой же язык так изучать? Можно всякий: и литературный язык, и местный говор. Изучение местного говора ради него самого — ненужная роскошь для школы, это задача ученого-диалектолога. Целесообразнее изучать литературный язык путем наблюдений над ним; при этом можно пользоваться сравнением и с фактами местного говора: это очень оживляет и углубляет грамматические занятия.

Однако нужно еще одно разъяснение. Здесь грамматика является особым, самодовлеющим предметом преподавания. На это, говорят, теперь нет времени, не хватает умения и т. д. Кроме грамматики и раньше ее, необходимо усвоение навыков письма, чтения и речи, от чего школа никоим образом отказываться не может. Но и для рационального усвоения упомянутых навыков грамматика тоже необходима, хотя уже в известной только мере.

В заключение еще одно соображение. Все эти сложные, а для преподавателя насущные вопросы в данной местности, по-видимому, осложняются еще и неясностью этнографической принадлежности населения. Это затрудняет выбор литературного языка, но принципиальная сторона дела от этого не меняется.

КУЛЬТУРА ЯЗЫКА

Мне кажется, что в заметке В. И. Ленина поставлено два вопроса: 1) об «употреблении иностранных слов без надобности» и 2) о «коверкании русского языка». Правда, второй только намечен и по контексту, как затронутый по поводу слова *будировать*, может представляться не более как одною из сторон того же первого вопроса; однако выражение «коверканье русского языка» обнимает, на мой взгляд, явление более широкое, чем неправильное понимание иностранных слов.

И то и другое, и употребление иностранных слов, излишнее и неправильное, и вообще «коверканье» русского языка свойственно людям, недостаточно овладевшим литературным языком. Это недостаточное владенье, в частности, состоит в бедности словаря. Кроме того, — и это очень важно — всякий не преодолевший еще трудности усвоения книжного языка не свободен от ошибочного взгляда на этот язык: будто необходимейшим свойством книжного языка должна быть какая-то нарочитая непростота, будто письменная фраза должна непременно облекаться в какие-то совершенно особые, хотя бы и не вполне понятные слова.

Скудный запас слов для выражения мысли и предпочтение простых слов простым приводит такого автора, между прочим, и к иностранным словам. На почве недостаточного умения точно и ясно выразить мысль (вследствие неумения расчленить ее и дать себе ясный и точный отчет во всех ее частях и во взаимоотношениях этих частей) иностранное слово может быть легко предпочтено русскому, именно вследствие своей непонятности. Так, например, надо уметь разобраться в оттенках своей мысли, чтоб выбрать подходящее выражение, сказать ли в данном случае *недочет*, или *пробел*, или *недостаток*. Некоторое чутье не позволяет, предположим, сказать *недочет*, сказать *пробел* — удерживает неполное понимание смысла этого слова и т. д. И вот подвертывается слово *дефект* и берет верх, как совсем непонятное и тем освобождающее от труда разбираться в оттенках мысли и в оттенках смысла слов. Вот почему недоучке простительно, по выражению Ленина, употреблять сверх нужды иностранные слова. Можно ли такому автору рекомендовать воздерживаться от иностранных слов, пока не исчерпает всех средств выражения своими русскими?

Ведь нет гарантии в том, что иностранное слово чувствуется ему как иностранное. В самом деле, сообразим, кто знает и почему знает, что слова *резон, идея, нормальный* и т. д. и т. д. — иностранные? Как-то давно кондуктор, рассказывая мне о трудности получить место, сказал: «Ну, конечно, у кого есть рука или просто, по-русски сказать, — *протекция*, — тогда другое дело».

Вы спрашиваете, отразилась ли и как революция на стиле газет и печати вообще. Об отражении революции на языке вообще имеется целый ряд интересных, частью глубоких, частью поверхностных, наблюдений. Оставим их в стороне, как не идущие прямо к делу, а представляющие главным образом теоретический интерес для лингвиста. По отношению же к газетному языку нельзя не признать, что революция выдвинула, между прочим, и к литературной деятельности многих лиц, недостаточно владеющих русским литературным языком. Отсюда и худосочие, и многословие, и недостаточная точность и ясность языка, и в частности не в меру и не к стати иностранные слова в языке газетных заметок. Чем больше такой автор «набивает руку» в писании, тем более ему опасности закоренеть в этих недостатках. А когда не владеющий литературным языком стал профессиональным литератором, то это его к чему-то обязывает: ему уже «простить нельзя», говорит Ленин.

Что касается 2-го вопроса анкеты, то если в нем под обогащением и расширением словаря понимается обогащение иностранными словами, а под упрощением — очистка от ненужных иностранных слов, то это, конечно, одна только сторона дела. Не простым может быть и язык, состоящий из одних русских слов; обогащение и расширение словаря, самое ценное, состоит в овладении возможно большим числом слов, оборотов и т. д. своего общепринятого книжного языка.

Из сказанного ясно, как я отвечаю на вопросы 1-й и 2-й. Никакого другого способа не вижу, кроме хорошего литературного образования. Надо, чтоб дети и подростки в школе имели длительное и постоянное общение с хорошей литературной, книжной речью. Надо, чтоб школа была насыщена ею. Необходимы занятия ею, ради нее самой, помимо воспитательных и образовательных целей, для которых литературными произведениями пользуются в школе. Поэтому и выбор литературного материала в школе должен определяться не только этими воспитательными задачами. Немало надо учиться, чтоб писать языком Стеклова.

Крупным умам свойственно обращать внимание на то и задумываться над тем, мимо чего проходят многие. Литературный язык — как воздух, чистоту и свежесть которого не всякий умеет ценить; можно привыкнуть и к дурному воздуху и не замечать, что дышать им вредно. Можно не замечать и нечистоты и «исковерканности» языка. Но Петр Великий или Пушкин, каждый в свое время, на поворотах русской культурной жизни, замечали и задумывались. Ленину принадлежит не одна только настоящая заметка

о языке. Любопытно, что ему же принадлежит мысль о составлении общедоступного небольшого словаря русского литературного языка. По его инициативе в 1921 г. была при Главнауке организована работа по созданию такого словаря, на которую были ассигнованы средства, которой были заняты десятки сотрудников и которая была прекращена к осени 1923 г. по постановлению Коллегии Наркомпроса. Спросим себя: многие ли понимают ценность такого пособия, как словарь литературного языка? Кстати сказать, у нас для русского языка такого словаря не было и нет.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Мне очень трудно говорить по двум причинам: первая — это то, что тут очень часто упоминалось мое имя как редактора «Толкового словаря русского языка», и поэтому просто некоторое личное затруднение я испытываю. Я думаю, всем товарищам это понятно. А другое, гораздо более важное, это то, о чем я имел случай в прошлую сессию при отчетном докладе вскользь сказать. Сейчас я скажу это еще раз и чувствую, что я просто обязан сказать. Мне до сих пор неясно, для кого и для чего делается этот словарь, 15-томный¹. Чем меньше томов его будет, — а к этому есть у некоторых стремление, пожелания или советы, иногда данные мимоходом, а иногда и под влиянием более основательных соображений, — чем меньше томов, тем будет хуже, т. е. менее понятно — для кого. И в связи с этим еще чувство, я бы сказал, очень сильное для меня лично чувство, которое бы я назвал чувством тоски по прекращению того безусловно полезного для науки дела, которое велось до сих пор, — т. е. составление и издание того большущего словаря. Конечно, одно другого не заменяет, и я говорю сейчас об этом большом старом словаре, который начался при акад. Гро-те, продолжался, главным образом, по редакции или по тому типу, который придали ему акад. Шахматов...² Здесь был намек в словах Александра Сергеевича [Орлова], но это не совсем так, что это в сущности не словарь, а фиксация картотеки, той громадной картотеки, которая в Ленинграде в количестве нескольких миллионов карточек. Я несколько лет тому назад видел сто ящиков по 10 тысяч в каждом. При помощи наших сотрудников они были приведены в алфавитный порядок, и тогда их был миллион. Сейчас я знаю, что их гораздо больше.

Что же представляют эти несколько миллионов? Зачем фиксировать их? Я скажу зачем. Не карточки фиксировать, а это фиксация собранного языкового материала. Когда говорят, что обсуждаемый словарь нужно расширять, и именно в сторону прибавления цитат литературных, то какой смысл имеет это? Говорят, что интереснее его читать. Это, собственно говоря, немножко поверхностное как будто достоинство, а безусловное достоинство это именно тогда, когда употребление слова во всех цитатах, вами собранных до сих пор, будет представлено. Их слишком много. То

есть что значит — слишком? Я смотрю на эту сокровищницу русского языка, которая там за многие десятки лет собрана, как именно на такую сокровищницу, т. е. там разнесена на карточки почти вся русская литература. Но это дело другое. Я только о нем упомянул, потому что моя тоска мешает моему отношению к новому словарю. Я, может быть, слишком несправедлив к нему, потому что мне жалко приостановки старого дела. Если бы это дело было сделано, то оно дало бы действительно много для науки, для ученого, для лексикографа или занимающегося историей русского языка. Все случаи употребления. Их настолько много, что они казались излишними. В бывшем Академическом словаре на слово *красный* я нашел несколько десятков страниц³. Если бы я издавал справочник, то это мне не нужно, а для историка очень интересно, что, оказывается, слово есть у Потемкина или в каком-то сочинении по рыбоводству упоминается, что это слово и в 1700 г., и в 1800 г. уже встречается. Это, конечно, материал, а не словарь, но ценность этого материала не поддается оценке. Для чего нужен словарь, который хотели издать в 50-ти томах, я понимаю. Мне могут сказать, что это слишком специальная цель, для которой может всякий поехать в Ленинград и порыться в картотеке. Я думаю, что это не так просто. Я думаю, что для современной советской науки такая вещь могла бы быть сделана, но это другое дело.

Обратимся теперь к обсуждаемому словарю. Повторяю, мне неясно: для кого он? Как тут уже говорилось неоднократно, что если это справочный словарь, нормативный словарь, то для меня вопрос, действительно ли он должен быть таким большим. Конечно, необходимо, чтобы были указаны ударения, и если есть какие-нибудь дублеты, то чтобы был указан предпочтительный вариант, и т. д. Для такого широкого массового употребления не только этот, но и словарь, редактируемый мною, мне тоже сейчас кажется слишком велик. Четыре тома — это все-таки не то, что завещал Владимир Ильич Ленин. Он говорил о толковом словаре русского языка по типу малого Lagousse, а то, что у нас напечатано, и еще будет один том напечатан, оно непохоже, и вот почему. Размеры не те.

В. И. Чернышев сказал, как нужен словарь советской массе, что они получают постоянно письма. Я мог бы демонстрировать те горы писем, которые мы тоже получаем, чаще всего хвалебные, очень трогательные и т. д. Колхозники, говорит, пишут. Если колхозник узнает, что вы хотите ему 15 томов дать, он скажет: я не о том думаю. Опять к тому же — для кого такой словарь?

Теперь разрешите остановиться на нескольких мелочах. Моя цель была — главное высказать. А эти замечания просто потому, что у нас есть большая практика именно в составлении такого рода словаря, практика, с которой теперешние сотрудники и Редакция Словаря современного русского литературного языка впервые встречаются. Я, может быть, могу некоторыми своими замечаниями быть полезен. Кстати сказать, я не видел обсуждае-

мого словаря и в ближайшее время, в течение года, и не могу за этот словарь, академический, теперь составляемый, приняться, взять его в руки, потому что у меня каждый час моей жизни рассчитан сейчас для составления четвертого тома своего словаря. Поэтому я свои замечания основываю только на тех высказываниях, которые здесь были. Говорили о гнездах. Я напомним, что с гнездованием слов у русских словариков есть большой опыт, приведший к тому, что гнезда в словарях не годятся. В гнезде слова не по алфавиту. Главная беда — это то, что гнезда нарушают алфавит. Опыт словаря XVIII века — это переход от гнездового словаря к в азбучном порядке расположенному словарю. У Даля в 1-м и 2-м изданиях не найдешь нужного слова, и Бодуэн де Куртенэ привел его словарь в 3-м издании в порядок, при котором вы можете легко наводить справки. Итак, я очень бы хотел предостеречь от гнезд. О других неудобствах гнездового расположения здесь уже говорилось⁴.

В конце прошлого заседания С. И. Соболевский говорил, — я сейчас не мог бы вспомнить тему его выступления, но примеры, которые он приводил, мне запомнились. И, мне кажется, тоже не бесполезно на такие вещи обратить внимание. Он говорил о затруднениях для переводчика. Вот по-гречески говорят так-то о страхе [доставлять страх врагу], а у нас — *внушать страх*. А для этого что нужно? Больше, больше цитат. Конечно, если цитаты есть, очень хорошо, но можно и не найти цитат с нужным словоупотреблением. А я скажу: и не надо искать! Ценность обычного словаря вовсе не в цитатах. Ценность громадного словаря в цитатах, а ценность обычного словаря в том, чтобы были формулы. По-русски говорится *внушать страх*. Вот для подтверждения этого не нужно мне ни Горького, ни Пушкина, ни кого другого. Я даю читателю формулу, и он будет благодарен. Мы в своем словаре иногда сочиняем фразы, и это не самомнение: они полезнее цитат. Наш словарь первоначально должен был быть без примеров, без цитат. Потом, когда его ленинградский период кончился, кому-то пришло в голову: нужны цитаты, скучно без цитат, и у нас началось неравномерное цитирование. При изучении нашего словаря можно это видеть.

Далее. Есть очень серьезное соображение насчет религиозных слов. Так вот, в рецензии на наш первый том в «Литературной газете» прямо говорится: «словарь похабный» и проч. Этому очень скоро поверили, и все на нас косились. Года полтора мы прожили в таком положении, что не знали, как быть дальше. Сейчас особенно доказывать это как будто не приходится, но все-таки иногда встречаются лица, которые советуют, что число их надо уменьшить. У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. «Много!» — говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в боге-то фразеология и важна была. Мы ничего не могли сделать и выпустили очень много. Повторяю, странно: я говорю, что это не нужно доказывать, а хочу это доказывать. Но мне хочется сообщить примеры, которые

вообще при собеседованиях могут быть полезны, потому что все они факты. Студент, хороший студент, говорит мне: «Вот, Дмитрий Николаевич, не понимаю пушкинской фразы: он советует прислушиваться к говору московских просвирен». Студент не знает, что такое *просвирня*. Он думает, что это, очевидно, какая-то мастерская: *столярня, слесарня* и т. д. Так вот я и думаю: очень почетная задача этого молодого человека — филолога — просветить. Где же он это слово найдет? В словаре оно должно быть.

Мальчик спрашивает учительницу: что такое *микроскоп* — он знает, а что такое *епископ* — он не знает. У Толстого рассказывается, — из его очерков, начатых «Декабристов», — священник в набедреннике. Что такое? Очевидно, на бедре, ну а что такое? Скажете, это, может быть, слишком узко, слишком редкие вещи. Не знаю, не считал, встретил раз. А там, где говорится: *с палицей*. Всякий читатель подумает, что он идет с палкой, с посохом. Мне кажется, надо объяснить, что это кусок материи, что это известная священническая награда. Этих примеров можно сотни привести, а самый факт понятен.

Что касается собственных имен, у нас тоже нет в словаре собственных имен. Конечно, В. М. Алексеев не требует, вероятно, от такого словаря, как наш, четырехтомный, собственных имен. А ведь вот какая беда: если собственные имена принципиально допустить, тогда вся география, вся история, вся литература должна быть, как в энциклопедическом словаре.

Самое последнее, о названии — *толковый словарь*. Совершенно прав академик В. М. Алексеев, что слово устарело и не совсем понятно⁵. И у нас один пример Даля — *толковый словарь*. У него своя идеология. Вы все знаете, зачем он писал свой словарь. Вовсе не для того, чтобы ученым целям служить, это была его идеология своеобразная. Что касается нашего случая, почему мы свой словарь назвали *толковым*? Это назвали не мы, а назвал так словарь В. И. Ленин. Этим названием мы дорожим, и, конечно, мы его не стали изменять.

С. И. Соболевский под конец своего выступления сказал, что есть эпиграмма Скалигера относительно словарной работы. Есть перевод этой эпиграммы Феофана Прокоповича. Разрешите прочесть:

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Ни посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон делает — то одно довлеет,
Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

VI ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1904—1914 гг.)

13 декабря 1913 г. истекло 10 лет со дня учреждения Комиссии, а 21 января 1914 г. — со дня первого ее заседания.

Московская Диалектологическая Комиссия образовалась из кружка, составившегося в Москве по инициативе А. Д. Григорьева из лиц, занимавшихся изучением истории и диалектологии русского языка.

Кружок. Первое собрание кружка состоялось 26 сентября 1901 года в составе А. Д. Григорьева, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова, И. М. Тарабрина и Р. Р. Пахтигаля из Вены, жившего тогда в Москве. Вскоре в кружок вошли Д. Н. Ушаков, К. С. Кузьминский, Н. В. Васильев, Н. Н. Кашин, Н. Н. Кононов, В. А. Погорелов, А. С. Мадуев, А. С. Орлов и Н. И. Шатерников; собрания кружка посещали также академики Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов.

Кружок поставил себе целью всестороннее изучение русского языка и жил деятельною жизнью. За время его существования, менее 2 1/2 лет, было 30 заседаний, на которых было сделано 22 доклада, а именно:

1901 г.

Григорьев А. Д. Диалектологические материалы по Архангельской губ.

Его же. Об исследовании Будде по языку Ломоносова.

Его же. Об исследовании Чернышева по языку В. Майкова.

Дурново Н. Н. О деэпричастиях на -*миш*.

Его же. О наблюдениях Никольского над жиздринскими Калужской губ. говорами.

Его же. О трудах Чернышева по русской диалектологии.

Его же. О словарном составе великорусских наречий.

Соколов Н. Н. О школьной грамматике Будде.

1902 г.

Дурново Н. Н. Об ударении в великорусских наречиях.

Мадуев А. С. О языке стихов поэта-самоучки крестьянина Фомушкина.

- Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей.
Соколов Н. Н. Потебня как лингвист и исследователь русского синтаксиса.
Его же. Психологическое направление Овсяннико-Куликовского в его «Синтаксисе русского языка».
Ушаков Д. Н. Несколько диалектических данных из Коломенского у. Московской губ.

1903 г.

- Григорьев А. Д. О диалектологических записях Брока, Халанского и Каринского.
Дурново Н. Н. О говорах Калужской губ.
Его же. О говоре Рузского у. Московской губ.
Его же. О говоре д. Разв'ярни Рузского у. Московской губ.
Мадуев А. С. Об окающих говорах Саратовского края.
Соколов Н. Н. Об исследовании Шахматова о полногласии.
Его же. О «Beiträge zur slavischen Syntax» Ягича.
Ушаков Д. Н. Критическая заметка о «Лекциях по истории русского языка» Соболевского по поводу 3-го их издания.

В этот список не вошел длинный ряд кратких докладывавшихся почти в каждом заседании (преимущественно А. Д. Григорьевым и Н. Н. Дурново) сообщений о новых трудах по лингвистике и главным образом по русскому языку, а также не включены и те беседы, которые не были связаны с определенными докладами, но которым посвящались часто целые заседания, напр., беседы о русском литературном произношении, о транскрипции его, о приемах диалектологических записей, о записывании при помощи фонографа с демонстрациями таких записей и упражнениями в записывании с фонограмм, и некоторые другие. Уже с самого начала интересы кружка сосредоточились главным образом в области диалектологии, и на первый план выдвинулись вопросы об устройстве поездок с диалектологической целью и о составлении диалектологической карты русского языка. Эти задачи ни в какой мере не были выполнимы без более прочной формы организации кружка и без материальных средств. Поэтому кружок все более и более озабочивался изысканием того и другого. Наконец, благодаря стараниям академика А. А. Шахматова, желания кружка осуществились путем учреждения при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук комиссии для составления диалектологической карты.

Комиссия. 13 декабря 1903 г. состоялось следующее постановление Отделения русского языка и словесности: «Положено просить академика Ф. Е. Корша образовать Комиссию из молодых московских ученых для составления диалектологической карты великорусских говоров. На расходы по оплате трудов Комиссии выслать академику Ф. Е. Коршу 500 рублей под отчет». В эту Комиссию вошли все находившиеся в то время в Москве члены

кружка. Отделение и после ассигновывало акад. Ф. Е. Коршу на нужды Комиссии различные суммы от 200 до 600 рублей (несколько раз одновременно, а с 1908 г. ежегодно); всего в 10 лет 3190 р.

Таким образом получились известные материальные средства, при экономном пользовании которыми оказалось возможным организовывать поездки, предпринимать печатание диалектологических программ и некоторых других изданий, оплачивать расходы почтовые и по устройству заседаний и даже в скромной мере уплачивать гонорар авторам статей, помещаемых в «Трудах» Комиссии. Кроме того, кружок получил и более прочную организацию. И хотя название Комиссии уже тех задач, которые ставил себе кружок, однако фактически это обстоятельство не суживает программы занятий Комиссии, так как, с одной стороны, составление диалектологической карты и кружок считал своей главной задачей, а с другой стороны, Отделение не находило и не находило оснований ограничивать научную работу Комиссии.

Первое заседание Комиссии состоялось 21 января 1904 г. под председательством Ф. Е. Корша в квартире А. Д. Григорьева. С апреля того же 1904 г., благодаря любезности управления Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III, Комиссия пользуется помещением канцелярии музея не только для своих заседаний, но и для хранения своей библиотеки.

Отчеты о деятельности Комиссии ежегодно печатаются в приложениях к отчетам Отделения русского языка и словесности Академии; здесь мы представим сводные из них краткие данные.

Личный состав. Председателем Комиссии с ее основания состоит акад. Ф. Е. Корш. Число членов с 13 возросло до 30. В настоящее время членами состоят: проф. Р. Ф. Брандт, Б. А. Будилевич, Н. В. Васильев, И. Г. Голанов, В. А. Городцов, А. Д. Григорьев, В. Н. Добровольский, Н. Н. Дурново, В. Н. Каменев, Н. Н. Кашин, Н. Н. Кононов, проф. А. Е. Крымский, К. С. Кузьминский, И. К. Линдеман, А. С. Мадуев, В. Н. Мансикка, А. В. Марков, проф. А. В. Михайлов, Н. Г. Огурцов, А. С. Орлов, проф. В. А. Погорелов, проф. В. К. Поржезинский, Б. М. Соколов, Н. Н. Соколов, Ю. М. Соколов, проф. М. Н. Сперанский, И. М. Тарабрин, Д. Н. Ушаков, Н. И. Шатерников и проф. В. Н. Щепкин. Товарищем председателя с основания Комиссии состоит Д. Н. Ушаков, с 1908 г. он же исполняет обязанности казначея, а с 1910 г. состоит и редактором изданий Комиссии. Секретарем состоял А. Д. Григорьев, а с 1905 г. состоит Н. Н. Соколов; во время пребывания его за границей в 1908—1909 г. обязанности секретаря исполнял Н. Н. Дурново. Заведование диалектологическими материалами поручено было в 1909 г. Н. Н. Дурново, а за отъездом его в 1910 г. из Москвы — Н. Н. Соколову. Библиотекарем состоял К. С. Кузьминский, а с 1905 г. состоит И. М. Тарабрин; с 1911 г. помощниками библиотекаря состоят Б. М. и Ю. М. Соколовы.

Заседания. Заседаний за 1904—1913 гг. было 76; на них прочли 72 доклада следующие лица:

Будилович Б. А.

К вопросу о русско-словацкой границе.

Голанов И. Г.

О говорах Брянского у. Орловской губ.

О языке Посошкова.

Городцов В. А.

О древнем населении Рязанской области.

Григорьев А. Д.

О трудах Л. Л. Васильева за 1904 г.

О Материалах по этнографии Гродненской губ.

Дурново Н. Н.

О говоре дер. Парфенки Рузского у. Московской губ.

Об ассимилятивном аканье.

О Хрестоматии Каринского.

О «Грамматике языка Пушкина» Будде.

О работах по русскому языку в сборнике в честь Ламанского.

О говоре крестьянина Рославльского у. Смоленской губ.

По поводу своей работы «Die grossrussische Dialectologie».

О диссертации Ильинского «Сложные местоимения».

Наблюдения в Клинском и Звенигородском уу. Московской губ.

О границах южновеликорусского наречия.

К истории появления *y* вместо *v* в области южновеликорусского наречия.

О работах по русскому языку в 1905 и 1906 гг.

Группировка южновеликорусских говоров по характеру их аканья.

О работах по русскому языку в 1907 г.

Об «Общем языковедении» Томсона.

О «Лекциях по истории русского языка» Будде.

О статье Шахматова «Южные поселения вятичей».

О работах по русскому языку в 1908 г.

О «Белорусах» Карского (т. II, ч. I).

Определение границ переходных великорусских говоров с северновеликорусской основой с говорами северновеликорусскими непереходными и с говорами южновеликорусскими.

О говоре Александровского у. Владимирской губ.

Отчет о летней поездке 1910 г.

О IX выпуске «Материалов по великорусским говорам».

О «Физиологии славянской речи» О. Брока.

Каменев В. Н.

О говорах северо-восточной части Одоевского у. Тульской губернии.

Кононов Н. Н.

Диалектический элемент в литературных произведениях XVIII в.

Корш Ф. Е.

О ритме в русской народной поэзии.

Просодия русских слов в предложении в связи с рецензией книги Кошутича «Руски примери».

Мадуев А. С.

К вопросу о единообразии диалектологических записей.

О говорах Бежецкого и Вышневолоцкого уу. Тверской губ.

Мансикка В. П.

О говорах Грязовецкого у. Вологодской губ.

Марков А. В.

О говоре с. Зимней Золотицы Архангельской губ.

О говорах Стародубского у. Черниговской губ.

О говоре с. Верхней Тоймы Сольвычегодского у. Вологодской губ.

Область великорусского наречия и область финно-угорских топографических названий.

О «Хрестоматии по великорусской диалектологии» Дурново и Ушакова.

Славянские древности в изображении Соболевского.

Огурцов Н. Г.

О говорах Пошехонского у. Ярославской губ.

Соколов Н. Н.

О некоторых типах переходных говоров в западной части Тверской губ.

Определение границ говоров вообще и белорусских в частности.

Об отделе физиологии звуков речи в «Общем курсе русской грамматики» Богородицкого.

Отчет о поездке во Владимирскую и Рязанскую губ.

О говорах Трубчевского у. Орловской губ.

Распределение белорусов на границе Черниговской, Орловской и Смоленской губ.

О белорусском аканье.

Отчет о поездке в Меленковский и Судогодский уу. Владимирской губ.

Отчет о поездке в южную часть Трубчевского у. Орловской губ.

Об отзыве Ульянова о «Грамматике русского языка» Овсяннико-Куликовского.

Отчет о поездке в Минскую и Гродненскую губ.

Отчет о поездке в Тихвинский у. Новгородской губ.

Проект системы диалектологических сводок.

Отчет о поездках 1910 г.

Отчет о поездке в Чухломский у. Костромской губ.

Отчет о поездке в Псковскую губ.

Обработка материалов по новгородским говорам, собранных Новгородским Обществом любителей древности.

О программе Киттермана по собиранию особенностей детской речи.

Соколов Ю. М.

О говоре южной части Белозерского у. Новгородской губ.
Отчет о поездке в Весьегонский у. Тверской губ. и Кириловский у.
Новгородской губ. (Оба доклада составлены совместно с
Б. М. Соколовым.)

Сперанский М. Н.

К истории диалектологии.

Ушаков Д. Н.

Московский говор, как основа русского литературного языка.
О наблюдениях Финка над русским литературным произношением.
К вопросу о русском литературном произношении по поводу бро-
шюры Соколова «Опыт систематизации звуков русской речи».
Проект системы знаков для фонетической транскрипции.
Опыт транскрипции рассказа Чехова «Дачники». (Два последние
доклада составлены совместно с Н. Н. Дурново.)

По поводу статьи Шахматова «Древние ляхские поселения в
России».

По поводу доклада Щербы «К вопросу о транскрипции».

Кроме докладов, целый ряд заседаний — частью или цели-
ком — был посвящен обсуждению проектов программ по южнове-
ликорусским, северновеликорусским, средневеликорусским и бело-
русским говорам.

Поездки. Всех поездок с диалектологической целью было 22,
а именно: в 1904 г. — А. Д. Григорьева в Подольский у. Мос-
ковской губ., Н. Н. Дурново в Волоколамский, Клинский и
Рузский уу. Московской губ., А. С. Мадуева в Тверской,
Корчевской, Кашинский, Калязинский, Бежецкий, Весьегонский,
Вышневолоцкий и Новоторжский уу. Тверской губ., его же в
Саратовскую губ., Н. Н. Соколова в Зубцовский, Осташков-
ский, Ржевский и Старицкий уу. Тверской губ., Д. Н. Ушакова
в Дмитровской у. Московской губ.; в 1905 г. — Н. Н. Дурново
в Клинский и Звенигородский уу. Московской губ., Н. Н. Со-
колова во Владимирскую и Рязанскую губ.; в 1907 г. —
Н. Н. Соколова в Меленковский и Судогодский уу. Влади-
мирской губ., его же в южную часть Трубчевского у. Орловской
губ.; в 1908 г. — Н. Н. Соколова в Минскую и Гродненскую
губ., его же в Тихвинский у. Новгородской губ.,
Б. М. и Ю. М. Соколовых в Белозерский у. Новгородской
губ.; в 1909 г. — Б. М. и Ю. М. Соколовых в Весьегонский
у. Тверской губ. и Кириловский у. Новгородской губ.; в 1910 г. —
Н. Н. Дурново и И. Г. Голанова в Рязанскую, Влади-
мирскую и Нижегородскую губ., Н. Н. Соколова и В. Н. Ка-
менева в Псковскую и Новгородскую губ.; в 1911 г. — Н. Н. Со-
колова в Чухломский у. Костромской губ., его же в Псков-
скую губ., А. С. Мадуева в Вышневолоцкий и Бежецкий уу.
Тверской губ., И. Н. Голанова в Брянский у. Орловской губ.;
в 1913 г. — Н. Н. Дурново в Ардатовский, Княгининский и

Сергачский уу. Нижегородской губ., В. Н. Каменева в Тульскую губ.

Часть этих поездок была организована Комиссией, часть принята по личному почину отдельных членов. Большая часть их совершена на собственные средства членов Комиссии, меньшая часть, на сумму 1005 р., оплачена из средств Комиссии, а кроме того, на поездки израсходовано 700 р. из специального ассигнования Отделения русск. яз. и словесности Академии Наук в 1910 г. Одним из крупных результатов поездок должно быть признано довольно точное определение границы оканья и аканья.

Собирание и обработка диалектологических материалов. Комиссией обработаны все ответы, полученные Академией на ее «Краткую программу по собиранию особенностей русских говоров», изданную в мае 1903 г., и напечатаны в «Трудах» Комиссии под заглавием «Свод материалов, собранных Комиссией (серия 1-я)», причем в этот свод включены, кроме указанных ответов, также сведения и из других источников. Свод (серия 1-я) включает в себе сведения по 22 губерниям: Владимирской, Вологодской, Воронежской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Смоленской, С.-Петербургской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской.— Комиссия пользовалась для своих занятий также ответами и на так называемую «полную» академическую программу (северновеликорусскую 1896 г., южновеликорусскую 1896 г. и сводную великорусскую 1900 г.), которые напечатаны Академией в девяти выпусках «Материалов для изучения великорусских говоров», остающиеся ненапечатанными обрабатываются Комиссией для последующих выпусков «Материалов».

Кроме того, Комиссией была выпущена в количестве 3000 экземпляров и разослана на места своя собственная Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры — 1909 г. II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры — 1911 г. Ответов получено пока 203; поступления продолжают¹. Ответы в обработке печатаются в «Трудах» (начиная с III вып.) под заглавием «Свод материалов, собранных Комиссией, серия 2-я»; напечатано пока 24 №№ в порядке поступления из губерний: Вятской, Калужской, Курской, Орловской, Псковской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Тамбовской и Тверской. В настоящее время приготовлен к печати и выпуск III. Белорусские говоры (обсуждение проекта закончено во втором заседании 1914 г.). На очереди переиздание разошедшихся первых двух выпусков.

¹ Академией Наук на ее «полную» программу было получено 280.

Наконец, Комиссией собираются и хранятся всякого рода мелкие и даже отрывочные сообщения диалектологического характера.

«Труды» и другие издания. В «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» помещаются некоторые из докладов, читанных на заседаниях, статьи членов Комиссии, отчеты о поездках, диалектологические материалы, программы и карты. «Труды» печатаются в журнале «Русский филологический вестник», благодаря любезному согласию его редактора проф. Е. Ф. Карского, бесплатно, причем Комиссии предоставляется 200 оттисков, которые по мере накопления материала брошюруются в отдельные выпуски. Комиссии приходится иногда приплачивать или за более дорогой, чем обычный, набор, или за превышение определенной редакцией меры. Вышло три выпуска «Трудов»: 1-й в 1908 г., 2-й в 1910 г. и 3-й в 1914 г. На приплату за печатанье первых двух выпусков, на печатанье программ в 3000 экз. (см. выше) и на литографские заказы, как, напр., карты, проекты программ и др., истрачено 420 р., на уплату авторского гонорара 506 р.

Комиссией составляется указатель трудов вообще по русскому языку и указатель трудов и материалов по русской диалектологии; в 1907 г. результаты этой коллективной работы, далеко не законченной, были напечатаны в 30 экз. при помощи шапирографа в целях облегчения дальнейшей работы составителям.

К а р т а. Членами Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым изготовлена диалектологическая карта русского языка в Европе. На ней обозначены 1) различными красками территории северно-великорусского, южно-великорусского, белорусского и малорусского наречий, 2) территории переходных говоров — краскою того наречия, которое лежит в основе, с полосами того, откуда идет наслоение, 3) границы главнейших типов говоров в пределах наречий — цветною линиею, легко различимой на данном фоне, 4) территории, занятые русскими вперемежку с инородцами, — цветными (соответствующего наречия) пятнами по белому фону или белыми пятнами по цветному фону с наименованиями инородцев, 5) места, сплошь занятые инородцами, — белым фоном с наименованием инородцев и 6) границы государственных, губернских и уездных. На эту карту Комиссия смотрит, как на популярную, лишь в общих чертах отмечающую границы главнейших диалектов и не исчерпывающую всех накопленных сведений о них. К карте будет приложен очерк диалектологии русского языка; карта с очерком составят 4-й выпуск «Трудов». Карта издается на средства Императорского Русского Географического Общества, причем известное количество экземпляров будет предоставлено Комиссии; Комиссия имеет в виду потребное число экземпляров передать в распоряжение Отделения русского языка и словесности для рассылки тем лицам, которые в свое время прислали ответы на академические программы; известное

же количество — разослать и лицам, присылающим ответы на программы самой Комиссии.

Библиотека Комиссии составилаь путем пожертвований и обмена изданиями с различными учеными учреждениями и лицами и насчитывает в настоящее время 920 названий, из которых 50 было передано Комиссии Кружком.

Заканчиваем очерк благодарностью Отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук за предоставление денежных средств и другую помощь, Управлению Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III за предоставление помещения для заседаний и библиотеки, редактору «Русского филологического вестника» профессору Е. Ф. Карскому за помещение «Трудов» Комиссии на страницах журнала и всем учреждениям и лицам, жертвовавшим книги в библиотеку, — а также просьбою ко всем, сочувствующим делу Комиссии, присылать всякие сведения о народных говорах в виде ли ответов на программу или в любом виде (Москва, Красная площадь, Исторический Музей, М. Диалектологической Комиссии).

Тов. предс. Комиссии *Д. Ушаков.*
Секретарь *Н. Соколов.*

27 февраля 1914 г.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ
ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА 12 ЛЕТ
(январь 1914 г.— январь 1926 г.)¹**

Диалектологическая Комиссия, состоящая при Отделении русского языка и словесности Академии Наук, в январе 1924 г. вступила в третье десятилетие своего существования. Краткий очерк возникновения Комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904—1914) напечатан в 3-м выпуске «Трудов Московской Диалектологической Комиссии» (Русский филологический вестник.— Т. 71), а настоящий очерк посвящен работе Комиссии за следующие 12 лет и представляет собой извлечение из отчетов Комиссии, которые ежегодно направлялись в Отделение русского языка и словесности для напечатания в его сводном отчете.

Председателем Диалектологической Комиссии после смерти академика Ф. Е. Корша с весны 1915 г. состоит Д. Н. Ушаков, товарищем председателя Н. Н. Дурново; секретарем Комиссии был до 1919 г. Н. Н. Соколов, а с 1919 г. состоит И. Г. Голанов. Число членов Комиссии, с 14 человек в 1904 г., к январю 1926 г. возросло до 50. В настоящее время членами Диалектологической Комиссии состоят: Р. И. Аванесов, Ф. Н. Афремов, П. Г. Богатырев, А. А. Буслаев, Н. В. Васильев, Н. Н. Виноградов, Г. О. Винокур, А. Н. Гвоздев, И. Г. Голанов (секретарь Комиссии и и. о. хранителя материалов), В. А. Городцов, А. Д. Григорьев, О. А. Державина, Г. Г. Дингес, Н. Н. Дурново (товарищ председателя Комиссии), В. Н. Каменев, Е. Н. Каринская, Н. М. Каринский, акад. Е. Ф. Карский, С. И. Карцевский, Н. П. Кашин, А. Е. Крымский, К. С. Кузьминский, Б. А. Куфтин, А. С. Мадуев, С. Я. Мазе, В. П. Мансикка, А. В. Михайлов, С. П. Обнорский, А. С. Орлов, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, В. А. Погорелов, В. К. Поржезинский, П. А. Расторгуев, П. П. Свешников, А. Д. Седельников, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, Б. М. Соко-

¹ Составлен председателем Комиссии Д. Н. Ушаковым и секретарем И. Г. Голановым.

лов, Ю. М. Соколов (библиотекарь Комиссии), акад. М. Н. Сперанский, И. М. Тарабрин, Н. С. Трубецкой, Д. Н. Ушаков (председатель Комиссии и редактор ее изданий), М. В. Ушаков, Н. И. Шатерников, Б. В. Шергин, Р. О. Шор, Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев.

Заседания Комиссии посещались акад. А. И. Соболевским и другими научными деятелями, а также студентами. В 1915 г. при Комиссии образовалась группа студентов, занимающихся русским языком, из учеников Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, М. Н. Сперанского и В. Н. Щепкина; эта группа составила ядро «Московского Лингвистического Кружка», который занялся в дальнейшем разработкой проблем языка в зависимости от его различных функций и специально изучением русского поэтического языка, ритмики и фольклорной стилистики.

С 1915 г. скончались: первый председатель Комиссии акад. Ф. Е. Корш — 16 февраля 1915 г. и члены Комиссии: А. В. Марков — в 1917 г., Р. Ф. Брандт, Н. Н. Кононов и В. Н. Щепкин — в 1920 г., Б. А. Будилович и В. Н. Добровольский — в 1921 г., Н. Н. Соколов¹ — в 1923 г., М. М. Кенигсберг — в 1924 г.

За истекший 12-летний период состоялось 91 заседание, на которых сделали 100 докладов следующие лица:

Аванесов Р. И. О говоре Переславль-Залесского у. Владимирской губ.²

Афремов Ф. Н. Отчет о летней поездке 1916 г. в Курскую и Рязанскую губ.³

Богатырев П. Г. и Якобсон Р. О. Краткий отчет о летней поездке 1915 г. в Верейский у. Московской губ.

Брандт Р. Ф. Ф. Е. Корш как переводчик и стихотворец.

Буслаев А. А. Отчет о летней поездке 1916 г. в Серпуховский у. Московской губ.⁴

Буслаев А. А. О приемах картографирования в диалектологической карте Сербии проф. Белича.

Буслаев А. А. Обзор картона по русскому языку из собрания Хмырова (Р. Истор. Музея).

Виноградов Н. Н. Происхождение акающих говоров Костромской губ.⁵

Винокур Г. О. Материалы Самойловича по говору Бельского у. Гродненской губ.

Гвоздев А. Н. Говоры Пензенской губ. (с демонстрацией диалектологической карты этой губернии)⁶.

¹ Некролог его, составленный А. И. С., см. в т. XXVII ИОРЯС, и составленный Н. Н. Дурново, — в «Slavia», — 1923. — II.1.

² См.: Труды Комиссии по Диалектологии русского языка (ДК). — Вып. 9.

³ См.: Труды ДК. — Вып. 8. — С. 31—32.

⁴ Там же.

⁵ См.: ИОРЯС. — 1918. — XXII. — Кн. 2. — С. 9—24.

⁶ См.: Труды Пензенского О-ва Люб. Естествозн. и Краеведения. — 1925. — Вып. 6. — С. 1—20.

Гвоздев А. Н. Усвоение ребенком фонетической стороны родной речи.

Голанов И. Г. Заметка о говоре Чериковского у. Могилевской губ.¹

Голанов И. Г. Проба картографирования диалектологических данных по Тверской губ.

Голанов И. Г. Воспоминания о курсах и практических занятиях акад. А. А. Шахматова в Петербургском Университете в 1913—14 уч. году.²

Голанов И. Г. О говорах Ржевского у. Тверской губ. (Отчет о летней поездке 1922 г.)

Голанов И. Г. Памяти проф. Н. Н. Соколова (деятельность Н. Н. в Диалектологической Комиссии).

Голанов И. Г. Что дает для разработки русской диалектологии книга А. Dauzat „La géographie linguistique“.

Державина О. А. Описание говора г. Углича Ярославской губ.³

Дингес Г. Г. Русское влияние в говорах немцев-колонистов Самарской и Саратовской губ.

Дингес Г. Г. Марбургские работы по составлению атласа немецкого языка и карта говоров немецких колонистов Поволжья⁴.

Дмитриев С. И. Говор дер. Нового Бузца Дмитриевского у. Курской губ.

Дурново Н. Н. Критические замечания на книгу акад. А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка».

Дурново Н. Н. К вопросу о классификации южно-великорусских говоров по аканью.

Дурново Н. Н. Московское или петроградское литературное произношение (по поводу рец. С. П. Обнорского на русскую грамматику Р. И. Кошутича в Известиях отд. русск. яз. и словесности Академии Наук за 1916 г., кн. 1).

Дурново Н. Н. Проект краткой программы для собирания сведений о говорах Волынской губ.

Дурново Н. Н. Типы белорусского аканья.

Дурново Н. Н. К вопросу о происхождении аканья.

Дурново Н. Н. Замечания на проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров.

Дурново Н. Н. Определение границ оканья и аканья.

¹ См.: Труды ДК.— Вып. 8.— С. 1—6.

² См.: ИОРЯС.— XXV.— С. 326—333.

³ См.: Труды ДК.— Вып. 9.

⁴ См.: Ученые записки Саратовского гос. унив.— 1925.— Т. IV.— Вып. 3.— С. 1—9.

Дурново Н. Н. Сочетания *ки, хи* в Галицком Четвероевангелии 1144 г.¹

Дурново Н. Н. Текст диалектологических программ для нового их издания.

Дурново Н. Н. Описание Корницкого говора Константиновского у. бывш. Седлецкой губ. (составленное покойным Н. А. Янчуком).

Дурново Н. Н. К вопросу о языке Киевских листов².

Дурново Н. Н. Русский народ и современные политические границы.

Дурново Н. Н. О смягченных согласных в языке писца П. почерка Архангельского Евангелия 1092 г.³

Дурново Н. Н. О новых трудах по русскому языку.

Дурново Н. Н. Род имен существительных в современном русском литературном языке⁴.

Дурново Н. Н. О «Кратком пособии к лекциям по исторической грамматике русского языка» проф. В. К. Поржезинского⁵.

Дурново Н. Н. Заметки по истории русского литературного языка (*они, оне* в рифмах русских писателей).

Дурново Н. Н. Памяти проф. Н. Н. Соколова.

Дурново Н. Н. Начальное *е* в общеславянском праязыке⁶.

Дурново Н. Н. К 40-летию «Очерков из истории русского языка» акад. А. И. Соболевского⁷.

Дурново Н. Н. Древнерусские рукописи XI—XII в. как памятники старославянского языка⁸.

Каменев В. Н. Отчет о поездке в северную часть Воронежской губ.⁹

Каменев В. Н. Проф. Н. Н. Соколов как организатор диалектологических экскурсий.

Каменев В. Н. Отчет о диалектологической поездке в Каширский у. летом 1923 г.¹⁰

Каринская Е. Н. О говоре Котельничского у. Вятской губ.¹¹

Каринский Н. М. Псковская часть «Очерков из истории русского языка» акад. А. И. Соболевского.

¹ См.: Slavia.— I.— С. 22—26.

² См.: Slavia.— I.— С. 219—227.

³ См.: Slavia.— II.— С. 599—612.

⁴ См.: Revue des études slaves.— IV.— С. 208—221.

⁵ См.: Slavia.— III.— С. 439—446.

⁶ См.: Slavia.— III.— С. 225—271.

⁷ См.: Slavia.— III.— С. 439—446.

⁸ См.: Южнослав. филолог.— IV.

⁹ См.: Труды ДК.— Вып. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Карцевский С. И. Система русского глагола¹.

Кенигсберг М. М. О приемах картографирования в «Atlas Linguistique de France publié par Gulleront et Edmont».

Куфтин Б. А. Народный костюм в области Касимовских и Елатомских средне-великорусских говоров.

Мазе С. Я. О приемах картографирования в работе Bohnenberger «Франковско-аллеманская граница» (Zeitschrift für hochdeutsche Mundarten, VI).

Мазе С. Я. О произношении ѣ в московском говоре в XVII—XVIII в.

Орлов А. С. Несколько замечаний о древнерусской лексике.

Петерсон М. Н. О книге Готьо (Gauthiot) «La fin de mot en indoeuropéen».

Петерсон М. Н. О книге Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении».

Петерсон М. Н. Об одном из условных языков.

Петерсон М. Н. Проф. Н. Н. Соколов как исследователь литовских говоров.

Петерсон М. Н. Ответ критикам «Очерка синтаксиса русского языка»².

Петерсон М. Н. О книге Е. С. Ёстриной «Синтаксические явления в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи»³.

Пешковский А. М. Синтаксис и школа.

Пешковский А. М. Несколько наблюдений над ритмико-мелодической стороной русской речи.

Пешковский А. М. О книге Всеволодского-Гернгросс «Теория русской речевой интонации».

Полевой Н. А. О говорах Новозыбковского у. Гомельской губ.

Поржезинский В. К. Памяти Ф. Ф. Фортунатова.

Поржезинский В. К. О книге Линцбаха «Принципы философского языка».

Расторгуев П. А. О ляхских чертах в белорусской фонетике⁴.

Расторгуев П. А. К характеристике личности акад. А. А. Шахматова⁵.

Свешников П. П. Отчет о летней поездке 1916 г. в Зарайский у. Рязанской губ.⁶

Свешников П. П. Проект диалектологической программы для северо-западной части Московской губ.

Свешников П. П. Словарный материал по Воскресенскому у. Московской губ.

¹ См.: Slavia.— I.— С. 242—268 и 495—523.

² См.: Родной язык в школе. Сб. 8.— С. 76—84.

³ Печатается в „Zeitschrift für Slavische Philologie“.

⁴ См.: Труды ДК.— Вып. 9.

⁵ См.: ИОРЯС.— XXV.— С. 318—325.

⁶ См.: Труды ДК.— Вып. 8.— С. 33—34.

Седелъников А. Д. Новый текст Агрефениева Хождения.
Селищев А. М. Русский язык у инородцев Поволжья
(русская фонетика и морфология у чувашей)¹.

Селищев А. М. О «Кратком пособии к лекциям по исторической грамматике русского языка» проф. В. К. Поржезинского².

Селищев А. М. Опыт картографирования диалектологического материала по Казанской губ.

Селищев А. М. К вопросу о типах аканья в южно-великорусских говорах (по поводу книги Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания». I).

Сидоров В. Н. О говоре Воскресенского у. Московской губ. (Отчет о летней групповой поездке 1925 г.)³.

Смирнов А. М. Частушки как лингвистический материал.

Акад. Соболевский А. И. Несколько этимологий.

Соколов Б. М. Краткое сообщение о говорах Рязанской губ.⁴

Соколов Н. Н. Об учебнике по русскому языку для IV кл. гимназий проф. С. М. Кульбакина.

Соколов Н. Н. О говорах Псковской губ.⁵

Соколов Н. Н. Акающие говоры Костромской губ.⁶

Соколов Н. Н. О книге П. А. Бузука «Очерки по психологии языка».

Тарабрин И. М. Словарный материал лицевого букваря Кариона Истомина.

Трубецкой Н. С. Метод восстановления общеславянского праязыка в книге акад. А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка».

Ушаков Д. Н. Воспоминания об акад. Ф. Е. Корше как председателе Диалектологической Комиссии⁷.

Ушаков Д. Н. Акад. А. А. Шахматов и Московская Диалектологическая Комиссия.

Ушаков Д. Н. О некоторых картографических материалах по белорусскому и малорусскому языкам (с демонстрацией 28 этнографо-лингвистических карт).

Ушаков Д. Н. Памяти проф. Н. Н. Соколова.

Ушаков М. В. Описание говора с. Лугавец Клинцовского у. Гомельской губ.⁸

Ушаков М. В. Отчет о групповой поездке в Можайский у.

¹ См.: Slavia.— IV. 1.— С. 26—43 (в тот же журнал отослана и работа о типах аканья).

² Вестник просвещения ТССР. — 1921.— № 6—7.— С. 203—207.

³ См.: Труды ДК.— Вып. 9.

⁴ См.: Труды ДК.— Вып. 8.— С. 25—30.

⁵ Там же.— С. 1—12.

⁶ Там же.— С. 13—24.

⁷ См.: Труды ДК.— Вып. 4.— С. 16—29.

⁸ См.: Труды ДК.— Вып. 9.

Московской губ. и в Гжатский у. Смоленской губ. в сентябре 1925 г.¹

Шор Р. О. О книге Kretschmer «Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache».

Якобсон Р. О. О языке произведений Тредьяковского.

Якобсон Р. О. Фонетические особенности одного говора Дмитровского у. Московской губ.

Якобсон Р. О. По поводу статьи проф. Н. М. Каринского «Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве как памятник псковского говора XV—XVI вв.».

Якобсон Р. О. К вопросу о национальном самоопределении народностей.

Якобсон Р. О. Некролог акад. А. А. Шахматова (доложен в переводе с чешского А. А. Буслаевым).

Якобсон Р. О. Проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров.

Яковлев Н. Ф. Отчет о летней поездке 1916 г. в Яренский у. Вологодской губ.²

Вне ряда обычных заседаний 30 октября 1921 г. состоялось торжественное соединенное заседание Диалектологической Комиссии и других научных обществ — Лингвистического Общества при I Московском государственном университете, Общества Истории Литературы и Московского Лингвистического Кружка — по случаю 25-летия научной, общественной и педагогической деятельности председателя Комиссии проф. Д. Н. Ушакова. Одно из заседаний — 13 марта 1924 г. — было устроено в честь маститого ученого акад. А. И. Соболевского по случаю 40-летия выхода в свет его крупного труда «Очерки по истории русского языка».

Комиссией за истекшие 12 лет было организовано свыше 20 диалектологических поездок. После наблюдений В. Н. Камнева в Задонском у. Воронежской губ. в 1914 г., П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона в Верейском у. Московской губ. и И. Г. Голанова в Чериковском у. Могилевской губ. в 1915 г., диалектологическими экскурсиями было особенно богато лето 1916 г., когда члены и сотрудники Комиссии обследовали северновеликорусские говоры (П. Г. Богатырев и Б. В. Шергин в Архангельской губ., Н. Ф. Яковлев в Яренском у. Вологодской губ.), переходные (А. А. Буслаев и Р. О. Якобсон в Московской губ.), южновеликорусские (Ф. Н. Афромов, Н. Н. Дурново и П. П. Свешников) и малорусские (Н. Н. Соколов в Павловском у. Воронежской губ.); кроме того, Г. Г. Дингес собирал материал для этнографической карты Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губ.

Позже, в 1917—1920 гг., по условиям времени и за недостатком средств диалектологических экскурсий не было, но с 1921 г.

¹ См.: Труды ДК. — Вып. 9.

² См.: Труды ДК. — Вып. 8. — С. 36.

они опять возобновились по личному почину и почти на одни собственные средства членов Комиссии: Д. Н. Ушаковым и А. А. Буслевым были произведены диалектологические наблюдения в Московской губ.; И. Г. Голановым — в Ржевском у. Тверской губ. (где была обследована «шеплянщина» — белорусская по происхождению западная треть уезда с диссимилятивным аканьем, у неслоговым из в и л, фрикат.-задненёбным и даже гортанным г, шепелявыми с, з — за что и дано вышеуказанное название всей местности, — вопросительной частицей *ти* и прочими белорусскими особенностями; центральная часть уезда признана переходной на северновеликорусской основе с белорусскими чертами, причем в определение границы с чисто белорусской областью внесена поправка по сравнению с картой акад. Е. Ф. Карского) и в восточных уездах Смоленской губ.; В. Н. Каменевым — в Каширском у. Тульской губ.; Е. Н. Каринской — в Котельничском у. Вятской губ. (отмечено появление редуцированных гласных на месте *о* в 1-м слого перед ударением, чоканье, ш и ж мягкие, быстрый темп речи); А. М. Селищевым произведены наблюдения над русским говорением чувашей и горных черемис; А. Н. Гвоздевым изучались говоры Пензенской губ., на основании чего и составлена им диалектологическая карта этой губернии. Наконец, летом 1925 г. по поручению и плану Комиссии и с ее материальной помощью (в дополнение к 100 руб., отпущенным I МГУ) были совершены 2 групповых диалектологических экскурсии: в июне несколько молодых сотрудников Комиссии из окончивших курс по лингвистической секции в I МГУ (И. Я. Бондяков, Г. А. Лапина, Д. С. Онегин, В. Н. Сидоров, О. Н. Сидорова, М. В. Ушаков и Н. Э. Шмидт) под руководством членов Комиссии И. Г. Голанова и П. П. Свешникова обследовали говоры Воскресенского у. Московской губ., а в сентябре И. Г. Голанов, О. А. Державина, В. Н. Сидоров и М. В. Ушаков изучали говоры Можайского у. Московской губ. и Гжатского у. Смоленской губ.

В 1915 г. издан Комиссией «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с «Очерком русской диалектологии», составленный Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым (Труды МДК.— Вып. 5). Это издание было рассчитано не на специалистов, а на более широкий круг читателей, являясь своего рода диалектологической программой и приглашая собирать сведения о говорах для сообщения их Комиссии в качестве поправок к этому «Опыту»; и действительно, дальнейшие наблюдатели вносят свои замечания, исправления и дополнения к этому труду. В 1919 г. было намечено составление диалектологического атласа великорусских говоров, который должен состоять из ряда карт, где будет обозначено распространение отдельных диалектологических явлений или комплексов сходных черт. Составлен проект программы картографирования, меж-

ду работниками Комиссии распределены губернии для картографирования имеющегося по ним материала, и по некоторым губерниям доложены первые опыты картографирования. Для ознакомления с западноевропейскими работами в области картографирования сделали доклады в Комиссии: А. А. Буслаяев — о сербской карте Белича, И. Г. Голанов и М. М. Кенигсберг — о французских работах по лингвистической географии, Г. Г. Дигес, С. Я. Мазе и Р. О. Шор — о немецких трудах этого рода.

Издательская деятельность Комиссии, кроме выпуска вышеуказанного «Очерка русской диалектологии», выразилась в следующем. В октябре 1915 г. вышел 4-й выпуск ее Трудов, посвященный памяти покойного председателя Комиссии акад. Ф. Е. Корша и содержащий портрет Ф. Е. Корша, автобиографию Ф. Е. и воспоминания Д. Н. Ушакова о Ф. Е. как председателе Комиссии. В 1917 г. вышел 6-й выпуск Трудов Комиссии, заключающий в себе исследование Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южно-великорусское наречие», вып. 1-й, а в 1918 г. — и 2-й выпуск того же исследования, в качестве 7-го выпуска Трудов. В 1919 г. появился выпуск 8-й Трудов, содержащий диалектологические статьи И. Г. Голанова, Б. М. Соколова и Н. Н. Соколова, а также обработки ответов на программы Комиссии по южно-великорусским говорам и отчеты о диалектологических поездках. Настоящий выпуск со статьями членов Комиссии и продолжением обработок ответов на программу составляет 9-й выпуск Трудов Комиссии по Диалектологии русского языка. На очереди издание давно уже готовых к печати программ по белорусским и малорусским говорам и переиздание разошедшихся программ по южно-великорусским и северно-великорусским.

В отношении обработки и печатания ответов на диалектологические программы Комиссией сделано следующее. В дополнение к напечатанному в выпусках 1, 2, 3 «Своду материалов, собранных Комиссией (серия 1-я)», в настоящем, 9-м, выпуске помещается изготовленная членом Комиссии П. А. Расторгуевым сводка ответов на «Краткую (академическую) программу по собиранию особенностей русских говоров» (изд. в 1903 г.) по Черниговской губ. Ответы на так называемую «большую» академическую программу в значительном количестве (по Европейской России и Сибири) приготовлены к печати членами Комиссии, но по условиям времени в свет появились в 1922 г. только извлечения из сообщений (в количестве 30) по губерниям Владимирской, Казанской, Калужской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Псковской и Рязанской, обработанные товарищем председателя Н. Н. Дурново при участии И. Г. Голанова (см.: Сборн. Отд. русск. яз. и слов. — Т. 99. — № 3. — С. 1—134, Материалы для изучения великорусских говоров. — Вып. XI. — 1922). Обработка ответов на собственные программы Диалектологической Комиссии также продолжается. Кроме 24 от-

ветов, напечатанных в порядке поступления в 3-м выпуске Трудов ДК под заглавием «Свод материалов, собранных Комиссией, серия 2-я», в вып. 8-м напечатано под тем же заглавием еще 22 ответа, обработанных по плану Комиссии Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым. По тому же плану приготовлено в настоящее время еще более 150 ответов, часть которых печатается ниже под редакцией секретаря Комиссии И. Г. Голанова. Остается из собранных материалов не обработанными немного более 100 ответов (около 1/3 всего количества) этой серии.

Заканчиваем очерк благодарностью Отделению русского языка и словесности за моральную и материальную помощь, Коллегии Российского исторического музея за предоставление помещения для заседаний, а также всем учреждениям и лицам, содействовавшим работам Комиссии и успеху диалектологических экскурсий.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ**

За время существования Института языка и литературы, с 1921 г., его Лингвистическая секция пережила коренную реорганизацию. До весны 1923 г. в состав ее входили только специалисты по общему сравнительному языкознанию, языковеды же русисты, слависты, романисты и германисты работали в других секциях совместно с историками соответствующих литератур: в секции русского языка и литературы и в секции романо-германской. В эту пору председателем Лингвистической секции состоял (недолго) В. К. Поржезинский, а затем М. Н. Петерсон, и заседания ее частью были соединенными с заседаниями существовавшего тогда Лингвистического общества при Московском университете. В этот период в секции сделали доклады:

Петерсон М. Н. (д. чл. секции). 1) Семасиологические этюды (Вундт и Развадовский). 2) Об одной предложной конструкции (словосочетания с предлогом *из*). 3) О книге E. Otto «Zur Grundlegung der Sprachwissenschaft» (1919).

Шор Р. О. (сотр. I разряда). 1) Обзор литературы по изучению порядка слов в индоевропейских языках. 2) Психические факторы порядка слов по Ван-Гиннекену. 3) О методе описания порядка слов по Блюмелю. 4) Перфектирующее значение приставки *ge-* в средневерхненемецком языке. 5) Проблема реконструкции фактов индоевропейского праязыка в связи с современным состоянием вопроса об индоевропейских *k* и *g* задненёбных. 6) К вопросу о внутренней форме слова. 7) Переводы из Панчатантры. 8) Актуальность и статика в языке (по поводу книги De Saussure «Cours de linguistique générale» — 1916).

Грушка А. А. (д. чл. античной секции). Из области латинского словообразования.

Сергиевский М. В. (д. чл. романо-германской секции). 1) О некоторых романских элементах в папирусах VI—VII вв. 2) Новые данные в области германо-финских отношений (по поводу труда Karsten «Germanisch-finnische Lehrwortstudien» — 1915).

Дурново Н. Н. (чл. Лингвистич. о-ва). Вопросы языка в трудах русских историков.

Пешковский А. М. (чл. Лингвистич. о-ва). О понятии отдельного слова.

Весною 1923 г. Лингвистическая секция была преобразована, к ней были причислены языковеды, состоявшие до того в секциях русской и романо-германской, и несколько позже были назначены три новых действительных члена и один сотрудник I разряда. Председателем преобразованной секции был избран Д. Н. Ушаков, секретарем — М. В. Сергиевский. К концу 1925 г. в секции состояли действительные члены: Г. А. Ильинский, Н. М. Каринский, Л. З. Мсерьянц, М. Н. Петерсон, А. М. Селищев, М. В. Сергиевский, А. И. Соболевский, Д. Н. Ушаков (председатель) и Б. И. Ярхо; сотрудники I разряда: А. Н. Гвоздев, И. Г. Голанов, Е. А. Мейер, Н. Ф. Яковлев и Р. О. Шор (секретарь); сотрудники II разряда: Н. Я. Бондяков, Г. К. Данилов, Е. Н. Каринская, А. И. Павлович, А. А. Реформатский, Д. С. Розенталь, П. П. Свешникова и А. И. Смирницкий.

В 1923—24 г. было 13 заседаний, на которых сделали доклады: Каринский Н. М. К вопросу о древнейших источниках русского языка (по данным палеографии).

Петерсон М. Н. Синтаксис Лермонтова, очерк первый (словосочетания типа *птица летит*).

Селищев А. М. 1) К изучению культурно-языковых отношений на Балканах (один из ранних балканизмов в болгарском языке). 2) К изучению процесса языковых взаимодействий (из наблюдений автора над двуязычием и переходом к одноязычию).

Сергиевский М. В. 1) Яфетидология и ее новейшие успехи. 2) К вопросу о древнейших славяно-германских отношениях по данным языка (славянские заимствования из германских языков).

Ушаков Д. Н. Фонетика русского языка в нормативном освещении (о московском «литературном» произношении).— Два доклада.

Шор Р. О. 1) О некоторых стилистических фигурах в Риг-Веде. 2) О сборнике статей под ред. Л. В. Щербы «Русская речь».

Ярхо Б. И. К вопросам средневековой латинской метрики. 1) Рифмованные секвенции X в. 2) Синтаксис и рифмы в драмах Хротсвиты.— Два доклада.

Кроме того, М. Н. Петерсон сделал доклад в Методологической секции на тему «Язык как социальное явление».

В 1924—25 г. было 13 заседаний, на которых сделали доклады:

Мсерьянц Л. З. 1) К пребыванию Расмуса Кристиана Раска в России, по архивным данным Азиатского музея Академии Наук СССР (из истории языковедения). 2) По поводу новой работы А. Meillet по древнеперсидскому языку (*Grammaire du vieux perse*.— 1915).

Петерсон М. Н. Синтаксические взгляды Карла Бюлера (по его работам: *Vom Wesen der Syntax.*— 1923 и *Kritische Mustertung der neueren Theorien des Satzes.*— 1920).

Сергиевский М. В. Проблема социальной диалектологии во французском языке в XVI и XVII вв.

Шор Р. О. 1) К вопросу о многозначности слова (по поводу книги Эрдмана «*Die Bedeutung des Wortes.*»— 1921). 2) Логическое направление в современной грамматике, очерк первый (значение и выражение).

Ярхо Б. И. Рифмы у Хротсвиты.

26 октября 1924 г. по инициативе Лингвистической секции было организовано заседание Института языка и литературы, посвященное памяти выдающегося русского лингвиста академика Ф. Ф. Фортунатова по случаю десятилетия со дня его кончины (20 сентября 1914 г. ст. ст.). Вступительное слово произнес председательствовавший Д. Н. Ушаков. Затем М. Н. Петерсон сделал доклад о трудах Ф. Ф. Фортунатова в области общего языкознания и М. М. Покровский (председатель античной секции и один из ближайших учеников покойного) — доклад, посвященный личным воспоминаниям о Ф. Ф. Фортунатове.

Кроме заслушания и обсуждения докладов, заседания секции посвящались обсуждению вопросов, связанных с установлением коллективной работы секции, и вопросов, связанных с занятиями сотрудников II разряда.

В качестве общих работ секцией намечены следующие.

1) Обследование и изучение, преимущественно с точки зрения социальной диалектологии, великорусских говоров, в первую очередь Московской губ., а также изучение речи национальных меньшинств романского и германского происхождения (главным образом румын и немцев-колонистов), до сего времени остающихся вне всякого научного внимания, кроме немцев поволжских, где работа ведется силами кафедры германской филологии Саратовского университета.

Намеченная работа, с одной стороны, требует рабочей силы большей, чем располагает Секция, и потому предполагается выполнять ее в части, касающейся русской диалектологии, совместно с Московской Диалектологической Комиссией, состоящей при Всесоюзной Академии Наук и насчитывающей среди своих членов и сотрудников несколько молодых начинающих ученых, готовых выполнять эту работу. С другой стороны, эта работа требует материальных средств для организации диалектологических и этнографических экскурсий; поэтому Секция сделала в 1924 г. попытку исходатайствовать в Госплане соответствующую ассигновку из сумм, определенных на научно-исследовательские работы по секции «человека», но эта попытка не увенчалась успехом.

Тем не менее, в исполнение намеченной задачи, летом 1925 г., д. чл. М. В. Сергиевский был командирован Институтом и совершил поездку (на свои средства) в автономную Молдавскую

республику для обследования и изучения живых молдавских говоров и для собирания соответствующих диалектологических и этнографических материалов. Результаты поездки изложены в напечатанной выше статье М. В. Сергиевского «Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР».

2) В связи с заданиями, поставленными Методологической секцией института, Лингвистическая секция приняла ее предложение взять на себя изучение языка Ленина. По поручению секции Д. Н. Ушаков сделал 9 февраля 1925 г. доклад о возможном плане коллективной работы по языку Ленина. По мнению докладчика, работа могла бы состоять или в составлении полного словаря языка Ленина, что могло бы послужить фундаментом для всякого дальнейшего изучения этого языка, или же в описании различных сторон ленинского языка и стиля; составление словаря — работа громоздкая, кропотливая и дорогостоящая; кроме того, она не смогла бы сослужить практической службы, которой от анализа языка Ленина может ждать политический оратор и писатель. Секция остановилась на изучении отдельных сторон языка Ленина и наметила несколько тем, которые и были взяты для обработки: Ушаковым Д. Н. — Элементы разговорной речи в языке Ленина; Сергиевским М. В. — Неологизмы; Селищевым А. М. — Архаизмы; Петерсоном М. Н. и Шор Р. О. — Этюды по синтаксису Ленина.

3) По докладу Д. Н. Ушакова Лингвистическая секция выразила готовность заняться еще одной работой, связанной также с именем В. И. Ленина. В 1921 г. по мысли Владимира Ильича, выраженной им в записке покойному т. Литкенсу, Главнаукой была организована работа по составлению общедоступного словаря русского литературного языка. На эту работу были ассигнованы крупные средства, она велась десятками сотрудников, составившими до 200 000 карточек, но к осени 1923 г. по постановлению коллегии Наркомпроса она была прекращена. Намерение Госиздата, возникшее было вскоре после смерти Владимира Ильича, окончить и издать этот словарь не приводится в исполнение. Лингвистическая секция признала желательным взяться за работу по завершению такого важного предприятия, если на осуществление его будут изысканы средства для покрытия расходов на оплату технической работы, и, во всяком случае, ходатайствовала перед Ассоциацией о принятии мер к сохранению от гибели изготовленных материалов.

Что касается занятий сотрудников II разряда, то по предложениям Коллегии института и в связи с предсказаниями Президиума Ассоциации, Лингвистической секцией 1) был установлен объем требований, которые должны предъявляться аспирантам в научные сотрудники II разряда по лингвистической секции для производства коллоквиумов по разным специальностям; 2) выработаны общие программы по отдельным специальностям (утвержденные потом Коллегией института) для тех же сотруд-

ников, с примерным распределением занятий, по предложению Коллегии, на три года; 3) составлялись планы семинарских занятий и заслушивались отчеты о занятиях сотрудников II разряда.

Требования для аспирантов установлены следующие.

Три работы Поржезинского: Введение в языковедение; Очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков; Очерк сравнительной морфологии индоевр. языков, ч. I, Склонение.

Кроме того, в зависимости от специальности: по русскому языку: Соболевский — Лекции по истории русского языка; Поржезинский — Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка; Дурново — Очерк истории русского языка; Дурново, Соколов и Ушаков — Опыт диалектологической карты русского языка по романским языкам: Mayer-Lübke. — Einführung in d. Studium der romanischen Sprachwissenschaft; Bourciez — Elements de linguistique romane; Zauner — Romanische Sprachwissenschaft. Teil I и II; по германским языкам: Streitberg — Urgermanische Grammatik; Kluge — Urgermanisch. Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte; Loewe R. — Germanische Sprachwissenschaft. Teil I — III; по общему и сравнительному языкознанию: Лескин — Грамматика старославянского языка; Кульбакин — Древнецерковнославянский язык; Нидерман — Историческая фонетика латинского языка; по славянским языкам: две только что названные книги (Лескина и Кульбакина) и умение читать и понимать литературные тексты на четырех славянских языках: польском, чешском, сербском и болгарском.

Программы занятий сотрудников II разряда установлены следующие:

I. По специальности общего и сравнительного языкознания должны быть изучены в историческом освещении языки: 1) древнеиндийский, 2) греческий, 3) латинский, 4) старославянский, 5) литовский, 6) один из германских (готский, древневерхненемецкий или древнеисландский) и разработаны три отдельных вопроса по общему языкознанию и три по сравнительному языкознанию, причем по годам программа может быть разбита примерно следующим образом:

1-й год. Древнеиндийский язык (основы грамматики, классический санскрит), латинский яз., старославянский яз., греческий яз. (основы грамматики, классический автор), один вопрос из общего и один — из сравнительного языкознания.

2-й год. Древнеиндийский язык (классический санскрит, пракрит), литовский яз., греческий яз. (чтение автора, Гомер), два вопроса из общего и два — из сравнительного языкознания.

3-й год. Древнеиндийский язык (ведийское наречие), греческий яз. (Гомер и диалектические надписи), работа над специальной темой.

II. По специальности романо-германской должны быть изучены в историческом освещении четыре романских или германских языка, из них обязательно старофранцузский для

романистов и готский для германистов, далее латинский яз. (вульгарная латынь или историческая грамматика) для романистов и прагерманский (или праскандинавский) для германистов и проработаны: один вопрос по общему языкознанию и один по общему романскому или германскому языкознанию. Применительно к избранной теме должны быть, сверх того, разработаны два вопроса из области истории романских или германских литератур, романской или германской этнографии, метрики, стилистики, диалектологии и др., причем по годам программа может быть распределена следующим образом:

1-й год. Старофранцузский (готский) яз., второй романский (германский) яз., латинский (прагерманский) яз., вопрос по общему языкознанию.

2-й год. Третий романский (германский) яз., четвертый романский (германский) яз., вопрос по сравнительному романскому (германскому) языкознанию, первый дополнительный вопрос.

3-й год. Второй дополнительный вопрос, работа над специальной темой.

III. По специальности русского языка должны быть изучены история русского яз., старославянский яз., один южнославянский, один западнославянский яз., русский литературный яз., современный русский яз. (великорусский, белорусский и украинский) с диалектологией и проработаны один вопрос по общему языкознанию и один по сравнительному славянскому. Применительно к избранной теме должны быть изучены два дополнительных вопроса из области русской литературы (древней или новой), палеографии, этнографии, фольклору; по годам программа может распределиться следующим образом:

1-й год. История русского языка, старославянский яз., южный слав. язык, западный слав. язык.

2-й год. Современный русский язык, литературный русский язык, вопрос по общему языкознанию, вопрос по сравнительному славянскому языкознанию.

3-й год. Первый дополнительный вопрос, второй дополнительный вопрос, работа над специальной темой.

Примечание. Занятия по истории русского языка должны состоять в разработке нескольких вопросов по памятникам и во всестороннем изучении двух избранных памятников языка; по литературному языку — в изучении языка отдельных писателей или отдельных литературных произведений.

IV. По специальности славяноведения должны быть изучены в историческом освещении три южнославянских языка (сербский, болгарский, словенский), три западных (польский, чешский, лужицкий), старославянский и русский языки и проработаны вопросы: один по общему; один по сравнительному славянскому языкознанию и четыре — по славянским литературам, причем по годам программа может быть распределена так:

1-й год. Старославянский яз., русский яз., три славянских языка с соответствующей литературой.

2-й год. Вопрос по общему языкознанию, три славянских языка с соответствующей литературой.

3-й год. Вопрос по сравнительному славянскому языкознанию, работа над специальной темой.

Наконец, что касается семинариев для сотрудников II разряда, то велись семинарии М. Н. Петерсоном по санскриту в 1923—24 и 1924—25 гг. и по синтаксису в 1923—24 г., М. В. Сергиевским — по старофранцузскому языку в 1923—24 г. и по румынскому языку в 1925 г., Р. О. Шор — по ведийскому наречию в 1922—23 г., по общей лингвистике в 1923—24 г., М. Н. Петерсоном и Р. О. Шор — по синтаксису языка произведений В. И. Ленина (участники — преподаватели русского языка в Коммунистическом Университете национальных меньшинств Запада) в 1924—25 гг.

**ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ
МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
АКАДЕМИКЕ Ф. Е. КОРШЕ**

Доложено в заседании Комиссии 17 марта 1915 г.

То, чем я хочу помянуть Федора Евгеньевича¹, будет ряд отрывочных воспоминаний из жизни нашей Комиссии под его председательством. Следует пожелать, чтобы совокупными усилиями отдельных авторов воспоминаний о нем и характеристик его многогранного таланта создавалась на память потомству полная оценка трудов его и полная характеристика этого исключительного дарования; следует собирать и малые черточки и отдельные блестящие; пусть и мои отрывочные воспоминания когда-нибудь пригодятся; но сейчас я не этой целью задаюсь.

Когда лишаешься близкого человека, чувствуешь скорбь, что отмерла с ним часть твоей внутренней жизни; так и наша Комиссия, лишившись Ф. Е-ча, не может не чувствовать, что что-то близкое и дорогое уже в прошлом, что часть ее жизни отмерла. Ни оценку, ни биографический очерк не ставил я себе задачей: здесь, в нашей Комиссии, я хочу только припомнить несколько черт из нашего невозвратного прошлого, связанного с Ф. Е-чем, и пусть те чувства, которые пробудятся в вас при этих воспоминаниях, будут данью нашему *genio loci*.

Наша Комиссия образовалась из небольшого кружка молодых тогда еще людей, научно занимавшихся русским языком. Добрый гений молодых ученых академик А. А. Шахматов, благодаря которому кружку удалось получить более прочную организацию в виде комиссии при 2-м отделении Академии наук, предложил нам обратиться и сам обратился к академику Ф. Е. Коршу с просьбой принять на себя председательствование в Комиссии и, так сказать, заведование ею. Мы, члены кружка, почти все его слушатели по университету, с восторгом ухватились за эту мысль и завели с Ф. Е-чем переговоры. Нас беспокоило только одно сомнение, найдет ли Ф. Е. время и охоту посещать наши заседания, и мы с первых же слов заявили ему, что будем довольны

¹ Ф. Е. всегда писал отчество Евгеньевич, а не Евгениевич.

всем тем, что он нам найдет возможным уделить. И действительно, время не всегда, как бы нам хотелось, находилось у Ф. Е-ча, но охота, к нашему счастью, была всегда; из 82 заседаний Комиссии, состоявшихся при его жизни, под его председательством было 39, но причины его отсутствий в первые годы — главным образом поездки в Петроград по нескольку раз в год для присутствования на заседаниях Отделения, а в последние годы — болезнь.

Что Ф. Е. не только охотно посещал заседания Комиссии, но и любил Комиссию, чувствовалось всеми, кому случилось быть к нему ближе. Что в занятиях Комиссии могло привлекать его? Просмотрите в Историческом очерке, в 3-м выпуске наших «Трудов», список докладов и других предметов заседаний наших за 10 лет: большинство из них скучные сообщения сырого материала — диалектологические наблюдения свои и чужие; целый ряд заседаний для обсуждения редакции программ; черная работа: мало заманчивых выводов, широких обобщений. Однако здесь, несомненно, думается мне, он чувствовал себя в своей сфере. Справедливо говорилось уже и в печати и устно в речах о том, как относился Ф. Е. к языкам, о том, чем создавалось это знание огромного числа языков, что влекло Ф. Е-ча не только к знакомству с языками, но и к владению ими; это — желание и умение представить себе язык не в мертвой форме, отделившейся от своего творца и носителя — человека, а в живом образе. Наши диалектологические сообщения при всей своей сухости постоянно давали все новые и новые факты и притом выхваченные из самой гущи жизни народного языка. Ф. Е., умевший оживлять мертвые языки, не мог быть равнодушен к этим фактам, трепетавшим всеми трепетаниями жизни. Наконец, по поводу того или иного слова, по поводу отдельной формы постоянно завязывалась беседа, в которой находили себе применение и громадные познания Ф. Е-ча, и его умение наскоро мобилизовать эти познания. Не говорю о том, как ценно было для нас его участие в такой беседе, — в особенности, если речь заходила об этимологии слова, — но смею думать, что и он сам не мог не испытывать чувства известного удовлетворения. Как бы то ни было, что бы ни влекло его в Комиссию, но мы не забудем, как он постоянно просиживал с нами до ночи, и не только за живой беседой, вызывавшей ученого на творчество, но и за кропотливой работой, например над выработкой редакции того или иного вопроса диалектологической программы для собирателей.

Но как мы чувствовали себя с Ф. Е-чем? Не могли же мы, особенно в первое время, чувствовать себя совершенно свободно рядом с ним, ученым с мировой известностью? Вероятно так, но я совсем не помню этого чувства в себе и в своих товарищах. Это понятно: ведь Ф. Е., кажется, менее, чем кто-либо, держал себя авторитетом, он беседовал всегда непринужденно, весело, всегда живо. Он никогда не поучал, он как будто все время

сам учился, а мы поучались. Было и еще одно: его искрившийся талант многих неудержимо влек к нему как к личности. Я помню, на банкете в честь Ф. Е-ча по случаю его семидесятилетия наш сочлен А. С. Орлов образно выразил эту мысль. Здесь необходимо предварительно маленькое разъяснение. Известно, что Ф. Е. анализировал песни, записанные для Р. Джемса, и его указания на их ритмические особенности приложены к изданию П. К. Симиони. Анализ первой песни

*Бережочек зыблется —
Не песочек сыплется,
А ледочек ломится и т. д.*

привел его к предположению, что напев в этой песне охватывал два стиха; в таком случае вся песня должна состоять из парных стихов, нередко рифмующихся; а если так, то после второго недостает еще одного, по-видимому, утраченного стиха. И вот Ф. Е. (вы помните, он перевел универсалы Петра Великого с турецкого на русский языком петровских приказов) создает здесь в стиле яркий, сочный стих для примера и пишет: «Первоначальный вид вступления можно себе представить приблизительно в такой форме:

*Бережочек зыблется —
Не песочек сыплется:
Вьет, крутит позёмища,
А ледочек ломится.»¹*

А. С. Орлов сказал, что мировой ученый, казавшийся ему недостижимым, показался ему близким, когда написал: «вьет, крутит позёмища»... Вот и еще сторона личности, которая влекла к Ф. Е-чу и не давала чувствовать разницу в табели об ученых рангах.

Так он был дорог нам, а Комиссия была близка ему.

В первый раз Ф. Е. появился среди нас еще до образования Комиссии, в собрании кружка 14 ноября 1903 г., вечером в уютной квартире А. Д. Григорьева в Б. Афанасьевском переулке на Арбате и присутствовал при моем докладе о 3-м издании «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского. И с тех пор каждый раз мы с нетерпением, как ждут дорогого гостя, ждали, когда покажется в дверях его характерная, как будто нарочно несколько согбенная фигура с сжатыми словно виновато у груди руками.

В первом заседании Комиссии 21 января 1904 г. Ф. Е. сообщил о получении им предложения от Отделения русского языка и словесности Академии наук с выпиской из протокола заседания от 13 декабря 1903 г., которая гласила так: «Положено просить

¹ Симиони. Великорусск. песни, записанные... для Р. Джемса, с. 18 // Сб. отд. р. яз. и слов. И. А. Н.— Т. 82.— СПб., 1907.

акад. Ф. Е. Корша образовать комиссию из молодых московских ученых для составления диалектологической карты великорусских говоров». Ф. Е. познакомил присутствовавших с текстом своего ответа об исполнении им поручения; в нем он между прочим указывал на необходимость расширить занятия Комиссии изучением диалектологии всего русского языка, а также изучением его истории. Члены Комиссии всегда смотрели на задачи ее шире, чем это пришлось по формальным причинам обозначить в официальном ее титуле. Академия никогда ничего не имела против такого расширения занятий, но Ф. Е.-чу вместе с нами хотелось также, чтоб это нашло себе и внешнее выражение: вот почему он с первых же шагов пускает в оборот название «Московская Диалектологическая Комиссия» вместо «Комиссия по составлению диалектологической карты и т. д.», и наконец это название привилось всюду, в том числе в официальных бумагах Академии.

На первых порах жизни Комиссии Ф. Е.-чу выпали на долю хлопоты перед московской администрацией по вопросу о разрешении собраний, и 27 февраля 1904 г. в заседании он докладывает о результатах своего посещения обер-полицеймейстера Трепова и о своем разговоре с ним и с чиновниками его канцелярии, кроме делового, еще на тему о том, что такое диалектология, причем один из чиновников тут же сообщил ему какой-то диалектический факт со своей родины.

В это же время Ф. Е. хлопочет в Петрограде о получении бесплатном или удешевленном для Комиссии карт генерального штаба; этим хлопотам не суждено было увенчаться успехом вследствие смерти академика Дубровина, о чем Ф. Е. известил нас письмом, прочитанным на заседании 22 сентября 1904 г.

В конце 1904 года Ф. Е. был болен и не был на заседаниях 10 ноября и 1 декабря; на второе из этих заседаний он прислал текст составленного им приветствия от Комиссии академику В. И. Ламанскому по случаю 50-летнего юбилея его научной деятельности; в этом приветствии он между прочим остроумно говорит: «Если бывшее за полвека до нашего времени младшим из нас представляется уже стариною, то такая старина в лице Вашем не имеет ничего общего со старостью, потому что это — «живая старина» (намек на название этнографического журнала, издававшегося под редакцией Ламанского).

Вечером 22 сентября 1905 г. было назначено заседание Комиссии. Но случилось так, что в тот же день назначили заседание в Лазаревском институте; хотя оно и должно бы кончиться часам к семи, но нелегко совместить оба заседания, тем более что в тот же день до заседания у Ф. Е.-ча два часа лекций в том же Лазаревском институте. Ф. Е. не надеется быть в заседании Комиссии (и действительно не был) и пишет мне открыткой 20 сентября:

Theodorus Korsch Demetrio Nicolai f. Uschacov s.

Quod sodalium concilium in a. d. IX Cal. Octobres constituisti,

scito tibi ita solis lumen aspicerelicere, si res non mala habeatur hominem iugulare. Nam illo eodem die scholas habeo duas in Instituto quod dicitur Lazareviano, post quas consilio magistrorum eiusdem loci interesse debeo ab hora IV ad VI aut VII. Itaque per officiorum istic et illic obeundorum intervallum aut via, quae est inter Institutum et domum meam, bis metienda mihi erit aut exspectandi et ebendi locus quaerendus. Ego, qua virtute sum, omnes et corporis et animi vires intendere malo, quam vobis deesse, tamen, si frigus aut pluvia aut ventus aut denique valetudo obstiterit, venturum me minime polliceor.

Dabam a. d. XI Cal. Oct.

Ф. Е-чу пришлось однажды применить свое владенье латинским языком, так сказать, к чести Комиссии. В марте 1908 г. Комиссией было получено следующее извещение Чешской академии в Праге о смерти ее основателя и президента Иосифа Главки: *Imperatoris Francisci Iosephi Academia scientiarum, litterarum, artium Bohemica tristem fert nuntium, conditorem suum praesidem ovue celeberrimum Phil. Dr. Iosephum Hlavka... Prag die XI mensis Martii mortem oblisse* и т. д. Прочитав это известие, Ф. Е. заметил, что выражение «*Academia nuntium fert*» неудачно, что «*nuntium fert*», например, почтальон, а академия «*certiorem facit*».

Комиссия отвечала следующими словами, написанными Ф. Е-чем: *Societas investigatorum dialectorum linguae Rossicae Mosquana, cum de obitu Viri Clarissimi, Phil. Dr. Iosephi Hlavka, Imperatoris Francisci Iosphi Academiae scientiarum, litterarum, artium Bohemicae praesidis honoratissimi, certior facta esset, proximo suo consessu constituit, Academiae Bohemicae cum gratias agere, quod Societatem luctus sui participem esse volluisset, tum nuntiare se ex illo casu pari cum illa dolore afflictam esse.*

Praeses

Pro praeside

Ab epistulis

Jd. Mart. MDCCCCVIII.

Слѣдовали подписи предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря.

Осенью 1908 г. Ф. Е. присутствовал в ряде длинных заседаний, занятых обсуждением проекта южновеликорусской программы.

13 января 1909 г. было интересное заседание. А. В. Марков прочел доклад: «Область великорусского наречия и область финно-угорских топографических названий». Докладчик устанавливал очень интересный факт: совпадение границы области названных топографических названий с границей великорусов, но погрешал в своих предположениях, на которых строил выводы о процессе образования великорусского наречия, а потому вызвал оживленнейшие прения, главным образом по принципиальным вопросам. «Ф. Е. Корш», говорится в протоколе заседания, «поблагодарил докладчика за очень интересное сообщение, в котором подмечен такой любопытный факт. ... но вместе с тем отметил

шаткость доводов, приводимых докладчиком в доказательство финского влияния на великорусское наречие. Те явления в великорусском языке, которые Ключевский, а вслед за ним и докладчик объясняют финским влиянием, не могут быть так объяснены, потому что под финским влиянием не могли появиться звуки, не существующие в финских языках; кроме того, финским влиянием докладчик объясняет и такие явления языка, которые на самом деле представляют в великорусском остаток общеславянской старины (как, например, мгновенное г, которое ... в северновеликорусском осталось без перемены, как и в польском и в южнославянских языках). Что касается этимологии топографических названий, по мнению докладчика финно-угорских, то ... для того, чтобы судить о происхождении их, нужно восстановить историю финских языков, а мы ее не знаем. Антропологический тип великорусов также не подтверждает мнения докладчика о происхождении великорусского племени от обрусевших финнов, так как во многих местах этот тип не представляет ничего финского». Н. Н. Дурново, заменивший тогда секретаря Н. Н. Соколова, уехавшего за границу, обстоятельно изложил в протоколе суть всех прений и в том числе и своих принципиальных обширных замечаний по вопросу о факторах изменений в языке; и когда в следующем заседании, 27 января, Н. Н. Дурново прочел свой протокол, Ф. Е. наклонился ко мне и тихо сказал: «Превосходно! Вот что значит школа!» (он разумел Фортунатовскую).

В январе, феврале и марте 1909 г. Ф. Е. присутствовал в ряде заседаний, в которых я докладывал по частям о наблюдениях марбургского профессора Финка о русском литературном произношении. Ф. Е. всегда интересовался подобными вопросами: вспомните его молодые статьи о русском произношении в «Архиве» Ягича. На этих заседаниях между прочим было установлено существование двух вариантов московского произношения предупредного е: старого с известным видом е и молодого с и. К этому последнему Ф. Е. относился сначала недоверчиво и шутиливо старался уличить меня и других произносящих так в притворстве, потом примирился с существованием такого произношения и придумал нам кличку «питух».

10 апреля 1909 г. Ф. Е. по просьбе членов Комиссии сделал доклад «О ритме в народной поэзии», в котором изложил свои взгляды, высказанные им в печатных трудах по народному стихосложению.

На одном из заседаний, в которых обсуждались упомянутые выше наблюдения Финка, 16 марта 1909 г., Ф. Е. внес предложение заняться членам Комиссии транскрипцией собственных произношений. А в то время мы с Н. Н. Дурново уже изготовляли для нашей Хрестоматии по великорусской диалектологии транскрипцию чеховского рассказа «Дачники» в нашем произношении; поэтому мы и положили начало приведению в исполнение мысли Ф. Е.-ча, представив свою транскрипцию и проект системы

знаков. К обсуждению нашего доклада по разным причинам не удавалось приступить до 1910 г. Хотелось начать его в самом начале января, и я запросил Ф. Е-ча, свободен ли он числа 5-го, 6-го. Он ответил следующей открыткой:

21 Декабря 1909.¹

Открытка идет, говорят, скорее (вероятно, премия на открытость). Желал бы я иметь под рукой или кого-нибудь в этом роде, чтобы узнать, что² мне предстоит 5-го, 6-го и т. д. Но по поводу 5-го вспоминается мне «Раз в Крещенский вечерок» и пр.: полно, соберете ли членов? Да и 6-е сомнительно. Впрочем, я уж не гадаю и не кучу, а предостерег Вас во имя более юных товарищей. Пользуюсь этим случаем для того, чтобы и т. д. (Рождество Христово и Новый год).

Ваш Ф. Корш.

Заседание назначено было не в начале, а в половине января, но оказалось, что Обществу славянской культуры необходим тот же день. Ф. Е. пишет мне:

14 Января 1910.

Опять столкновение с Шевченковским комитетом! Говорят, что на этот раз мое присутствие там необходимо хотя бы лишь в начале заседания, потому что съедутся представители разных учреждений, собирающихся принять участие в торжестве. Потому просят меня поторчать там хоть от 8 до 9 часов. Делать нечего! Прошу начать без меня, а к половине 10-го, Бог даст, прибуду.

Ваш Ф. Корш.

Мы предпочли отложить заседание, и оно состоялось только 23 января в присутствии Ф. Е-ча. Но вскоре он простудился и не был в двух заседаниях: 13 и 23 февраля. Вот письмо, извещающее меня о том, что он не может быть 13 февраля:

12 Февраля 1910.

Вашу посылку с транскрипциями³ я получил, но не решился и вникнуть в нее из опасения, как бы не смыть ее преждевременно; да и понять что-нибудь я мало способен. У меня насморк, напоминающий Ниагару, беспокойный и нетерпимый в обществе (не только в «Обществе»...), бронхит, головная боль и сонливость. Der langen Rede kurzer Sinn: пока Вы будете изучать звуки

¹ Названия месяцев Ф. Е. писал с большой буквы.

² Ф. Е. в подобных случаях употребления местоимения *что* всегда ставил ударение.

³ Разумеются отлитографированные к этому заседанию проект и транскрипция «Дачников».

русского языка, я буду издавать звуки общечеловеческие, но неприятные и проливать беспомощно слезы... да и не только слезы.

Ваш Ф. Корш.

Транскрипция наша и в особенности проект обсуждались то в присутствии, то в отсутствии Ф. Е-ча в течение всего первого полугодия 1910 г. Жаль, что на этом пока и остановилась подобная работа, и еще более жаль, что Ф. Е. не дал транскрипции своего собственного произношения.

Весной 1910 г. Ф. Е. был председателем государственной испытательной комиссии при Московском университете. В мае, в разгаре испытаний устраивается заседание Диалектологической комиссии. Я явился к Ф. Е-чу, и мы не без труда выбрали свободный день 17 мая. Неожиданно оказывается, что помещение в Историческом музее в этот день занято, и я письменно (телефонов тогда ни у него, ни у меня не было) спрашиваю Ф. Е-ча, не свободен ли он случайно 19-го. В ответ я получил басню:

ВИЗИРЬ И ПОДВИЗИРЬЕ¹

(басня из 3-яго ряда)

«Срок заседания когда назначить нам?»,
Так молвил визирю однажды подвизирье:
«День каждый пыткою ты занят — знаю сам;
Но ведь и на войне бывает перемирье.
Ты мог ли б, например, прибыть на наш совет,
Когда бы написал в повестке я „17“?».
Визирь согласие дал; но ветреный клевет
Вдруг шлет такую весть: «Поставлю „19“».
Сговорчивый визирь ответствовал: «Валяй!»,
Зане не значился тот день в реестре пыток,
А сам подумал: «Вот удача невзначай!
Не то — сказал бы я: «Шалишь, брат! больно прыток!».

3 Мая 1910.

Слова «визирь» и «подвизирье» намекают на председателя и товарища председателя; слова в скобках под заглавием находят себе объяснение в том, что тогда только что выпустил второй сборник своих басен проф. Р. Ф. Брандт, назвав его «2-й ряд». В басне мною сохранено необычное употребление знаков препинания оригинала: запятые и точки после восклицательного и вопросительного знаков, двойные кавычки.

В 1910 г. в Белграде вышла хрестоматия Р. Кошутича «Руски примери», которую Ф. Е. высоко ставил за точность наблюдений над ударением и интонацией русской речи. Мы попросили Ф. Е-ча доложить нам о ней в связи с собственными наблюдениями

¹ Ср. подмастерье.

Ф. Е-ча. Он согласился, но доклад был прочитан нескоро: раз назначенный, он был отложен из-за совпадения нашего заседания с заседанием Общества славянской культуры, где Ф. Е-чу необходимо было присутствовать, чтобы примирять украинофилов с москвофилами; совпадение же заседаний произошло по вине «одного из лучших современных специалистов по части путаницы», как выразился Ф. Е. в письме ко мне 13 декабря 1910 г. В следующий раз, 15 января 1911 г., Ф. Е. была нездоров, и доклад состоялся наконец 14 февраля 1911 г. Содержание его, интересное особенно в той части, где Ф. Е. сообщил свои наблюдения по части речевых тактов, было в главных чертах записано мною со слов Ф. Е-ча, и запись была передана ему для внесения дополнений и поправок, так как доклад предполагалось напечатать. Внес ли что-нибудь в эту запись Ф. Е. и цела ли она, пока неизвестно.

Кроме этого заседания, в весеннем полугодии 1911 г. было еще пять: на всех них присутствовал Ф. Е.; обсуждались северновеликорусская программа, а также вопросы, связанные с изданием нашей диалектологической карты русского языка при участии Русского Географического Общества. В одном из отношений Этнографического Отделения Общества, адресованном председателю Диалектологической комиссии, оказалось одно несколько неудачно изложенное место, затруднявшее понимание; оно сейчас же попало Ф. Е-чу, как говорится, на зубок, и, пересылая мне эту бумагу, он приложил следующее стихотворение:

Этнография, как видно,—
Не из грамотных наук.
Вскоре мог бы безобидно
Этнографом стать мой внук¹.

Через год он понемногу
Одолеет письма —
И довольно: слава Богу,
Он Москвич, а не Чухна².

Но, Мордва ли или Сарты
Там — служители пера,
Мы свои раскроем карты,
Если так велит игра.

В том же 1911 г. случилось мне послать Ф. Е-чу для подписи большое количество бумаг — случай редкий: делопроизводство Комиссии очень небольшое. Я получил их обратно подписанными и с приложением четверостишия:

Так, весь я не умру, но часть меня большая,
От тела убежав, по смерти станет жить;

¹ Разумеется пятилетний тогда Толя Богданов, большой приятель дедушки.

² Ф. Е. писал названия народов с большой буквы.

Под множеством бумаг мой подпис созерцая,
Рок памяти моей сказать не смеет: «фюить!».

28 Янв. 1911.

Чем дальше, тем меньше писем, относящихся к Комиссии: везде завелись телефоны, и к ним, конечно, прибегали мы для переговоров. И чем дальше, тем чаще хворает Ф. Е. и отсутствует на заседаниях Комиссии.

22 апреля 1913 г. Комиссия принимала участие в чествовании Ф. Е-ча по случаю семидесятилетия его рождения. Комиссия возложила на меня честь приветствовать от нее Ф. Е-ча в этот день; и я приветствовал «юношу Корша, исправляющего должность старика». Действительно, какой жизнью веет ото всего образа Ф. Е-ча, встающего передо мной при этих отрывочных воспоминаниях. Выше приведены были слова: «молодые ученые», из которых Академией было предложено Ф. Е-чу образовать в Москве Комиссию. Вполне понятно, что наши собрания с появлением Ф. Е-ча становились учение, но я скажу, что с ним мы становились и моложе. Пусть теперь память об этом чародее держит нас на достойном уровне учености и живет нас юношеским жаром.

Последнее заседание Комиссии, на котором присутствовал Ф. Е., было 31 октября 1914 г. В. К. Поржезинский прочел доклад памяти Ф. Ф. Фортунатова, кончина которого, несомненно, сильно подействовала на Ф. Е-ча. В обстоятельном очерке докладчика прошла перед нами вся жизнь и деятельность Фортунатова. Ф. Е. был растроган воспоминаниями о своем друге и о той работе, которая, как он сказал, вся прошла на его глазах и участником которой он был. И встав, он горячо благодарил Виктора Карловича, а в голосе были слезы. Мы никогда не видали Ф. Е-ча таким.

Вот те несколько черточек из нашей (разумею Комиссию) совместной с Ф. Е-чем жизни, которые я хотел припомнить. Мной двигало прежде всего чувство скорби о невозвратном прошлом. Оно повлекло меня к нашим протоколам и делам, к его письмам; мне дорого было улавливать по крупичам упоминания о нем, его словах, его мыслях, и из его писем, писанных чернильным карандашом на маленьких листках буквами с загнутыми кверху хвостиками, выбирать то, что имеет отношение к Комиссии. Я с любовью собрал наиболее ценное и не задавался никакими другими целями, как только поделиться с вами тем, что добыл. «Собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ».

А. А. ШАХМАТОВ — ИСТОРИК РУССКОГО ЯЗЫКА

Мне выпало на долю сказать об А. А. Шахматове как историке русского языка. Я не поставлю себе непосильной задачи в кратком очерке передать основное содержание его трудов по русскому языку и последовательно изложить развитие его взглядов; я был бы доволен, если б мне удалось в самых общих чертах определить его место, его значение в истории нашей науки.

В том самом году, когда умер Востоков, в 1864, родился Шахматов. Востоков и Шахматов — вот крайние пределы: первые семена и самый пышный расцвет. Для характеристики главных этапов на этом пути я воспользуюсь мыслями и определениями самого Алексея Александровича, извлекая их из «обзора главнейших сочинений по истории русского языка», данного им в курсе, читанном 1890—1891 г. в Московском университете.

Востоков, гениальный, кропотливый исследователь рукописей, может считаться основателем славяно-русской филологии в России. В его трудах определено исконное различие между старославянским и русским языком, установлены главнейшие звуковые черты этого последнего, проглядывающие в древнейших письменных памятниках, и не только черты общерусские, русизмы, но уже и некоторые диалектизмы как признаки новгородского говора, черты белорусские, малорусские, «севернорусские». Востоков стоит у преддверия зарождающейся науки, «готовить путь, которым пойдут будущие исследователи», и дает им материал для исторического изучения русского языка.

На этот путь исторического наследования станет и этими материалами воспользуется Буслаев «для основания великого здания, теперь еще (говорит А. А. 30 лет тому назад) далеко недостроенного, по мысли основателя широко раскинувшегося на заложенном фундаменте». «Знакомый с исторической и сравнительной лингвистикой Германии, он применил способы сравнительный и исторический к исследованию русского языка и устанавливает родственную связь его с индоевропейскими языками, с одной стороны, и, с другой, историческую связь древнего языка рукописей с языком современных писателей и с живыми народными говорами». А. А. из всех трудов Буслаева больше всего ценит книгу 1844 г. «О преподавании отечественного языка», именно,

2-ю часть ее, заключающую в себе «Материалы для русской грамматики и стилистики»¹. «Здесь, по его словам (курс 1908—1909 г. Т. I.— С. 398), начертан план исторической грамматики русского языка: в увлекательной форме описан русский язык во всем его объеме — этимология и синтаксис, стилистика и лексикология изложены, конечно, в самых общих очертаниях, но изложены мастерски; во всей работе виден художник, не теряющий из виду цельного представления об интересующей его картине и устремляющий все свое внимание на то, чтобы читатель сумел объяснить эту картину в ее целом, сумел понять и истолковать ее себе в конечных ее целях; картина же рисуется для того, чтобы постигнуть дух создавшего язык народа, понять его культурную историю, его сложное и великое прошлое». «Книга Буслаева была блестящим проектом здания исторической грамматики русского языка, но самому Буслаеву не удалось его воздвигнуть. Его опыт исторической грамматики русского языка 1858 г. оказался, в особенности в первой части, посвященной фонетике и этимологии, трудом устаревшим в самый момент своего выхода, как доказала критика Лавровского. Последующие издания нисколько не приблизили книги к научным требованиям». Но, если не удалось свершить, то Буслаев не только ясно осознал, но и отчетливо формулировал, что надо делать. «Буква, по словам Буслаева, есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет незыблема, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки зрения смотрит на букву, тот понимает язык во всей сознательности его, изобразительности и жизненной полноте». В этих словах Буслаева Шахматов видит его «завет будущим исследователям пойти по тернистому пути [прибавим: Востоковскому] изучения звуков родной речи по письменным памятникам старины» и указывает, что последовавшие за Буслаевым труды по изучению русского языка посвящены почти исключительно изучению буквы и звука, «и в этом, прибавляет он, нельзя не видеть признаков здорового роста и естественного развития нашей науки».

Пятью годами позже Буслаевской книги «О преподавании отечественного языка» выходят в 1849 г. знаменитые «Мысли об истории русского языка» Срезневского, — «страница из сравнительной грамматики славянских языков», по определению А. А-ча, «в то время, как Материалы для русской грамматики Буслаева были страницей из сравнительного языковедения». Буслаев ввел историю русского языка в область сравнительного языкознания, Срезневский связывает ее с специальной областью изучения языков славянских. Срезневский показал, что история русского языка

¹ Со времени выхода в свет сочинения Буслаева «О преподавании отечественного языка» прошло более полстолетия (говорит А. А. в курсе 1890—1891 г.), но из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливое «Материалов для русской грамматики и стилистики».

представляется связью нескольких отдельных историй, и две главные из них — это история языка простонародного и история языка книжного, литературного.

Нельзя пройти мимо и Поттебни, «основателя русской диалектологии», давшего первый опыт такого наследования русского языка, в основание которого положен живой современный язык, введшего, кроме того, в сферу сравнительного изучения и язык малорусский и, наконец, впервые «выработавшего представление об общерусском языке».

После некоторого застоя в 1870—80-ых годах изучение русского языка оживилось трудами А. И. Соболевского; выход в свет его «Очерков» и потом «Лекций» А. А. назвал «эпохой» в изучении отечественного языка (курс 1890—1891 г.).

Но вот, в период застоя в области собственно русского языкознания выдвигается крупная лингвистическая сила, которая двинет вперед изучение и русского языка. Я имею в виду Ф. Ф. Фортунатова, начавшего в половине 1870-ых годов преподавание лингвистики в Московском университете. Среди индоевропейских языков и старославянский и общеславянский были предметом пристального его изучения. «Фортунатов,— говорит А. А.,— самым ярким светом осветил звуковой состав общеславянского языка; исследователь истории русского языка смело начнет теперь изложение этой истории: в настоящем ему известны конечные результаты, к которым пришел русский язык в своих наречиях в вековом своем развитии; в прошедшем благодаря Фортунатову он обладает не менее положительными знаниями; процесс выделения русского языка из общеславянского, доисторические явления, пережитые языком,— все это разъяснено, обосновано, доказано и притом так, как это умеет один Фортунатов».

«В дальнейшем изложении своего предмета историк русского языка... не собьется с пути, не запутается в фактическом богатстве, которое раскроют памятники: у него будет надежный руководитель: методы, приемы исследования, строгая критика, способность отвлечения,— все это может передаваться тому, кто пожелает поучиться у Фортунатова».

История русского языка, конечно, частная отрасль общего языкознания. Вполне научным и плодотворным изучение русского языка может быть только при условии, если исследователь этого языка, не переставая быть филологом, будет и лингвистом, лишь сосредоточившим свои специальные научные интересы на русском языке. Таков Шахматов. Всей своей научной физиономией и всей своей научной деятельностью он ярко доказывает необходимость этого условия,— и в этом его крупнейшее значение. В его деятельности второй раз в истории изучения русского языка соприкосновение с индоевропейским языкознанием ставил [о] это изучение на надлежащую почву. В первый раз это было у Буслаева. Но у Шахматова это изучение стало и на надлежащую научную высоту. Здесь сыграло громадную роль и то обстоятельство,

что само индоевропейское языкознание перед этим было твердо поставлено у нас в России, в Москве; и не каким-либо рядовым представителем его, а не кем иным, как Фортунатовым, в лекциях которого, по словам А. А. (курс 1890 г.), «индоевропейские языки получают такое освещение, какого они, вероятно, не скоро дождутся в германских университетах». «Ученики Фортунатова, — пишет Шахматов в некрологе его¹, — убеждены в том, что он шел впереди немецкой лингвистики». Кроме того, Шахматова создали не только ученые труды и преподавание Фортунатова, но и самое тесное личное общение гениального учителя с гениальным учеником. «Я редко, — говорит Шахматов в начале своей деятельности (курс 1890 г.), — могу отличить, что собственно принадлежит мне, что ему». Шахматов не только признавал, не только даже «с особенным удовольствием» сознавал свою зависимость от Фортунатова, но и склонен был преувеличивать эту зависимость, говоря: «в своих исследованиях я никогда не был самостоятелен». Правда, эти слова относятся опять-таки к началу его деятельности, к 1890 г.; он не мог бы, думается, этого сказать в конце ее; однако и про период до защиты диссертации в 1894 г. это можно было сказать с известной долей преувеличения; я сошлюсь на слова самого учителя: «вы помогали мне и своими знаниями и своими мыслями», сказал ему Фортунатов на диспуте.

Шахматов был тем исследователем, который мог смело начать, как он говорит, изложение истории русского языка, исходя от праславянской эпохи, «освященной самым ярким светом» в лекциях Фортунатова. Вот здесь бесспорная его зависимость от учителя; однако и для освещения этой эпохи он в своих трудах сделал очень много, развивая и усовершенствуя положения Фортунатова, с одной стороны, а с другой, привлекая для этого и «свои знания и свои мысли». — Процесс выделения русского языка из праславянского — это только одна, первая страница истории русского языка; историку его предстоит дальнейшее изложение предмета. Здесь Шахматов является тем исследователем, который, по его словам, «не собьется с пути, не запутается в фактическом богатстве, которое раскроют памятники», если усвоит Фортунатовские методы и будет руководствоваться ими.

Исходная точка и метод даны Фортунатовым. А «фактическое богатство» раскрыли ему и письменные памятники и живые говоры благодаря его поразительной трудоспособности. Действительно, на «тернистом пути изучения звуков родной речи по письменным памятникам», в деле изучения «буквы и звука», знаменующем собою «здоровый рост нашей науки», Шахматовым сделано очень много. Не станем гадать о количестве памятников, с которыми он был знаком, начав изучение их чуть ли не с детства: список его печатных трудов назовет нам целый ряд памятников, им изданных, или памятников, послуживших темами его специальных

¹ Известия (Bulletin) Академии Наук. — 1914. — С. 969.

монографий. Кроме этого, давно проторенного пути, которым шли исследователи русского языка, Шахматовская трудоспособность сделала обширные завоевания на другом, не менее тернистом, пути изучения народных живых говоров. «Фактическое богатство», раскрывшееся ему на этом пути, было не меньше, а значение этого рода фактов для возведения здания истории русского языка он склонен ценить выше показаний письменных памятников. В том курсе 1890—91 г., откуда мною приведено уже столько цитат, он говорит преимущественно о письменных памятниках, как о сокровищнице, раскрывающей историку языка «фактическое богатство», и как бы еще предвкушает то другое богатство, которое способны раскрыть и говоры. Он сожалел о недостаточности сведений по живым русским говорам; позже, в предисловии к своей диссертации (1893), недостаточное знакомство с ними он ставит в вину себе. Однако факультетский отзыв о диссертации счел нужным отметить «преувеличенную скромность» автора и говорит, что «сетования эти, поскольку они справедливы, должны быть относимы не к изучению им русской диалектологии, а к общему состоянию этой науки». В скудости сведений, которыми располагала наука в ту пору, можно убедиться из их свода, представленного другим прекрасным знатоком «фактического богатства» русского языка, А. И. Соболевским, в его «Опыте русской диалектологии» (Живая Старина.— 1892). Сопоставляя этот свод с позднейшим, представленным в «Очерке русской диалектологии», изданном Московской Диалектологической Комиссией в 1915 г., следует признать, что и по истечении 30 лет сведения эти остаются недостаточными, однако нельзя не видеть и чрезвычайных успехов, сделанных за этот период русской диалектологией: они выразились в накоплении материала, собирании и описании его, в появлении специальных трудов по описательной и исторической диалектологии, издании материалов, в появлении диалектологической карты русского языка. Своими успехами русская диалектология в значительной степени обязана Шахматову. С одной стороны, он сам собирает¹, описывает, изучает и издает (в списке его трудов мы найдем соответствующие работы), с другой, он организует собирание и издание, наконец, как этой деятельностью, так и использованием диалектологических фактов в своих работах Шахматов укрепляет в сознании потребность изучения живых говоров. Что касается организации собирания и издания материалов по диалектологии, то следует припомнить, что в той энергичной и разносторонней деятельности, которую развил Шахматов по своему вступлению в Академию Наук, видное место занимает составление и рассылка программ для собирания особенностей

¹ В 1884 и 1886 г. в Петрозаводском, Повенецком и Пудожском уездах Олонецкой губ., в 1895 в Мещовском и Масальском уездах Калужской губ., в 1908 в Борисовском уезде Минской губ., в 1911 и 1912 в Егорьевском и Спаском уездах Рязанской губ.

народных говоров,— программ¹, составленных или им или по его инициативе, а потом обработка и печатание собранных материалов (по великорусским говорам начат печатанием десятый выпуск материалов); наконец, образование в Москве Диалектологической Комиссии, состоящей при 2-м Отделении Академии Наук, с главной целью собирания и изучения особенностей говоров, а также составления диалектологической карты, это — дело Шахматова. Мы видим, он всеми способами старался восполнить недостаток нужнейшего, по его мнению, материала для создания истории русского языка.

Если бы, отправившись от пункта, освещенного Фортунатовым и с его методами, идя путем «изучения буквы и звука», Шахматов оставил нам только свои монографии по изучению отдельных явлений, по изучению языка отдельных памятников или групп однородных памятников и по изучению говоров, то и тогда бы следовало признать крупными заслуги его перед наукой; эти монографии, восстанавливающие «реальную, живую связь между фактами настоящего и фактами прошедшего, между звуками современного живого говора и буквой, письменным знаком старинных памятников»,— солидные камни для построения здания истории русского языка. Но не изучением памятников, говоров или отдельных явлений языка, не отдельными монографиями, как бы ни были они ценны для нашей науки, составил себе имя Шахматов. Его пафос в общих построениях. Шахматов — Ключевский в области истории языка. Не только «знания и мысли», но и грандиозные обобщения их. Его слава в создании общей концепции истории русского языка, выразившейся полно в его трудах общего характера.

Я упоминал о курсе, с которым Шахматов в 1890 г. выступил в качестве приват-доцента в Московском университете. В этом молодом курсе двадцатишестилетний начинающий университетский преподаватель сочетал глубокую, теплую любовь к русскому народу и его языку и живое, полное любви и творческой силы отношение к знанию с громадной, Шахматовской эрудицией. Курс далеко не закончен; большая часть его занята вводными главами, преимущественно методологического характера, очень ценными и обличающими строгую школу исследователя; история звуков только начата: изложена прарусская эпоха; но вы видите, что у лектора есть уже определенная схема, цельная концепция, объединяющая его исследовательскую работу и направляющая его изложение. Ее он выявит в позднейших трудах.

Его диссертация «Исследования в области русской фонетики» 1893 г. должна быть отнесена к категории трудов общего характера, хотя она и представляет вид монографии, хотя она и по-

¹ Так называемая большая академическая программа: северновеликорусская 1896 г., южновеликорусская 1896 г., сводная (так назыв. Чернышевская) 1900 г., белорусская (Е. Ф. Карского) 1897 г., краткая программа 1903 г.

священа, как говорится в предисловии, истории звуков **о** и **е** в русском языке. Диссертация была представлена в историко-филологический факультет Московского университета на степень магистра, но ввиду высоких ее научных достоинств Шахматову была присуждена степень доктора. Скромность была одной из главных черт характера А. А.-ча; она отмечена и в отзыве факультета, как было сказано уже выше; и вот, в автобиографических сведениях, помещенных в Словаре членов Академии, А. А. говорит, что он был удостоен степени доктора «по великому снисхождению факультета». Конечно, самому автору, взыскательному художнику, всех строже умеющему оценить свой труд, многое в диссертации могло казаться несовершенным не только на расстоянии 20 лет, прошедших от диспута до упомянутой автобиографической заметки, но и в пору самого диспута, однако, присутствовавшие на диспуте, в субботу, 12 марта 1894 г.¹ в «Большой словесной» могли слышать, как второй официальный оппонент, Ф. Ф. Фортунатов говорил своему ученику, магистранту Шахматову, защищавшему свое «исследование об истории звуков **о** и **е** в русском языке»: «сознаете ли вы сами, что вы написали?» Действительно, написать историю **о** и **е** в русском языке, историю этих, можно сказать, главных нервов всего нашего вокализма, проследить их историю от праславянской эпохи до наших дней во всей совокупности наречий русского языка, как это сделал Шахматов, значило сделать очень много для создания истории русского языка. Исследуя историю **о** и **е**, автору пришлось по связи с этими звуками рассмотреть и историю звуков **ѣ** и **а** и таким образом установить основные факты общерусского вокализма; следуя за историей этого вокализма в отдельных русских наречиях, он дал картину вокализма великорусского, белорусского и малорусского; нужно было, между прочим, объяснить происхождение аканья и описать его разновидности, — аканья, этой важнейшей звуковой черты, хотя и диалектической, но изменившей звуковую физиономию доброй половины русского языка; кроме того, по связи с судьбой изученных гласных, ему пришлось изложить и объяснить многие факты как общерусского, так и диалектического консонантизма и, между прочим, одного из важнейших для звуковой физиономии русского языка — смягчения согласных перед передними гласными. Так сознаём мы, что написал Шахматов под скромным заглавием «Исследования в области русской фонетики», и понимаем, что это мог написать только тот, кто был способен помогать Фортунатову «и своими знаниями и своими мыслями».

Не менее, чем объяснение происхождения тех или иных явлений в истории языка, важна та схема, в которой они располагаются в преемственной последовательности. Определенная схема

¹ А. А. указывает в автобиографическом очерке дату: «весной 1893 г.» ошибочно, как видно из дела о присуждении ему степени, хранящегося в архиве Московского университета.

последовательных эпох в жизни русского языка ясно выразилась у Шахматова в диссертации, что составляет крупное ее достоинство. Эта схема создавалась, по-видимому, с самого начала его деятельности, усовершенствовалась по мере дальнейших работ и всегда отчетливо обозначена в его трудах. Но история языка, знаем мы, тесно связана с историей говорящего на нем народа. Шахматов создавал свою схему преемственных эпох в истории русского языка, стараясь согласовать соответственные результаты лингвистического исследования с показаниями истории русского народа. С этой целью Шахматовым произведен ряд самостоятельных исторических исследований, прослеживающих жизнь русского народа от момента его выделения из общеславянского ядра и заканчивая образованием новых исторических единиц — современных русских народностей. Я не буду касаться этих трудов Шахматова, вылившихся в результате также в законченное стройное целое: им посвящен особый доклад¹.

Трудами общего характера по истории русского языка, где Шахматов рисует цельную картину, являются его статья о русском языке в 55-м полутоме Энциклоп. словаря Брокгауза и Ефрона, 1899 г. и «Очерк древнейшего периода истории русского языка», составляющий 11-й выпуск Энциклопедии славянской филологии, 1915 г. Сюда же следует отнести и курсы его лекций, читанных в Петербургском университете: введение в историю русского языка, историческую фонетику, морфологию, историческую диалектологию. Обширная статья в Энциклоп. словаре долгое время, до появления литографированных изданий петербургских курсов, была единственным источником для ознакомления с Шахматовской общей концепцией исторического процесса русского языка. В ней указано место русского языка среди родственных ему языков, звуковые черты общерусского языка, изложено происхождение современных четырех диалектических групп: северновеликорусской, южновеликорусской, белорусской и малорусской из древнейших трех: южнорусской, среднерусской (которую он позднее предпочитает называть восточнорусской) и севернорусской; затем следует история звуков и форм русского языка в эпоху общерусскую и в эпохи диалектические и, наконец, очень краткий очерк истории литературного языка. Статья изложена конспективно; это скорее подробная программа, чем исследование; от этого ярче, прозрачнее схема, но и затруднительное чтение. Если эта статья — программа, канва, то упомянутый выше «Очерк», отделенный от нее 16-ю годами, представляет собою эту канву, заполненную результатами всех предшествовавших Шахматовских исследований. Общеисторическое введение в этот очерк также со своей стороны подводит итог изысканиям Шахматова в области истории русского народа и образования его народ-

¹ Ю. В. Готье.

ностей и наречий и принадлежит, по моему мнению, к числу лучших страниц, написанных Шахматовым.

Так завершил Шахматов свою часть пути, идущего от Востокова. Он усвоил себе все достижения предшествовавшей науки и выполнил все заветы своих славных предшественников. История русского языка должна быть частью общего индоевропейского языкознания — так завещал Буслаев, и историк русского языка Шахматов вышел из школы Фортунатова; по заветам Срезневского, его история русского языка связана с специальной областью славяноведения и представляет собой две главные истории: языка книжного и языка народного; он с детских лет пошел по тому тернистому пути изучения по памятникам «буквы и звука», пути, на который призывал Буслаев, но верный завету Потебни, он не преминет положить в основание своих исторических построений также и живой современный язык. На фундаменте таких изучений Шахматов строит то «цельное здание», идея которого всегда увлекала его, строит по строгому плану, по определенной схеме, созданной им на основании изучения истории как русского языка, так и русского народа.

Вот в общих чертах эта схема последовательных эпох, по которым Шахматов ведет свое изложение истории русского языка: 1) эпоха общеславянская как исходная точка; 2) эпоха южно-восточная, т. е. эпоха общей жизни предков южных и восточных славян по отделении от них ветви западнославянской; 3) эпоха общерусская — от обособления восточнославянской, т. е. русской, ветви до полного раздробления русского языка, когда из него выделились дожившие до нынешнего времени обособленные наречия, современные нам языки: великорусский, белорусский, малорусский; 4) эпоха диалектическая. Что касается эпохи общерусской, то в конце ее уже обозначились диалектические различия, которые не мешают, однако, русскому языку переживать еще и общие явления; поэтому Шахматов различает в общерусской эпохе эпоху «прарусскую» и эпоху промежуточную, преддиалектическую, которую в «Очерке» условно называет «древнерусской»; она изучается по памятникам XI—XII в.; диалектические различия, в ней обозначившиеся, это — явления севернорусские, южно-русские, восточнорусские.

В своих трудах Шахматов оставил нам историю русского языка; доведенную до эпохи диалектической. Надо признать, что сделано важнейшее: общерусская эпоха заслуживает особого внимания, так как она определила физиономию русского языка во всем его составе и в ней же ясно наметились и основные черты современных русских языков. Шахматов не написал полной истории литературного языка, однако короткий очерк в Энциклоп. словаре, популярная статья в 1-м томе Истории русской литературы, изд. т-ва «Мир», и курс лекций в Петербургском университете «Очерк современного русского литературного языка», заключающий в себе отчасти и исторический элемент, дают много цен-

ного и по этой отрасли нашей науки. Его исторические труды общего характера посвящены главным образом фонетике. Очерк исторической морфологии дан в статье в Энциклоп. словаре и университетском петербургском курсе (отдел склонения). В последние годы он занимался синтаксисом и прочитал в Петербургском университете курс синтаксиса, о котором, впрочем, москвичи знают пока только понаслышке.

Дело Шахматова громадно. На заложенном давно фундаменте им возведены самые капитальные части здания истории русского языка. Основные контуры вырисовались. Отчетливо выяснен план постройки. Идущие за ним исследователи не могут пройти мимо этого здания; они будут достраивать его, а если б захотели строить свое, то имя нужно было бы прежде разрушить Шахматовское. Это сделать едва ли возможно: и фундамент и материал слишком надежны. Пусть на построенном они учатся, как строить дальше, пусть постараются извлечь «Шахматовские» заветы, как он извлекал заветы у своих предшественников. Он научит их тому, что строить историю русского языка можно только на фундаменте общего языкознания; что в числе источников нашего знакомства с прошлым русского языка самое видное место принадлежит изучению современных нам говоров, второе место занимает изучение памятников, на третьем стоит сравнительное изучение славянских наречий; он научит тому, что не следует слепо доверять букве памятников, и тому, как искать за ней живой звук, как различать графические и фонетические явления, и, наконец, тому, что не следует смешивать явления живого языка с явлениями искусственными языка книжного, явлениями, начавшими возникать с первого момента, как русский читатель взял в руки старославянскую (болгарскую) книгу.

Я чувствую, очерк мой слаб, чтоб показать все значение Шахматова как историка русского языка; мне кажется, что углубление в содержание его главнейших трудов более конкретно показало бы и тонкость наблюдений, и глубину исследования, и гениальность мысли, и значительность добытых выводов. Я этой задачи на себя не взял не только за краткостью времени, как сказал вначале: я не мог бы спокойно углубиться в изучение его трудов теперь, пока впечатление утраты так еще живо, пока мешает еще неостывшее чувство личного горя (надо знать, чем он был для всех нас, занимающихся русским языком), пока, наконец, так неотвязно еще леденящее чувство ужаса при мысли, что оборвало эту исключительную жизнь. Когда я вчитываюсь в его слова, я слышу его голос; прежде он помогал мне вдумываться в содержание и говорил мне о русском языке, а теперь я слышу другие, гнетущие душу слова,— я все слышу, как он говорит: «Вот странно: мне носить дрова труднее, чем колоть»...

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте в интересах нашего социалистического строительства обратить Ваше внимание на резкое и систематическое извращение Вашего пятого условия по отношению к научным работникам той области, в которой я работаю в течение 25 лет — области языковедения. В настоящее время большинство старых (а отчасти и «средневозрастных») языковедов в значительной степени устранены от участия в академической, вузовской и общественно-педагогической жизни страны. Назову таких ученых: [В. А. Богородицкий, Д. В. Бубрих, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. Г. Голанов, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, Е. Б. Курило, А. И. Павлович, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, П. А. Расторгуев, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, Н. Л. Туницкий, А. Б. Шапиро, Л. В. Щерба]. Из вузов они или ушли (всегда в значительной степени вынужденно) или поставлены в них на задворки, из научно-исследовательских институтов их исключили (или, что удобнее, не включили в новый состав при реорганизации института), печататься они не могут, так как издательства боятся их печатать независимо от содержания ими написанного, словом заживопогребенность, социальная «зачумленность» — вот то «внимание» и «забота», которыми они окружены. Материально все они, конечно, так или иначе устроены, но иные из них работают лишь по побочным линиям своей специальности, иные совсем не по специальности. В то же время люди эти, безусловно, преданы советской власти. Некоторые из них с самого начала революции твердо и убежденно стали на позицию максимального сотрудничества с ней, другие как раз в последнее время пришли, несмотря на личные неудачи, к этой позиции.

Получается, таким образом, что в то время как в технике партия находит возможным использовать знания и опыт даже людей с весьма сомнительной политической репутацией, в нашей области отвергаются услуги людей, стоящих целиком на советской платформе. Правда, если считать, как это делают многие, Ваше пятое условие применимым только к технике в узком смысле слова, то противоречия здесь никакого нет. Но вряд ли такое тол-

кование правильно, и в особенности в отношении языковедения. Ведь техническая грамотность возможна только на базе общей грамотности, а это последнее неразрывно связано с общим положением в стране языковедной науки и ее преподавания. В последней области, равно как и в самых процессах усвоения орфографии, литературной речи и чужих языков, имеется как раз огромное количество чисто технических элементов, в разработке которых знания и опыт старых специалистов могли бы и должны были бы быть использованы.

Как известно, основной причиной всей «неувязки» является политическая кампания, поднятая в последнее время периодической печатью против так называемого «индоевропейского» языковедения, т. е. в сущности против всего языковедения, взятого в целом (если не считать того ответвления его, которое в последнее время противопоставило себя стволу нашей науки под именем яфетидологии). Впервые в истории нашей революции взяты под подозрение не те или иные течения внутри науки, а вся наука в целом. Вся она объявлена метафизико-идеалистической, буржуазно-империалистической, классово-враждебной пролетариату. Вдобавок и только что упомянутое последнее течение в языковедении тоже подвергается такому же (хотя и менее ожесточенному) осуждению. Не входя здесь в критику всех этих осуждений, с которыми я ни научно, ни политически не согласен, не могу не отметить одного общего слабого места их: полнейшего невежества всех осуждающих в том, что они осуждают. Так среди головки НИЯЗа, возглавляющего в свою очередь всю эту кампанию в стране в печати, нет, насколько мне известно, ни одного лица, прошедшего обычный аспирантский курс языковедения, и есть лица, не прошедшие даже университетского курса этой науки. В писаниях этих лиц, посвященных исключительно разгрому индоевропейского языковедения и яфетидологии, я тоже, говоря по совести, не нахожу никаких следов серьезного знакомства ни с индоевропейским языковедением, ни с яфетидологией.

С полным осознанием возлагаемой на меня этими словами ответственности, я решаюсь утверждать, что вся эта кампания против нашей науки голословна, что она вся продиктована только невежеством и усердием не по разуму и что, если бы был организован открытый общественный суд над этой наукой, представителям ее ничего не стоило бы снять с нее клеймо реакционности и антисоветскости, которое на нее сейчас наложено.

Вместе с тем, если даже на мгновение допустить столь невероятную вещь, как стопроцентная реакционность целой науки со всеми входящими в нее школами и течениями, то и это все-таки не давало бы права сделать вывод, что знаниями и опытом старых специалистов в этой области нельзя пользоваться. Возникла бы проблема использования технической стороны их знаний и обезвре-

женья идеологической стороны. Эта проблема по отношению к отдельным представителям науки и отдельным ее течениям и сейчас существует, и не в одном только языковедении. По этому вопросу, равно как и по тесно связанному с ним вопросу об организации подлинной марксистской реконструкции всего гуманитарного знания взамен «проработки» старых специалистов и друг друга, которая сейчас выдается за эту реконструкцию, у меня имеется ряд систематических и достаточно известных соображений, которыми я не рискую здесь утруждать Ваше внимание, но которые могут быть представлены по первому требованию.

КОММЕНТАРИИ

Краткое введение в науку о языке. Печатается по 9-му (последнему) изданию 1929 г.; первое вышло в 1913 г.

С. 115. *Генеалогическая классификация языков.* Более полную и уточненную классификацию языков мира, с современными их названиями, см. в книгах: Реформатский А. А. Введение в языковедение.— Изд. 4, перераб. и доп.— М., 1967; Широков О. С. Введение в языкознание.— М., 1985.

С. 119 ... *языки: великорусский, белорусский и малорусский, иначе украинский, называемые также «наречиями» русского языка.* Кавычки говорят о том, что применение названия «наречие» к самостоятельным восточнославянским языкам Д. Н. Ушаков считал неправомерным.

Называя украинский и белорусский языки наречиями, определенные силы в дореволюционной России пытались сузить область их культурного применения, принизить их роль как языков самобытных литератур. Д. Н. Ушаков был сторонником свободного и независимого развития каждого из восточнославянских языков.

Таким образом, слова *называемые также «наречиями» русского языка* — ссылка на традицию, в 10-е и 20-е годы XX в. еще не изжитую.

Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения. Печатается по изданию: Slavia.— Praha, 1926.— Roč. 5.— Sešit 2.— S. 342—347.

В тексте транскрипции рассказа А. П. Чехова «Дачники», вероятно, допущены (в первой публикации) опечатки: š'ást'jъ (с. 153, 14 строка сверху), strašī₁l'iš'ъ (экспрессивное произношение?) (с. 153, 22 строка сверху), š'ārk'ī (ā возможно лишь при р'; губные в «ушаковском произношении» были мягкими перед заднеязычными) (с. 153, 2 строка снизу), v'igaiāĭĭpъ (с. 154, 3 строка снизу), s'népъv'ist'ĭu (с. 154, 18 строка сверху). Изменений в транскрипцию этих слов не вносили, следуя принципу: печатать знак в знак.

Русская орфоэпия и ее задачи. Печатается по изданию: Русская речь: Новая серия. Сборник, изд. отделом словесных искусств Гос. института истории искусств/Под ред. Л. В. Щербы.— Л., 1928.— Вып. 3.— С. 5—27.

Звук г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. Печатается по изданию: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией Наук по почину его учеников.— Л., 1928.— С. 238—240.

К вопросу о правильном произношении. Печатается по изданию: Вопросы культуры речи [Институт русского языка АН СССР].— М., 1964.— Вып. 5.

Статья написана в 1936 г.

Из стенограммы выступления на заседании сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР 16 февраля 1940 года. Печатается по изданию: Вопросы культуры речи [Институт русского языка АН СССР].— М., 1964.— Вып. 5.

Обе публикации сопровождаются предисловием А. А. Реформатского, который извлек из архивов и подготовил к печати тексты Д. Н. Ушакова. См.: «Из истории нормализации русского литературного произношения. К 90-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова (1873—1942)». В этом вступлении А. А. Реформатский пишет: «Потребность в укреплении норм русского литературного произношения для школ, театра и эстрады, для радио, ораторского искусства и судебной практики, для орфоэпии военного командования и др. вызвали в XX в. пристальный интерес науки к этим вопросам.

Развитие фонетики как лингвистической дисциплины, связанное с прогрессом методов изучения звуков речи (успехи экспериментальной фонетики на Западе и у нас: В. А. Богородицкий, А. И. Томсон, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн, Е. П. Енько и др.) также содействовали обострению интереса и к нормам произношения.

Иным источником была диалектология, которая, естественно, должна была сопоставлять фонетические особенности говоров с нормами произношения литературного языка (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, В. А. Богородицкий и их ученики). И именно в недрах Московской диалектологической комиссии, председателем которой был первоначально Ф. Е. Корш, а секретарем — Д. Н. Ушаков (после смерти Ф. Е. Корша Д. Н. Ушаков стал ее председателем), и зародилось главное движение в области орфоэпии.

В 1928 г. в 3-м выпуске «Русской речи» была опубликована статья Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи» <...> Эта статья была орфоэпической базой как для соответствующих параграфов во вступительной статье к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934.— Т. I), так и для разработки свода орфографических правил (1934, 1936 и в дальнейшие годы), а также и для кодификации орфоэпии в школе¹.

Д. Н. Ушаков был центром орфоэпических интересов той эпохи. Он был консультантом Радиокомитета, Всероссийского театрального общества, деятельно участвовал в работе кружка по культуре речи в московском Доме ученых и в Государственной академии художественных наук. Я не буду пересказывать споров того времени, когда участвовали в них Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, С. И. Бернштейн, Г. О. Винокур, Р. И. Аванесов, А. М. Сухотин, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапино и автор этих строк².

¹ См.: Правдин В. Л. Орфоэпия в школе // Русский язык в школе.— 1937.— № 6.

² См.: Реформатский А. А. Методические указания и руководство по современному русскому языку.— Изд. Литературного ин-та ССП.— М., 1950.— С. 31.

В 30-х годах журнал Радиокomiteта «Говорит СССР» предоставил свои страницы орфоэпистам. Были опубликованы статья С. И. Бернштейна¹ и отклики на нее Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова² и должна была быть напечатана статья Д. Н. Ушакова — ответ С. И. Бернштейну, но журнал прекратил свое существование, и статья Д. Н. Ушакова не была напечатана. Однако она представляет большой интерес как фактического, так и методологического характера, так как в ней ясно обозначился, если так можно выразиться, «стихийный фонологизм» Д. Н. Ушакова. Поэтому мы хотим опубликовать как эту статью, в которой очень ясно выражены и подлинный, и, как всегда у Дмитрия Николаевича, интимный интерес к теме, и его «веротерпимость» в отношении «инакомыслящих», так и извлечение из стенограммы, а также дать справку о наших орфоэпических делах после смерти Д. Н. Ушакова.

... *Вы всё это можете слушать...* Далее в тексте первой публикации идет «Справка», написанная А. А. Реформатским: «Итак, этот вечер Д. Н. Ушаков назвал «третьим походом» за орфоэпию. В 1942 г. Дмитрий Николаевич умер в Ташкенте, где он был в эвакуации.

Но «походы» продолжались. По инициативе ВТО и, в частности, проф. В. А. Филиппова, известного театроведа, в 1942—1943 гг. был проведен «четвертый поход», продолжая терминологию Д. Н. Ушакова. Началось это с небольшого доклада памяти Д. Н. Ушакова, сделанного в ВТО весной 1942 г. автором этих строк, а затем перешло в серию докладов на темы русской орфоэпии, где выступали: Г. О. Винокур, А. Б. Шапиро, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, И. Я. Блинов и автор этих строк.

С грустью приходится констатировать, что этот «поход» ничем не кончился, а остался опять же эпизодом, хотя и доклады были интересные, и прения оживленные и плодотворные...

Позднее были опубликованы работы, содержащие то в более широком, то в более узком объеме вопросы русской орфоэпии³, и это было начало «пятого похода»! Этот «поход» завершился результативно: был опубликован опыт словаря-справочника «Русское литературное ударение и произношение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова.

Но вряд ли этот «пятый поход» надо считать последним. Осталось еще очень много нерешенных вопросов, а заветы Д. Н. Ушакова для всех интересующихся и «болеющих» русской орфоэпией и его призывы к «походам» остаются основной программой в этой области.

Продолжая рассказ А. А. Реформатского об ушаковской традиции в орфоэпии, следует сказать о шестом — очень важном! — «походе за орфоэпию», о

¹ Бернштейн С. И. Проблема русского произношения // Говорит СССР.— 1936.— № 1.

² Щерба Л. В. Об образцовом русском произношении // Говорит СССР.— 1936.— № 3; Аванесов Р. И. Орфоэпия и ее практическое значение // Там же.— 1936.— № 6.

³ Винокур Г. О. Русское сценическое произношение.— М., 1948; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение.— Изд. 1-е.— М., 1950; Изд. 2-е.— М., 1955; Фаворин В. К. К вопросу о современной произносительной норме // Известия АН СССР: Отделение литературы и языка.— 1953.— Вып. 1; Матусевич М. И. Русское литературное произношение.— Л., 1953; Реформатский А. А. Методические указания и руководство по современному русскому языку.— М., 1950.

выходе в свет книги: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы/Под ред. Р. И. Аванесова; авторы-составители: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова.— М., 1983 (в последующие годы было осуществлено несколько стереотипных изданий). В 1972 г. вышло 5-е изд., перераб. и доп., учебного пособия Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение». Все это можно отнести к «шестому походу за орфоэпию».

С. 186. ... *Сложное слово, однако с двумя ударениями...* Этому же вопросу посвящены некоторые другие высказывания Д. Н. Ушакова.

В «Литературной газете» в 1939 г. 10 октября было помещено «Открытое письмо к товарищам из Радиокомитета» Ф. В. Гладкова, где затрагивались вопросы русской речевой нормы. Редакция поместила комментарий Д. Н. Ушакова к письму Ф. В. Гладкова. Вот выдержки из этого комментария: «Относительно *Москва-реки* Вы совершенно правы... Я коренной москвич и прекрасно знаю такое произношение. Но это, как Вы удачно называете, — «местный жаргон» (хотя бы и столичного города, хотя бы и интересный «фольклорный факт»). Интеллигенция Москвы так не говорила, и в печати этого раньше не было. К Вашим примерам из Лермонтова, Тургенева, Ключевского могу прибавить ряд других, из писателей-москвичей, напр. Герцена...

Теперь об ударении *ре́ку* или *рекѹ́*. И то и другое бытует в разных говорах русского языка. Этим объясняется то, что когда диктор произносит *ре́ку*, то одни радиослушатели пишут возмущенные письма, а другие радиослушатели делают то же самое, когда услышат *рекѹ́*...

Но *дóбыча*, несмотря на массу писем радиослушателей, запрещено [на радио] как производственный жаргон, а не общелитературное...

В заключение скажу о дикторах. Такие оговорки, как «с обеих сторон» вместо «с обеих», *цехá* вместо *цѣхи*, и т. п. зависят часто от того, что так стоит в тексте, который дикторы получают за несколько минут до выступления. Отсюда же возможны ошибки «в *Москва-реке*». (Литературная газета.— 1939.— № 68.)

Русский язык: Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению.— Изд. 6-е (последнее).— М.; Л., 1929. Первое издание этого учебного пособия для школ 1 и 2 ступени было издано в 1927 г.

Приведены материалы из разных разделов. Опущены образцы склонений и спряжений, перечни слов, приводимые для орфографических справок, отдельные материалы, необходимые учителю для преподавания и т. д. Полностью представлен текст, нужный для понимания теоретической позиции Д. Н. Ушакова.

Русский литературный язык (Воскресный университет 1 МГУ).— М., 1929.

В течение нескольких десятилетий (начиная с 20-х годов) вопрос об исторических связях древнерусского и старославянского языков был предметом политических спекуляций. Говорить о большом значении старославянского языка в истории русской культуры, о его конструктивном воздействии на книжную и народную речь считалось непатриотичным. Дело доходило до настоящего мракобесия. Сторонники «неверных взглядов» («непатриоты») лишались возможности издавать свои книги, разъяснять свои взгляды с кафедр и т. д.

Этому неистовству противостояли подлинно научные работы по истории русского языка. Очерк Д. Н. Ушакова «Русский литературный язык» до сих пор сохраняет свое научное и педагогическое значение.

[Рецензия:] Рыбникова М. А. Изучение родного языка (заметки и задачи).— Минск, 1921.— Вып. I. Печатается по изданию: Родной язык в школе: Педагогический сборник/Под ред. А. М. Лебедева.— М.; Пг., 1919—1922.— Кн. 1(2). (Том вышел в 1923 г.)

Спорные вопросы в новой программе грамматики. Печатается по изданию: Русский язык в школе/Сб. статей под ред. Д. Н. Ушакова.— Изд. 2-е (Труды постоянной комиссии преподавателей русского языка и литературы. Вып. I).— М., 1924 (1-е изд. вышло в 1923 г.).

В тезисах своего доклада «Истолкование новой программы грамматики на первой ступени («наблюдений над языком»)» Д. Н. Ушаков так объяснил свою точку зрения на преподавание русского языка в школе первой ступени: «Необходимо разобраться в том сложном предмете, который называли в школе то «русским языком», то «грамматикой». Среди занятий, входящих в этот предмет, можно усмотреть: 1) занятия логические, орфографические, стилистические и 2) такие, которые можно назвать грамматическими. Первые дают навыки, вторые — знания, именно знания о языке.

Метод изучения языка на I ступени — наблюдение над языком.

Следует совершенно оставить мысль, что названные выше умения (читать, писать, говорить) достигаются изучением именно грамматики.

Отсюда вытекает необходимость иметь в виду и ценить самодовлеющее, а не прикладное значение наблюдений над языком (грамматики).

Отсюда же вытекает и другая необходимая задача — разрабатывать методы, приемы, типы упражнений орфографических, стилистических, логических, сравнительно мало разработанных за время господства слепой веры в то, что всё это покрывается изучением грамматики.

Наблюдения над языком состоят из наблюдений над звуками, над формами слов, над сочетаниями слов и над значениями.

Что касается важности разных отделов обучения родному языку, то наблюдения над языком не должны занимать первенствующего места; главнейшее значение следует придать тем, которые дают навыки, и прежде всего развитию речи; грамматике, другими словами, должно отвести подобающее, может быть, почетное, но далеко не первое место» (Родной язык в школе /Педагогический сборник под ред. А. М. Лебедева.— М.; Пг., 1921.— Кн. 1 (2).— С. 94—95).

Таковы задачи I ступени средней школы. В тезисах доклада «О занятиях языком на II ступени» Д. Н. Ушаков пишет: «Занятия языком не должны прекращаться на I ступени, но должны продолжаться и на второй. Они должны заполнить пробел в общем образовании.

Обобщающим результатом занятий языком на II ступени должны явиться элементы общего языкознания и научной грамматики русского языка, а также элементы его истории и диалектологии.

Для усвоения всего языкового материала, которое должно в результате заполнить пробел в общем образовании, необходимо знакомство: 1) с основными научными представлениями о языке, 2) с некоторыми фактами из истории русского языка, 3) с древнецерковнославянским языком в известной мере, 4) с главнейшими данными русской диалектологии, 5) с главнейшими моментами образования современного литературного языка и русского письма и 6) с звуковым и формальным составом современного русского литературного языка.

В результате четырехлетних занятий у ученика должны получиться следующие знания и понимания:

- 1) Понятие о языке как о закономерном развивающемся явлении.
- 2) Понятие о факторах физическом и психическом, движущих жизнью языка.
- 3) Знание звуков современного русского литературного языка на основе общей физиологии звуков речи.
- 4) Главнейшие звуковые явления (законы) современного русского языка с их историческими объяснениями и т. д. (Там же. С. 95).

Грамматика и орфография в новой программе (Доклад на конференции словесников в январе 1928 г.). Печатается по изданию: Родной язык и литература в трудовой школе.— М., 1928.— № 2.— С. 101—107.

Д. Н. Ушаков стоял в центре того движения учителей и ученых, которое стремилось обновить преподавание русского языка в школе. Многие из его высказываний сейчас звучат особенно актуально.

По поводу статьи Н. Рожкова «О народном языке в школе». Печатается по изданию: Народный учитель.— М., 1927.— № 1.— С. 41—43.

В этом же номере журнала опубликована статья Н. Рожкова, в которой сказано, что сельские учителя нередко считают нужным учить детей на том диалекте, на каком они говорят с детства. Мотивировка — «Школа должна говорить языком окружающей среды». Художественные тексты детям пересказываются на диалекте: «Объяснительного чтения в моей школе нима, я считаю им сразу, як нада. У книги напечатано по-городскому, а я читаю по-тутошнему»,— говорит учительница. «Учительница говорит без прикрас: грамматика забыта, в загоне. Формальные навыки в области языка в очень драматическом положении: читать еще кое-как ребята учатся, а писать — только путём неоднократного упражнения, поскольку то допускают объективные условия, т. е. наличие или отсутствие письменных принадлежностей» (с. 39, 40). Беда была не только в том, что отсутствовали письменные принадлежности; еще более было тревожно, что у некоторых учителей (может быть, даже у многих) не было понимания культурной роли литературного языка. На эту заметку и отвечает Д. Н. Ушаков, присоединяясь к мнению Н. Рожкова.

Культура языка. Печатается по изданию: Журналист.— М., 1925.— № 2.— С. 9—10.

Напечатано среди откликов на публикацию заметки В. И. Ленина «[Об очистке русского языка]» (заглавие заметки дано публикаторами).

Смысл отклика Д. Н. Ушакова в том, чтобы предостеречь от примитивного и узкого понимания слов «очистка русского языка». Само слово «очистка» толкает к «проведению кампании» по изгнанию определенных групп слов из языка. Д. Н. Ушаков не принимал такого «улучшения» русской речи.

С. 255. *Что касается второго вопроса анкеты...* Сама анкета, разосланная авторам, опубликована не была.

[Выступление по вопросам лексикографии]. Печатается по тексту издания: Современная русская лексикография. 1981.— Л., 1981.— С. 149—153. Публикация выступления Д. Н. Ушакова сопровождалась комментариями, помогающими понять высказанные положения. Ниже приводятся соответствующие пояснения к тексту. При подготовке их использованы комментарии к первой публикации.

¹ «Словарь современного русского литературного языка» (1948—1965) предполагалось первоначально издать в 15-и томах, позже его объем решено было увеличить до 17-и томов.

² Имеется в виду «Словарь русского языка» Академии наук (1891—1937, издание осталось незавершенным).

³ См. «Словарь русского языка». — Пг., 1916. — Вып. 9. — Т. 4. — Стлб. 2689—2706.

⁴ Редакция словаря, начиная с 4-го тома, устранила гнездовое расположение слов, «как явно мешающее справочной цели издания».

⁵ Акад. В. М. Алексеев в своем выступлении счел термин «толковый словарь» таким же устарелым, как, например, словосочетание «непременный секретарь». В. М. Алексеев говорил: «Толковый словарь — непонятно! Признаюсь, что я вовсе не убежден в том, что толковый словарь есть словарь с толкованием». Д. Н. Ушакову пришлось отвечать ретивым обновителям.

Краткий очерк возникновения Московской Диалектологической Комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904—1914). Печатается по изданию: Труды Московской диалектологической комиссии/Под ред. Д. Н. Ушакова. — Варшава, 1914. — Вып. 3. — С. 219—230.

Очерк написан совместно с Н. Н. Соколовым.

Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 — январь 1926 г.). Печатается по изданию: Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской Диалектологической Комиссии)/Под ред. Д. Н. Ушакова. — Л., 1927. — Вып. 9. — С. 1—12.

Написано в соавторстве с И. Г. Голановым.

Краткий очерк деятельности Лингвистической секции Научно-Исследовательского Института языка и литературы. Печатается по изданию: Ученые записки РАНИОН. Институт языка и литературы. Лингвистическая секция. — 1924. — Т. 1. — С. 128—133.

Эти три обзора дают представление о размахе и значении деятельности Д. Н. Ушакова как организатора науки.

Приведем некоторые дополнения к статьям.

«Московская Диалектологическая Комиссия, состоящая при Отделении русского языка и словесности Российской академии наук, образована в 1904 г. из кружка людей, занимавшихся в Москве изучением истории и диалектологии русского языка — с специальной целью составления диалектологической карты русского языка; но, кроме выполнения этой основной задачи, комиссия представляет собою ученое общество, занимающееся лингвистическими вопросами, главным образом в области русского языка.

[В 1917—1919 годах заседания Комиссии] были посвящены чтению и обсуждению докладов, обсуждению диалектологических программ и планов работ Комиссии, а также беседам по вопросам, возбужденным известными докладами... Из бесед <...> следует отметить четыре «синтаксические» беседы, вызванные докладом М. Н. Петерсона о синтаксисе А. М. Пешковского и посвященные выяснению основных вопросов синтаксиса (синтаксис словосочетания и предложения, грамматическое и неграмматическое предложение, понятия «слово» и «сло-

восочетание») и «глагольную» беседу по вопросам, возбужденным <...> докладом С. О. Карцевского «Система русского глагола» (Ушаков Д. Н. Московская Диалектологическая Комиссия/В кн.: Научные известия [Академического центра Наркомпроса].— Сб. 2: Философия, литература, искусство.— М., [1927].— С. 288—289).

Р. И. Аванесов писал: «Московская Диалектологическая Комиссия была своеобразным и единственным в Москве лингвистическим обществом, и обсуждаемые на ее заседаниях вопросы нередко далеко выходили за пределы диалектологии в область общего языкознания, проблем истории, грамматики, лексикологии и мн. др. И здесь Дмитрий Николаевич выступал как талантливый организатор, вдохновитель всей работы и педагог в широком смысле слова» (Аванесов Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков (К столетию со дня рождения)/Известия АН СССР: Серия литературы и языка.— М., 1973.— № 2.— С. 202).

Воспоминания о председателе Московской Диалектологической Комиссии академике Ф. Е. Корше. Печатается по изданию: Русский филологический вестник.— Варшава, 1915.— № 3.— С. 68—81.

Перевод латинского текста: «Федор Корш Дмитрия Николаевича Ушакова — приветствует. Знай: тогда ты вправе будешь наслаждаться солнечным светом, назначив на 22 сентября дружеское заседание, когда уже не будет считаться дурным делом человека погубить! Ведь в этот же день у меня две лекции в Лазаревском институте, а после них я должен присутствовать там же на Ученом совете с четырех часов до шести или семи. И, кроме того, из-за промежутка в хождении в ту и другую должность, мне придется или дважды отмерить путь из института домой, или искать место, где можно было бы подождать и поесть.

Я же предпочел бы скорее все, какими доблесть моя располагает, телесные и душевные силы напрячь, чем не быть с вами, но если хлад, или дождь, или ветер, или здравие, наконец, воспрепятствует, пришествия своего не обещаю». (Перевод Т. А. Зимелевой. В своих латинских текстах Ф. Е. Корш искусно стилизовал свободный порядок слов, свойственный классической латыни. Сочетание шуточного тона и подчеркнутой книжности синтаксиса — особенность стилистики первого письма. Перевод передает эти особенности подлинника.)

Другой отрывок: «Чешская Императорская Франца-Иосифа Академия Наук приносит печальную весть о том, что ее выдающийся основатель и президент, доктор философских наук Иосиф Главка ... скончался в Праге 11 марта».

(Прочитав это известие, Ф. Е. заметил, что выражение «Академия приносит весть» неудачно, что «весть приносит», например, почтальон, а Академия «ставит в известность».)

Следующий отрывок: «...Московская Диалектологическая комиссия, поставленная в известность о кончине достославного мужа, философии доктора Иосифа Главки, почетного президента Чешской Императорской Франца-Иосифа Академии Наук, на своем заседании постановила:

— благодарить Чешскую Академию за предоставленную возможность разделить с нею скорбь;

— сообщить, что она равно сокрушена этой горестной утратой.

Председатель, товарищ председателя, секретарь».

А. А. Шахматов — историк русского языка. Печатается по изданию: Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.— Пг., 1920.— Т. 25.— С. 255—267.

Письмо И. В. Сталину. Печатается по изданию: Язык: система и подсистемы.— М., 1991.— С. 287—290.

Письмо найдено в результате археографических разысканий доктора филологических наук Ф. Д. Ашнина и им же подготовлено к печати. В пояснительном комментарии, сопровождающем публикацию, Ф. А. Ашнин пишет:

«Публикуемое ниже письмо хранится в Архиве АН СССР (ААН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. 49). Оригинал не найден ни в Центральном Партийном Архиве ИМЛ при ЦК КПСС, ни в Центральном архиве КГБ СССР. Письмо напечатано на машинке и представляет собой скорее всего 4-й экземпляр, так что текст в значительной степени погас. Оно не датировано, а в том месте, где перечисляются гонимые ученые, содержит пробел длиной в три строки. Время написания приходится скорее всего на начало 1932 г.: именно в это время директорат состоявшего при Наркомпросе РСФСР Научно-исследовательского института языкознания НИЯЗ во главе с воинствующим невеждой Бочачером Марком Наумовичем (1896—1939) учинил форменное избиеие и беспардонное шельмование наиболее квалифицированных ученых — «индоевропейцев» НИЯЗ'а и, через печать, далеко за его пределами.

Вопрос о заполнении пробела значительно труднее. Но если мы вспомним «Поливановскую» дискуссию 1929 года, воинственный Языкфронт, историю советизации Академии Наук в 1929—1930 гг. (интересный материал дает: Т у г а р и н о в И. А. История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в «год великого перелома» // Природа.— 1990.— № 7.— С. 92—101) и в особенности полную политических доносов книжку «Против буржуазной контрабанды в языкознании».— Л., 1932, то сам собою выстроится ряд, взятый мною в скобки < >. Предостережению ученого не вняли. В течение 1933—1934 гг. большинство названных мною ученых было репрессировано по так называемому «делу» академика М. Н. Сперанского по нелепому обвинению в принадлежности к контрреволюционной, национал-фашистской, террористической организации, существование которой позже не подтвердилось (всего по делу проходило более 50 человек). По счастью, Д. Н. Ушаков, ошибочно представленный как Д. И. Ушаков, был включен в список из 36 человек, в отношении которых было признано «необходимым дополнительное расследование и уточнение имеющихся материалов», и, как показывает ЦА КГБ СССР, не все выделенные в «отдельное производство» дела закончились печально. Возможно, объяснение счастливого для автора письма исхода надо искать в том, что у него оказался «двойник» с теми же фамилией, именем и отчеством, но родившийся десятью годами раньше в Симбирске, арестованный УНКВД Курской области и расстрелянный 26.8.1937 г. как «враг народа».

Может быть, уместно напомнить, что, по словам дочери ученого, Натальи Дмитриевны Архангельской, Д. Н. Ушаков, уходя в гости, никогда не забывал наказывать ей: «Если за мной придут, то пусть подождут. Приду тогда-то».

С. 307. ...*Ваше пятое условие...* В 1931 г. И. В. Сталин, перечисляя условия развития советского хозяйства, предлагал: «5. Изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, ... смелее привлекать их к работе» (С т а л и н И. В. Вопросы ленинизма.— М., 1939.— С. 345).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество	8

I. Общее языковедение

Краткое введение в науку о языке	41
Из предисловия к 1-му изданию	—
Глава I. Предварительные понятия о языке и языковедении	42
Глава II. Звуки	48
Глава III. Значения	80
Глава IV. Формы	89
Глава V. Слова	103
Глава VI. Предложение	109
Глава VII. Языки	115
Глава VIII. Происхождение языка. Возникновение и исчезновение языка	125
Глава IX. Жизнь языка	132

II. Современный русский язык. Орфоэпия

Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения	148
Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении. Звук г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время	178
К вопросу о правильном произношении	180
Из стенограммы выступления на заседании сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР 16 февраля 1940 г.	187

III. Современный русский язык. Грамматика

Русский язык. Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению	189
---	-----

IV. История русского литературного языка

Русский литературный язык	207
I. Литературный язык и народный язык	—
II. Происхождение русского литературного языка	211
III. Московский говор как вторая основа русского литературного языка	216
IV. Примеры двух литературных основ в современном литературном языке	222

V. Отклики (Заметки. Выступления. Рецензии)

[Рецензия на книгу М. А. Рыбниковой «Изучение родного языка (заметки и задачи)»]	227
Спорные вопросы в новой программе грамматики	234
Грамматика и орфография в новой программе	243
По поводу статьи Н. Рожкова «О народном языке в школе»	250
Культура языка	254
[Выступление по вопросам лексикографии]	257

VI. Из истории науки

Краткий очерк возникновения Московской Диалектологической Комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904—1914)	261
Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г.— январь 1926 г.)	270
Краткий очерк деятельности лингвистической секции Научно-исследовательского института языка и литературы	280
Воспоминания о Председателе Московской Диалектологической Комиссии академике Ф. Е. Корше	287
А. А. Шахматов — историк русского языка	297
Письмо И. В. Сталину	307

Учебное издание

Ушаков Дмитрий Николаевич

РУССКИЙ ЯЗЫК

Заведующий редакцией *В. Л. Склярова*

Редактор *Г. В. Карлюк*

Художественный редактор *И. В. Короткова*

Технический редактор *Н. А. Киселева*

Корректор *Е. В. Чамаева*

ИБ № 13489

Изд. лиц. № 010001 от 10.10.91. Сдано в набор 24.04.92. Подписано к печати 22.10.93. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. офсетная № 2. Гарнит. Литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,25 форз. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 22,33 + 0,35 форз. Тираж 30 000. Заказ 330.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Комитета Российской Федерации по печати. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

АО «Учебная литература». 117571, Москва, проспект Вернадского, 88. Московский педагогический государственный университет.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Ушаков всегда искал в языке живое и современное, отсюда его постоянный интерес к звучащей речи, к проблеме нормы в орфоэпии и письме, к речи на сцене, к языку художественной литературы. Я бы добавил к этому еще одну черту Дмитрия Николаевича: он был настоящий художник-живописец; он писал маслом, рисовал карандашом, но больше всего любил акварель. Отдыхая осенью в Болшеве, Дмитрий Николаевич привозил оттуда обычно коллекцию своих акварельных рисунков, где особое место занимали "небеса" (и чистые, и с различной причудливой раскраской облаков) и листья... Этот стиль акварельной миниатюры был присущ Дмитрию Николаевичу органически и проявился во всем, будь то лекция, статья, обработка словарного абзаца или забавная поговорка, удачный каламбур или ладно скроенный анекдот.

Дмитрий Николаевич ценил точность и лаконизм, недаром его любимыми писателями были Пушкин и Чехов.

А.А. Реформатский

Он был ученый большой эрудиции, тесно связывающий науку с общественной практикой, вносящий в эту практику научные основы, пропагандирующий науку в доступной форме, но подлинную науку строгой фортуна-товской школы .

Обаятельный облик Дмитрия Николаевича, ученого-общественника, человека широко образованного и высококультурного, всегда живого, энергичного и вместе спокойного, всегда общительного и мягкого в обращении, этот светлый облик сохранится в памяти всех, кто его знал, кто встречался с ним на научном и жизненном пути.

Е.С. Истрина

Дмитрий Николаевич никогда и ни в чем не был консерватором; он только органически не переносил всякую ложь и фальшь, надуманную позу и безответственную фразу. Он готов был всегда приветствовать все новое и свежее, только бы оно было разумно и целесообразно.

Для нас Дмитрий Николаевич был всегда образцом и идеалом учителя, друга, человека и гражданина. Он был самым очаровательным человеком, какого я встречал в жизни: живой, умный, изящный, точный, озорной, и всегда благожелательный — редкое сочетание качеств в одном человеке!

А.А. Рсформатский

